

**ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК**

**ИССЛЕДОВАНИЯ
ПО ЯЗЫКАМ АФРИКИ**

ВЫПУСК 5

Издательство «Ключ-С»
Москва, 2015

УДК 811(6)
ББК 81,2(6)
И88

*Утверждено к печати
Институтом языкознания РАН*

Редколлегия:

В. А. Виноградов (отв. ред.), А. И. Коваль, А. Б. Шлуинский

Исследования по языкам Африки. Выпуск 5: / Институт языкознания РАН; [редколл. В. А. Виноградов (отв. ред.), А. И. Коваль, А. Б. Шлуинский]. – Москва: Ключ-С, 2015. – 342 с.

ISBN 978-5-906751-49-2

В статьях сборника рассматриваются различные вопросы лексики, фонологии, грамматики, синтаксиса, дискурса, стилистики, контактологии языков Восточной и Западной Африки.

Издание рассчитано на специалистов в области африканистики, типологического и общего языкознания.

УДК 811(6)
ББК 81,2(6)

Компьютерная верстка: А.Б. Шлуинский

Подписано в печать 24.11.2015.
Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 21,5.
Тираж 500 экз. Заказ №

Издательство «Ключ-С»
119180, Москва, ул. Большая Полянка, д. 7/10, стр. 3
Тел./факс: (495) 640-87-93

ISBN 978-5-906751-49-2

© Институт языкознания РАН, 2015
© Оформление. Издательство «Ключ-С», 2015

светлой памяти
Ирины Николаевны Топоровой

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
В. А. Виноградов. Просодическая адаптация заимствований в тональном языке: суахилизмы в луганда	10
Н. М. Gblem-Poidi. Analyse componentielle des termes de parenté en ncam	31
Е. В. Головки. Именные классы в языке бага форе: предварительные данные	55
Н. В. Громова. К вопросу о языковой норме в современном суахили	69
М. В. Дьячков. Семантические различия между словами, унаследованными в креольский язык, и их прототипами в языке- лексификаторе	76
М. В. Дьячков. Народы Намибии. Языки немецкий и африкаанс в Намибии	78
Г. Л. Капчиц. К социолингвистической ситуации на юге Сомали	102
А. И. Коваль. Теория и практика аннотирования типологического раритета: анлаутно-корневые чередования в пулар-фульфуйде	118
М. А. Косогорова. Кросспарадигмальная омонимия глагола пулар: типы и методики разрешения	155
А. Д. Луцков, М. Р. Урб. К вопросу о развитии функциональных стилей языка зулу	164
Н. В. Макеева, А. Б. Шлуинский. Именные классы и согласование в языке акебу	174
Н. А. Муравьев. О некоторых служебных единицах с неопределенной категориальной принадлежностью в языке акебу	201
Е. В. Перехвальская. Анафорические средства в традиционном нарративе	222
В. Я. Порхомовский, В. Г. Шешин. База данных и программа анализа терминов родства (KinShIP) в контексте африканской полевой лингвистики	237
И. С. Рябова. Язык зулу: приемы счета и исконные числительные	258
Ю. Г. Суегина. Именные фразеологизмы с глагольным компонентом в языке хауса	284
A. Suzzi Valli. Maaka oral tradition and comparative linguistics, instruments for reconstructing the past in north-eastern Nigeria	288
И. Н. Топорова. К истории языка лингала	298
С. Д. Фенуку, А. Б. Шлуинский. Глагол 'брать' как объектный маркер в языке эве	315

ПРЕДИСЛОВИЕ

Основу очередного (пятого) выпуска «Исследований по языкам Африки», издающихся отделом африканских языков Института языкознания РАН, составили статьи, основанные на докладах лингвистической секции XIII конференции африканистов, которая прошла в Москве 27-30 мая 2014 года. «Весенние» московские конференции африканистов проводятся Институтом Африки РАН каждые три года. Заседания лингвистической секции этой конференции традиционно имеют относительно автономный статус и проходят в Институте языкознания РАН, а организацию работы этой секции берут на себя сотрудники отдела африканских языков.

К участию в сборнике были приглашены все участники лингвистической секции, однако не все из них нашли возможность представить статьи для публикации, причем в ряде случаев тематика публикуемых статей в большей или меньшей степени отличается от исходной тематики докладов. В то же время в сборник вошли статьи целого ряда коллег, с докладами на конференции не выступивших. В свете сказанного данный сборник можно считать во многом самостоятельным изданием, для которого конференция явилась лишь отправной точкой.

Сборник содержит 19 статей, которые охватывают самый широкий круг тем; воздерживаясь от попыток классифицировать их по условным тематическим рубрикам, мы расположили их, исходя из алфавитного порядка фамилий авторов. Тем не менее, можно дать общую краткую характеристику содержания предлагаемой публикации.

Прежде всего, нужно сказать о генетической принадлежности рассматриваемых языков. Традиционно широко охвачены языки группы банту: контактам внутри этой группы посвящены статьи В. А. Виноградова (ИЯз РАН) и И. Н. Топоровой (ИЯз РАН), языку суахили – статья Н. В. Громовой (ИСАА МГУ), языку зулу – статьи И. С. Рябовой (ИЯз РАН) и А. Д. Луцкова (ИЯз РАН) – М. Р. Урб (ИСАА МГУ). Афразийские языки служат фактическим материалом в статье В. Я. Порхомовского – В. Г. Шешина (оба – ИЯз РАН), языку хауса посвящена статья Ю. Г. Суетиной (ИСАА МГУ), диалектам языка сомали – статья Г. Л. Капчица (ГРК «Голос России»), малоизученному чадскому языку маака в сопостав-

лении с близкородственными языками – статья А. Судзи Валли (Университет Неаполя, Италия). Из атлантических языков статья-ми А. И. Коваль (ИЯз РАН) и М. А. Косогоровой (ИСАА МГУ и ИЯз РАН) представлен язык пулар-фульфульде, а статьей Е. В. Головки (Болонский университет, Италия) – малоизученный язык бага форе. Из языков ква особое внимание уделено малоизученному языку акебу, ставшему предметом недавних экспедиций, – он обсуждается в статьях Н. А. Муравьева (филологический факультет МГУ) и Н. В. Макеевой – А. Б. Шлуинского (оба – ИЯз РАН), а кроме того, в статье С. Д. Фенуку (Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина) – А. Б. Шлуинского рассматриваются данные языка эве. Семья манде представлена в сборнике языком муан в статье Е. В. Перехвальской (ИЛИ РАН), а семья гур – языком нчам, которому посвящена статья О. Гблем-Пуади (Университет Ломе, Того). Наконец, в статьях М. В. Дьячкова (ИЯз РАН) обсуждаются креольские языки и германские языки Намибии.

Если говорить о лингвистической тематике, то она также крайне широка. Целый ряд статей так или иначе затрагивает проблемы лексики: соотношение лексического значения в креольских языках и языках-лексификаторах обсуждается в статье М. В. Дьячкова («Семантические различия...»), фразеологизмы в статье Ю. Г. Суетиной, базисная лексика в контексте сопоставления с родственными языками в статье А. Судзи Валли, термины родства в статьях О. Гблем-Пуади и В. Я. Порхомовского – В. Г. Шешина, причем в последнем случае фокус внимания авторов сосредоточен не на описании систем родства конкретных языков, а на разработанной ими компьютерной системе для обработки баз данных по терминам родства. В статьях В. А. Виноградова и А. И. Коваль обсуждаются проблемы фонологии и морфонологии – в одном исследуется адаптация заимствований в тональном языке, а в другом разрабатывается аннотация морфологически мотивированных чередований. В ряде статей обсуждаются проблемы грамматики: системы именных классов в статьях Е. В. Головки и Н. В. Макеевой – А. Б. Шлуинского, система числительных в статье И. С. Рябовой, сериальные глагольные конструкции в статье С. Д. Фенуку – А. Б. Шлуинского, морфосинтаксическая дистрибуция служебных слов в статье Н. А. Муравьева, организация глагольной парадигмы в контексте автоматического анализа в статье М. А. Косогоровой.

Е. В. Перехвальская обращается к структуре нарратива и средствам поддержания референции, а Н. В. Громова и А. Д. Луцков – М. Р. Урб – к проблемам стилистики и функциональных стилей языка. Наконец, в трех статьях сборника языковая система рассматривается в ее совокупности: М. В. Дьячков (в статье «Народы Намибии...») дает обзор специфических черт региональных вариантов немецкого и африкаанс языков в Намибии; И. Н. Топорова сопоставляет систему языка лингала, возможное контактное происхождение которого остается предметом дискуссий, с системой языка ибоко, который является одним из возможных источников; наконец, в статье Г. Л. Капчица отражен опыт автора по установлению диалектной принадлежности речи носителей языка сомали по совокупности их системных черт.

* * *

Мы посвящаем этот сборник памяти Ирины Николаевны Топоровой (1940-2015), так неожиданно ушедшей от нас во время его подготовки. С кончиной Ирины Николаевны отечественная бантуистика понесла очень тяжелый удар, от которого еще долго не оправится, и лишилась своего флагамена. А члены коллектива отдела африканских языков, которым довелось работать вместе с Ириной Николаевной, будут всегда помнить ее мудрость, неизменную доброту и человеческое тепло.

Редколлегия

ПРОСОДИЧЕСКАЯ АДАПТАЦИЯ ЗАИМСТВОВАНИЙ В ТОНАЛЬНОМ ЯЗЫКЕ: СУАХИЛИЗМЫ В ЛУГАНДА¹

Вводные замечания

Обсуждая вопрос о последствиях языковых контактов, Р.О. Якобсон отметил, что «заимствования сами по себе не изменяют фонологического строя языка; лишь ассимиляция этих заимствований *способна* внести в него новые элементы» [Якобсон 1985: 98] (курсив наш – В.В.). Обратим внимание на модальность этого утверждения: оно относит упомянутое явление не к плоскости необходимости, а к плоскости возможности. В еще большей степени такая модальность уместна применительно к явлениям суперсегментного уровня (просодического строя языка), где мы имеем дело с сущностями, не образующими столь же осязательно отдельных единиц, как звук, фонема, слог, морфема, слово, предложение. И тем не менее в процессе заимствования, опорной единицей которого является слово, ассимиляция последнего охватывает все стороны – от семантики до просодики.

Есть глубокое внутреннее родство между двумя разнонаправленными процессами, обычно рассматриваемыми вне связи друг с другом – языковым заимствованием и речевой интерференцией, присущей ситуации изучения неродного языка. В основе того и другого лежит фактор контакта языков, что впервые (1953 г.) ясно показал У. Вайнрайх, обосновав возможность описания этих явлений в одном ключе [Вайнрайх 1979]. Но принципиальное различие между ними состоит в том, что мы назвали бы *векторами усвоения*: изучая неродной язык, индивид стремится усвоить чужое слово максимально близко к оригиналу и свести к нулю *акцентную ауру* со стороны родного языка; заимствуя же слово из другого языка, говорящие стремятся свести к нулю его

---

¹ Работа выполнена в рамках гранта РФНФ № 14-04-00488 «Языковые контакты в Африке».

ауру инородности, подвергая слово максимальной ассимиляции (не всегда, впрочем, достигаемой). В обоих случаях человек присваивает новое слово, но в одном случае стремясь стать своим среди чужих, а в другом – растворяя чужое в своем. В особых и сравнительно редких случаях наблюдающееся со стороны говорящего «стремление сохранить оригинальное звучание заимствованных единиц зависит, по-видимому, от индивидуальных и социокультурных факторов» [Вайнрайх 1979: 58].

В связи с разграничением двух векторов усвоения иноязычных слов примечателен факт использования в обоих дискурсах одних и тех же базовых терминов на *-изм* типа *русизм*, *германизм*, *галлицизм*, *арабизм* применительно и к характеристике элементов иностранного или диалектного акцента в речи, и к характеристике источника заимствованного слова. На это обратил внимание Б. Мильборини в давней статье в связи с термином «галлицизм», подчеркнув важный смысловой нюанс при его употреблении в контексте описания особенностей произношения: в нем ощущается присутствие отрицательной оценки, иногда даже получающей эксплицитное выражение в определениях галлицизма [Мильборини 1972: 74]. Такие смысловые коннотации подобных терминов объясняются обычным, часто негативным отношением вообще к акцентной (не соответствующей норме) речи людей, не вполне овладевших тем или иным языком. Но совершенно естественно, что в контексте обсуждения языковых контактов и заимствований указанные термины лишены всяких отрицательных коннотаций, обозначая исключительно языковой (культурный, географический) источник иноязычной единицы.

Акцентная и тональная просодика

Исследователи, имевшие дело с языками разной просодической типологии, отмечали своеобразие аккомодации на суперсегментном уровне. Для общей теории заимствований (равно как и для компаративных исследований) просодическая типология предоставляет как рамки сопоставления, так и инструментарий описания межъязыковых сближений и расхождений. В связи с этим можно вспомнить о дихотомической типологии Н.Н. Дурново, предложенной им (1927 г.) для сравнения славянских ударений –

монотоническое vs. политоническое. Монотоническое ударение определяется как «такое, в котором различия в интонации не являются этимологически значимым элементом слова [т.е. не фонологичны – В.В.], а могут иметь лишь синтагматическое значение (как значимый элемент фразы); такое ударение я противопоставляю ударению политоническому, где различия в интонации являются значимым элементом не только фразы, но и отдельного слова» [Дурново 1969: 134].

Эта простая и ясная просодическая дихотомия могла бы остаться частным, малозначимым фактом славянской исторической акцентологии, если бы не была воспринята, теоретически подкреплена и распространена на разные языки Р.О. Якобсоном, представившим ее как основу просодической типологии в двух работах 1931 года [Jakobson 1931; Якобсон 1971]. Вот как объемно определяется в одной из них обсуждаемое явление: «Если движение высоты голосового тона принимает в языке различные направления, и противопоставление этих направлений способно дифференцировать значения слов, то мы, вслед за Дурново, называем такой язык политоническим. К разряду политонических относятся и те языки, в которых фонологически различаемые мелодии ограничиваются пределами слога (т.е. музыкальное слогу-ударение), и те, где взаимно противопоставлены мелодии целых слов – без точной слоговой локализации», и далее отмечается: к разряду политонических относятся «и языки с корреляцией “гласные, прерванные в середине или в конце гортанной смычкой – гласные без гортанной смычки”. Эта “прерывная” корреляция может рассматриваться как модификация мелодической» [Якобсон 1971: 156-157, 158]¹. Просодическая теория Якобсона в таком виде естественно пополнилась двумя сформулированными им ранее законами (фактически звучащими как универсалии), регулиующими соотношение в одной языковой системе значимого свободного динамического ударения и количественной (долготной) корреляции гласных [Якобсон 1923: 23-24].

---

¹ Якобсон говорит: «вслед за Дурново», но у последнего нет такого развернутого понимания дихотомии «монотония – политония», как нет и деления языков на два широких класса, как у Якобсона.

Дихотомическая типология с опорой на некоторый просодический признак (звуковысотный, мелодический, количественный, динамический) позволяет разграничить два класса языков.

А. Языки с обязательным и единственным в слове слогом, несущим маркированное значение этого признака, что выделяет таковой слог на фоне прочих слогов, характеризуемых немаркированным значением признака (например, русское словесное ударение, маркирующее один слог слова как обладающий большей интенсивностью и длительностью).

Б. Языки, в которых одно из указанных условий (или оба одновременно) не выполняются, т.е. единственность и обязательность в слове одного слога с маркированной просодемой не актуальны. Этот класс характеризуется значительным разнообразием относящихся сюда просодических систем, которые можно распределить по следующим подклассам.

Б1. В слове имеется один ударный слог, но его выделенность может обеспечиваться не только маркированным, но и немаркированным значением просодемы, которая в этом случае приобретает смысловозначительную функцию. Таково, в частности, музыкальное ударение, воплощаемое в двух разновидностях – восходящей и нисходящей, а при использовании также признака длительности ударных гласных – в четырех (ср. разновидности ударения в сербскохорватском языке: долгое восходящее – *mléko* ‘молоко’, краткое восходящее – *dòbgo* ‘хорошо’, долгое нисходящее – *nàvika* ‘привычка’, краткое нисходящее – *mrèža* ‘сеть’; акцентные оппозиции типа *grād* ‘город’ – *grād* ‘град’, *sédeti* ‘сесть’ – *sèdeti* ‘сидеть’). Именно этот тип просодики имел в виду Дурново, говоря о политонии.

Б2. В слове каждый слог имеет просодический признак – тон, который может быть как маркированным, так и немаркированным, т.е., например, высоким или низким, восходящим или нисходящим, выраженным или невыраженным (нейтральным, как в пекинском китайском, или средним, как в некоторых языках Африки); возможны и более специфические тоновые противопоставления, как «высокий – высокий пониженный» (High – Downstepped High, H : ¹H), что мы видим в ряде грассфилдских языков. При этом в слоговой структуре слова либо отсутствует выделенный слог (как в только что упомянутых языках – подвид Б2.а),

либо среди обладающих тоном слогов слова один может быть выделен динамически (посредством интенсивности), как в луганда и ряде других языков банту (подвид Б2.б). Класс Б2 – это именно то, чем Якобсон пополнил политонию Дурново.

Дихотомия Дурново-Якобсона четко отграничивает языки с динамическим ударением (акцентом) от прочих, в которых соседствуют политонические языки с музыкальным ударением и политонические языки с тонами; для их разграничения вполне достаточно использовать простые термины «акцентные» – «тональные». Но в лингвистической практике эти два термина, получившие широкое распространение и, в сущности, вытеснившие дихотомию «монотонические – политонические языки», разграничивают языки с ударением (динамическим, музыкальным) и собственно тональные (*langues à accent vs. langues à ton*). Такое понимание указанных терминов отражено, например, в известном труде А. Мартине [Martinet 1965: 79-86] (а еще раньше – [Martinet 1954]) и развито в исследовании П. Гарда, посвященном акцентным языкам [Garde 1968].

В этой дихотомии акцентных и тональных языков (для многих случаев достаточной) не находится, однако, места для языков смешанной просодики, в которых при наличии слоговых тонов имеется также динамическое ударение – обычно фиксированное. Поэтому не удивительно, что с некоторых пор в африканистике (имеющей дело как раз и с такими языками) начался пересмотр просодической типологии, неизбежно приводящий к уточнению основных положений теории просодики и среди них – вопроса об отличиях тоновой системы от акцентной¹. Как отмечали редакто-

---

¹ Разумеется, не только африканисты ставили такие вопросы, приобретавшие особую остроту применительно к языкам, в которых возможно более одного или ни одного ударения в слове – ударения на основе высоты голосового тона, ср. [Pike 1974]. В частности, Ю. Пайк обращает внимание на такой характерный признак, как соотношение высоты тона (*high pitch*) с ближайшим фонетическим окружением: если повышение тона маркирует ударение, то оно определенным образом воздействует по крайней мере на несущие его гласные; если же *high pitch* является дифференциальным признаком тона, то скорее последний подвергается воздействию фонетического окружения (в терминах Московской фонологической школы – позиции). Поэтому ударные гласные обычно удлиняются, тогда как высокий тон не превышает по длительности низкий тон [Pike 1974: 169].

ры одного коллективного труда по просодии, «*tone is the most ambiguous word in the prosodist's lexicon*» [Cutler, Ladd 1983: 145], и именно эта неоднозначность, двусмысленность термина «тон» стала отправным пунктом нового подхода к трактовке тоновых систем в сопоставлении как их «эталонных» и рецессивных типов между собой, так и тоновых и акцентных систем в целом.

Особенно активно эти исследования развернулись с 1970-х гг., и одним из предварительных итогов стало введение новой просодической категории – «ограниченная тоновая система» (*restricted tone system*), которая лежит на границе между чисто акцентными и чисто тональными системами и описывается на основе более общего понятия *выделенности* (*prominence*) [Voorhoeve 1973]. Такая система предполагает наличие одного выделенного слога в слове, который фонетически маркируется высоким тоном, и, вне всякого сомнения, она представляет собой переходный тип от «неограниченной» тоновой системы; система ограниченного типа впервые была убедительно показана Воорхуве на примере языка сафва (банту М.25, Танзания). С другой стороны, при определенном подходе такая просодическая система может определяться как акцентная, к чему подталкивала, в частности, концепция авто-сегментной фонологии и непосредственно работы Дж. Голдсмита. В этом русле проведено исследование Д. Оддена [Odden 1985], внесшего вообще значительный вклад в описание и интерпретацию тональных систем языков банту. В указанной работе Одден приходит к заключению, что исследуемый в ней язык киматуумби (Р.13) является акцентным и что он стал таким в ходе своей эволюции из исходного языка – протобанту, который был типичным тональным (имеется в виду тот облик протобанту, который сложился на основе реконструкций М. Гасри и А. Мееюссена). Одновременно Одден особо останавливается на вопросе об отличиях тона от акцента (*pitch-accent*), а последнего – от ударения (*stress*)¹,

---

¹ Надо сказать, что в литературе по фонетике и акцентологии, особенно за пределами африканистики, «акцент» и «ударение» обычно употребляются как синонимы (иногда с разграничением их по способу фонетического воплощения). Тем знаменательнее на этом фоне выглядит просодическое описание русского языка В. Лефельдта, опирающееся на два связанных, но различных понятия акцента и ударения, которые в общем плане соотносятся с лексико-грамматической парадигматикой в противоположность синтакти-

подчеркивая при этом, что автосегментный подход обеспечивает наиболее надежную основу для успешного продвижения вперед [Odden 1985: 396-398].

Однако спустя 13 лет на симпозиуме по проблемам тона, проходившем в Токио в декабре 1998 г., Д. Одден выступил с докладом, содержащим уже совсем иные утверждения, начиная с признания автосегментного подхода неудачным для решения вопросов о системах тона и акцента, по крайней мере, применительно к африканским языкам, в особенности банту. Общий же вывод состоит в том, что «не кажется, будто из языков банту приходят очень сильные аргументы в пользу отдельной категории ‘акцента’» и что «невозможно с определенностью разделить языки по категориям ‘языки с ударением’ (stress languages) и ‘тоновые языки’ (tone languages)» [Odden 1999: 189] – и это при том, что в данной работе дается тщательнейший анализ различий между ударением и тоном.

Таким образом, проведенные серьезные исследования пока не привели к ясному и общепринятому решению обсуждаемого вопроса. В такой ситуации традиционное противопоставление тональных и акцентных языков («акцент» в данном случае объединяет более тонкие различия между stress accent и pitch accent) не потеряло своей операциональной значимости и может использоваться, когда речь идет об оценке просодических типов языков в первом приближении («с высоты птичьего полета»). Такая оценка вполне достаточна и в нашем случае – при общей просодической характеристике языков, участвующих в контактах.

Столкновение просодий в ситуации языкового контакта

При изучении языковых контактов и инноваций, обусловленных ими, обычно в центре внимания находятся лексические заимствования, их возможная семантическая модификация и фонетическая ассимиляция в языке-реципиенте. Менее изучена просодическая аккомодация как первый шаг натурализации иноязычного слова. Наблюдения показывают, что пока чужое слово имеет

ко-речевой синтагматике, или, говоря иначе, акцент и ударение функционально различны в такой же мере, как различны слово и словоформа, см. [Лефельдт 2006: 27-28].

фонетический облик, противоречащий нормам данного языка, оно не воспринимается как свое. И можно полагать, что именно просодический контур слова в первую очередь улавливается фонетическим слухом говорящих. Например, носители русского языка всегда замечают в русской речи иностранца ошибки в ударении, но далеко не всегда ошибки в артикуляции отдельных звуков. Поэтому не будет большим преувеличением предположить, что вхождение иноязычного слова в язык-реципиент начинается с *просодической натурализации* лексического заимствования как первого шага в присвоении чужеродного языкового материала, который в противном случае рискует остаться в восприятии говорящих фонетическим варваризмом¹. Характер же и механизм такой натурализации зависит от типологического соотношения просодий в языке-доноре и языке-реципиенте, начальная оценка которых может производиться в терминах акцента и тона.

Исследование заимствований в этом направлении предполагает четыре возможных ситуации:

- 1) заимствование из акцентного языка в акцентный (АЯ → АЯ);
- 2) заимствование из тонального языка в тональный (ТЯ → ТЯ);
- 3) заимствование из акцентного языка в тональный (АЯ → ТЯ);
- 4) заимствование из тонального языка в акцентный (ТЯ → АЯ);

---

¹ Принцип просодической натурализации, как можно думать, широко присущ разным языкам. Вспомним хотя бы давнее наблюдение относительно немецкого языка: «В заимствованных словах одним из существенных признаков фонетического освоения является перенесение ударения на первый (корневой) слог. Такому освоению с последующей частичной редукцией неударных слогов подверглись все древнейшие латинские заимствования. Ср. лат. *fenestra* > нем. *Fenster* 'окно', ..., лат. *catena* > *Kette* 'цепь'» [Жирмунский 1965: 159]. Но если такое акцентуирование заимствований естественно вытекает из характера немецкого ударения (неподвижное на первом корневом слоге), то тем более любопытны колебания в постановке ударения в незнакомых иностранных словах русскими говорящими без высшего образования, т.е. такие случаи, как *ра́бат* ~ *раба́т*, *а́ллод* ~ *алло́д*, *ро́танг* ~ *ротан́г* (первая форма во всех парах существенно преобладает) [Николаева 1971: 68]. Из анализа Т.М. Николаевой можно сделать вывод, что в подобных случаях (когда язык-источник неизвестен, как неизвестно и значение слов) просматривается определенная связь между фонетическими характеристиками слоговых составляющих (в первую очередь гласных, но отчасти также согласных) и местом ударения.

(в отношении акцентных языков не лишен смысла вопрос, дают ли, например, арабский, суахилийский или английский прототип одинаковый просодический рефлекс в ТЯ).

Примеры таких ситуаций демонстрируют следующие пары языков, связанные отношением заимствования (язык-источник → язык-реципиент):

- 1) арабский → суахили;
- 2) ньоро → луганда;
- 3) суахили → луганда;
- 4) хауса → сонгай-короборо.

Простое или осложненное решение просодического конфликта между своим и чужим зависит, конечно, от степени расхождения просодики дающего и принимающего языка, но даже при контакте языков одного просодического типа, например, акцентных, не обходится без указанной натурализации, которая может состоять в изменении динамического контура слова. Простым примером может служить освоение русским языком многосложных (более трех слогов) англицизмов, имеющих акцентно-динамический контур ...2131... (3 – максимально сильный слог) в отличие от аналогичного контура русских слов ...1231..., как в *distribútor* / дистрибью́тор или *mònitóring* / монитóринг. Анализ различных случаев просодической подгонки заимствованных слов сулит порой неожиданные «решения», которые трудно предвидеть чисто теоретически, как это демонстрирует исследование К. Гуффе, одно из пионерских в африканистике в области просодики заимствований, посвященное галлицизмам в нигерском хауса (тональный язык; по словам Э. Вольфа, «принадлежность хауса к тональным языкам сегодня неопровержима» [Wolff 1993: 65]). Гуффе обнаружил, что французский ударный слог (последний в слове или синтагме) в заимствованных словах в хауса просодически оформляется чаще всего тоновой комбинацией В + Н (высокий тон + низкий тон) [Gouffé 1971: 445], например: фр. *vélo* > х. *bèeloò* ‘велосипед’, фр. *gâteau* > х. *gáatoò* ‘пирожное’, фр. *mairie* > х. *mèerii* ‘мерия’, фр. *café* > х. *kàrèè* ‘кафе’, *cinéma* > *silimaà* ‘кино’. А в основе механизма этой просодической трансформации лежит установленный фонетистами факт несовпадения во французском признаков интенсивности и высоты тона в ударном слоге: он произносится с большей силой, но сопровождается понижением тона. Именно эту тональную характеристику ударности уловил во французском произношении хаусан-

ский фонологический слух, настроенный на тон, а отразилось это в виде циркумфлексного движения тона в последнем слоге заимствованного слова.

Ниже речь пойдет о просодической натурализации суахилизмов в луганда. Эти два языка с полным правом можно разграничить (в рамках вышеозначенной оговорки о «птичьем полете») как акцентный и тональный. При этом характеристика суахили как акцентного ни у кого не вызовет возражения: как сказано в классическом учебнике этого языка, «ударение, сопровождаемое долготой и падающим тоном, лежит обычно на предпоследнем слоге слова или фразы» [Ashton 1956: 5] (хотя и с некоторыми отклонениями, преимущественно в арабских заимствованиях, ср. [Vitale 1985]), тогда как отнесение луганда к тональным языкам не может не вызвать по крайней мере комментариев. Достаточно сослаться на давнее предположение Дж. Макколи об акцентном характере тона в луганда [McCawley 1970], что вызвало оживленную многолетнюю дискуссию среди африканистов не только в связи с просодикой в луганда, но и на более широком фоне языков банту. Однако здесь нет возможности на этом останавливаться, так как число мнений, возражений и поправок относительно тона в языке луганда слишком велико и неизбежно уведет в сторону от основной темы (анализ некоторых теоретических интерпретаций лугандийского тона см. в [Human, Katamba 1993], где вновь сравниваются акцентный и тональный подходы, причем авторы склоняются к первому, но в несколько модифицированном представлении).

Суахилизмы в луганда: просодическая натурализация

Тоновая система в луганда обладает свойством, известным и ряду других языков банту: имя и глагол существенно различаются тонологически. В отношении существительных можно говорить о проявлении лексического тона в связи с некоторыми парами лексем, различающихся лишь тоновым контуром слова типа *kibàla* ‘фрукт’ – *kibalà* ‘пятно’, *kùwola* ‘давать в долг’ – *kùwolà* ‘холодать’, *mùzinzi* ‘налетчик, участник набега’ – *mùzînzî* ‘сила, мощь’ (примеры даются по [Snoxall 1967], где слова, в отличие от [Murphy 1972], тонированы, но указаны лишь низкий и нисходящий

тон; отметим, что инфинитивы относятся к существительным и имеют свой именной класс). В глагольных словоформах представлена просодика, заслуживающая наименования акцентной или, по крайней мере, переходной от тоновой к акцентной, с явной тенденцией маркировать парадигмы и подпарадигмы в системе спряжения (см. о некоторых наблюдениях этого рода в [Виноградов 2002]). Но среди суахилийских заимствований существенно преобладают, как это часто случается, именно существительные, поэтому можно сосредоточиться главным образом на них.

В лексиконе луганда существительные представлены морфологически полной формой, состоящей из префиксной части <(НГ) + ПК> (где НГ – начальная гласная, или аугмент, или пре-префикс; ПК – показатель класса) и основы, прототипически имеющей структуру <-CVCV>. Каждое из этих С может фонетически представлять собой как простой согласный, так и преназализованную комбинацию mC, nC, глайдированную комбинацию Cy, Cw, а также геминированный CC, за исключением r, l, m, n; гласные могут быть краткими и долгими: V/VV. Глагол имеет исходную форму <-CVCa>, допускающую формообразовательное грамматическое распространение влево и вправо.

Ударение в луганда, выражаемое динамически (сила, громкость), располагается на первом слоге основы. Что касается тонового контура существительных, то в известной грамматике четырех авторов для описания именного тона предлагается различать два тоновых класса слов, различающиеся моделью (pattern) тонового контура, причем подчеркивается, что эти классы покрывают все глаголы и, за некоторым исключением, большинство существительных [Ashton et al. 1954:5]. А. Мееюссен, правда, выделял для существительных луганда три класса, но его схема была нацелена на рассмотрение тоновых соответствий в банту и уточнение рефлексов тоновых архетипов протобанту по реконструкциям Дж. Гринберга и М. Гасри [Meeussen 1976], поэтому при анализе заимствований можно воспользоваться более простой схемой указанных авторов.

С каждым из двух тоноклассов (ТК) соотносятся две схемы тонового контура слова в зависимости от употребления полной формы имени (с НГ) или усеченной (без НГ); эти схемы наглядно иллюстрируются на примере имен-инфинитивов, ср. ò-ku-loga ‘колдовать; лечить’ (ТК-I) – kù-loga; ò-ku-koowa ‘уствовать’ (ТК-I)

– kù-koowa ~ ò-kù-nonà ‘приводить, приносить’ (ТК-II) – kù-nonà; ò-kù-teèka ‘класть, помещать’ (ТК-II) – kù-teèka. Суть данной тонологической модели состоит в том, что в ТК-I представлен лишь *один низкий тон* в слове, размещенный на префиксной части (на НГ, а при ее отсутствии на ПК), а в ТК-II представлен лишь *один высокий тон* в слове и локализуется он на основе – обычно на ее первом слоге, а если гласный в нем долгий, то на первой море этого гласного.

Иными словами, в ТК-II основа существительного должна быть так или иначе маркирована *нисходящим тоновым квантом* В&Н (высокий тон & низкий тон) – либо в смежных кратких слогах, либо в смежных морах долгого слога. При этом, если гласный долог позиционно (когда гласный находится перед сочетанием mC, nC или после сочетания Cy, Cw) и графически не обозначается (посредством удвоения), нисходящий тон передается знаком циркумфлекса (â, что фонетически означает aâ = ВН). Например: (â)-kà-wegè ‘новорожденный, младенец’ = Н-Н-{В-Н}, (è)-ki-tuùti ‘земляная платформа’ = Н-Н-{В-Н}, (è)-ki-tùndi ‘часть, порция, половина’ = Н-Н-{В-Н}; если нисходящая тоновая конфигурация приходится на долгий слог, конечный слог является низко-нейтральным, в тоновом отношении незначимым, но бывают отступления от этого правила.

Обращаясь далее к суахилийским заимствованиям, мы можем ожидать, что их просодическая натурализация (говорят также о *лугандаизации*) состоит в отнесении каждого из них к одному из указанных тоновых классов посредством вложения каждого иноязычного слова в соответствующий тоновый контур, чему предшествует устранение исходного акцентного контура (примерно так и описывает механизм лугандаизации заимствований угандийский лингвист Л. Валусимби, отмечающий, что «тон для луганда – это то же, что ударение для английского» [Walusimbi 2000: 713-714]). В суахили ударение связано со *слоговой* структурой слова, локализуясь (за некоторыми исключениями) на предпоследнем слоге, в луганда же оно связано с *морфологической* структурой слова и находится, как было сказано, на первом слоге основы. В соответствии с бантуистической традицией, основой существительных считается часть слова, остающаяся после исключения префикса именного класса (в том числе нулевого), а в

луганда – всей префиксной части, включающей также начальную гласную; например (подчеркнут ударный слог): òtu-gabo ‘часть, доля’, òlù-kwè ‘ресница’, èki-kulumu ‘селезенка’, [Ø]lùkwâta ‘водяное чудовище’ (здесь [Ø] – нулевой префикс 1a класса). Впрочем, ввиду преобладания основ типа -CVCV лугандийское ударение на первом слоге основы часто совпадает с суахилийским ударением на предпоследнем слоге слова, ср. суах. utambi ‘шнур, фитиль’ – луг. lu-tambi ‘фитиль лампы’.

Анализ суахилийских заимствований в луганда показывает, что они не равномерно распределяются между двумя тоновыми классами. Число лексем, оформленных по ТК-I, и число лексем, оформленных по ТК-II, соотносятся примерно как 1:4. Это обстоятельство явным образом вступает в определенное противоречие с выводом М. Моши об отсутствии какой-либо корреляции между ударением в суахили и тоном в луганда [Mosha 1971: 297], так что еще предстоит выяснить, есть ли связь между акцентной просодикой суахилийского слова и тональной просодикой его лугандийского отображения. При этом в обоих тоновых классах преобладают лексемы с нормативным тоновым оформлением, обладающие основой типа -CVCV. Некоторые из них (и нередко) являются арабизмами по происхождению, прошедшими в большей или меньшей степени просодическую и фонетическую суахилизацию. В отдельных случаях констатируется персидский или индийский источник суахилизма, столь же редки суахилийские заимствования английского происхождения, подобные луг. ènkâmbi (ñkâmbi) ‘лагерь’ < суах. kambì < англ. camp (это заимствование стало в луганда омонимом к уже имевшемуся ènkâmbi ‘глоток’). Редкость англицизмов среди суахилийских заимствований можно объяснить тем, что луганда сам активно принимал слова из английского языка, который в Уганде всегда воспринимался как более престижный (о языковой ситуации в Уганде и о функциональном соотношении английского и суахили в колониальный и постколониальный периоды см. [Виноградов 2012]).

Рассмотрим примеры заимствований, относящихся к ТК-I и отмеченных как таковые в словаре [Snøxall 1967]; арабскими цифрами обозначены именные классы в соответствии с принятой в бантуистике нумерацией. Для луганда указываются формы с начальной гласной и без нее; ПБ – протобанту.

Луг. òlutambi, lùtambi 11 ‘фитиль лампы’ – суах. utambi 11 ‘шнур, фитиль’.

Луг. èkirewu, kirewu 7 ‘борода, усы, баки’ – суах. kidevu 7 ‘подбородок’, ndevu 10 ‘борода’. В лугандийской форме грамматически и семантически контаминировались два суахилийских слова, если считать, что здесь имеет место заимствование. Однако не исключено, что луг. kirewu и суах. kidevu – это параллельное (и вполне ожидаемое) развитие из ПБ *-dèdù 7/8 ‘подбородок’ [Guthrie 1971] или *-dédú [Meeussen 1980]. Но в этом случае можно предположить семантическое влияние со стороны суах. ndevu.

Луг. èmpeta, mpeta 9 ‘кольцо (обручальное); гайка’ – суах. pete 9 ‘кольцо, обод’.

Луг. òmufuko, mùfuko 3 ‘колчан для стрел’ – суах. mfuko 3 ‘карман, сумка, кошель’.

Луг. òmudumu, mùdumu 3 ‘ствол (ружья); кувшин’ – суах. mdumu 3 ‘кубок, чарка, кружка, металлический кувшин, котелок’. Так даны значения в словаре Снокселла, но разумнее считать, что значение «ствол» развилось позже «кувшина»; в словаре Мерфи при этом слове указаны значения «кувшин, трубка, ствол» [Murphy 1972].

Луг. èmbiò, mbiò 9 ‘скорость’ – суах. mbiò 9 ‘бег, скорость’. О случаях типа появления -iò на месте суахилийского -iò см. [Виноградов 2013].

Луг. èkizimu, kizimu 7 ‘пряжка, пояс с пряжкой’ – суах. bizimu 9 ‘пряжка, застежка-молния, брошь’. Это пример арабизма (ар. ’ibzīm[un]), который в суахили, как и многие другие арабизмы, включается в 9 класс с нулевым префиксом. Обычно имена 9 класса при заимствовании сохраняют в луганда свой класс, однако в данном случае мы видим перемещение суахилийского слова в 7 класс с навязыванием ему не существовавшего показателя класса (e)ki-. В луганда суах. bizimu претерпело морфологическое переразложение, спровоцированное анлаутом bi-, который автоматически был осмыслен как показатель множественного числа для имен 7 класса (²ebi-zimu), откуда путем обратной грамматической деривации появляется соответствующая форма единственного числа eki-zimu, которая своим появлением легитимизировала изначально ошибочную форму ebizimu. Надо добавить также, что в лексикосемантическом плане это заимствование создало омо-

нимию с ранее существовавшим словом ekizimu 7 ‘вихрь пыли, смерч’.

Луг. èssuula, šsuula 9 ‘глава (книги)’ – суах. sura 9 ‘глава, сура’ (ар. sūra). Необычность приведенной формы существительного в том, что при наличии начальной гласной нет основного префикса 9 класса n-, а представлен вариативный нулевой префикс, так что полное морфонологическое представление данной формы выглядит как <èØ-ssuula>. Внешним видом это существительное неотлично похоже на имена 5 класса с геминированным консонантным анлаутом и низким тоном на первом компоненте геминаты, ср. (è)šsuubi 5 ‘надежда’, но принадлежит (на основании согласования) к 9 классу. Следовательно, анлаут es- в èssuula, в отличие от es- в èssuubi, не является морфологическим вариантом показателя 5 кл. egi-/li- (ср. èriiso, liiso ‘глаз’).

Аналогичным образом анализируется луг. èddakiika, ðdakiika 9 ‘минута’ – суах. dakika 9 ‘минута’ (ар. daqīqa). Здесь, как и в предыдущем примере, долгий гласный может объясняться отражением живого суахилийского произношения, имитирующего исконную долготу оригинала.

Луг. kalanga 9 ‘земляной орех’ – суах. karanga, kalanga 9 ‘земляной орех’. Форма в луганда выглядит просодически аномальной, но если приписать ей нулевой префикс с мнимым низким тоном (Ø-), то получается вполне нормативная формула основы ТК-I: (H)-B-B-B. Так же надо представлять и бывшее некогда в употреблении луг. dadu 9 ‘игральные кости’ – суах. dadu, dado 9 ‘игра в кости’ (порт. dado), т.е. как <Ø-dadu>, просодически (H)-B-B.

Обратимся теперь к некоторым примерам суахилизмов, оформляемых по ТК-II.

Луг. òmùsolò, mùsòlò 3 ‘налог, дань’ – суах. ushuru 9 ‘налог, пошлина’ (ар. ‘uṣṣun ‘десятина (налог)’). Перед нами образцово нормативное оформление существительного ТК-II: в полной форме налицо обязательный для этого класса тоновый контур с нисходящим квантом на основе H-H-B-H; в усеченной форме, в силу сокращения слова, потерянный H компенсаторно переносится на начало основы, вытесняя исконный B на конечный слог, вследствие чего там образуется необходимый циркумфлекс. Аналогичным образом описывается суахилизм òmùsanà, mùsanà 3 ‘дневной (солнечный) свет’ – суах. mchana 3 ‘день, дневное время’. Согласный s- в начале основ того и другого слова на месте суах.

sh- и ch- объясняется, видимо, отсутствием в луганда звука [ʃ] (sh) и отличием имеющегося палатального [tʃ] (c) от суахилийского постальвеолярного [ç] (ch).

В примерах такого рода в основе находится краткий гласный, соответствующий одной мере. Но в тех случаях, когда в основе есть фонологически или позиционно долгий гласный, тоновый контур видоизменяется, не переставая отвечать норме ТК-II. Сравним два примера.

Луг. òmùsaàla, mùsaàla 3 ‘зарплата, оплата’ – суах. mshahara ‘оплата, зарплата, содержание’ (ар. mušāhara ‘месячная оплата, стипендия’). Здесь гласный обладает фонологической (позиционно не обусловленной) долготой, а она в силу своей двухморности позволяет реализовать нисходящий контур в пределах одного слога, располагая В на первой, а Н на второй мере. Можно думать, что долгий гласный в луганда отражает сочетание -aha- в суахилийском слове, которое в данном случае оказывается фонетически не вполне ассимилированным арабизмом, к тому же содержащим долгий гласный.

Аналогичным образом тонологически анализируются суахилизмы: луг. òmùnaàla 3 ‘межевая вежа; вышка; флагшток’ – суах. mnaa 3 ‘башня, маяк, вышка, минарет’ (ар. nāra ‘светиться’, maṇār ‘место, где находится источник света, маяк’, maṇārat ‘маяк, минарет’); луг. òmùkiũfu 3 ‘цепочка (украшение), браслет часов’ – суах. mkufu 3 ‘цепь, цепочка’; луг. òmùseèe 3 ‘рис (зерно)’ – суах. mchele 3 ‘рис, очищенное зерно’.

В этом же ряду можно упомянуть и òmùsiũzi 3 ‘подливка, соус’ – суах. mchuzi 3 ‘суп, похлебка’, но это слово примечательно тем, что имеет в луганда вариант òmùkiũzi, в котором представлен тот же долгий гласный [ũ], но по правилам лугандийской орфографии после Су- и Сw- долгота гласного не обозначается, поскольку любой гласный в этой позиции является долгим. В результате циркумфлексный контур реализуется внутри одного слога ([ũ] = В^Н). Таким образом, позиция после Су-, Сw- это позиция нейтрализации для противопоставления кратких–долгих гласных, причем, говоря языком Н.С. Трубецкого, архифонема представлена долгим звуком. Из двух лугандийских вариантов данного суахилизма первый ближе к оригиналу, а второй представляет «лугандийскую этимологизацию» основы этого слова.

Похожим образом будут объясняться также заимствования èkũma 7 ‘железо, металлическое изделие’ – суах. chuma 7 ‘железо’; èkũeti 7 ‘записка, расписка, билет’ – суах. cheti 7 ‘справка, расписка, записка’; òmwèzi 3 ‘луна, месяц’ – суах. mwezi 3 ‘луна, месяц’; òmwíko 3 ‘мастерок’ – суах. mwiko 3 ‘ложка’; màkwânzi 1a ‘орел-рыболов’ – суах. kwazi, kwezi ‘орел-рыболов’ (где представлен нулевой префикс с мнимым Н [Ø-]) и т.п.

Результат будет тем же и при наличии сочетаний [-mb-, -nd-, -ŋg-] в основе, перед которыми гласные также всегда долгие, например: òmùrũnga 3 ‘рис (растение)’ – mpunga 3 ‘рис посевной’; èkitànda 7 ‘остов кровати’ – суах. kitanda 7 ‘кровать, постель’; èmmũndu 9 ‘ружье, винтовка’ – суах. bunduki 9 ‘ружье, винтовка’ (Ф. Джонсон указывал в качестве источника ар. bunduqiyya ‘ружье, винтовка’, но также не исключал перс. и инд. [Johnston 1978: 41], Лози полагает, что это слово из тур. bunduk [Lodhi 2000: 148]; скорее всего, в распространении данного ориентализма участвовали все три языка: перс. → ар./тур.). Форма mmundu является результатом действия закона Майнхофа, в соответствии с которым в последовательности преназализованных сочетаний типа NC (где N = m,n,ŋ, а C = любой смычный) первое преобразуется в геминату NN (т.е. mm, nn, ŋŋ): *mbundu > mmundu.

Наряду с рассмотренными примерами встречаются, однако, формы, отклоняющиеся от стандартных. Например, если èkirẽmba 7 ‘тюрбан, платок’ (суах. kilemba 7 ‘тюрбан, кусок ткани для тюрбана’) полностью укладывается в нормативный контур ТК-II, то усеченная форма kirẽmbà отклоняется от него (ожидалось бы kirẽmba). То же можно сказать о формах èkipãnde, kipãndè 7 ‘дощечка для письма; блокнот’ (суах. kipande 7 ‘кусочек, часть, обрезок; отрывок; стих (строка); карточка’). Впрочем, семантически вывести лугандийскую форму из суахилийской довольно трудно, разве что можно предположить общее семантическое влияние на форму, восходящую, как и слово суахили, к архетипу * -pãndè 7 ‘кусочек, часть’, который Гасри относит к восточной ветви протобанту.

К числу отклоняющихся от стандарта следует отнести также формы без начальной гласной. Рассмотрим некоторые примеры.

Луг. bafùta 9 ‘миткаль’ – суах. bafuta, bafita 9 ‘разновидность отбеленной хлопковой ткани’ (Ф. Джонсон указывал в качестве источника ар. baftun ‘коленкор, ситец’ или перс. bāfta ‘женская одежда из хлопка’ [Johnston 1978: 24], А. Лози считает исходным

фарсизм *bāfta* [Lodhi 2000: 136]). Это слово не имеет эксплицитного префикса, но можно представить его в виде <Ø-bāfūta> с нулевым префиксом (нередким для 9 класса), несущим условный низкий тон, и тогда оно получает близкий к нормативному просодический облик имени ТК-II: (Н-)В-Н(...).

Луг. *kàlatà* 9 ‘игра в карты’ – суах. *karata* 9 ‘игральная карта’ (порт. *carta*). Прибегая к аналогичной интерпретации, мы можем представить эту форму в виде <Ø-kàlatà>, которая полностью соответствует тоновому эталону ТК-II. А форма *leesù* 9 ‘миткалевый женский платок’ (суах. *leso* ‘платок, косынка’, порт. *lenço*), даже будучи представленной как <Ø-leesù>, остается трудно объяснимой, в отличие от *àliiri* 9 ‘шелк’ (суах. *hariri* ‘шелк’, ар. *ḥarīr* ‘шелк, изделие из шелка’), которое в виде <Ø-àliiri> становится нормативным.

В заключение можно сказать, что заимствования из нетонального языка суахили в тональном луганда в целом довольно системно подвергаются просодической натурализации, хотя имеются такие отклоняющиеся случаи, которые требуют особого рассмотрения и здесь не затрагивались. Не вполне ясными остаются и критерии распределения заимствований по двум тоновым классам, несмотря на некоторую связь тонового контура с долгими и краткими гласными в именной основе.

Два тоновых класса сформировались, однако, не в заимствованной, а в исконной лексике, где и лежат их истоки. В сущности, можно говорить о противопоставлении двух тоновых контуров основы – ровного и ломаного (нисходящего), и еще 46 лет назад Э. Стевик остроумно (но фонологически неточно) разграничил два просодических класса слов в луганда как тонический (такеровский ТК-I) и нетонический (ТК-II у Такера) [Stevick 1969: 1]. Анализ заимствований лишний раз показывает перспективность для лугандийской просодики принципа, выдвинутого Л. Хаймэном и Ф. Катамбой и гласящего, что тоновая система луганда «наилучшим образом анализируется на основе глубинных (underlying) контурных тонов ВН, которые тяготеют к метрически сильным позициям в лугандийском слове» [Human, Katamba 1993: 35]. Возможно, этот подход актуален и для других языков банту, но дальнейшее обсуждение данной идеи выходит за рамки настоящей статьи.

Литература

- Вайнрайх У.* Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования / Пер. с англ. Ю.А. Жлуктенко. Киев: Вища школа, 1979.
- Виноградов В.А.* Между тоном и акцентом: просодика спряжения в луганда // Языкознание в теории и эксперименте. М.: МГУ, 2002. С. 155-160.
- Виноградов В.А.* Контактное родственных языков: суахилизмы в ганда // Языки стран Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки. М-лы X Междунар. конференции. М.: ИД «Ключ-С», 2012. С. 46-52.
- Виноградов В.А.* Типология, диахрония и языковые контакты: адаптация суахилийских заимствований в луганда // Исследования по языкам Африки. Выпуск 4. М.: ИД «Ключ-С», 2013. С. 26-50.
- Дурново Н.Н.* Введение в историю русского языка. М.: Наука, 1969.
- Жирмунский В.М.* История немецкого языка. Изд. 5-е, испр. М.: Высшая школа, 1965. (1-е изд.: 1938).
- Лефельдт В.* Акцент и ударение в русском языке. М.: Языки славянской культуры, 2006.
- Мильорини Б.* Заметки о термине «галлицизм» // Общее и романское языкознание. М.: МГУ, 1972. С. 73-76.
- Николаева Т.М.* Место ударения и фонетический состав слова (расстановка ударения в неизвестных словах иностранного происхождения) // Фонетика. Фонология. Грамматика. К семидесятилетию А.А. Реформатского. М.: Наука, 1971. С. 59-69.
- Якобсон Р.* О чешском стихе преимущественно в сопоставлении с русским. Сборники по теории поэтического языка. Вып. V₁. Берлин, 1923.
- Якобсон Р.О.* К характеристике евразийского языкового союза. Париж, 1931. Перепеч. в: Jakobson 1971. Pp. 144-201.
- Якобсон Р.* О теории языковых союзов между языками // Р. Якобсон. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. С. 92-104.
- Ashton E.O.* Swahili grammar. London etc.: Longman, Green and Co., 1956.
- Ashton E.O., Mulira E.V.K., Ndawula E.G.M., Tucker A.N.* A Luganda grammar. London e.a.: Longman, Green and Co., 1954.
- [*Cutler A., Ladd D.R.*] Comparative notes on terms and topics in the Contribution // A. Cutler, D.R. Ladd (eds.) Prosody: models and measurements. Berlin: Springer, 1983. Pp. 141-146.
- Garde P.* L'accent. Paris: Presses universitaire de France, 1968.
- Gouffé C.* Observations sur les emprunts au français dans les parlers haoussa du Niger // Actes du 8e Congrès international de linguistique africaine. Abidjan 24-28 mars 1969. Vol. 1. Abidjan, 1971. Pp. 443-481. [Annales de l'Université d'Abidjan. Série H: Linguistique, Hors-Série. 1971. Vol. 1].
- Guthrie M.* Comparative Bantu. An introduction to the comparative linguistics and prehistory of the Bantu languages. Vol. 2. Farnborough: Gregg Intern. Publishers, 1971.

- Hyman L.M., Katamba F.X.* A new approach to tone in Luganda // *Language*, 1993. Vol. 69, No. 1. Pp. 34-67.
- Jakobson R.* Die Betonung und ihre Rolle in der Wort- und Syntagmaphonologie // *Travaux du Cercle linguistique de Prague*. 4. Réunion phonologique internationale tenue à Prague (18 – 21 / XII 1930). Prague, 1931. Pp. 164-182.
- Jakobson R.* Selected writings. Vol. 1. Second, expanded edition. The Hague; Paris: Mouton, 1971.
- Johnson F.* A standard Swahili-English dictionary. London – Oxford, 1978 [1st ed. 1939].
- Lodhi A.Y.* Oriental influences in Swahili. A study in language and culture contacts. Göteborg University, 2000. [Orientalia et Africana Gothoburgensia. 15].
- Martinet A.* Accent et tons // *Miscellanea phonetica*, 1954, No. 2. Pp. 13-24.
- Martinet A.* Éléments de linguistique générale. 5ème éd. Paris: Librairie Armand Colin, 1965. [Рус. пер. с издания 1960 г.: А. Мартине. Основы общей лингвистики // Новое в лингвистике. Вып. 3. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1963. С. 366-566].
- McCawley J.* Some tonal systems that come close to being pitch accent systems but don't quite make it // *Papers from the Sixth Regional Meeting of the Chicago Linguistic Society*. Chicago: Univ. of Chicago press, 1970. Pp. 526-532.
- Meeussen A.E.* Notes on tone in Bantu nominal stems // *African languages / Langues africaines*, 1976, No. 2. Pp. 60-70.
- Meeussen A.E.* Bantu lexical reconstruction. Tervuren: Musée royal de l'Afrique Centrale, 1980. [Archives d'anthropologie, No. 27].
- Mosha M.* Loan-words in Luganda: a search for guides in the adaptation of African languages to modern conditions // *Language use and social change. Problems of multilingualism with special reference to Eastern Africa* / Ed. by W.H.Whiteley. L.: Oxford Univ. Press, 1971. Pp. 288-308.
- Murphy J.D.* Luganda – English dictionary. Washington: Consorcium Press, 1972.
- Odden D.* An accentual approach to tone in Kimatuumbi // *African linguistics. Essays in memory of M.W.K. Semikenke* / Ed. by D.L. Goyvaerts. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 1985. P. 345-419.
- Odden D.* Typological issues in tone and stress in Bantu // *Proceedings of the Symposium: Cross-linguistic studies of tonal phenomena. Tonogenesis, typology, and related topics. Dec. 10-12, 1998, Tokyo* / Ed. by Shigeki Kaji. Tokyo University of Foreign Studies, 1999. Pp. 187- 215.
- Pike Eunice V.* A multiple stress system versus a tone system // *International Journal of American Linguistics*. 1974, vol. 40, No. 3. Pp. 169-175.
- Snoxall R.A.* Luganda–English dictionary. Oxford: At the Clarendon press, 1967.
- Stevick E.W.* Pitch and duration in Ganda // *Journal of African languages*, 1969, vol. 8, pt. 1. Pp. 1-28.
- Vitale A.J.* Aspects of Kiswahili stress // *Kiswahili*, 1985, vol. 51/1&52/2. Pp. 106-113.

- Voorhoeve J.* Safwa as a restricted tone system // *Studies in African linguistics*, 1973, vol. 4, No. 1. P. 1-21.
- Walusimbi L.* The influence of foreign languages on Ugandan languages: a case study of borrowing in Luganda // “Mehr als nur Worte...” *Afrikanistische Beiträge zum 65. Geburtstag von Franz Rottland / Hrsgb. von R. Voßen, A. Mietzner, A. Meißner.* Köln: Rüdiger Köppe, 2000. S. 697-723.
- Wolff E.* *Referenzgrammatik des Hausa.* Münster; Hamburg: LIT Verlag, 1993.

Honorine M. Gblem-Poidi
(Université de Lomé)

ANALYSE COMPONENTIELLE DES TERMES DE PARENTÉ EN NCAM

0. Introduction

Le peuple Bassar est une société patrilinéaire-patrilocale dans laquelle la famille tient une place prépondérante. L'identification des individus se fait, soit au moyen du système des noms propres, soit au moyen des termes de parenté. Mais en générale, le premier système est subordonné au second, c'est-à-dire que l'on peut faire abstraction du nom propre au profit du terme de parenté.

Dans la culture bassar tout comme dans la plupart des cultures africaines, il n'est pas permis aux individus plus jeunes de s'adresser aux plus âgés par leur nom propre. Mais les plus âgés eux en ont le droit. Il est courant d'entendre les membres d'une famille appeler une jeune maman par le moyen du nom de son premier enfant. On dira: la mère de Gbati ou la mère de Ninfoon. Gbati ou Ninfoon étant le nom du premier enfant, garçon ou fille d'un clan spécifique chez les Bassar. Ainsi il n'est pas rare de rencontrer des gens qui ignorent le nom propre de leurs parents plus âgés.

Un proverbe bassar dit: *Dī ḡámbíáantīl káá wùfī kújúú'*, littéralement, 'Un seul doigt ne prend pas une sauce gluante'. Ceci pourrait se traduire en français par le proverbe: *L'union fait la force*. Les relations parentales s'expriment à travers les termes de parenté. En effet, ce sont ces relations qui tiennent les individus unis en vie, dans un esprit de complémentarité.

L'objectif poursuivi dans ce travail est de mettre par écrit une pratique quotidienne qui demeure une réalité orale, de faire connaître le fonctionnement de la terminologie de la parenté en ncam et à présenter, de façon détaillée, les termes utilisés pour traduire ou exprimer les liens de parenté entre individus du peuple Bassar.

Le plan de présentation du travail s'articule autour de trois sections. La première section porte sur la présentation de la langue et du cadre théorique et méthodologique de l'étude. La deuxième section traite de l'Analyse componentielle des termes de parenté. Nous avons

consacré notre dernière section à une étude morphologique des termes de parenté.

1. Cadres théorique, méthodologique et conceptuel

1.1. Approche théorique

La théorie de l'analyse sémique est étroitement liée au structuralisme. L'intérêt pour cette analyse est né vers la fin des années 1950 où les linguistes, dans leurs recherches, ont postulé l'existence du principe d'isomorphisme, c'est-à-dire d'une analogie de structure entre le plan de l'expression (les signifiants) et le plan du contenu (les signifiés). Ainsi, la grande innovation en linguistique de cette période était l'analyse structurale de la signification, une démarche calquée sur la méthode de l'analyse phonologique.

Lehmann (1998), dans son étude, a retenu différents aspects qui sont le soubassement théorique de la sémantique lexicale. De la même manière que le phonologue décrit le système des oppositions phonologiques, le sémanticien est conduit à différencier au sein d'un ensemble lexical donné, les sens des mots les uns par rapport aux autres en procédant à l'analyse du signifié en traits distinctifs. Ces traits prennent diverses appellations: sèmes (d'où le terme d'analyse sémique) ou traits sémantiques.

La terminologie utilisée dans notre analyse s'inspire de l'ouvrage de Jacqueline Schon (1969) qui envisage les termes de la parenté comme des éléments sémantiques en relations mutuelles, et de Paul Pupier (1969) qui a procédé à l'élaboration des termes classificatoires de la parenté du français en cinq dimensions.

1.2. Cadre méthodologique

Pour la collecte des données, la méthode adoptée est celle basée sur les échanges, les entretiens oraux directs avec les informateurs. La constitution du corpus a été faite à partir d'un questionnaire lexical que nous avons administré à des locuteurs du **ncam** choisis avec soin. La recherche documentaire pour sa part nous a permis de faire ressortir les spécificités des systèmes phonologique et morphologique et sémantique du ncam.

Les données recueillies sur le terrain ont été transcrites avec les symboles de l'API (Alphabet Phonétique International).

1.3. Cadre conceptuel

Les dénominations « analyse sémique » et « analyse componentielle » sont équivalentes en dépit de leurs origines différentes: européenne pour l'une et américaine pour l'autre. Dans notre étude, nous ferons plus référence à la version européenne, c'est-à-dire l'analyse sémique.

L'**analyse sémique** est une procédure visant à établir la configuration des unités minimales de significations (composants sémantiques, traits sémantiques ou sèmes) à l'intérieur de l'unité lexicale (morphème lexical ou mot). En d'autres termes, l'analyse sémique a une optique différentielle ou contrastive comme en phonologie. Elle vise à dégager les oppositions entre sémèmes d'un ensemble lexical clos, objectif qui reste étranger au lexicographe.

- **Sème**: c'est une unité minimale différentielle de signification. C'est un principe d'isomorphisme selon lequel la substance sémantique d'un mot ou sème est comparable à la substance phonologique d'un phonème ou phème.

- Le **sémème**: c'est l'ensemble de sèmes caractérisant un mot. Il se représente ainsi: $\text{sémème} = [\text{sème}_1, \text{sème}_2 \dots, \text{sème}_3]$.

Soient les mots « homme » et « garçon ». Le sémème de « homme » est composé des sèmes /humain/, /mâle/, /adulte/ ; il s'oppose aux sèmes de « garçon » qui est composé de /humain/, /mâle/, /non adulte/. Le sème /adulte/ est un trait distinctif de ce couple de mots.

- **Archisémème** et **archilexème**: Quand l'on compare un ensemble de sémèmes entre eux, l'on peut observer qu'ils ont certains sèmes en commun. L'ensemble des sèmes communs à plusieurs sémèmes désigne l'archisémème (dans le cas des sèmes de « homme » et « garçon », /humain/ et /mâle/ correspondent à l'archisémème). La réalisation lexicale qui correspond à cet archisémème prend le nom d'archilexème (par exemple « siège » qui est l'équivalent lexical du sème /pour s'asseoir/.

- **Parenté**: C'est le rapport entre les personnes unies par le sang ou par l'alliance.

- **Arbre:** qu'on peut encore appeler la souche commune, est constituée du père et de la mère ou de l'un des deux seulement.

- **Génération:** c'est l'ensemble des individus de la même époque.

- **Branche:** c'est la suite de personnes qui descendent de la même tige. Elle peut être

directe ou latérale. Elle est directe entre ceux qui descendent de la même tige, sont nés les uns des autres (parenté en ligne directe): tels sont le père, le fils, le petit fils.

La ligne directe est dite ascendante lorsqu'elle remonte à la souche et descendante lorsqu'elle descend de l'auteur commun à ceux qui en sont issus.

- **La patrilinéarité:** C'est la filiation en ligne paternelle. Dans la plupart de nos sociétés africaines en général et chez les Bassar en particulier, le lignage occupe une place prépondérante dans l'organisation sociale. Chaque lignage dispose des biens et des espaces qui sont répartis entre les différentes familles affiliées. Il s'agit donc des propriétés collectives et non individuelles.

- **La parenté spirituelle;** Il s'agit d'une nouvelle forme d'initiation qui se répand chez les peuples du monde en général et le peuple Bassar n'est pas du reste: l'initiation chrétienne. En effet, cette nouvelle forme d'initiation peut être assimilée à une sorte de parenté qui naît entre les différents acteurs; à travers le baptême par exemple, le nouvel initié (le néophyte) dispose d'un 'parrain et d'une marraine' qui sont habilités à contrôler ou surveiller ses comportements suivant les prescriptions religieuses de son église.

2. Analyse des termes de parenté en ncam

Le ncam est une langue à classes nominales, c'est-à-dire que les noms du système sont distribués en catégories d'après leurs genres naturels et leurs nombres, ayant une structure morphologique suivante:

(Préf Cl) + RadN + Suf Cl

(1) $\bar{v}$ -nì-lī 'homme'   bī-nì-bī 'hommes'

Mais les termes de parenté présentent une structure morphologique différente. Au singulier, ils sont réduits au radical nominal

uniquement, sans affixes. Au pluriel, le radical nominal est affecté d'un suffixe de classe.

	Singulier	Pluriel	Sens
(2)	báà	báà-bì	'père'
(3)	nā	nā-bì	'mère'
(4)	nàań	nàań-bì	'grand-mère'

Les termes de parenté étant relationnels de forme **x de y**, leurs radicaux sont nécessairement affectés d'un possessif (père **de moi** ou **mon** père) qui prend la place du préfixe de classe en contexte. C'est a priori ce qui explique le fait que ces termes soient dépourvus d'affixes de classe lorsqu'ils apparaissent isolément:

	Singulier	Pluriel	Sens
(5)	n-báà	n-báà-bì	'mon père, mes pères'
(6)	ā-nā	ā-nā-bì	'ta mère, tes mères'
(7)	ū-nàań	ū-nàań-bì	'sa grand-mère, ses grand-mères'

2.1. Détermination du champ sémantique de la parenté

La notion de champ permet soit de découper un domaine en plusieurs champs dont on peut examiner les rapports, soit d'isoler d'autres domaines en mettant l'accent sur un champ particulier qui fournit un cadre d'étude autonome avec des rapports internes entre les composantes du champ. Un champ sémantique est un domaine de sens que se répartissent un certain nombre de mots s'organisant en un champ lexical (ensemble de mots qui s'appliquent à un même secteur). Le champ sémantique de la parenté en ncam se répartit en termes relationnels et en termes non relationnels.

2.1.1. Termes relationnels

(8)	N°	Singulier	Pluriel	Signification
	1.	báà	báà-bì	'père'
	2.	nā	nā-bì	'mère'
	3.	nàań	nàań-bì	'grand-mère'
	4.	nàań-jā	nàań-jā-bì	'grand-père'

5.	nàań-jā	nàań-jā- bì	‘arrière-grand-père’
6.	nàań	nàań- bì	‘arrière-grand-mère’
7.	báà-wāāłĩ	báà-wāā-łĩ- bì	‘frère cadet du père’
8.	báà-kpłĩ	báà-kpłĩ-łĩ- bì	‘frère aîné du père’
9.	nā-wāā	nā-wāā-łĩ- bì	‘sœur cadette de la mère’
10.	nā-kpłĩ	nā-kpłĩ-łĩ- bì	‘sœur aînée de la mère’
11.	wèè	wèè- bì	‘frère de la mère’ (oncle maternel)
12.	pōōłĩ	pōōłĩ- bì	‘sœur du père’ (tante paternelle)
13.	cālĩ	cālĩ- bì	‘mari, époux’
14.	nĩm-pũ	nĩm-pōō- bĩ	‘femme, épouse’
15.	yōntĩ	yōntĩ bì	‘coépouse’
16.	kĩ-nā-bĩ-kĩ pēē- báà	ńnā-bĩ-yāāmó pēē-báà	‘enfant du même père’
17.	kĩ-nā-bĩ-kĩ pēē- nā	ńnā-bĩ-yāāmó pēē-nā	‘enfant de la même mère’
18.	nāańtii- ũ	nāańtii- bì	‘petit-fils’
19.	nāańtii- ũ	nāańtii- bì	‘petite-fille’
20.	nĩj- jā (nā-bĩ-jā)	nĩj-jā- bì (nā-bĩ-jā- bì)	‘frère d’une personne de sexe féminin’
21.	mààń	mān- bì	‘frère aîné’
22.	nààłĩ	nààłĩ- bì	‘frère cadet’
23.	nĩsālĩ	nĩsālĩ- bì	‘sœur d’une personne de sexe masculin’
24.	mààń	mān- bì	‘sœur aînée’
25.	nààłĩ	nààłĩ- bì	‘sœur cadette’
26.	còò	còò- bì	‘beaux-parents’
27.	còò-jā	còò-jā- bì	‘beau-père’
28.	còò-pũ	còò-pōō- bũ	‘belle-mère’
29.	cĩĩń	cĩĩń- bì	‘beau-frère’ moins agé que x
	còò	còò- bì	‘beau-frère’ plus agé que x
30.	bĩ-sālĩ	bĩ-sā-tĩ-bĩ	‘belle-fille’
31.	còò	còò- bì	‘beau-fils’
32.	yōntĩ	yōntĩ bì	‘co-belles’
33.	mààń	mān- bì	‘cousin’ (plus agé)
34.	nààłĩ	nààłĩ- bì	‘cousin’ (moins agé)
35.	nàań-jā	nàańjā- bì	‘oncle de la mère’
36.	nàań	nàań- bì	‘tante de la mère’

37.	nàán-jā	nàánjā-bì	‘oncle du père’
38.	nàán	nàán-bì	‘tante du père’
39.	nàán-jā	nàánjā-bì	‘frère du grand-père’
40.	nàán	nàán-bì	‘sœur du grand-père’
41.	nàán-jā	nàánjā-bì	‘frère de la grand-mère’
42.	nàán	nàán-bì	‘sœur de la grand-mère’
43.	báà-kpí-lī	báàkpílí-bī	‘fils (plus âgé que mon père) de la sœur / du frère du grand-père’
44.	báà-wāa-lī	báàwāalī-bī	‘fils (moins âgé que mon père) de la sœur / du frère du grand-père’
45.	pōolì	pōolì-bì	‘fille de la sœur / du frère du grand-père’
46.	nākpílī	nākpílī-bì	‘fille (plus âgée que ma mère) de la sœur / du frère de la grand-mère’
47.	nā-wāaī	nāwāa-bì	‘fille (moins âgée que ma mère) de la sœur / du frère de la grand-mère’
48.	wèè	wèè-bì	‘fils de la sœur / du frère de la grand-mère’
49.	ū-càaṅ	—	femme du frère de la mère

Précisons que le lexique est l’ensemble des mots d’une langue, d’une époque donnée et d’une activité particulière. Le ncam, n’est pas épargné du phénomène de disparition de certains de ses mots ou termes. Ils tombent ainsi en désuétude pour le fait qu’ils ne sont plus usités laissant la place à de nouveaux termes. C’est l’exemple des termes **16**, **17** et **49** du corpus ci dessus:

(9)			
16.	kī-nā-bí-kì	ńnā-bí-yāamó	‘enfant du même père’
	pēē-báà	pēē-báà	
17.	kī-nā-bí-kì	ńnā-bí-yāamó	‘enfant de la même mère’
	pee-nā	pēē-nā	
49.	ū-càaṅ	—	‘femme du frère de la mère’

2.1.2. Les termes non relationnels

Il s'agit des termes en rapport avec l'être humain.

(10)

N°	Singulier	Pluriel	Signification
1.	ū-nīli	bī-nī-bī	'personne humaine'
2.	ū-nīn-jā	bī-nīn-jā-bī	'homme'
3.	ū-nīn-pū	bī-nīn-pōo-bī	'femme'
4.	tí-pū-tī		'vieillesse'
5.	ū-nàacím-pòcōñ	bī-nàacím-pòn-bī	'jeune homme'
6.	ū-sā-pòcōñ	bī-sā-pōn-bī	'jeune fille'
7.	tí-nàacím-pòñ / tí-sāpòñ		'jeunesse masculine / féminine'
8.	ū-nī-cāañ	bī-nī-càn-bī	'étranger'
9.	dī-tāṅkpīi-bí-lī	ā-tāṅkpīi-bí-lī	'orphelin'
10.	kī-bí-kī	m-bí-yāamó	'enfant'
12.	àtábì		'jumeaux / jumelles'
14.	ū-jàṅ-kpílī / ū-tìkpílī	bī-jàṅ-kpílī-bī / bī- tìkpílī-bī	'homme âgé'
15.	ū-nīn-pū-nàátī	bī-nīn-pū-nàátī-bī	'femme âgée, vieille femme'
18.	ū-sā-pòcōñ	bī-sā-pòn-bī	'fille'
19.	jī-pòcōñ / ū-nàacím-pòcōñ	jīpòn-bī / bī-nàacím-pòm-bī	'fils / garçon'

2.2. Détermination des axes sémiques

Elle va nous permettre de mettre en évidence les différents axes qui existent dans la langue, ce qui va nous aider à faire l'analyse sémique à partir des termes sélectionnés. En ncam, sept (7) axes distinctifs sont attestés:

- axe du sexe: axe du sexe de x et axe du sexe de y,
- axe de la consanguinité,
- axe de la direction,
- axe de l'âge relatif,
- axe de génération,
- axe de linéarité.

2.2.1. Axe du sexe

Dans cette partie du travail, il sera question d'opposer les sèmèmes masculins aux sèmèmes féminins.

Exemples:

Masculin	vs.	Feminin
(11) báà 'père'		nā 'mère'
(12) jīpḍḍōñ 'fils'		ūsāpḍḍōñ 'fille'
(13) báàkpílī 'oncle' (paternel)		pōolī 'tante' (paternelle)
(14) ūnààcímpḍḍōñ 'jeune homme'		ūnsāpḍḍōñ 'jeune fille'
(15) ūnīnjā 'homme'		ūnīmpū 'femme'
(16) cālī 'mari'		ūnīmpū 'épouse'
(17) nàañjā 'grand père'		nàañ 'grand-mère'
(18) nījā 'frère'		nīsālī 'sœur'
(19) nàañjā 'arrière-grand-père'		nàañ 'arrière-grand-mère'
(20) nàalī 'petit frère'		nàalī 'petite sœur'
(21) nàañtīiù 'petit-fils'		nàañtīiù 'petite-fille'
(22) nàañtītōntōkōlī 'arrière-petit-fils'		nàañtītōntōkō 'arrière-petite-fille'

Au niveau de la paire minimale 10, nous remarquons que le terme *nàalī* désigne à la fois le 'petit frère' et la 'petite sœur'. De même la paire minimale 11, *nàañtīiù* désigne à la fois 'petit fils' et 'petite fille'. Nous dirons alors qu'il y a neutralisation de l'axe du sexe.

(23) màañ 'grand frère'	vs.	màañ 'grande sœur'
-----------------------------------	-----	------------------------------

- (24) **wèè** vs. **pōolī**
 ‘oncle maternel’ vs. ‘tante maternelle
 (plus âgée / moins âgée
 que la mère d’égée)’
- (25) **còojā** vs. **còopū**
 ‘beau-père’ vs. ‘belle-mère’

L’axe du sexe se subdivise en deux axes: l’axe du sexe de x et l’axe du sexe de y.

- Axe du sexe de x

Considérons l’exemple 42, 46, 47 du corpus:

- (26) **nījā** ‘frère de x’, x de sexe féminin
 (27) **nàalī** ‘frère cadet de x’, x de même sexe que y
 (28) **màañ** ‘frère aîné de x’, x de même sexe que y

- Axe du sexe de y

Considérons toujours les exemples, 45, 46, 47 du corpus:

- (29) **nīsālī** ‘sœur de x’, x de sexe masculin
 (30) **nàalī** ‘soeur cadette de x’, x de même sexe que y
 (31) **màañ** ‘soeur aînée de x’, x de même sexe que y

Le sexe de x et y détermine le terme de parenté.

2.2.2. Axe de la consanguinité

Généralement, nous parlons de parents, de frère ou sœurs consanguins, lorsque ces derniers sont issus d’une même descendance biologique. Mais nous le savons tous, la consanguinité ne vise pas seulement la descendance biologique; car biologiquement, chaque individu est le descendant d’un nombre considérable d’homme et de femme. Car si l’on part de lui et si l’on remonte à chaque génération, le nombre de ces descendants double (un père et une mère; quatre grands parents; huit arrières grands parents, ainsi de suite). En effet, Paul Robert (1973) a remarqué que si l’on se reconnaissait un lien de

parenté avec toutes les descendance biologiques, ou tout au moins la huitième génération, ils sont au nombre de deux cents cinquante six (256). Un seul individu de chaque génération est donc considéré comme ancêtre qui, chez les Bassar, représente la personne de référence <nàañja>.

La consanguinité (C) oppose les membres de la famille à la parenté par alliance (A). En effet, la consanguinité se réfère aux individus, qui biologiquement, descendent d'une souche commune, alors que l'alliance se limite aux relations nées de l'union d'un homme et d'une femme. Le terme 'alliance' revêt une importance capitale en ce sens que l'amour qui unit deux personnes (un homme et une femme), unit également deux familles et quand deux familles s'unissent, c'est la société dans son ensemble qui se soude.

	Consanguin	vs.	Alliance
(32)	báà	vs.	còojā
(33)	'père'		'beau-père / beau-fils'
(34)	nā	vs.	còopū
	'mère'		'belle-mère / belle-fille'
(35)	nùjā	vs.	ciñ
	'frère'		'beau-frère'

2.2.3. Axe de direction

Cet axe regroupe les termes de parenté en ligne directe: les ascendants et les descendants et les termes de la parenté en ligne indirecte: les frères et sœurs, les enfants des frères et sœurs (soulignons que le terme pour désigner neveu et nièce est le même que oncle maternel en ncam: *wèè*), les parents parallèles et les parents croisés, les enfants des parents parallèles (cousins et cousines parallèles) et les enfants des parents croisés (cousins et cousines croisés). Nous avons les lignes:

	Directe	vs.	Latérale
(36)	báà	vs.	wèè
	'père'		'oncle'
(37)	nùjā	vs.	màañ / nàalī
	'frère'		'cousin'
(38)	nìsālī	vs.	màañ / nàalī
	'sœur'		'cousin'

2.2.4. Axe de l'âge relatif

Cet axe oppose les individus d'âge supérieur aux individus d'âge inférieur. Par exemple, grand frère opposé à petit frère ou grande sœur opposée à petite sœur. Ces oppositions ne sont possibles que dans le cadre d'une relation consanguine.

	Age supérieur	vs.	Age inférieur
(39)	nākpīlī 'aînée de la mère'		nāwaaī 'cadette de la mère'
(40)	bāàkpīlī 'aîné du père'		bāàwaaī 'cadet du père'
(41)	màaṅ/nìjā ūkpīlī 'frère aîné'		nàalī / nìjā ūwāalī 'frère cadet'
(41)	màaṅ/ nìsālī ūkpīlī 'sœur aînée'		nàalī / nìsālī ūwāalī 'sœur cadette'
(42)	pōolī 'tante maternelle'		pōolī

2.2.5. Axe de la generation

On parle de génération quand on se réfère à chacun des degrés de filiation (lien de parenté qui unit l'enfant à ses parents, descendance de générations successives) successifs dans une même famille. Souvent, on parle de deux types de génération: la génération descendante et la génération ascendante. Habituellement, l'espace de temps qui sépare en moyenne chaque degré de filiation est de vingt cinq (25) ans, et généralement, il y a un ancêtre auquel on se réfère: l'ego (Go).

(43)	G +2:	nàaṅjā nàaṅ	'arrière-grand-père' 'arrière-grand-mère'
(44)	G+1:	nàaṅjā nàaṅ	'grand-père' 'grand-mère'
(45)	Go:	bāà nā	'père' 'mère'
(45)	G-1:	kībínìnjābíkī kībínìmpūbíkī	'enfant mâle' 'enfant femelle'
(46)	G-2:	nàaṅtiù nàaṅtiù	'petit-fils' 'petite-fille'

- (47) G-3: **nàántiù / dīnàántìt̄nt̄k̄lī** ‘arrière-petit-fils’
nàántiù / dīnàántìt̄nt̄k̄lī ‘arrière-petite-fille’

L’arrière-grand père et l’arrière grand-mère constituent, avec leurs enfants c’est-à-dire le grand-père et la grand-mère qui sont leur descendance, une même génération; de même le grand-père et la grand-mère constituent, avec le père et la mère une même génération. Le père et la mère à leur tour, font une même génération avec leur fils et leur fille.

Si nous remontons de la génération G-2 (les petits fils et petites filles) en passant par les générations G-1, G₀, G+1 jusqu’à la génération G+2, nous parlerons de générations ascendantes.

Par contre, si c’est dans le sens inverse, c’est-à-dire de G +2 jusqu’à G-2, nous parlerons de générations descendantes.

2.2.6. Axe de la linéarité

Il s’agit d’une distinction patrilinéaire vs matrilinéaire: les oncles sont opposés aux tantes.

Patrilinéaire

- (48) **báàkpíli** vs. **pōolī**
 ‘oncle paternel’ ‘tante paternelle’

Matrilinéaire

- (49) **wèè** vs. **nāwāai / nākpíli**
 ‘oncle maternelle’ ‘tante maternelle’

2.3. Termes polysémiques

La polysémie est la propriété d’un mot ou d’une phrase de posséder plusieurs sens. Parler de la polysémie des termes de la parenté peut surprendre en ce sens qu’elle semble remettre en cause notre analyse sémique. Soulignons tout de suite que la polysémie est étroitement liée au contexte. L’on ne parle de polysémie que lorsque l’on tient compte des différents contextes d’utilisation d’un mot ou d’une phrase quelconque.

C’est ainsi que dans le système nous avons pu recenser certains termes polysémiques:

- (50) **nàań / nàaná** 1. ‘grand-mère maternelle’
2. ‘grand-mère paternelle’
3. ‘tante de la mère’
4. ‘tante du père’
5. ‘vieille’
- (51) **nàańjā / bàabá** 1. ‘grand père paternel’
2. ‘grand père maternel’
3. ‘oncle de la mère’
4. ‘oncle du père’
5. ‘vieux’
- (52) **yōntī** 1. ‘coépouse’
2. ‘cobelles’
- (53) **còò / còojā** 1. ‘beau fils’
2. ‘beau père’
- (54) **còò / còopū / béelī** 3. ‘belle mère’
- (55) **bísālī** 1. ‘fille’
2. ‘belle fille’
- (56) **nàalī** 1. ‘petit frère’ ,
2. ‘petite sœur’
- (57) **nàańtiù** 1. ‘petit fils’
2. ‘petite fille’

Cette analyse nous permet de découvrir deux types de sens: le sens propre (sens premier) et le sens figuré. Lorsque nous parlons de sens propre, nous ne nous référons pas à l’origine du mot ou au sens donné par l’étymon, mais le sens du mot pris comme antérieur aux autres sens.

La remarque que nous devons faire est que cette polysémie des termes nous montre combien de fois les termes de la parenté sont motivés au plan sémantique.

En outre de cette motivation sémantique, nous pouvons aussi parler d’une autre motivation: celle qui est basée sur la dérivation.

Les termes *nākpīlī*, *nāwāī* qui ont pour signification respectivement ‘sœur aînée de la mère’ et ‘sœur cadette de la mère’ comportent chacun une base commune: ‘na’. Lorsque nous enlevons à ces termes *nā-*, il va nous rester *kpīlī* ‘aînée’ et *wāī* ‘cadette’. Nous pouvons de ce fait dire que les termes *nākpīlī* et *nāwāī* sont dérivés d’un même radical, *nā* qui veut dire ‘maman’.

2.4. Termes dénotatifs vs termes appellatifs

La dénotation d'une expression linguistique est la portion de réalité que cette expression désigne (ou qu'un locuteur cherche à désigner à l'aide de cette expression). Elle renvoie à un être ou à un objet extérieur au langage.

Quant aux termes appellatifs, on se sert d'eux pour interpeller, pour s'adresser à quelqu'un.

	Termes dénotatifs	vs.	Termes appellatifs
(58)	nā 'mère'		nāanā 'maman' / 'grand-maman'
(59)	bāà 'père'		bāabā 'papa' / 'grand-père frère'

Toutefois, soulignons que l'emploi de ces termes appellatifs, ne met pas de confusion quant à la détermination de la personne à qui on s'adresse.

2.5. Termes connotatifs

La connotation est le sens secondaire d'un mot ou d'une expression. C'est un sens particulier d'un mot, qui vient s'ajouter au sens ordinaire selon la situation de communication.

Ces termes connotatifs, outre leur sens premier qui leur est reconnu, celui de permettre de s'adresser aux membres de sa famille en situation de communication, ont implicitement en eux un second sens.

En ncam, les termes:

- (60) **yōntī** qui signifie 'coépouse', va connoter la 'rivalité', le 'conflit';
 (61) **nāyōntī** qui signifie 'la mère coépouse' va connoter de 'marâtre', qui est souvent considérée comme de mauvaises dispositions à l'égard des enfants de sa coépouse.

2.6. La neutralisation sémique

On parle de neutralisation phonologique quand l'opposition qui existait entre deux phonèmes ayant certaines caractéristiques en commun est annulée ou supprimée.

Aussi cette opposition peut se retrouver au niveau de certains sèmes de la parenté. Ce phénomène est attesté en ncam au niveau l'axe de l'âge relatif et de l'axe de génération. Nous pouvons donner les exemples suivants:

- Axe de l'âge relatif:

	Masculin		Féminin
(62)	nààlɩ	vs.	nààlɩ
	'petit frère'		'petite sœur'
(63)	màaṅ	vs.	màaṅ
	'grand frère'		'grande sœur'

Nous remarquons qu'ici, les termes *nààlɩ* et *màaṅ* désignent à la fois deux personnes différentes de même: 'petit frère' et 'grand frère' ou 'petite sœur' et 'grande sœur'. Nous pouvons conclure en disant qu'il y a une neutralisation de l'axe de l'âge.

- Axe de génération:

	Masculin		Féminin
(64)	nàaṅtɩu	vs.	nàaṅtɩu
	'petit fils'		'petite fille'
(65)	dɩnàaṅtɩtɔntɔkɔlɩ	vs.	dɩnàaṅtɩtɔntɔkɔlɩ
	'arrière petit fils'		'arrière petite fille'

Le terme *dɩnàaṅtɩtɔntɔkɔlɩ* qui signifie à la fois 'petit fils' et 'petite fille', ne permet pas de reconnaître a priori l'âge de ces personnes qu'il désigne. Sur ce, nous dirons qu'il y a un cas de neutralisation: la neutralisation de l'axe génération. C'est de même pour les termes *nàaṅtɩu* 'petit fils' et *nàaṅtɩu* 'petite fille'.

En effet, quand l'on considère ces deux termes, on constate qu'ils ne font pas d'opposition de sexe masculin/féminin, ni d'âge relatif.

3. Structures des termes de la parenté

Nous allons procéder ici à une analyse morphologique des termes de la parenté en ncam, termes regroupés selon les critères du nombre de monèmes: termes simples (formés d'un seul élément) et termes complexes (formés de plusieurs éléments simples).

3.1. Termes à un seul élément ou termes monomonématiques

En ncam, les termes dénotatifs à signification forte sont formés d'une seule unité significative *báà* 'père', *nā* 'mère', *màañ* 'grand frère', *nàalī* 'petit frère', *wèè* 'oncle maternelle', *pōolī* 'tante paternelle', *yōntū* 'coépouse'. Au pluriel ces termes prennent un morphème de classe.

3.2. Termes à deux éléments ou termes bimonématiques

On distingue deux types de termes.

3.2.1. Termes formés de deux lexèmes

Au pluriel, ils prennent un morphème de classe. Nous avons comme exemple:

(66)

N°	Singulier	Pluriel	Signification
1.	<i>nàañ-jā</i>	<i>nàañ-jā-bì</i>	'grand père'
2.	<i>nàañ-jā</i>	<i>nàañ-jā-bì</i>	'arrière grand père'
3.	<i>báà-wāāī</i>	<i>báà-wāāī-bì</i>	'frère cadet du père'
4.	<i>báà-kpílī</i>	<i>báà-kpílī-bì</i>	'frère aîné du père'
5.	<i>nā-wāāī</i>	<i>nā-wāāī-bì</i>	'sœur cadette de la mère'
6.	<i>nā-kpílī</i>	<i>nā-kpílī-bì</i>	'sœur aînée de la mère'
7.	<i>còò-jā</i>	<i>còò-jā-bì</i>	'beau père'
8.	<i>còò-pū</i>	<i>còò-pōo-bī</i>	'belle mère'
9.	<i>bí-sālī</i>	<i>bí-sātī-bī</i>	'belle fille'

- (67) *nàañjā* 'grand père'
nàañ-jā
nàañ 'grand-mère' lexème 1
-jā 'mâle' lexème 2
- (68) *nàañjabì* 'grands pères'
nàañ-jā-bì
nàañ lexème 1
-jā lexème 2
-bì suffixe de classe pluriel

- (69) **còòpū** ‘belle mère’
còò-pu
còò ‘beau parent’ lexème 1
-pū ‘femelle’ lexème 2

Ceci nous donne le schème suivant:

Terme bimonématique = (préfixe de classe) + lexème + lexème + (préfixe de classe)

3.2.2. Termes formés d’un lexème et d’un morphème de classe

(70)

N°	Singulier	Pluriel	Signification
1.	ū-nìlī	bī-nì-bī	‘personne humaine’
2.	kī-bí-kī	m-bí-yāamó	‘enfant’

- (71) **ūnìlī** ‘personne humaine’
ū-nì-l-ū
ū- préfixe de classe singulier
-nì- lexème signifie ‘humain’
l- dérivatif
-ū suffixe de classe singulier
- (72) **kībíkī** ‘enfant’
kī-bí-kī
kī- morphème de classe
-bí- ‘petit’/ ‘graine’
-kī morphème de classe

3.3. Termes à trois éléments ou termes trimonématiques

Il s’agit essentiellement des termes non relationnels et neutres, formés de trois éléments qui sont: un morphème de classe, et deux lexèmes. Nous avons des termes tels que:

(73)

N°	Singulier	Pluriel	Signification
1.	ū-nìn-jā	bī-nìn-jā-bī	‘homme’
2.	ū-nìn-pū	bī-nìn-pōo-bī	‘femme’
3.	ū-nàacím-pòōñ	bī-nàacím-pòn-bī	‘jeune homme’
4.	ū-sā-pòōñ	bī-sā-pòn-bī	‘jeune fille’
5.	ū-nì-càāñ	bī-nì-càn-bī	‘étranger’
6.	dī-tāŋ-kpii-bīlī	ā-tāŋ-kpii-bīlī	‘orphelin’
7.	ū-sā-pòōñ	bī-sā-pòn-bī	‘fille’
8.	ū-nàacím-pòōñ	bī-nàacín-pòm-bī	‘fils / garçon’
9.	nā-bí-jā (nìjā)	nā-bí-jā-bī (nìjā-bī)	‘frère’ (terme neutre)

- (74) **nìjā** ‘frère’
nā- ‘mère’ lexème1
-bí- ‘petit’ lexème2
-jā ‘mâle’
nā-bí-jā → nìjā

Dans un premier temps, il se produit une double élision:
la voyelle *a* du lexème *nā-* tombe avec son ton;
la consonne *b-* du lexème *-bí-* s’élide entraînant l’allongement de la voyelle ‘*ɪ*’.

Ensuite il se produit un changement de trait de tension vocalique:
de -ATR à +ATR).

Enfin il se produit une inversion tonale sur les deux voyelles géminées *-ī-* ce qui donne une modulation BH sur *nìjā*.

- (75) **nìsālī** ‘sœur’
nā- lexème 1
-bí- lexème 2
-sā- lexème 3 ‘femelle’
-lī dérivatif

Le terme *nìsālī* subit la même transformation morphologique précédemment décrite.

nā-bí-sā-lī	→	nā- í-sā-lī	
nā- í-sā-lī	→	nī́sālī	
nú sālī	→	nī́sālī	‘sœur’
(76) dītāṅkpííbílī			‘orphelin’
dī-			‘préfixe de classe’
-tā-			‘défunt’
-tān-			‘terre, sable’
-kpíi-			‘mourir’
-bí-			‘petit’
-dī			suffixe de classe
dī-tān-kpíi-bī-dí	=	dītāṅkpííbílī	‘orphelin’

Schème:

Terme trimonématique =
(morphème de classe) + lexème 1 + lexème 2 + lexème 3 + (morphème de classe)

3.3. Motivation morphologique

Le *ncam* dispose des morphèmes spécifiques qui, quand ils sont employés seuls ou avec un terme de parenté en situation de communication, dénotent aisément les lexèmes /mâle/ et /femelle/. Nous dirons qu’il s’agit des termes précisant le lexème implicitement. Nous avons par exemple *-pū* / *-sā* et *-jā* qui désignent respectivement les personnes de sexe féminin et les personnes de sexe masculin. Voici des exemples:

(77) ū̀nìnjā	vs.	ū̀nìmpū
homme’		femme’
(78) nī́jā	vs.	nī́sālī
‘frère’		‘soeur’

Contrairement à ce que nous venons d’évoquer, il y a aussi certains termes de la parenté qui manquent de précision sur les sèmes /mâle/ et /femelle/.

(79) **àtábì** ‘jumeau ou jumelle’; littéralement ‘ce qui est collé’

En effet, ce terme employé seul dénote à la fois deux personnes différentes comme on le constate au niveau de la glose.

Notons que les termes de la parenté en ncam sont pour la plupart des termes disyllabiques et bimonématiques, constitués soit de deux lexèmes: *còojā* ‘beau-père’, *nàańjā* ‘grand-père’, soit d’un lexème et d’un morphème de classe: *báà-bì* ‘pères’, *nā-bì* ‘mères’. Cependant il est attesté aussi des termes monosyllabiques et monomonématiques: *wèè* ‘oncle’, *nā* ‘mère’, *báà* ‘père’), des termes trisyllabiques, trimonématiques constitués de deux lexèmes et d’un morphème de classe: *nàańtiù* ‘petit fils/fille’, *kībíkī* ‘enfant’) et des quadrisyllabiques et quadrimonématiques, constitués de trois lexèmes et d’un morphème de classe: *ūnàacĩmpɔ̀ɔ̀n* ‘jeune homme’, *dītāŋkpíbilī* ‘orphelin’, *nījābīlī* ‘neveu’.

3.4. Attitude verbale des locuteurs du ncam face aux termes complexes de parenté

De plus en plus de locuteurs natifs du ncam, qui ont vécus hors de leur contexte d’origine, ont tendance à utiliser des termes empruntés à d’autres langues à la place des termes complexes en ncam. Il s’agit principalement des emprunts du tem et de l’éwé, deux langues véhiculaires voisines.

3.5. Tableau de distribution des sémèmes

Le tableau suivant est dressé à titre d’exemple, il ne comporte pas tous les sémèmes féminins. La distribution des sémèmes se mesure suivant les axes.

	Sm	nā-1	nā-2	nā-3	nā-4	nāwāai-1	nākpīl-1	poolt-1	niisālu-1
Axes									
Sexe relatif de 'x'	M	-	-	-	-	-	-	-	-
	M̄	+	+	+	+	+	+	+	+
Age relatif de 'x'	A	+	+	+	+	-	+	+	-
	Ā	-	-	-	-	-	-	-	+
Axe de génération	G'2	-	-	-	-	-	-	-	-
	G'1	+	+	+	+	+	+	+	+
	G0	-	-	-	-	+	-	+	+
	G1	-	-	+	+	+	-	-	-
Axe de consanguinité	C	+	+	+	+	+	+	+	+
	C'	-	-	+	+	+	-	-	-
Axe de linéarité	P	-	-	-	-	-	-	+	+
	P'	+	+	+	+	+	+	-	-
Axe de direction	D	+	-	-	-	-	-	-	-
	L	-	+	+	+	+	+	+	+
	LL	-	-	-	-	-	-	-	-
Axe du sexe de 'y'	M	-	-	-	-	-	-	+	+
	M'	+	+	+	+	+	+	-	-

Conclusion

Au terme de notre description, nous avons pu établir une grille d'analyse sémique à partir de laquelle nous avons défini ces termes de parenté. Le principe fondamental sur lequel cette analyse s'appuie c'est que les sens des mots ne se définissent que les uns par rapport aux autres. Cette analyse a permis de mettre à jour les structures sémantiques ou axes classificateurs que la langue *ncam* utilise pour définir les relations parentales.

En *ncam* sept (7) axes distinctifs relationnels sont attestés: axe du sexe de x (masculin / féminin), axe de la direction (directe / latérale), axe de la consanguinité / par alliance, axe de générations, axe du sexe de y, axe de âge relatif et axe de la linéarité.

Par ailleurs, nous avons dégagé certains types de relations entre ces termes basées sur la complémentarité; la polysémie de certains termes est établie sans remettre en cause le propre de la sémantique lexicale.

Au plan morphologique, nous avons pu identifier deux types de termes: simples et complexes. Nous avons également pu dégager certaines règles de formations des termes de la parenté et leurs motivations morphologiques.

Bibliographie

- Achab, R., 1998, *L'emprunt linguistique*, Thèse de Doctorat, INALCO, Paris.
- Afeli, Kossi, Antoine, 1984, *Une étude de la combinaison des tons dans le syntagme nominal ewé à trois éléments*, Université du Bénin, Ecole des Lettres, Lomé, Togo.
- Bolouvi, Lébénè, Philippe, 1993, *Eléments de terminologie phonétique*, Cotonou, Les Éditions du Flamboyant.
- Bouqiaux, Luc, et Jacqueline Thomas, 1976, *Enquête et description des langues à tradition orale*. (Volume III)
- Dubois, P., 1984, *Introduction à la lexicologie*, Paris, libre, Larousse.
- Gayibor, Nicoué L., 1996, *Le peuplement du Togo: Etat actuel des connaissances historiques*, Les presses de l'UB, Lomé.
- Gbleml-Poidi, Massanvi, 1995, *Description systématique de l'igo: langue du Sud-Ouest du Togo*, Thèse de Doctorat, Université Stendhal Grenoble III. 421 p.
- Lyons J., 1978, *Eléments de sémantique*, Larousse, Paris.
- Lehmann, Alise, et Françoise Martin-Berthet, 1998; Introduction à la lexicologie, sémantique et morphologie, DUNOP, Paris.
- Martinet, André, 1960, *Elément de linguistique générale*, Armand Colin, Paris.
- Paka, Essimiyè, 2006, *Approche morphosémantique du système de la parenté en Kabiyè*, Mémoire de Maitrise en Linguistique, U.L., FLESH, 73 p.
- Pere-Kewezima, Essodina, 2004, *Approche lexicosémantique du système onomastisque du kabiyè (langue Gur du Togo)*, Thèse de Doctorat Unique, Lomé, 591 p.
- Poidi, Napo, 1995, *Esquisse comparative de l'akasilim et du baasaal*. Thèse de Doctorat Unique, Grenoble 3.
- Pupier, Paul, 1969, "Lexique", in *La Linguistique: Guide alphabétique*, pp. 187-201, Paris.
- Rowe, Jennifer, 1997, *Le système de parenté des WAABA*, SIL, Lomé, Togo, AAP, n°52.
- Schon, Jacqueline, 1969, "Ethnologie" in *La linguistique*, Guide alphabétique, éd. Denöel, pp. 92-98.
- Takassi, Issa, 1983, *Inventaire linguistique du Togo*, Abidjan, ACCT-ILA, 85 p.
- Wiesemann, Ursula, 1986: *Manuel de Sémantique et de Traduction*, collection PROPELCA, N° 33, Yaoundé, 154 p.

English abstract

This study deals with semic analysis of the terms of kinship in ncam (bassar), a Gur language spoken in the localities of Bassar, Kabou, Bangeli, Bitchabe, Bapure, Dimori and their surroundings, in the North-West of Togo and in the Volta Region in Ghana, particularly in the localities of Kpandai, Kpassa, Tatale. In a purely linguistic approach, we are interested in the lexico-semantic aspect of a micro-system of the ncam, a lexical semantics in a sense that it has allowed us to develop the terminology of kinship outside their context of realization, to describe their denotative, connotative and emotional senses, and finally to present the relations of polysemy and symmetry between the different terms.

Е.В. Головки
(Болонский университет)

ИМЕННЫЕ КЛАССЫ В ЯЗЫКЕ БАГА ФОРЕ: ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ДАННЫЕ

0. Целью данной статьи является представление первых данных языка бага форе и предварительное описание системы именных классов в этом языке. Бага форе, наряду с налу и бага мботе-ни, входит в центральную группу атлантических языков, составляя в ней отдельную ветвь. Именно эта ветвь представляет собой самый большой пробел в описании атлантических языков, так как до недавнего времени ни по одному из языков ветви не существовало систематических данных. В 2013 году был опубликован архив текстов на налу [Seidel 2013], но до сих пор нет базовой грамматики.

Бага форе – язык, на котором говорят в приморском регионе Гвинейской Республики. Согласно данным [Lewis et al. (eds.) 2014] в 1998 году у языка насчитывалось около 5000 носителей. Основным центром является деревня Моншон (Мончон), в супрефектуре Боффа. Материалы, представленные в этой статье, были собраны в ходе экспедиции в Гвинею в декабре 2013 – январе 2014 г. при поддержке Института университетов Франции (IUF). Это первое систематическое исследование языка бага форе, поэтому внимание было уделено описанию фонетики и фонологии, сбору лексики и данных по ее классификации, сбору предварительных данных по глагольной системе и созданию базы для описания системы именных классов. Для корректного описания классов необходимо заполнить ряд важных лакун в базе данных. Предварительный анализ собранных материалов как раз и необходим для выявления таких лакун.

В статье материал будет изложен следующим образом: вокалическая и консонантная системы, согласовательные классы, подклассы и префиксы, образование множественного числа.

1. Некоторые сведения о бага форе

В бага форе 7 гласных фонем (Таблица 1).

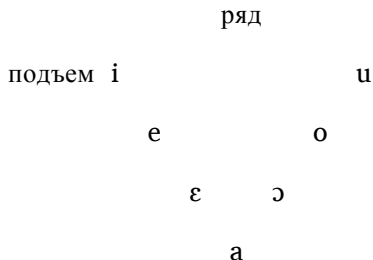

Таблица 1. Гласные фонемы бага форе.

Инвентарь согласных фонем представлен в Таблице 2.

	губные	альвеолярные	палатальные	велярные	лабио-велярные
смычные гл.	p	t	c	k	kp
смычные зв.	b	d		g	gb
фрикативные гл.	f	s		h	
фрикативные зв.	v				
сонанты носовые	m	n	ɲ	ŋ	
сонанты ротовые	w	l	y		
вibrанты		r			

Таблица 2. Согласные фонемы бага форе.

В языке бага форе два уровневых тона: высокий (á) и низкий (à).

Судя по предварительным данным, в языке бага форе имеется 13 именных согласовательных классов. Существительные в единственном числе состоят из основы и префиксального показателя именного класса:

- (1) cí-wòṅnàṅ 'тень'
 ì-báṗ 'рука'
 tá-sáṗà 'ключ'

Одним из вариантов показателя класса является нулевой префикс:

(2)	Ø-tàtá	‘двор’
	Ø-fákò	‘нож’
	Ø-bàrté	‘лев’

2. Согласование по именному классу

В первую очередь будет рассмотрена система согласования по именному классу. В бага форе маркеры согласования по классу есть при глаголах, прилагательных, числительных, демонстративах (были выявлены две серии демонстративов, но в статье будет представлена только одна из них), вопросительных местоимениях со значениями признака и количества. Данные по местоимениям и по числительным не были систематизированы, поэтому не будут приведены.

Имеется 8 согласовательных классов единственного числа (если считать как два разных 4 и 5 классы, показатели которых различаются лишь у прилагательного) и 5 согласовательных классов множественного числа, то есть в сумме 13. 4 и 5 классы были выделены как два отдельных класса, потому что «в таких традициях, как атлантическая, прослеживается вполне устойчивая тенденция учитывать при выделении классов любое различие не только в маркере имени или в маркере зависимых слов, но во всех сопряженных парадигмах именной классификации» [Поздняков 2005: 213].

В данной статье не будет затрагиваться проблема семантического согласования, а только синтаксического. В Таблице 3 я представляю категории, по которым материалы собраны систематически, хотя несколько пробелов все-таки присутствуют. Было принято решение пронумеровать классы, так как одному классу соответствуют различные префиксы у существительных, а следовательно различные подклассы, как будет показано в разделе 3.

Стоит отметить, что в бага форе нет маркеров согласования при поссессивных местоимениях и при прилагательном ‘другой’.

номер класса	DEM	GEN	ADJ	глагол	атрибутивн. вопрос. мест.	презентативная копула	бытийн. копула	колич. вопрос. мест.
1	ɲo	ɲo	∅-V	∅-V	wo-ki	y-ε	ε-ye	–
2	nce	ε	ci-	ci-	ce-ki	c-ε	c-i-ye ?	–
3	nye	nye?	∅-V	∅-V	ye-ki	y-ε	i-ye ?	–
4	ɲo	–	∅-V	k-i	ko-ki	k-ε	k-i-ye ?	–
5	ko, nko	ε	k-i	k-i	ko-ki	k-ε	k-i-ye	–
6	ni	ɲo	n-i	n-i	ne-ki	n-ε	n-i-ye	–
7	pe, mpe	ε-	p-i	p-i	pe-ki	p-ε	p-i-ye	–
8	nto	mbe / ε	t-i	t-i	to-ki	t-ε	t-i-ye ?	–
10	mbe	mbe / ε	b-i-	b-i-	be-ki	b-ε	b-i-ye	bè
11	mbe	nye	b-i	∅-i	ye-ki	y-ε	i-ye ?	i-ye
12	mbe	mbe	b-i-	b-i-	be-ki	b-ε	b-i-ye	bi-ye
13	ce, nce	ε	c-i	c-i	ce-ki	c-ε	c-i-ye ?	ci-ye
14	ye, nye	nye / ε	∅-i	∅-i	ye-ki	y-ε	i-ye	i-ye

Таблица 3. Маркеры согласования по именному классу¹.

Ниже приведены примеры согласования из некоторых классов:

1 класс:

- (3) bálántà ɲó ò-wùná
 ∅-балант CL.REL CL.высокий²
 ‘Этот балант высокий.’

¹ Комментарий к таблице. DEM – Демонстратив; GEN – генитив; ADJ – прилагательное; V- гласный; / – существование двух вариантов; – – отсутствие данных; ? – неточные данные, которые должны быть проверены во время следующей экспедиции.

² Список условных обозначений: CL – показатель именного класса; REL – релятивизатор; DEM – демонстратив; COP – предикатная связка.

2 класс:

- (4) cè-kí   cí-wò̀nà̀n   c-é?
 CL.какой   CL.тень   CL.СОР
 ‘Какая это тень?’

5 класс:

- (5) kásíyà   nkó   kì-pù̀p
 Ø-акация   CL.REL   CL.старый
 ‘Это старая акация.’
- (6) kì-mbìc   nkó   nù̀ŋ   kí-wù̀tà
 CL.баобаб   CL.REL   другой   CL.упал
 ‘Другой баобаб упал.’

6 класс:

- (7) n-kù̀sí   ní   ní-lù̀m
 CL.борода   CL.DEM   CL.красивый
 ‘Эта борода красивая.’

7 класс:

- (8) túm   mpé   pì-lá̀nì   pì-fò̀lè
 Ø-рассказ   CL.DEM   CL.длинный   CL.начинаться
 ‘Начался длинный рассказ.’

8 класс:

- (9) téngé   ntó   tì-lù̀mpí   tí-mù̀l
 Ø-зерно   CL.DEM   CL.хороший   CL.пропадать
 ‘Хорошее зерно пропало.’

10 класс:

- (10) n-kì̀sì   mbé   bí-mà̀rà
 CL.киси   CL.DEM   CL.красивый
 ‘Эти кисы красивые.’

13 класс:

- (11) sì-kínfáláŋ   ncè   cí-là̀ndìŋ
 CL.тесак   CL.DEM   CL.острый
 ‘Эти тесаки острые.’

14 класс:

- (12) *yè-kí*   *é-sénìŋ*   *y-é?*
 CL.какой   CL.пирóга   CL.COP
 ‘Какие это пирóги?’

3. Показатели именных классов существительных

Как можно видеть из Таблицы 3, в бага форе согласовательные классы могут быть схожи между собой и различаться лишь в одном сегменте (например, только показателем класса при прилагательном). Единственному числу и множественному числу соответствуют 7 префиксов, три из которых повторяются в обоих числах: $\emptyset$ -, *ci*-, *pV*-. На данном этапе описания системы чрезвычайно важно выделять все различия в маркировании именных классов, а следовательно, описать весь инвентарь префиксов. Это позволит выделить различные морфологические подклассы в составе каждого класса и в дальнейшем, отталкиваясь от них, строить описание семантики классов.

В Таблице 4 приводятся классы со всеми соответствующими им префиксами, которые выделяются как подклассы. Важно отметить, что в большинстве своем каждому классу соответствует несколько подклассов, и лишь классы 2, 3 и 4 имеют только один префикс – *ci*-, $\emptyset$ -, *V*- соответственно.

класс	префикс	пример
Ед. ч.		
1		
1.1	$\emptyset$ -	<i>\emptyset-cál</i> ‘курица’
1.2	<i>V</i> -	<i>í-càr</i> ‘раб’
1.3	<i>ki</i> -	<i>kì-lànkà</i> ‘блоха’
1.4	<i>tV</i> -; <i>tVn</i> -; <i>tVŋ</i> -	<i>tá-báksèl</i> ‘зимородок’

1.5 Augm	pV-	<i>pó-púrtú</i> ‘белый человек (аугментатив)’
1.6 Dimin	tV-; tVη-; tVn-	<i>táj-kármókò</i> ‘учитель (диминутив)’
2	ci-	<i>cì-fókì</i> ‘след’
3	∅-	<i>òfúnkárì</i> ‘ружье’
4	i-	<i>ì-bap</i> ‘рука’
5		
5.1	∅-	<i>kábì</i> ‘ямс’; <i>kíwók</i> ‘горло’
5.2	k-; ki-; ku-	<i>kì-mbìc</i> ‘баобаб’
5.3	i-	<i>í-bìl</i> ‘деревня’
5.4 Augm	pV-	<i>pó-kíbórè</i> ‘лук (аугментатив)’
6	N-	<i>n-cét</i> ‘слеза’, <i>n-kécìn</i> ‘сноп’, <i>m-bá</i> ‘вещь’
7		
7.1	∅ + C	<i>bàm</i> ‘дорога’, <i>cét</i> ‘глаз’, <i>fétì</i> ‘шрам’
7.2	i-	<i>í-cél</i> ‘спина’
7.3 Augm	pV-	<i>pà-ntám</i> ‘стул (аугментатив)’, <i>pó-kíwók</i> ‘горло (аугментатив)’
8		
8.1.	tV-	<i>té-pè</i> ‘калебаса’
8.2	∅ + tV	<i>támbá</i> ‘барабан’

8.3 Dimin	tV-; tVŋ-; tVn-	<i>tántám</i> ‘стул (димиутив)’
9	∅-	<i>mólófé</i> ‘две недели перед началом сухого сезона’
Мн.ч.		
10		
10.1	∅-	<i>mèléké-y</i> ‘ангелы’
10.2	V-	<i>è-bíc-íllìŋ</i> ‘колдуны’, <i>á-câr</i> ‘рабы’, <i>à-lànkà</i> ‘блохи’
10.3	bi-	<i>bì-lúŋc</i> ‘бага’
10.4	ma-	<i>mà-ncámbèlìŋ</i> ‘кузнечики’
10.5	ci-	<i>cì-sínà-y</i> ‘вторые жены’
10.6	N-	<i>n-cál-àŋ</i> ‘курицы’
10.7 Augm	pV-	<i>pàlàŋìt</i> ‘женщины (аугментатив)’
10.8 Dimin	mVŋ-	<i>màŋlàŋìt</i> ‘женщины (димиутив)’
11	V-	<i>à-báp</i> ‘руки’
12	mV-	<i>má-sápà</i> ‘ключи;
13	ci-; cin-	<i>cí-kíwók</i> ‘горла’; <i>cíŋ-dúmùl</i> ‘двери’
13.1 Augm	pV-	<i>pò-cìbórè</i> ‘луковицы (аугментатив)’
13.2 Dimin	mV-; mVŋ-	<i>móŋ-kíbórè</i> ‘луковицы (димиутив)’

14		
14.1	V-	ɔ̃-fókì ‘следы’
14.2	∅ + V (а; е; о; ъ)	ɔ̃fúnkárì-ŋ ‘ружья’

Таблица 4. Показатели именных классов существительных¹.

Чрезвычайно частотным вариантом является нулевой префикс при имени, который встречается во всех единственных классах, помимо 2 и 4, а также в 10 и 14 множественных классах. В Таблице 4 приводится 9 класс, но в дальнейшем я не буду обсуждать данные по нему, так как в данный момент он представлен лишь двумя словами (которые семантически могут быть интерпретированы как *pluralia tantum*). Известно, что «в атлантическом языкознании, класс ед. ч. и класс мн. ч., представленные одинаковыми морфемами и имеющие одинаковую модель согласования, признаются одним классом» [Поздняков 2006: 212]. По этой причине и из-за отсутствия дополнительного материала на нынешнем этапе исследования сложно принять решение об объединении этого класса с одним из множественных классов.

4. Числовые соответствия именных классов

В бага форе количество классов множественного числа меньше, чем классов единственного числа: 8 (9?) классов единственного и 5 множественного. В Таблице 5 отображены возможные корреляции по числу.

¹ V- – вокалический префикс; pV- – после p в префиксе может встречаться любой гласный; N – назальный согласный; ∅ + C – нулевой префикс, всегда начальный согласный; ∅ + tV – нулевой префикс, всегда начальный t с следующей гласной; ∅ + V (а; е; о; ъ) – нулевой префикс, начальные гласные (а; е; о; ъ).

1			10
2			
3			11
4			
5			12
6			
7			13
8			
			14

Таблица 5. Числовые соответствия именных классов

Множественное число в атлантических языках обычно выражается исключительно показателями множественных классов, а отдельных показателей множественности, как правило, нет. Исключением из этого являются языки ньюн северо-атлантической группы, где множественность может быть выражена посредством суффиксации, но при наличии нулевого префикса. В бага форе множественное число может выражаться различными способами.

1. Замена префикса единственного числа на префикс множественного числа. Данный тип образования касается существительных как с выраженным, так и с нулевым префиксом:

- (13) *í-te* ~ *è-té* 'кисть руки'
kì-tèm ~ *è-tèm* 'дрова'
tò-kó ~ *mò-ló* 'хижина'
Ø-gérè ~ *cì-gérè* 'война'
Ø-túl ~ *cìn-túl* 'рот'

Во 2 классе и во всех размерных подклассах встречается только такой способ образования множественного числа.

2. Прибавление суффикса множественного числа и сохранение нулевого префикса:

- (14) *éřkàŋ* ~ *éřkàŋ-ìl* ‘зеркало’
àpàlì ~ *àpàlì-y* ‘дядя’
àbàkórò ~ *àbàkórò-y* ‘куропатка’
àwóp ~ *àwóp-ìl* ‘свинья’

В случае лексем ‘дядя’ и ‘куропатка’ используется суффикс -y или -yi/-iy, который используется исключительно при образовании множественного числа одушевленных существительных. Важно отметить, что этот суффикс встречается и в комбинации с префиксами. Например:

- (15) *sínà* ~ *cì-sínà-y* ‘вторая жена’
í-lándúmà ~ *á-lándúmà-y* ‘ландума’

Этот механизм образования множественного числа был найден лишь в двух классах: в 10 классе, то есть в классе, где встречаются исключительно одушевленные существительные, и в 14 классе, но только среди имен, образованных от 3 единственного класса. Например:

- (16) *řfúté* ~ *àřfúté-lèŋ* ‘рыболовная сеть’
řrónk ~ *řrónk-èl* ‘холм’

3. Образование множественного числа при помощи циркумфиксов:

- (17) *dìmbà* ~ *n-dìmbà-làŋ* ‘маска Нимба’
mpàl ~ *á-pàl-àŋ* ‘муха’
ì-rùk ~ *ò-rùk-ùl* ‘племянник’
kèc ~ *è-kèc-ìl* ‘птица’

Данный механизм образования встречается в 1, 5, 6, 7 и 8 классах.

4. Супплетивные формы множественного числа:

- (18) *wun* ~ *bin* 'человек'
mósò ~ *àlàṅìt* 'женщина'
mbá ~ *òwùn* 'вещь'

В бага форе в 1 и 6 классах были найдены несколько пар существительных, формы единственного и множественного числа которых образованы от разных корней.

В Таблице 6 приводятся количественные данные по тому, как маркируется множественное число в зависимости от класса, а в таблице 7 приведен инвентарь суффиксов с их распределением по классам. В таблицу не включены аугментативы и диминутивы, существительные, чья классная принадлежность не ясна, а также некоторые существительные, множественное число которых не выявлено.

класс	только префикс	только суффикс	циркумфикс	супплетивизм	Всего
1	29	37	37	7	110
2	5	-	-	-	5
3	-	11	-	-	11
4	5	-	-	-	5
5	77	-	12	-	89
6	8	1	10	2	21
7	43	-	25	-	68
8	11	-	6	-	17
Всего	178	49	90	9	326

Таблица 6. Количественные данные по способам образования мн. числа

В Таблице 7 приводятся все встреченные до настоящего момента формы суффиксов и через / перечисляются алломорфы. По предварительным данным можно считать, что суффиксных морфем в бага форе 4: *-iŋ*, *-il*, *-laŋ*, *-yi*.

Учитывая данные, приведенные в предыдущих разделах, можно утверждать, что для определения классной принадлежности лексем важны все три элемента системы именных классов: показатель класса при существительном, согласовательная пара-

дигма и семантика класса. Например, в бага форе все одушевленные существительные находятся в 1 и 10 классах, то есть оппозиция личность / неличность является центральной для именной классификации. В отличие от многих атлантических языков, не было выявлено специального «человеческого» класса, а был выявлен «одушевленный класс», то есть 1 класс, где, как можно видеть из примеров, встречаются животные, птицы, люди. Помимо этого, в 1 классе есть небольшая группа слов, обозначающих дни недели. Эти слова в единственном числе требуют те же маркеры согласования, что и одушевленные, принадлежащие к 1 классу, но во множественном числе они относятся к 13 классу. Таким образом, их стоит выделить в отдельный подкласс по корреляции по числу.

класс ед.ч.	класс мн.ч.	суффикс
1	10	-iŋ/eŋ, -il, -yi, -liŋ
3	11	-laŋ
3	14	-laŋ/leŋ/lun, -il/ul/el,
5	13	-laŋ/luŋ, -il
5	14	-iŋ, -il/ul/l, -leŋ
6	14	-laŋ/luŋ/loŋ, -il/ul, -iŋ/uŋ,
7	13	-lin/liŋ/laŋ/leŋ/loŋ, -il/ul/el, -iŋ, -y ¹
7	14	-il
8	12	-il, -iŋ, -leŋ
8	13	-laŋ

Таблица 7. Инвентарь суффиксов.

¹ Как указано в пункте 2 этого раздела, -y/-yi – это суффикс, который встречается во множественном одушевленном классе 10; в таблице 7 он указан и для корреляции 7-13. Это единичный случай, который был встречен в слове «семья», заимствовании из сусу *dembaya*. 13 класс это дефолтный множественный класс, в котором оказываются и заимствования.

Особенно интересна стратегия маркирования множественности в бага форе. Во многих атлантических языках определенность выражается при помощи суффикса. Как утверждает Д. Крессель [2015: 18-19], часто неправильная интерпретация «stage II articles» согласно классификации Дж. Гринберга [1977: 98] приводит к тому, что суффиксы, выражающие определенность, считаются показателями класса. В случае же, когда показатели определенности выражены клитиками и их присутствие становится обязательным, тогда они теряют свое значение и становятся частью маркеров именной классификации. Таким примером могут быть пре-префиксы или аугменты в языках банту, то есть двусложные префиксы. Д. Крессель подчеркивает, что ни один из атлантических языков, описанных в сборнике [Creissels & Pozdniakov 2015], не демонстрирует подобной ситуации. Вероятно, бага форе является первым из изучаемых атлантических языков, в котором суффиксальный показатель определенности стал частью (обязательной) маркирования именного класса. У многих существительных форма цитирования во множественном числе содержит суффикс наряду с классовым префиксом, а форма без данного суффикса невозможна. Таким образом, стоит считать, что в бага форе один из способов маркирования множественного числа является циркумфиксальным.

Итак, в бага форе представлена система именных классов, включающая большой инвентарь префиксов и совмещающая несколько способов образования множественного числа, среди которых классическая модель замены префикса, прибавление суффикса, а также циркумфиксальное маркирование. На данном этапе исследования были установлены согласовательные классы и префиксы, которые им соответствуют, проявляющиеся при прилагательных, глаголах, демонстративах, вопросительных словах и презентативных копулах.

Данная статья представляет первые собранные материалы по языку бага форе, которые будут уточнены и проверены в ходе последующих исследований.

Литература

- Поздняков, К. И. (2006). К типологии именных классификаций // Актуальные проблемы африканского языкознания: Сборник статей, посвященный 40-летию отдела африканских языков. М. С. 203-233.
- Creissels, Denis (2015, готовится к печати). Typologie des systèmes de classes nominales dans deux groupes de langues atlantiques // Creissels & Pozdniakov (eds.), Cologne, Rüdiger Köppe Verlag. P. 3-53.
- Creissels, Denis & Pozdniakov, Konstantin (eds.) (2015, готовится к печати). Les classes nominales dans les langues atlantiques, Cologne, Rüdiger Köppe Verlag.
- Greenberg, Joseph Harold (1977). Niger-Congo noun class markers: prefixes, suffixes, both or neither. *Studies in African linguistics, supplement 7*. P. 94-104.
- Lewis, M. Paul, Gary F. Simons, and Charles D. Fennig (eds.). 2014. *Ethnologue: Languages of the World, Seventeenth edition*. Dallas, Texas: SIL International. Online version: <http://www.ethnologue.com>
- Seidel, Frank (2013). Nalu Language Archive. <http://elar.soas.ac.uk/deposit/0249>

Н.В. Громова
(ИСАА МГУ)

К ВОПРОСУ О ЯЗЫКОВОЙ НОРМЕ В СОВРЕМЕННОМ СУАХИЛИ

В процессах становления языковой нормы суахили можно выделить три основных этапа.

Первый этап. Первые серьезные попытки нормализации и кодификации языковых процессов суахили относятся к 1930 году, когда на конференции специалистов по языку суахили (в основном европейцев) в Дар эс Саламе было принято решение о том, что именно диалект Занзибара киунгуджа (*Kiunguja*) должен стать основой стандартного / литературного языка суахили. И в том же году был создан Восточно-африканский межтерриториальный языковой (суахилийский) комитет¹, задачей которого была стандартизация и принятие нормативных, унифицированных правил языка суахили. Периодические бюллетени (первые пять были ротапринтными), а затем научно-популярные журналы, издаваемые Комитетом с 1930 по 1964 год, содержали рекомендации использования «правильного» суахили практически на всех его уровнях: начиная от орфографии, лексики, терминологии до морфологических и синтаксических норм.

Так, известный южноафриканский бантуист К. Док (*C. Doke*), автор известной работы “Bantu Linguistic Terminology” предлагал и в суахили ввести слитное написание посессивов, копулятивов и союзов *na* и *kwa* с последующим существительным по образцу языка зулу. В связи с этим бюллетень № 10 1936 года был посвящен дискуссии специалистов по языку суахили и другим банту языкам (Дж. Аллен, Г. Врумфилд, Ф. Джонсон), и, в основном, все рекомендации Дока были отвергнуты. По словам известного суахилиста Г. Брумфильда (*G. Broomfield*), предлагаемое слитное напи-

---

¹ Бюллетени и журналы издавались с 1930 года под эгидой этого общества, вначале называвшегося *Inter-Territorial Language Committee (Kenya, Tanganyika Territory, Uganda and Zanzibar)*, с 1954 года – *East African Swahili Committee*, с 1964 года – *Institute of Swahili Research = Chuo cha Uchunguzi wa Lugha ya Kiswahili*.

сание приводило к двусмысленности (*ambiguities*) и путанице (*confusion*), например *rangi ya ua* ‘цвет цветка’ = *rangi yaaua* ‘цвет убивает’; *si kile kitabu* ‘это не та книга’ = *sikile kitabu* ‘не ешь книгу’; *alikuja na jibu* ‘он пришел с ответом’ = *alikuja najibu* ‘он пришел, я отвечаю’ [Бюллетень, № 10, р. 16].

В области лексики предлагалось, например, использовать заимствованное из английского языка слово *sikuli* в значении ‘средняя школа или педучилище’, а заимствованное из немецкого *shule* в значении ‘начальная или деревенская школа’. Английские термины переводились на суахили, как правило, описательными оборотами или транслитерировались. В результате появлялись дуплеты, например *barometa* = *kipima hewa* ‘барометр = измеритель воздуха’.

Ф. Джонсон (F. Johnson), автор широко известного первого большого словаря суахили, еще до его издания в 1939 году, на страницах бюллетеня выносил на обсуждение суахилистов те или иные слова, представлявшие трудность для точного их перевода, например, *licha* имеет значение ‘кроме’ и ‘не только’ [Бюллетень, № 8, р. 4].

Обсуждались также вопросы фонетики (например, условия чередования *ki > ch*), этимологии, проблемы именного класса и согласования, структуры глагольной формы, варианты использования морфем *-ka* и *-ki* в глагольном предложении, грамматическая семантика формантов *-nge/-ngeli-*, *-nga/-ngali-*, синтаксиса именной группы и многие-многие другие.

Достаточно сказать, что на страницах этого издания высказывали свои мнения по вопросам языковой нормы такие видные африканисты, как Р. Сноксал, А. Такер, В. Вайтли, Э. Дамман, Дж. Вильямсон, Б. Ратклиф, Х. Ламберт и другие. Фамилии исследователей говорят сами за себя – это европейские ученые, писавшие по-английски, и только в журнале № 24 за 1954 год появляется первая статья африканского исследователя научного трудника Бернарда Копока (*B. KopoKa*), и в следующем номере журнала он публикует большую статью на суахили о форме глагола с суффиксом *-e* [Журнал, №25, pp. 44-60].

Начальный период становления языковой нормы характеризуется вдумчивым отношением исследователей ко всем проблемам фонетики, грамматики и лексики языка суахили. Работы известных европейских ученых во многом заложили основу для нормализации и кодификации языка суахили. Перефразируя известное высказывание, можно сказать, что «узок круг этих норма-

лизаторов, страшно далеки они от народа». В колониальный период, когда система образования была слабо развитой и неоднородной, а средства массовой информации еще не сформировались, рекомендации Комитета оставались во многом нереализованными. В кругах местной элиты и в среде местных и английских чиновников в подмандатной Восточноафриканской территории преобладал английский язык.

Второй этап. После обретения Танганьикой независимости и образования Объединенной Республики Танзания в 1964 году начинается новый период в языковой политике страны. В 1967 году суахили был объявлен государственным языком Танзании. С этого времени кардинально меняется языковая политика и, как следствие, языковая ситуация в независимой Танзании. За языком суахили признается роль важнейшего средства развития национальной культуры, просвещения и экономики. Государство поставило задачу постепенной замены английского языка языком суахили во всех коммуникативных сферах. Одним из учреждений, призванных решить эту задачу, является Институт суахилийских исследований при Дар эс Саламском Университете, основанный в 1964 году на базе Восточноафриканского языкового Комитета. Был создан также ряд других подобных государственных и общественных организаций, вся деятельность которых координируется созданным в 1967 году Национальным Советом суахили (ВАКИТА).

Национальный Совет работал в тесном контакте с общественными Комитетами суахили и официальными чиновниками, отвечающими за образование в областях и районах Танзании. Те в свою очередь на своих рабочих местах следили за тем, чтобы «использование языка суахили было одинаковым по всей стране».

Все печатная продукция в стране, в том числе школьные учебники и детская литература, редактировалась Национальным Советом. Это было очень важно для становления языковой нормы, поскольку в Танзании был принят закон о всеобщем начальном образовании, которое велось на языке суахили. Такая ситуация в начальном образовании сохраняется в основном и до настоящего времени. По всей стране функционировали курсы по ликвидации безграмотности. И примерно за 10 лет после достижения независимости Танзания добилась значительных успехов в

области образования, за что получила по линии ЮНЕСКО премию имени Крупской. Распространение образования в стране, единая школьная система с преподаванием на языке суахили в семи классах начальной школы обеспечивали унификацию языковой нормы.

Национальный совет издавал терминологические словники, которые рассылались по всей стране, и каждый преподаватель в школе и вузах пользовался предлагаемой терминологией по всем отраслям знания, начиная от арифметики, физики, биологии и других предметов до лингвистической и юридической терминологии. Естественно, такой подход к вопросам образования способствовал унификации и стандартизации языка суахили.

Языковая норма и отступления от нее в радиопередачах, газетных материалах и выступлениях государственных деятелей комментировались в издаваемых Национальным советом научно-популярных брошюрах под названием *Lugha yetu. Tuisome tuijue* («Наш язык. Давайте учить и знать его»). Анализировались типичные ошибки в произносительной норме, например, рекомендовалось произносить /r/ вместо /l/: *mshahara* ‘заработная плата’, *fahari* ‘гордость’; не заменять в заимствованных арабизмах межзубные /th/ /dh/ на /z/ /s/: *themanini* ‘восемьдесят’ < *semanini, *dhahabu* ‘золото’ < *zahabu, не добавлять /y/ в интервокальной позиции, т.е. *mayai* ‘яйца’ < *mayayi, *jumuia* ‘общество’ < *jumuiya [Lugha, № 17, p. 12].

Также вносились уточнения и исправления семантических вариантов тех или иных лексем. Цитировалось, например, предложение из газеты и объяснялась допущенная лексическая ошибка: *watu wauawa katika mafuriko* ‘люди убиты во время наводнения’, а должно быть по контексту статьи *watu wafa maji katika mafuriko* ‘люди утонули во время наводнения’ или *watu wamefariki katika mafuriko* ‘люди погибли во время наводнения’ [Lugha, № 21, p. 23].

Комментировалось грамматическое значение словообразовательных суффиксов. Так, объяснялась разница между именными суффиксами *-i* и *-ji*: *mjenzi* / *mjengaji* ‘строитель’, *mpishi* / *mpikaji* ‘повар’, *mvuvi* / *mvuaji* ‘рыбак’. В приведенных парах суффикс *-i* придает слову значение профессиональной деятельности, суффикс *-ji* – окказионального занятия. Обсуждались грамматические правила, такие как недопустимость сочетания в глагольной форме

показателя объекта с суффиксом пассива, реципрока и статива (*tulimkutana > *tulikutana* *naue* ‘Мы встретились с ним’) [Lugha, № 24, p. 17].

Можно привести много подобных примеров, так как практически каждый выпуск брошюры содержал критический материал, способствовавший закреплению языковой нормы.

Институт суахилийских исследований, в свою очередь, издавал толковые и переводные словари, научный журнал *KISWAHILI*, научно-популярный альманах *Kijarida cha CHAKA (Chama cha Kiswahili cha Afrika)* («Альманах общества “Суахили в Африке”»), в которых печатались статьи местных и иностранных исследователей на английском и суахили языках. Теоретические вопросы обсуждались также на страницах издаваемого Институтом на языке суахили журнала *MULIKA* («Свети / освещай»). Печатались также грамматики языка суахили для средних школ и вузов.

Весь этот период от получения независимости до танзанийской «перестройки» в середине 1990-х годов можно назвать «золотым веком» языковой нормы суахили.

Третий этап. В постперестроечный период, т.е. с середины 1990-х годов в условиях многопартийности, роль регулирующей функции названных выше языковых институтов значительно снизилась. На страницы периодической печати хлынули жаргонизмы, заимствования и другие внелитературные обороты. В новых условиях функционирования языка суахили наряду с позитивными процессами в его развитии появляются неоправданные новации в лексике, грамматике и синтаксисе, что приводит к нарушению сложившейся языковой нормы.

При этом функционирование современного суахили в условиях многоязычия, влияние родных языков и языковая интерференция создают практические и теоретические проблемы, особенно в области унификации письменного языка и регламентирования новых словообразований.

Нарушения языковой нормы обнаруживаются не только в случае изменения лексической семантики слова (например, *mshika dau* «акционер» > *mdau* «ответственное лицо»), но и в области синтаксиса и морфологии (например, *nyingine* = *zingine*, *swali muhimu* > *swali la muhimu*, *hatua Ø-endelevu* < *nyendelevu*).

Естественно, что языковая норма не может быть статичной, она во многом зависит от изменений в социальной, экономической и политической сферах. В современном суахили представляется возможным фиксировать две языковые нормы – литературная (или стандартная), имеющая отношение к письменно-литературному языку, и нелитературная, базирующаяся на устно-разговорной разновидности языка.

В последнее время фиксируется еще одна письменная норма, находящаяся в стадии становления, это норма **смс-сообщений и электронных писем**. Она во многом индивидуальна, но можно выявить некоторые общие тенденции. Так, часто используются числительные вместо соответствующих слов или частей слова, это заимствованные числительные: 2, соответствующее слогу *tu*, и числительное 4, равное слогу *fo* или *fu*, например: *m2 = mtu* ‘человек’, *2pro4rodhani = tupo forodhani* ‘мы на таможене’. Из суахилийских числительных в подобных письмах фигурируют 1 = *moja* ‘один’, 3 = *tatu* ‘три’, 5 = *tano* ‘пять’, 6 = *sita* ‘шесть’, 7 = *saba* ‘семь’, 100 = *mia* ‘сто’, например: *pal = pamoja* ‘вместе’, *juma3 = jumata* ‘понедельник’, *6kuja = sitakuja* ‘я не приду’, *7bu = sababu* ‘причина’, *amezi100 = amezimia* ‘она потеряла сознание’.

Ряд часто используемых слов сокращается за счет гласных: *trh = tarehe* «дата», *ktk = katika* «в, на», *lkn = lakini* «но», *mwz = mwezi* «месяц» и др.

Названия букв суахилийского и английского алфавитов также встречаются в электронных письмах, в основном это *k = ku*, *m = mi / mu*, *c = si*, *n = ni*, *v = vi*, например, *ck 1 = siku moja* ‘один день’, *vp mm ctakuja = vipi mimi sitakuja (=6kuja)* ‘как это я не приду’, *cwezi ku2pigia cm = siwezi kutupigia simu* ‘я не могу вам дозвониться’ и др.

По всей вероятности, возможны и другие окказиональные варианты. Приводимые мною примеры я почерпнула из бакалаврской диссертации [Mohammed 2013] «Использование языка глобализации в мобильных телефонах», написанной в 2013 году, и из бесед с танзанийскими коллегами и сотрудниками Российского центра науки и культуры в Дар эс Саламе.

Одним из вариантов устно-разговорного языка является так называемый **сванглиш**. Немало работ посвящено изучению этого жаргона. Его особенность заключается во вклинивании в стандартный суахили неадаптированной фонетической формы англи-

цизмов. При этом все заимствованные существительные в сванглише, как правило, не нарушают грамматический строй языка суахили, гармонично вписываясь в систему согласования, чаще всего по 9/10 классам: *nilisahau briefcase yangu* «я забыл свой кейс» (9 класс), *ofa kali za msimu wa shopping* «шикарные предложения в сезон шопинга» (где *ofa* < *offer*, 10 класс). Как и в случае с традиционными арабскими заимствованиями, начальный слог, идентичный одному из именных показателей-маркеров класса, может восприниматься как таковой, например: *mastapisi* «шедевр» > *mastapisi yale yanayojulikana* «все те известные шедевры» (6 класс). Заимствованные английские прилагательные, так же как и арабские, не согласуются: *nitakuwa nipo fiti* (< *fit*) «я буду в хорошей форме»; *taifa lina wawakilishi feki* (< *fake*) «у нации есть недостойные представители».

Таким образом, литературная и разговорная нормы языка суахили и их разновидности развиваются параллельно, взаимодействуют друг с другом и образуют в то же время единую систему, каждый элемент которой нуждается в соответствующем лингвистическом изучении.

Литература

Бюллетень – Bulletin № 8. May 1935; № 10, April, 1936.

Журнал – Journal of East African Swahili Committee; № 24, June, 1955.

Mohammed, Abdallah. Matumizi ya lughatandawazi katika simu za kiganjani.

Chuo Kikuu cha Dar es Salaam, Taasisi ya Taaluma ya Kiswahili. Dar es Salaam, 2013.

Lugha – Lugha yetu. Tuisome tuijue. № 17, Julai 1973; № 21, Julai 1974; № 24, April 1975.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ СЛОВАМИ, УНАСЛЕДОВАННЫМИ В КРЕОЛЬСКИЙ ЯЗЫК, И ИХ ПРОТОТИПАМИ В ЯЗЫКЕ- ЛЕКСИФИКАТОРЕ¹

Членение мира, языковая картина мира у формирующихся креольских этносов существенно отличается от языковой картины мира тех этносов, языки которых выступают в качестве лексификаторов (источников). Это приводит к тому, что слово из языка-лексификатора унаследуется не только с фонетическими и морфологическими, но и с существенными семантическими изменениями. В ряде случаев представляется возможным говорить о полном разрыве связи между исходным словом и словом, сформированным на его основе.

Между тем в многочисленной литературе по проблемам креолизации и креольским языкам этому вопросу не уделяется практически никакого внимания.

В данной статье рассматриваются лишь семантические изменения при унаследовании без учета сопутствующих им морфологических изменений и изменений в синтаксическом статусе слова. Разрыв семантической связи между заимствованным словом и его прототипом рассматривается на примерах из двух креольских языков – англоязычного крио (Сьерра-Леоне) [Beegu 1966], [Turner 1963] и франкоязычного креоль-морисьен (Маврикий) [Carrooan 2011], [Sirandan – Sanpek 1989].

Крио

Английское слово *humbug* ‘обманывать, жульничать’ унаследовано в крио как *ambog* со значением ‘беспокоить, нарушать покой’; слово *glad* ‘радостный’ унаследовано как *gladi* со значением ‘счастливый’;

---

¹ Работа выполнена в рамках проекта по гранту РГНФ № 14-04-00488.

слово *safe* ‘безопасный’ унаследовано как *saful* в значении ‘быть тихим, спокойным’;

слово *remember* ‘помнить’ унаследовано как *temba* в значении ‘думать, размышлять’;

слово *meet* ‘встречать, -ся’ унаследовано как *mit* в значении ‘находить’;

слово *gentry* ‘дворянство’ унаследовано как *jentry* в значении ‘быть богатым, богатство’;

слово *side* ‘сторона’ унаследовано как *sai* в значении ‘место’;

слово *live* ‘жить’ унаследовано как *lib* в значении ‘находиться, присутствовать’.

Креоль-морисьен

Французское слово *impossible* ‘невозможный, недопустимый’ унаследовано как *imposib* в значении ‘невероятный’;

слово *content(e)* ‘довольный’ унаследовано как *kontan* в значении ‘счастливый’;

слово *brouillier* ‘смешивать, перемешивать’ унаследовано как *brouye* в значении ‘переворачивать’;

значение слова *specifique* ‘специфический’ передается посредством редупликации унаследованного слова *spesial* (*spesial-spesial*);

слово *deriver* ‘образовывать, -ся, происходить’ унаследовано как *derive* в значении ‘бродить, шляться’;

слово *rester* ‘оставаться, пребывать’ унаследовано как *reste* в значении ‘жить, проживать’;

словосочетание *le bonne année* ‘новогодние праздники’ унаследовано как *banane* (*bonane*) со значением ‘возраст, прошедшие годы’.

Как представляется, глубокое исследование с привлечением материала других креольских языков и их языков-лексификаторов (кабовердиану, гаитянского, санго, фанагало, китуба и других) могло бы способствовать раскрытию интересных, но пока еще неизвестных, особенностей формирования картины мира у креолизированных этносов.

Литература

Berry J. A Dictionary of Sierra Leone Krio. Evanston, 1966.

Carpooran A. Diksioner morisien. Port-Louis, 2011.

Sirandan – Sanpek (Creole Stories and Tales). Port-Louis, 1989.

Turner L. An Anthology of Krio Folklore and Literature. Chicago, 1963.

НАРОДЫ НАМИБИИ. ЯЗЫКИ НЕМЕЦКИЙ И АФРИКААНС В НАМИБИИ¹

Этносы Намибии

Намибия – многонациональная страна. Общая численность населения Намибии, по данным конца 1990-х годов, составляет более 1,8 млн. человек. К основным этносам, проживающим в Намибии, относятся: овамбо, каванго, гереро, дамара, нама, каприви, тсваны, сан, химба, бастеры, африканеры, немцы, португальцы.

Овамбо

«Овамбо» – собирательное название ряда субэтносов, проживающих в центральной части северной Намибии. Приблизительно

¹ Работа выполнена в рамках проекта по гранту РГНФ № 14-04-00488.

в 1550 г. эти субэтноты, имеющие общие происхождение и культуру, двинулись на юг от Больших Озер Восточной Африки и обосновались между реками Кунене и Окаванго. Сегодня восемь субэтнотосов этой группы проживают в северной Намибии. Они составляют самую большую языковую группу в стране. Кваньяма является самым большим субэтнотосом восьми субэтнотосов овамбо. Другие субэтноты – это ндоонга, квамби, нгандвела, квалууди, мбаланху, нколонкади и унда. Овамбо занимаются сельским хозяйством и разведением крупного рогатого скота, а также частично рыболовством в мелких прудах и реках. Предрасположенность к торговле ус народа овабмо доказывает наличие более 10 000 киосков, маленьких частных магазинчиков и многочисленных торговых комплексов в области. Большое число рабочих овамбо мигрировали в другие части страны в поисках работы. Сегодня в горной промышленности и рыболовстве трудовые силы в основном состоят из представителей народа овамбо. Работа на дому – шитье одежды, резьба по дереву, плетение корзин и гончарное дело – дает доход многим женщинам, которые традиционно обрабатывали землю и воспитывали детей. Сегодня женщины овамбо вступают на рынок труда как няни, клерки, продавцы и учителя.

Овамбо всегда играли активную роль в политике. Правящая партия Намибии, СВАПО (Народная Организация Юго-Западной Африки) была создана как Организация Народа Овамбо. Ее возглавляли Андимба Тойво Я Тойво и Самюэль Нуйома, которому было суждено стать первым президентом независимой Республики Намибия.

Каванго

Образуя границу длиной 400 километров между Анголой и Намибией, река Окаванго является источником жизни народа каванго. На широких плодородных равнинах по обеим сторонам реки 183 000 человек Каванго занимаются рыболовством, разводят скот, выращивают сорго, просо и маис. Близко связанные с овамбо, каванго также пришли с Больших озер Восточной Африки. Сначала они обосновались у реки Квандо в Анголе и между 1750 и 1800 гг. постепенно стали продвигаться к реке Окаванго и к югу от нее. Сегодня народ каванго состоит из пяти субэтнотосов: квапгали, мбунза, шамбву, гсирику и мбукушу. Традиционная

экономика у каванго основана на выращивании злаковых (жемчужное просо, называемое здесь махангу, сорго и маис) и скотоводстве (крупный рогатый скот и козы). Сегодня тысячи молодых каванго работают как сезонные рабочие на фермах, в шахтах и в городах. Важной отраслью местной промышленности является резьба по дереву. Чаши, маски, орнаменты, мебель и другие функциональные вещи изготавливаются для туристических и других рынков.

Гереро

Гереро – народ пастухов и скотоводов, который мигрировал в Намибию несколько веков назад. Согласно народным легендам, они спустились сюда от Больших озер Восточной Африки и затем в 1550-х гг. добрались до реки Кунене. В течение XIX в. они продолжали двигаться на восток, окончательно обосновавшись на севере и в центре страны. Сегодня численность Гереро составляет около 130 000 человек.

Колониальные войны и восстание гереро в 1904-1905 годах привели к резкому сокращению численности народа. Однако несмотря на последовавшие репрессии, конфискации принадлежащих им земель и ограничения, навязанные законами о труде, оставшиеся гереро сумели сохранить устои семейной жизни, этническую солидарность и национальное самосознание.

Дамара

В Намибии проживают около 117 000 человек народа дамара. Они занимаются полеводством, выращивая, главным образом, табак, тыкву, пшеницу и овощи. Разведение скота также представляет важный источник дохода. Дамара работают на фермах, в шахтах и в городах, как учителя, духовные лица и чиновники.

Нама

Единственными истинными потомками койкоев, коренных жителей региона, в Намибии является народ нама. Его предки изначально жили к северу и югу от Оранжевой реки. Постоянно оттесняемые на север наступающими белыми фермерами,

обосновались дальше на севере центральной и южной областей страны, которая впоследствии стала Намибией.

У нама превалирует понятие общественной собственности на землю, в то время как другие народности сохраняют наследственную собственность.

Насчитывая в общей сложности около 117 000 человек, нама состоят из тринадцати отдельных субэтносов. Многочисленные пословицы и поговорки, загадки, рассказы и стихи передаются нама из уст в уста от поколения к поколению. Особый жанр поэзии народа нама – импровизация – касается всех тем от любовных песен до песен, восхваляющих героев, и песен от имени животных и растений, живущих в их краях, которые затем неоднократно повторяются. Женщины нама искусны в шитье. Их вышивки и аппликации, яркие по цвету с сюжетами из сельской жизни народа. Напольные ковры или одеяла, сшитые из шкур домашних животных и диких антилоп, считаются характерными только для этого района.

К субэтносу народа нама относятся топнаары, которые представляют самый стойкий и выносливый субэтнос, веками живущий на берегах реки Куйсеб. Считается, что среди других предков топнааров были кочевые племена, жившие вдоль морского побережья.

Сегодня топнаары занимаются разведением овец и коз в своей местности с суровыми климатическими условиями. Некоторые топнаары работают также в портовом городе Уолфиш Бэй. Этот субэтнос имеет уникальные обычаи и традиции, связанные с их образом жизни в пустыне Намиб. Традиционно самым важным продуктом в питании топнааров является дыня нарра, крупный и питательный плод, растущий только в пустыне Намиб и обладающий, как считается, целительными свойствами. Сохранились обычаи ежегодного сбора урожая дыни в дюнах к югу от Вулфиш Бэй и способы ее приготовления.

Каприви

Приблизительно 86 000 человек живут в северо-восточной области Намибии, граничащей с Анголой, Замбией и Ботсваной, называемой Каприви. Самыми крупными субэтносами каприви

являются масубия и мафве. Другие субэтноты – мавейи, матотела и мбукушу.

Большинство каприви живет за счет фермерства. Их хозяйства расположены на берегах рек Замбези, Квандо, Линванти и Чоуб. Кроме занятия рыболовством и охотой, что составляет значительную, но не исключительную долю в местной экономике, они держат крупный рогатый скот и обрабатывают землю. Во время наводнений каприви пользуются своими «мекоро» – лодками-долбленками, чтобы передвигаться теми же маршрутами, по которым ездят грузовики и ходят пешеходы.

Тсваны

Тсваны, составляющие 7 800 человек, – самая небольшая культурная группа Намибии. Они родственно связаны с тсванами Ботсваны и северной Капской Провинции и резко отличаются от других членов юго-западной группы банту. В последней четверти XIX в. большая группа тсванов совершила переход через Землю Жажды, из Ботсваны в Намибию. Многие из них погибли. Наименьшая группа, кгалагади, появилась в результате смешения с бушменами Калахари. Ее представители имеют более светлый цвет кожи. Большинство тсванов живут в районе города Гобабис. Многие из них приобрели фермы севернее и южнее этого города.

Сан

В Намибии их насчитывается приблизительно 35 000. Эти охотники скитались по равнинам Южной Африки тысячи лет. Считается, что они первые, исконные обитатели Намибии. Другие народы, которые пришли сюда, вытесняли их все дальше на восток в пустыню. Сегодня народность сан занимает только отдаленные территории в восточной Намибии.

Старейшие из их наскальных рисунков были сделаны 28 000 лет тому назад. Сан – великолепные рассказчики и сказители. Их простейший музыкальный инструмент – охотничий лук, натянутый с помощью волос животных с прикрепленной пустой дыней или пустой консервной банкой, в качестве резонатора. Коконь мотыльков, скрепленные как бусы и наполненные камешками или семенами, надеваются на щиколотки и отбивают ритм во время танца.

Химба

Химба – древний этнос полукочевых пастухов, многие из которых по сей день сохраняют образ жизни и манеру одеваться в соответствии со старинными традициями. Народ химба проживает в поселках, разбросанных в области Кунене. Они натирают тело красной охрой и жиром, что защищает кожу от сурового климата пустыни.

Дома, в которых живут химба, представляют собой простые, конусообразные постройки из прутьев, связанных пальмовыми листьями и оштукатуренных глиной и навозом. Семья может переезжать из дома в дом несколько раз в году в поисках пастбищ для своего крупного рогатого скота и коз. Мужчины, женщины и дети украшают себя ожерельями, браслетами на руках и ногах, поясами, сделанными из железа, и бусами из ракушек самого удивительного и оригинального дизайнера.

Бастеры

Бастеры (рехоботеры, рехоботские бастеры) – особый смешанный этнос цветных, проживающий в Намибии. Они населяют область Кхомас и север центрального Хардапа. Их земли до 1992 г. составляли отдельную административную единицу Рехобот. В 2001 г. их было 72 000. Название бастеров происходит из нидерландского слова, родственного слову «бастард». Слово «бастер» они считают своим самоназванием, отделяя его от слова «бастард», которое считается оскорбительным. Сами себя бастеры считают скорее белыми, чем черными, говорят на особом диалекте языка африкаанс, используют голландские имена и гордятся тем, что они в большей мере голландцы, чем сами голландцы.

Цветные (Colored)

Подобно слову «бастер», слово «цветной» также стало самоназванием метизированного этноса. Часть из них в качестве родного использует язык африкаанс, а другая часть – английский. Вариант языка африкаанс бастеров отличается от варианта цветных. Небольшая часть цветных занята в животноводстве на юге страны, в то время как большинство живет в городах, таких как

Виндхук, Кетмансхоп, Людериц, Кальквельд и Карасбург. Большое количество цветных живет в Уолфиш Бей и занято рыболовством. Цветные чаще всего имеют относительно хорошее образование и профессиональную подготовку. Многие работают в области социальных услуг, образования и строительства.

Африканеры

Африканеры проникали в Намибию постепенно из Южной Африки. Интересную группу представляли Дорсланд-треккеры, являясь одним из «треков» (маршрутов) африканеров, которые шли на север от Хрут Марико, из самой северной части Трансвааля в Южной Африке, через реку Лимпопо в поисках новых мест проживания. В 1878 г. Британия аннексировала территорию, прилегающую к заливу Уолфиш Бэй, а в 1884 г. Германия провозгласила Немецкую Юго-Западную Африку протекторатом Германии, за исключением анклава Уолфиш Бэй. В 1920 г., в соответствии с Версальским Договором, Южная Африка получила административную власть в стране. Большое число ферм было продано выходцам из Южной Африки, при этом правительство щедро финансировало белых фермеров – африканеров.

Немцы

Впервые немецкие колонисты появились на территории современной Намибии в конце XIX в. С самого начала они придерживались стратегии постепенного проникновения, избегая открытых столкновений с местным населением. Первые официальные и неофициальные представители Германии посещали территории овамбо, каванго, гаприви для оценки качества территории и имеющихся ресурсов, наличия полезных ископаемых, возможности строительства железных дорог – иными словами, целесообразности или нецелесообразности установления отношений с местными руководителями в целях последующей колонизации территории. Окончательное завоевание современной Намибии происходило в последнее десятилетие XIX в. Причем в 1896 г. численность немецких поселенцев составляла 2 000 человек (включая военнослужащих), а в 1903 г. она возросла до 4 700.

В течение 1904-1908 гг. велась освободительная война местных народов против германского колониализма, завершившаяся поражением восставших и жестокими репрессиями со стороны колонизаторов. Значительная часть местного населения, в основном гереро, была истреблена, и на ее место производилось заселение других этносов, включая и немцев.

Существенную роль играла христианизация населения. К 1914 г., например, число христианизированных гереро составляло 25 000 человек. В 1913 г. Союз немецких женщин (Фрауенбунд) направил в ЮЗА 158 миссионерок для работы среди местного женского населения.

Начало Первой мировой войны в 1914 г. в существенной мере изменило политическую, общественную и культурную ситуацию в ЮЗА. По окончании войны в конце 1918 г. Южно-Африканский Союз (ЮАС) получил мандат на управление ЮЗА от имени Лиги Наций. Почти одновременно с этим южноафриканские власти начали осуществлять у себя в стране политику сегрегации, оформившуюся позднее в политику апартеида.

Взаимоотношения между немецким и иноэтническим населением, включая и белых африканеров (буров) после Первой мировой войны характеризовалось напряженностью и отчужденностью, которая несколько ослабла после подписания в 1923 г. Лондонского соглашения, предоставившего немецкому населению права автоматической натурализации.

Приход Гитлера к власти в Германии и желание нацистских властей вернуть утраченные колонии, привели к появлению в ЮЗА нацистских настроений и активизации деятельности нацистской молодежной организации Гитлерюгенд. В конце 1933 г. Законодательная ассамблея ЮЗА, фактически являющаяся в административном отношении частью администрации ЮАС, законодательно запретила нацистскую пропаганду и распустила отделение НСДАП (нацистской партии) и Гитлерюгенда в стране, членами которых были не только немцы, но и часть контрактных рабочих, в частности овамбо. Подавлялась деятельность нацистской партии и среди других представителей местного населения.

Первые послевоенные годы характеризовались стремлением южноафриканских властей полностью интегрировать подмандатную территорию. Установившийся в эти годы режим апартеида жестко регламентировал отношения, а правильнее сказать, отсут-

стве отношений, между белым и небелым населением как в ЮАР, так и в ЮЗА. В то же время он как бы смягчал отношения между немецким и африканерским населением. И те и другие относились к категории белых и пользовались преимущественными правами. Рудименты побежденного нацизма постепенно сливались с идеями развивающегося национализма, реализуемого в системе апартеида. В 1968 г. ЮЗА была окончательно превращена в одну из провинций ЮАР.

Португальцы

В 1970-х гг., вследствие войны в Анголе, в Намибию хлынула большая волна португальских переселенцев. Однако с приближением независимости Намибии многие вернулись в Португалию или переехали в Южную Африку. В настоящее время в Намибии живет около 150 португальских семей.

В общей сложности в Намибии проживает около 98 000 намибийцев европейского происхождения. Из них приблизительно две трети говорят на африкаанс, одна четверть на немецком, а остальные, главным образом, на английском языке и, в меньшей степени, на португальском.

Большинство белого населения страны живет в городах центральной и южной части страны. Английский язык был принят в качестве государственного языка Намибии, а африкаанс, язык общения большей части населения, занял юридически второстепенное положение, прослужив, наряду с немецким, одним из трех государственных языков в течение добрых 60 лет.

Статья 3 Конституции Республики Намибия озаглавлена «Язык». Она состоит из трех пунктов.

Пункт 1. Официальным языком Намибии является английский.

Пункт 2. Ни одно положение данной Конституции не препятствует использованию любого другого языка в качестве средства обучения в частных школах или в школах, финансируемых или субсидируемых Государством, соответствующим требованиям, налагаемым законом, в целях обеспечения владения официальным языком или в педагогических целях.

Пункт 3. Требования, содержащиеся в **Пункте 1** данной **Статьи**, не препятствуют решению Парламента разрешать использование других языков, кроме английского, в законодательных, административных и судебных целях в тех регионах или территориях, где такой язык или языки используются значительной частью населения.

К этим «другим языкам» относятся, в частности, немецкий и африкаанс, которые считаются в Намибии национальными, но законодательного статуса не имеют.

Тем не менее, в стране до сих пор сохраняется известное немецкое влияние, в частности, множество немецких топонимов, надписей в магазинах, систематически издаются книги на немецком языке.

Немецкий язык в Намибии

Что касается языка намибийских немцев, или немецких намибийцев (как, по их собственным словам, многие из них предпочитают себя называть), то он претерпевает весьма интересный процесс одновременного самосохранения и приспособления к сосуществованию с контактирующими языками, прежде всего, с генетически родственным африкаансом. Из общения с местными немцами («немецкими намибийцами») удалось прийти к выводу, что они признают в качестве родного языка только стандартный немецкий (**СН**), но в то же время периодически используют намибийский немецкий (**НН**), отличающийся от **СН** не только лексикой, но грамматикой и произношением. Получается, что официально в стране существует один стандартный немецкий язык, уподобляемый стандартному немецкому языку Германии, а фактически существует два языка – стандартный немецкий (**СН**) и намибийский немецкий (**НН**). Периодические и художественные издания – только на **СН**, филиалы Гёте-института проводят всю работу только на **СН**, а о **НН** и слышать не хотят, обучение на всех уровнях происходит только на **СН**. На **НН** публикуются малыми тиражами немногочисленные сборники явно сатирического характера – и все. Что касается письменности, то официально признанной орфографии у **НН** нет, поэтому одни и те же слова

могут быть написаны по-разному. Преимущество отдается стандартной немецкой орфографии. Иногда **НН** называют *креольским* или *креолизованным*, однако для этого нет абсолютно никаких оснований. Стандартный немецкий ни в коем случае не может рассматриваться как язык-источник (лексификатор), а языков-субстратов в этом случае просто не существует.

Несмотря на такое «вспомогательное» положение, **НН** существует, функционирует и, как представляется, заслуживает структурного описания.

В этой работе представлены и описаны те грамматические различия, которые автору удалось зафиксировать между **СН** и **НН** при сравнении немногочисленных письменных текстов и отдельных высказываний.

В целом словарный состав **НН** соответствует **СН**, причем достаточное количество слов подверглось фонетическим изменениям.

Посредством неизбежных контактов с языками ЮЗА, особенно африкаансом и английским, в **НН** проникло значительное число заимствований. Их общая доля в языке составляет (по моим совершенно приблизительным оценкам) порядка 20%, однако они наличествуют практически во всех сферах коммуникации. Проникая в **НН**, эти слова подстраиваются под правила немецкой орфографии (существительные, в частности, пишутся с заглавной буквы), приобретают категорию рода и соответствующую ей парадигму. Достаточно часто заимствования приобретают род, соответствующий роду своего синонима в **СН**:

der Bakkie – der Lastwagen ‘грузовик’;
das Biltong – das Fleisch ‘сушеное мясо’;
die Inschuranz – die Versicherung ‘страховка’.

Что касается написания этих слов, то, как уже было сказано, какой-либо утвержденной орфографической системы для **НН** не существует, а существует смесь: написание их в соответствии со стандартной немецкой орфографией и в соответствии с их звучанием. Односложные заимствования, как правило, принимают мужской род:

der Vlai (афр. *vlei*) ‘долина, пруд’;
der Tutts (англ. *test*) ‘проверка, экзамен’;
der Diehl (англ. *deal*) ‘сделка’;
der Baik (англ. *bike*) ‘велосипед’.

В **НН** широко употребляются диминутивные слова, заимствованные из других языков, равно как и из стандартного немецкого, и утрачивающие диминутивное значение:

der Oukie (афр. *ou*) ‘парень’;
der Lappie (нем. *der Lappen*) ‘тряпка’;
der Klippie (афр. *klipp*) ‘камень’;
das Stückie (нем. *das Stück*) ‘кусочек, предмет’;
der Koppie (афр. *kopp*) ‘холм’.

В изданном в 2011 г. одном из выпусков словаря, составляемого под редакцией Дж. Пютца (Pütz 2011), содержится порядка 750 словарных единиц, из которых заимствования из английского языка и африкаанса распределяются приблизительно пополам и только девять слов указаны как заимствования из языков *овамбо* и *гереро*. Словарь Дж. Пютца выходит выпусками и включает в себя краткое объяснение каждой словарной единицы, причем объяснение это дается на намибийском немецком.

В качестве иллюстрации приводится случайная выборка из словаря, причем такие заимствования встречаются во всех сферах жизнедеятельности.

Заимствования из **английского**:

äddn (англ. *add*) ‘прибавлять, добавлять’;
änitaim (англ. *anytime*) ‘в любое время’;
das Baks (англ. *bucks*) ‘деньги’;
der Bietsch (англ. *beach*) ‘пляж’;
boggeroll (англ. *bugger-all*) ‘вовсе нет’;
krusen (англ. *cruise*) ‘ехать’;
desseiden (англ. *decide*) ‘решать’;
der Donkie (англ. *donkey*) ‘осел’;
der Faktrak (англ. *fuck truck*) ‘трясущийся грузовик’;
fain (англ. *fine*) ‘хорошо, хороший, милый’;
das Gäpp (англ. *gap*) ‘отверстие, дыра’;

das Görl (англ. *girl*) ‘девушка’;
hitten (англ. *hit*) ‘ударять, толкать’;
ihga (англ. *eager*) ‘усердный’;
joppen (англ. *job*) ‘работать’;
jusen (англ. *use*) ‘использовать, употреблять’;
das Kahr (англ. *car*) ‘автомобиль’;
kawan (англ. *cover*) ‘прикрывать’;
der Kona (англ. *corner*) ‘угол’;
das Leihsens (англ. *licence*) ‘водительские права’;
miehnwail (англ. *meanwhile*) ‘тем временем’;
mufwen (англ. *move*) ‘двигаться’;
der Owwna (англ. *owner*) ‘собственник, владелец’;
der Pell (англ. *pal*) ‘друг, приятель’;
der Piess (англ. *peace*) ‘мир’;
die Plak (англ. *plug*) ‘розетка (англ. выключатель)’;
plenty (англ. *plenty*) ‘много’;
das Puhl (англ. *pool*) ‘бассейн’;
puschen (англ. *push*) ‘толкать’;
das Ruhmas (англ. *rumours*) ‘слух’.

Заемствования из **африкаанса**:

auspahsen (афр. *paas uit*) ‘засыпать’;
amra (афр. *amper*) ‘почти’;
der Bakkie (афр. *bakkie*) ‘грузовичок’;
die Beestes (афр. *bees*) ‘скот’;
die Droewurs (афр. *droe wurs*) ‘сухая колбаса’;
duhr (афр. *doer*) ‘далекий’;
ferda (афр. *verder*) ‘опять’;
frachtach (афр. *vragtag*) ‘правдивый’;
geselsen (афр. *gesels*) ‘беседовать’;
helsen (афр. *helse*) ‘огромный’;
kaalchatt (афр. *kaal gat*) ‘голый’;
kaalfutt (афр. *kaal veet*) ‘босой’;
der Klippe (афр. *klip*) ‘камень’;
kwaai (афр. *kwaai*) ‘злой, агрессивный’;
lekka (афр. *lekker*) ‘отлично’;
das Loksai (афр. *lokasie*) ‘гетто’;
der Maat (афр. *maat*) ‘приятель’;

minn (афр. *min*) ‘мало’;
mooi (афр. *mooi*) ‘красивый, прекрасный’;
much (афр. *moeg*) ‘усталый’;
naar (афр. *naar*) ‘неприятный, плохой’;
prahten (афр. *praat*) ‘беседовать’;
risstach (афр. *rustig*) ‘спокойный’;
schtandach (афр. *stadig*) ‘осмотрительный’;
sirka (афр. *seker*) ‘уверенный’.

Дж. Пютц включил в свой словарь небольшое число редко встречающихся слов, заимствованных из языков *гереро* и *овамбо*.

Заимствования из **гереро**:

ettan (гер. *eta*) ‘превосходить’;
das Mariba (гер. *mariba*) ‘деньги’;
der Tatte (гер. *tate*) ‘очень черный человек’.

Заимствования из **овамбо**:

der, die Kanatschi (ов. *kanachi*) ‘подросток’;
das Monoko (ов. *monokko*) ‘барахло’;
der Panga (ов. *panga*) ‘кинжал’.

Большинство существительных в **НН** совпадают как по форме, так и по значению, с существительными в стандартном немецком. Наиболее значительные различия наблюдаются в использовании падежей и связанных с ними предлогов (т. е. системы управления).

В **СН** и **НН** различается парадигма падежей (как существительных, так и личных местоимений), например:

СН: *Ich habe das Zimmer durch ihn gefunden.*

НН: *Ich habe das Zimmer durch ihm gefunden.*

‘Я нашел комнату через него.’

СН: *Ich spiele mit den beiden.*

НН: *Ich spiele mit die beide.*

‘Я играю с обоими.’

СН: *Seine Genossen, die sich heute an den obersten Posten bleiben, sind alte Leute.*

НН: *Seine Pellen, die heute bleiben an **die** obersten Posten, sind alte Leute.*

‘Его товарищи, которые сегодня занимают руководящие посты, пожилые люди.’

В этом предложении не только использован винительный падеж, вместо дательного, но и вместо слова *Genosse* употреблено английское заимствование *Pellen*.

Определенные артикли *der, die, das, die* часто заменяют собою личные местоимения третьего лица во всех падежах:

НН: *Die registriert wenigstens die Reaktionen ihres Gegenübers und reagiert darauf.*

‘Она отмечает, по крайней мере, реакцию своих противников и реагирует на нее.’

НН: *Wir prahten mit Piet Venter. **Der** war leutselig und hat Wasserski gelaiken.*

‘Мы беседуем с Питом Фентером. Он приветливый и любит водные лыжи.’

В этом предложении заимствованный английский глагол *like* принимает форму сильного глагола.

Форма глагольного перфекта употребляется в **НН** гораздо чаще, чем в **СН**, причем с некоторым допущением можно сказать, что она, равно как и в африкаансе, полностью вытесняет имперфект:

СН: *Sie hielt zehn Knaben in der Klasse.*

НН: *Sie **hat** zehn Knaben in **die** Klasse **gehalten**.*

‘Она насчитала в классе десять мальчиков.’

НН: *Erstmal baie dankie das Ihr dieses kleine Händbuk **gekauft** habt.*

‘Прежде всего весьма благодарен, что Вы купили эту маленькую книжку.’

В последнем примере третья форма глагола *kaufen* употреблена в форме сильного глагола, каковым он не является.

НН: Also **haben** die kreativen Weibsen nach einmal **erklären**, was sie getan haben.

‘Итак эти творческие дамы еще раз объяснили, что они сделали.’

И в этом случае третья форма глагола *erklären* употреблена в сильной форме.

Не все глаголы стандартного немецкого языка сохраняют свою парадигму. Имеется тенденция к использованию слабых глаголов в сильной форме, которую в известной степени можно считать гиперкоррекцией. Это было уже показано в предыдущих примерах. При этом, аналогично языку африкаанс и скорее всего под его влиянием, в речи Imperfekt почти совсем выходит из употребления, уступая свое место Perfekt’у.

Als wir das **gehören** haben, wurden wir traurig.

‘Когда мы об этом услышали, то опечалились.’

Erstmal danke ich **dir**, dass Du dieses kleine **Håndbuk gekauft** hat. Die **Sapport** is sehr wichtig damit unsere Projekte weiterhin möglich sind.

‘Прежде всего я благодарю тебя, что ты купил этот маленький словарь. Эта поддержка очень важна, поскольку наши проекты в дальнейшем окажутся возможными.’

К этому небольшому предложению требуется целый комментарий:

dir – употребление дательного падежа, вместо винительного, что характерно для **НН**, о чем говорилось выше;

gekauft – нестандартная причастная форма вместо нормативного немецкого *gekauft*;

Håndbuk – вместо стандартного немецкого *Handbuch*;

die Sapport (англ. *support*) – вместо стандартного немецкого *die Unterstützung*;

is – вместо стандартного немецкого *ist* (единственная форма спряжения глагола *sein*, не соответствующая стандартной немецкой).

Глаголы, заимствованные из других языков, приобретают немецкую парадигму и также предпочтительнее употребляются в перфектных формах, чем в имперфектных.

Для примера можно показать, как спрягаются в презенсе заимствованные из английского языка глаголы *worrien* (англ. *worry*- ‘беспокоить, -ся’) и *jobben* (англ. *job* ‘работать’):

<i>ich worrie, jobbe</i>	<i>wir worrien, jobben</i>
<i>du worriest, jobbst</i>	<i>ihr worriet, jobbt</i>
<i>er worriet, job(e)t</i>	<i>sie worrien, jobben</i>

Помимо того, что в **НН** отдается предпочтение использованию Perfekt вместо Imperfekt, со всеми глаголами употребляется вспомогательный глагол *haben* и не употребляется *sein*. Например:

НН: *Die hat nie zu mir gekommen zu Kaapstadt.*

СН: *Sie ist nimmer zu mir nach Kapstadt gekommen.*

‘Она никогда не приезжала ко мне в Кейптаун.’

Будущее время чаще выражается посредством глагола *gehen*, а не *werden*, например:

НН: *Ich geh nich hier in Windhoek wohnen.*

СН: *Ich werde niemals hier in Windhoek wohnen.*

‘Я никогда не буду жить здесь в Виндхуке.’

НН: *Wir gehen uns an unserer Reise zu Otjindodjiland erinnern.*

‘Мы будем вспоминать о нашей поездке в Оджиндоджланд.’

Следует обратить внимание на то, что в этом предложении вместо предлога *nach* употреблен предлог *zu*.

В **НН** гораздо чаще употребляется **пассивная форма** в тех случаях, когда в стандартном немецком она не была бы употреблена:

HN: *Denkt daran, wenn in irgendeinem Staat geputscht wird, besetzen die Putschisten zuerst Radio- und Fernsehsender.*

‘Подумай о том, что, когда в каком-нибудь государстве происходит путч, путчисты заведуют прежде всего радио- и телепередатчиками.’

HN: *Bei ihm wurde NBC mittlerweile wüst verschulden.*

‘Между тем он обвинил в неразберихе NBC.’

HN: *Das Gestühl in diesem Saal wird huka geklauen.*

‘Стулья в этом зале были растащены в беспорядке.’

В этом предложении слабый глагол *klauen* употреблен как сильный.

HN: *Im NAM-Släng wird nich so geworried wegen der Rechtschreibung.*

‘В намибийско-немецком сленге никогда не беспокоятся о правописании.’

В этом предложении использован заимствованный из английского глагол *worry*, получивший парадигму слабого глагола.

Ich habe einen lellecken Sonnenbrand.

‘У меня ужасный загар.’

Наречия в **HN** практически эквивалентны наречиям в **CH**. Для усиления их семантических значений часто используются усилительные частицы *murrsch* (афр. *moers*) – ‘более, сильнее’; *bleddie* (англ. *bloody*) – ‘чертовски, ужасно’ и *wrachtach* (афр. *wragtie*) – ‘действительно, на самом деле’.

Das Wort Urlaub können sie wrachtach permanent als Pasjona hören.

‘Слово «отпуск» действительно постоянно можем мы слышать как «пасьона».’

Murrsch natürlich war das, was ich hier Hund nenne, damals als Bello genennen wurde.

‘Естественнее было, что то, что я называю собакой, называлось Белло.’

Наблюдаются различия в предложном и беспредложном **управлении глаголов** в словосочетаниях глагол – существительное (местоимение).

CH: *Ich habe ihn gesucht.*

HH: *Ich habe **für** ihn **gesuchen**.*

‘Я посетил его’.

В этом предложении дополнительно используется предлог *für*, а глагол *besuchen* употреблен в сильной форме, вместо слабой.

CH: *Er hat so lange auf ihn gewartet.*

HH: *Der hat so lange **für** ihn **gewarten**.*

‘Он так долго его ждал’.

В этом предложении вместо личного местоимения *er* употреблен артикль, вместо предлога употреблен предлог *der*, а глагол *warten* употреблен в сильной форме вместо слабой.

CH: *Sie war so böse auf uns.*

HH: *Die war so böse **mit** uns.*

‘Она была так сердита на нас.’

В этом предложении вместо личного местоимения употреблен артикль, а вместо предлога *auf* предлог *mit*.

CH: *Wir machen bald einen Ausflug nach Sunkopmund.*

HH: *Wir machen bald einen Ausflug **zu** Sunkopmund.*

‘Мы скоро совершим поездку в Зункопмунд.’

В этом предложении употреблен предлог *zu*, который в **HH** очень часто употребляется вместо предлога *nach*.

CH: *Er hat ein Vergleich zwischen zwei Mädchen gemacht.*

HH: *Der hat ein **Komparison** **gemachen mit** zwei Görten.*

‘Он сделал сравнение между двумя девушками.’

В этом предложении употреблены английские заимствования *comparision* и *girl*, а также использован предлог *mit*, который в **HH** представляется достаточно полифункциональным.

В **HH** имеется **притяжательная конструкция**, образующаяся при помощи притяжательного местоимения, относящегося

к обладателю и стоящего в препозиции к нему. Подобные конструкции стандартно используются в языке африкаанс и северофризском языке, а также встречаются в некоторых северогерманских диалектах, а также в северофризском языке:

СН: *Das ist ein Buch von Henning.*

НН: *Das ist Henning sein Buch.*

‘Это книга Хеннинга.’

СН: *Die Schwester von meinem Freund kam gestern.*

НН: *Mein Freund seine Schwester hat gestern gekommen.*

‘Вчера приехала сестра моего друга.’

СН: *Man verlier in der Klasse die Bücher von verdammtm Lehrer.*

НН: *Bleddie Pauker sein Bücher wurden in die Klasse verloren.*

‘Книги проклятого учителя потеряли в классе.’

Здесь помимо интересующей нас конструкции употреблено английское заимствование *bloody* и **НН** пренебрежительное слово *Pauker* ‘учитель’.

В **НН** инфинитив цели нормативно сопровождается союзом *um ... zu*:

*Ich habe keine Lust, **um** morgen in **der** Schule **zu** gehen.*

‘У меня нет никакого желания утром идти в школу.’

*Der Weg, **um** diese Frage **zu** lösen, ist **wust** schwer.*

‘Способ решения этого вопроса очень труден.’

*Der ist bereit, **um** mir **zu** helfen.*

‘Он готов мне помочь.’

Аналогичная конструкция может использоваться и в стандартном немецком, а также нормативно используется в языке африкаанс.

Как и во всех бесписьменных или младописьменных языках, в **НН** предпочтение отдается простым предложениям перед сложными. В то же время наиболее распространенным видом придаточных предложений являются дополнительные, в которых ска-

зуемое часто ставится не в конец предложения, а перед подлежащим:

СН: *Ich werde mal gucken, was das Kleine macht.*

НН: *Ich geh mal gucken, was macht das Kleine.*

‘Я посмотрю, что делает малыш.’

СН: *Ich werde sagen, was sie machen muss.*

НН: *Ich geh sagen, was sie muss machen.*

‘Я скажу, что она должна сделать.’

При наличии составного сказуемого в **НН** дополнение ставится в конце предложения, а не между членами составного сказуемого:

СН: *Ich hoffe nicht, dass wir sehr lange warten müssen.*

НН: *Ich hoffe, wir müssen warten sehr lange.*

‘Я надеюсь, что мы не должны очень долго ждать.’

В бессоюзных придаточных дополнительных прямой порядок слов присутствует как в главном, так и в придаточном:

СН: *Ich habe nicht gewusst, dass der Onkel ein Fahrrad hat.*

НН: *Ich hab' nich gewusst, der Oukie hat ein Beik.*

‘Я не знал, что у дядюшки есть велосипед.’

Африкаанс в Намибии

Помимо ЮАР, африкаанс является одним из важнейших языков Намибии. В Намибии на языке африкаанс издается газета «Ди Републикейн», основанная в 1977 г., она представляла интересы ДАТ (Демократического Альянса Турнхале), издатели Д. Спиес и Н. Крюгер. Сегодня она представляет общенациональные интересы, в частности, печатая статьи о региональных и международных новостях, политике и земельных реформах в Намибии. Она имеет электронное издание в Интернете <http://www.republikein.com.na>.

Газета «Таймс оф Намибия», выходит на африкаанс, английском и немецком тиражом примерно 45 000 экземпляров. Она представляет интересы крупной буржуазии, фермеров и фабрикантов. В Намибии существует радио на языке африкаанс. Язык афри-

каанс является самым «молодым» из всех западно-германских языков (в соответствии только с генетической классификацией, поскольку во всем остальном он является языком чисто африканским). Вся история его возникновения и развития укладывается в рамки последних трех столетий именно на африканской почве. В 1875 г. было основано «Общество истинных африканеров», ставившее целью борьбу за признание африкаанса в качестве национального литературного языка африканеров. Именно в это время утвердились термины «африкаанс» и «африканер» для обозначения языка и этноса. Члены общества, среди которых были учителя и журналисты, издавали на африкаансе журнал «Ди Патриот», создавали африканскую художественную литературу на африкаансе, писали художественные произведения на африкаансе, а также переводили на этот язык иностранных авторов. Среди авторов, пишущих на языке африкаанс, наиболее известны поэты Д. Дж. Опперман и Б. Брейтенбах, а также прозаик Э. Леру и многие другие. Их заслуга состоит в том, что они сумели доказать (прежде всего, самим африканерам) способность африкаанса выполнять функции полноценного литературного языка.

В современной Намибии функционирует, наряду со стандартным языком, ряд территориальных и этнических вариантов, в частности вариант бастеров. Однако до сих пор не существует строгого описания этих структурных отклонений от стандарта. Причем даже у одного и того же носителя эти отклонения имеют несистематический характер. Не случайно статью об особенностях намибийского африкаанса в журнале “Stellenbosch Papers in Linguistics” автор озаглавил “Is there a Namibian Afrikaans?” – «Существует ли намибийский африкаанс?»

Некоторые особенности намибийского африкаанса мне удалось отметить в ходе общения с местными жителями, как белыми, так и черными. К таким особенностям относятся следующие.

Добавление возвратной частицы *se* в притяжательных местоимениях множественного числа:

СА: Kinders het hulle boeke gebring.

НА: Kinders het hulle se boeke gebring.

‘Дети принесли свои книги.’

СА: *Waar is ons Moder?*

НА: *Waar is onse (ons se) Moder?*

‘Где наша мама?’

Использование **префикса ge-** с префиксными глаголами, не требующими *ge-*:

СА: *Hulle het beleef hierdie moeilikhede.*

НА: *Hulle het gebeleef hierdie moeilikhede.*

‘Они перенесли эти трудности.’

СА: *Hy het vertel my ‘n baie interessante storie.*

НА: *Hy het gevertel my ‘n baie interessante storie.*

‘Он рассказал мне очень интересный рассказ.’

Использование в предложениях одного **отрицания** вместо двух:

СА: *Daar is min mense wat hom nie ken nie.*

НА: *Daar is min mense wat hom ken nie.*

‘Мало кто его не знает.’

Употребление модальных глаголов в прошедшем времени в сложной форме с *het*:

СА: *kan – kon, moet – moes, wil – wou*

НА: *het kan, het moet, het wil*

В дополнительных придаточных предложениях **вспомогательный глагол** *het* занимает не конечную позицию, а позицию сразу после подлежащего:

СА: *My vriend sê dat hy hierdie tak gedoen het.*

НА: *My vriend se dat hy het hierdie tak gedoen.*

‘Мой друг сказал, что он выполнил это задание.’

Как уже говорилось, отклонения от стандарта не являются систематическими. В беседе с информантами создается впечатление, что один и тот же информант в процессе речи может использовать как стандартную, так и нестандартную форму.

Литература

- Брук С.И.* Население мира. Этнодемографический справочник. М., 1986.
- Дьячков М.В.* Фризско-русский учебный словарь (вариант феринг). М., 2009.
- Gretschel H.-V.* Südwest Deutsch. Eine kritische Bilanz. Logos. 4/2/ 1984. S. 32-44.
- Kinghorn S.* Locker vom Hocker. Aus der 'Namib Times' 2011-2012. Windhoek, 2013.
- Nockler H.* Sprachmischung in Sudwestafrika. München, 1963.
- Pütz J.* Esisallesoreidit. NAM-Släng-Deutsch. Windhoek, 2012.
- Pütz J.* NAM-Slang – Deutschg. Windhoek, 2011.
- Riel C.* Die deutsche Sprache in Namibia. Eine Bestandsaufnahme. Windhoek, 2002.
- Sell E.* Esisallesoreidit. NAM-Släng Deutsch/Deutsch – NAM-Släng. Windhoek, 2010.
- Shah Sh.* German in a Contact Situation: The Case of Namibian German. Windhoek, preprint.
- Stell G.* Is there a Namibian Afrikaans? Stellenbosch Papers in Linguistics PLUS, Vol. 39, 2009. Pp. 85-105.
- The Constitution of the Republic of Namibia. Windhoek, 2011.
- Wallace M., Kinahan J.* A History of Namibia. Capetown, 2012.

К СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ НА ЮГЕ СОМАЛИ

I. В 1981 году Марчелло Ламберти предпринял масштабную исследовательскую работу в Сомали, результатом которой стала серия новаторских публикаций о диалектах языка сомали. В “The linguistic situation in the Somali Democratic Republic” (1984), “Map of Somali dialects in the Somali Democratic Republic” (1986) и “Die Somali-Dialekte” (1986) он нарисовал, по замечанию Анджея Заборского, «четкую картину разнообразия и распространения диалектов языка сомали» [Zaborski 1986, p. 5].

В “Map of Somali dialects in the Somali Democratic Republic” Ламберти делит сомалийские диалекты на пять основных групп.

1) **Северная** группа, состоящая из пяти диалектов: *исе*, *геда-бурси*, *исак* и, частично, *варсангели* и *дульбаханте*, на которых говорят¹ в Северо-Западной провинции, а также в провинциях Тогдер, Санаг и в западной части провинции Нугаль.

2) Группа **дарод**, также состоящая из пяти диалектов²: *варсангели*, *дульбаханте*, *огаден*, *дегодия* и *вардейг*, распространенных в провинциях Бари, Нугаль, Мудуг, Западное Сомали и вдоль эфиопской границы – в провинциях Гальгадуд, Бакол и Гедо.

3) Группа **бенадир**, включающая пять диалектов: диалект *абгаль*, на котором говорят в южной части провинции Мудуг, а также в провинциях Гальгадуд и Среднее Шабелле (до Могадишо); *аджуран*, распространенный в провинции Хиран и районах Динсор, Сакоу и Буале; *гальджаэль*, на котором говорит население районов Було-Берде, Джалалакси, Джоухар и Уанле Уэйн, а также Афгойе, Сакоу и Буале; диалект *хамари*, бытующий в древнейших кварта-

---

¹ Здесь и далее в этом параграфе – согласно данным Ламберти, зафиксированным в ходе полевых работ.

² На самом деле этих диалектов, как и диалектов группы **бенадир**, о которых речь пойдет ниже, значительно больше, чем указано в публикациях Ламберти.

лах Могадिशю; *бималь*, на котором говорят в районах Афгойе, Марка и Джамаме.

4) Диалекты **май**, ареал бытования которых – провинции Верхняя Джубба, Нижнее Шабелле и Нижняя Джубба.

5) Группа **дигиль**, состоящая из четырех диалектов: *тунни*, *дабарре*, *гарре* и *джидду*. Они перемежаются с диалектами **май** на территории упомянутых выше трех провинций.

II. Работы Ламберти содержат несколько карт с указанием ареалов бытования названных диалектных групп. Однако со времени публикации этих карт социолингвистическая ситуация на юге Сомали претерпела глубокие изменения в результате потрясений, вызванных многолетней гражданской войной, последовавшей за свержением режима Мохамеда Сиада Барре в 1991 г. По свидетельству специалистов, *«демографически, гражданская война изменила традиционные модели расселения племен. Мощные племена силой захватили лучшие поселения и земли... Модели расселения племен претерпели изменения, главным образом, в городах и на сельскохозяйственных территориях, таких как Нижнее Шабелле, долина реки Джубба и Могадिशю. Эти территории существенно трансформировались вследствие мощных нашествий «чужеродных» племен, поддержанных вооруженными ополченцами»* [ICG 2003]. И еще: *«Боевые отряды племени хабаргидир расположились между Могадिशю и Кисмайю, а их партнеры из племени маррехан – на территории Альянса Долины Джуббы»* [Land, p. 119].

Таким образом, массовая миграция племен привела к сложному взаимодействию диалектов, часть которых ранее друг с другом не соприкасались.

Карта Ламберти с указанием территории бытования **северных** диалектов по-прежнему верна, но карты распространения диалектов **дарод** и **бенадир** требуют серьезного обновления. Мне уже приходилось писать о том, что, к примеру, диалект *дегодия*, входящий в группу диалектов **дарод**, практически исчез из провинции Гедо, расположенной на юге Сомали [Karchits, in press]. В то же время другие диалекты этой группы – *хабаргидир*, *маррехан* и, в меньшей степени, *огаден* и *маджертен* – распространились в зонах традиционного бытования диалектов **бенадир**, **май** и **дигиль** в южной части Сомали.

Сегодня лингвисты, занимающиеся изучением языка сомали, оказались перед лицом новой «диалектной реальности», осмысление которой представляется неотложной и увлекательной задачей. Ее решение нуждается в тщательных полевых исследованиях, организация которых, с учетом ситуации в Сомали, сейчас, к сожалению, невозможна. Оказалось, однако, что нужную информацию можно извлечь из интервью с беженцами из Сомали, наводнившими Западную Европу, США и арабские страны в течение последних двадцати с лишним лет. По прибытии туда их интервьюируют, а их речь анализируют с тем, чтобы определить, в какой части Сомали они выросли и достигли зрелого возраста. Если особенности языка беженца соответствуют говору населенного пункта в южной части Сомали, из которого, по его утверждению, он прибыл (предполагается, что характеристики этого говора известны экспертному сообществу), то заявка на получение убежища удовлетворяется, если не соответствуют – отвергается. 300 записей таких интервью были любезно предоставлены мне коллегами из Германии и Нидерландов.

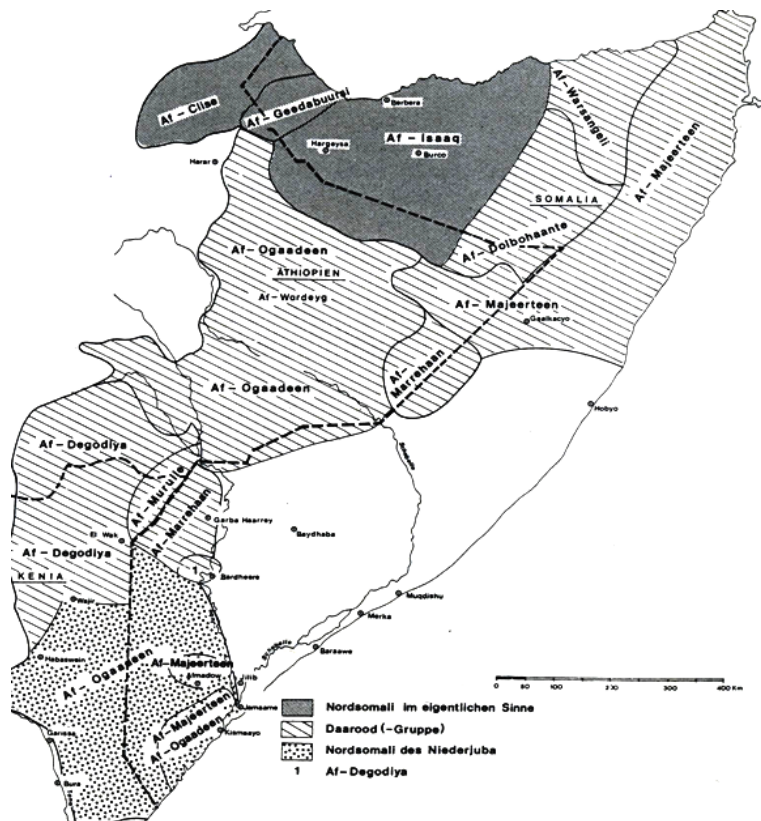
Настоящее исследование основано на расшифровке интервью с 26 бывшими обитателями города Афгойе (провинция Среднее Шабелле) и 11 бывшими жителями города Корйолей (провинция Нижнее Шабелле). На самом деле количество соответствующих интервью было почти вдвое больше, но лишь те, что были одобрены экспертами, то есть, результаты анализа которых соответствовали ожидаемым, были приняты во внимание.

III. Предварительные замечания

III.1. У северных диалектов и диалектов группы **дарод** много общего. Их морфология и синтаксис почти идентичны, поэтому ту или иную изоглоссу часто невозможно отнести к какой-либо из этих двух диалектных групп. Например, и в группе **дарод**, и в группе **северных** диалектов субъект присоединяет особый показатель **-i** или **-u** (в группе диалектов **бенадир** его нет). Сказанное выше относится и к лексике, значительная часть которой также является общей для этих двух диалектных групп. Однако известно, что диалекты группы **дарод** располагаются между **северными** диалектами и «**южными**», т.е. диалектами группы **бенадир**. Это значит, что **северные** диалекты с диалектами **бенадир** «не соприкасаются», и в южной части Сомали на них обычно не говорят. Иное дело

– диалекты группы **дарод**, которые не только «сосуществуют» с диалектами группы **бенадир**, но и проникают в сопредельные ареалы их бытования. Сказанное означает, что изоглоссы, общие для **северных** диалектов и для диалектов группы **дарод**, в настоящем исследовании можно рассматривать как принадлежащие диалектам группы **дарод**. Немногочисленные чисто «северные» изоглоссы, выявленные в речи некоторых беженцев, объясняются их образовательным уровнем: во многих сомалийских школах обучение ведется на так называемом **стандартном** сомали, основанном на **северных** диалектах и диалектах группы **дарод**.

Карта 1. Распространение северных диалектов и диалектов группы дарод (заимствована из [Lamberti 1986b: 33]).

III.2. В то же время довольно ограниченное количество изоглосс, принадлежащих одновременно к диалектам группы **дарод** и диалектам группы **бенадир** (главным образом это вибрирующий сонорный *r* в личных формах неправильного глагола **ogan** ‘говорить, называть’ – встречается 19 раз в 36 анализируемых интервью¹), можно не учитывать, так как неясно, к какой из этих двух диалектных групп их следует отнести. Возможная альтернатива – помечать такие изоглоссы знаком **дарод / бенадир** была отвергнута ради простоты изложения результатов исследования.

III.3. Изоглоссы, выявленные в речи интервьюируемых, не отнесены к конкретным диалектам, так как для целей исследования достаточно определить группы диалектов, к которым они принадлежат: группу **северных** диалектов, группу диалектов **дарод** или диалекты группы **бенадир**.

III.4. Если в одном интервью изоглосса повторяется несколько раз, она учитывается (и регистрируется) только один раз.

IV. Социолингвистическая ситуация в городе Афгойе (провинция Среднее Шабелле)

IV.1. Согласно Ламберти, население Афгое говорит на двух диалектах группы **бенадир** – *гальджаэль* и *бималь* [Lamberti 1986a, pp.17-18]. С началом гражданской войны в 1991 году Афгое в числе других населенных пунктов на юге Сомали подвергся нашествию племени хабаргидир (клан хавие), члены которого традиционно обитают в провинциях Мудуг, Хиран, Гальгадуд и в эфиопской провинции Огаден. Они говорят на диалекте *хабаргидир*, принадлежащем к диалектной группе **дарод**.

По сообщениям информантов, нынешние обитатели города Афгойе и его окрестностей представляют племена гелледи, бегеди, чарер и мурусаде, говорящие на одноименных диалектах (или под-диалектах) группы **бенадир**, племя гальджаэль, одноименный диалект которого относится к этой же диалектной группе, племя гарре, диалект которого *гарре* принадлежит к группе **дигиль**, и семьи из племени хабаргидир, говорящие на диалекте *хабаргидир*.

¹ Все остальные примеры с этой же изоглоссой: **xiri** ‘закрывать’ (9 повторений), **agoos** ‘свадьба’ (3), **qurux** ‘красота’ (1).

IV.2. Анализ речевой практики 26 беженцев из Афгойе

IV.2.1. Фонология

IV.2.1.1. Изоглоссы диалектов **бенадир**: **seddax**¹ ‘три’ (23)², **waayc** ‘он/она/оно/они есть’ (22), **moos** ‘бананы’ (12), **qudaar** ‘овощи’ (11), **ow/aw** ‘он’ (10), **cambuulo** ‘каша’ (8), **masaajid** ‘мечеть’ (6), **iskool** ‘школа’ (6), **(ma) lahan** ‘этого нет’ (6), **ahay** ‘я был’ (7), **toman/tommon** ‘десять’ (5), **(u) maleyhaa** ‘я думаю’ (5), **(la) geynaa** ‘кто-то уносит’ (4), **(ma) xasuusti** ‘я не помню’ (4), **lamma/lammaatan** ‘два/двадцать’ (4), **annaqa/unnuka** ‘мы (эсклюзивное)’ (3), **koo(-)fur** ‘юг’ (3), **geber** ‘девочка, дочь’ (3), **(la) cunoooyaa** ‘кто-то ест’ (2), **eri** ‘козы и овцы’ (2), **canjeelo** ‘лепешка’ (2), **gurbaan** ‘барабан’ (2), **talaada** ‘вторник’ (1), **ger** ‘борода’ (1), **shaax** ‘чай’ (1), **lugay(-)** ‘ходить’ (1), **(ma) ahan** ‘это не’ (1), **asiga** ‘он’ (1), **siyeed** ‘восемь’ (1).

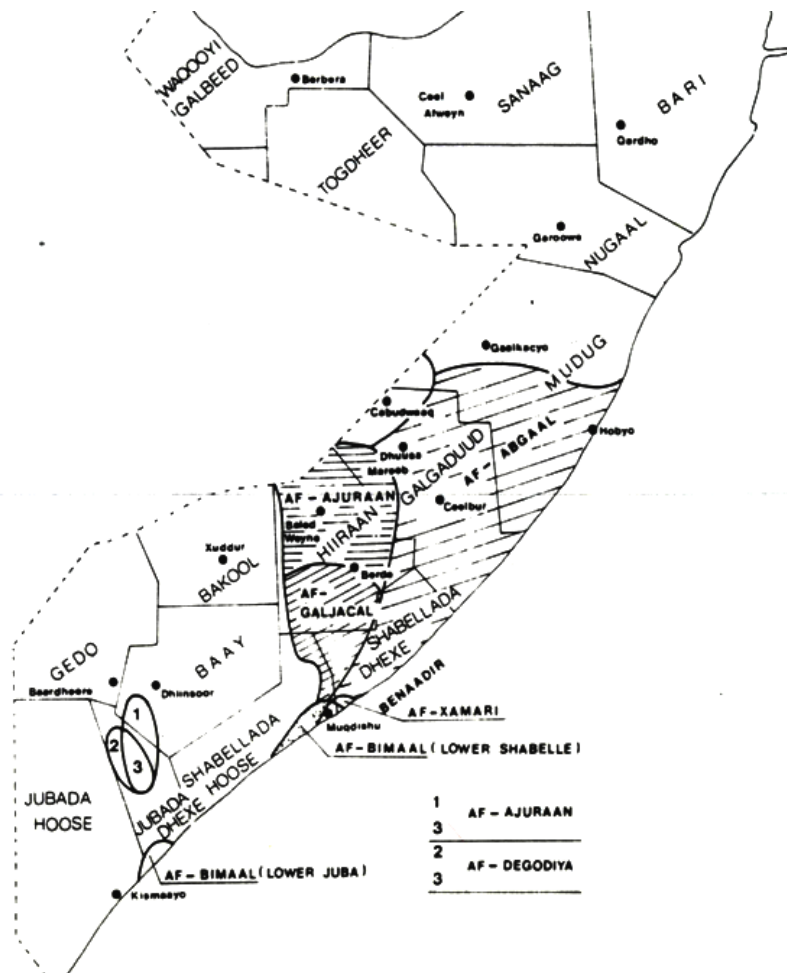
IV.2.1.2. Изоглоссы диалектов **дарод**: **gaari/gawaari** ‘автомобиль/автомобили’ (11), **weeyaan** ‘он/она/оно/они есть’ (8), **gabar** ‘девочка, дочь’ (6), **ari** ‘козы и овцы’ (6), **haruur** ‘просо’ (2), **gar** ‘борода’ (1).

IV.2.1.3. Изоглоссы, общие для диалектов группы **дарод** и **северных** диалектов: **laba/labaaatan** ‘два/двадцать’ (24), **siddeed** ‘восемь’ (14), **iskuul** ‘школа’ (19), **toban** ‘десять’ (8), **muus** ‘бананы’ (6), **waqooyi** ‘север’ (6), **(ma) aha(-)** ‘это не’ (5), **qudrad** ‘овощи’ (5), **(ma) laha(-)** ‘этого нет’ (4), **canjeero** ‘лепешка’ (3), **uu** ‘он’ (3), **mas(-)jid** ‘мечеть’ (2), **xataa** ‘даже’ (2), **saddex** ‘три’ (1), **shaah** ‘чай’ (1), **koonfur** ‘юг’ (1).

IV.2.1.4. Изоглоссы, относимые к **северным** диалектам: **weeye** ‘он/она/оно/они есть’ (7), **xidhi** ‘закрывать’ (5), **gabadh** ‘девочка, дочь’ (4), **fadhiisan** ‘садиться’ (3), **shaadh** ‘рубашка’ (2), **gaadhi/gawaadhi** ‘автомобиль/автомобили’ (2).

¹ Для удобства чтения изоглоссы подчеркиваются, а не описываются таким, например, образом: **seddax** – **ε**, орфографически **e**, в первом слоге и **a**, орфографически **a**, – во втором vs. **saddex** с обратным порядком этих согласных в диалектах группы **дарод** и **северных** диалектах.

² Цифра в скобках указывает на количество беженцев, в речи которых выявлена эта изоглосса.

Карта 2. Распространение диалектов бенадир (заимствована из [Lamberti 1986b: 36]).

Как показано выше, количество фонетических изоглосс диалектов **бенадир**, выявленных в 26 интервью, равно 29 (157 повторений). Количество изоглосс диалектов группы **дарод** (вместе с общими для этой группы и **северных** диалектов) равно 22 (138

повторений). Что касается исключительно «северных» изоглосс, их количество значительно меньше – 6 (23 повторения).

IV.2.2. Морфология

IV.2.2.1. Изоглоссы диалектов группы **бенадир**. Маркер предикативного фокуса **waa** не присоединяет краткие субъектные местоимения **aan** ‘я’, **aad** ‘ты’ и др., например, **Waa ka soo dhigtay dugsi Quraan ah** ‘Я учился в коранической школе’ (29); краткая форма эмфатических местоимений **an/ani** ‘я’, **ad/adi** ‘ты’, **as/is** ‘он’, **iya** ‘она’ (22); подлежащее не присоединяет особый показатель **-i** или **-u**, например, **Waddankayga sidiisa kale waa fiican yahay** ‘В остальном моя страна (вполне) хороша’ (15). Притяжательное (инклюзивное) местоимение 1 л. мн. ч. **-cenn**, например, **reerkeenna** ‘наша (инклюз.) семья’ (7). Краткая форма 3 л. м. р. неправильного глагола **oran** ‘говорить, называть’ в Простом настоящем времени: **(la) yiraa** ‘некто называет’ (4); суффиксы **-sh** (l- + -t) и **-t** в глагольной форме 1 л. ед. ч. или 3 л. м. р. **dhashay** ‘я/он родился’ (4); суффикс мн. числа **-yaal**: **gaarivaal** ‘автомобили’ (3). Форма 1 л. ед. ч. неправильного глагола **iman** ‘приходить, приезжать’ в Простом прошедшем времени: **imaadday** ‘я пришел’ (2). Краткое субъектное (инклюзивное) местоимение 1 л. мн. ч. **aynu** ‘мы (инклюз.)’ (1).

IV.2.2.2. Изоглоссы диалектов группы **дарод**. Полная форма 3 л. м. р. неправильного глагола **oran** ‘говорить, называть’ в Простом настоящем времени: **(la) yiraahdo/aa** ‘некто называет’ (6); форма 1 л. или 3 л. м. р. неправильного глагола **iman** ‘приходить, приезжать’ в Простом прошедшем времени: **imid/yimid** ‘я/он пришел’ (6).

IV.2.2.3. Изоглоссы, общие для диалектов группы **дарод** и **северных** диалектов. Полные формы эмфатических местоимений **aniga** ‘я’, **adiga** ‘ты’, **isaga** ‘он’, **iyada/ayada** ‘она’, **annaga** ‘мы (эксклюз.)’, **ayaga** ‘они’ (60). Подлежащее присоединяет особый показатель **-i** или **-u**, например: **Qof waljba naftiisuu u baqanayaa** ‘Каждый боится за свою жизнь’ (22). Маркер предикативного фокуса **waa** присоединяет краткие субъектные местоимения, например: **Moosku wuu** [**waa** + краткое субъектное местоимение 3 л. м. р. **uu**] **ka baxaa** ‘Там растут бананы’ (20); суффикс **-sh** (l- + -t) в глагольной форме 1 л. ед. ч. или 3 л. м. р. **dhashay** ‘я/он родился’

(12). Краткое (эксклюзивное) субъектное местоимение 1 л. мн. ч. **aan/aannu** ‘мы (эксклюз.)’ (7). Краткое (эксклюзивное) объектное местоимение 1 л. мн. ч. **na** ‘нам/нас (эксклюз.)’ (9). Притяжательное (эксклюзивное) местоимение 1 л. мн. ч. **-aya**, например, **gurigayaga** ‘наш (эксклюз.) дом’ (1). Суффикс имени деятеля **-e**, например, **timajare** ‘парикмахер’ [букв. ‘тот, кто стрижет волосы’] (1).

IV.2.2.4. В проанализированных интервью выявлена только одна морфологическая изоглосса, относимая исключительно к **северным** диалектам. Это форма 1 л. ед. ч. и 3 л. ж. р. неправильного глагола **iman** ‘приходить, приезжать’ в Простом прошедшем времени: **imidday/timidday** (4).

Как показано выше, количество морфологических изоглосс диалектов **бенадир**, выявленных в **26** интервью, равно **9** (**87** повторений). Количество изоглосс диалектов группы **дарод** (вместе с изоглоссами, общими для этой группы и **северных** диалектов) равно **10** (**144** повторения). Кроме того, **1** изоглосса (повторенная **4** раза) принадлежит исключительно к группе **северных** диалектов.

IV.2.3. Синтаксис

IV.2.3.1. Изоглоссы диалектов группы **бенадир**. Маркер именного фокуса **aa** (22). В двузначных числительных «десятки» предшествуют «единицам», например, **tommon iyo kow** ‘одиннадцать’ [букв. ‘десять и один’] (10). Отрицательная частица **ma** предшествует показателю безличного субъекта **la**, предложным частицам **u**, **ku**, **ka**, **la** и другим частицам, образующим предглагольную последовательность, например, **Ma la arko** ‘Ничего не видать’ [букв. ‘Некто ничего не видит’] (9). Форма сослагательного наклонения глагольного предиката при субъекте под фокусом: **Waxaa ku yaallo afar degmo** ‘Там расположены четыре населенных пункта’ (4).

IV.2.3.2. Изоглоссы, общие для диалектов группы **дарод** и **северных** диалектов. Маркер именного фокуса **ayaa** (23). Маркер именного фокуса **baa** (22). Отрицательная частица **ma** следует за показателем безличного субъекта **la**, предложными и другими частицами, образующими предглагольную последовательность, например: **Tareen kama shaqeeyo** ‘Поезда там не ходят’ [букв. ‘не работают’] (10). В двузначных числительных «десятки» следуют

за «единицами», например, **sagaal iyo labaatan** ‘двадцать девять’ [букв. ‘девять и двадцать’] (3).

Как показано выше, количество синтаксических изоглосс, относящихся к диалектам группы **бенадир**, равно **4 (45 повторений)**. Количество изоглосс диалектной группы **дарод** (общих с **северными** диалектами) также равно **4 (58 повторений)**.

IV.2.4. Лексика

IV.2.4.1. Лексические изоглоссы диалектной группы **бенадир**: **dhihi** ‘говорить, называть’ (19), **saa/saas** ‘таким образом’ (15), **yaanyo** ‘помидоры’ (14), **lee** ‘только’ (14), **hadda** ‘сейчас’ (13), **buundo** ‘мост’ (12), **kasi** ‘понимать, знать’ (10), **galley** ‘маис’ (9), **baabuur** ‘автомобиль’ (8), **meseggo** ‘просо’ (7), **yariis** ‘маленькая вещь, ребенок’ (7), **fiican** ‘хороший’ (6), **suubbin** ‘делать’ (5), **nooh** ‘ну’ [междометие] (5), **banooni** ‘мяч, футбол’ (5), **deris** ‘сосед’ (4), **mallaay** ‘рыба’ (4), **guduud** ‘красный’ (4), **habar** ‘мать’ (3), **foorno** ‘пекарня’ (3), **kista** ‘малое количество’ (3), **yaanyuur** ‘кошка’ (3), **dooro** ‘курица’ (2), **buuf** ‘пуп’ (2), **faruur** ‘губы’ (2), **wariiri** ‘муравей’ (2), **abboow/abboowe** ‘брат’ (2), **adoo** ‘отец’ (1), **ansalaato** ‘салат’ (1), **abbaayo** ‘сестра’ (1), **labeey** ‘палка’ (1), **kacac** ‘пирог’ (1), **biibito** ‘чайная’ (1), **minin** ‘хижина’ (1), **beeso** ‘деньги’ (1), **falfalliir** ‘фасолевый суп’ (1), **maanyo** ‘море’ (1), **igaar** ‘мальчик’ (1), **dhinac** ‘сторона’ (1), **mayran** ‘умываться’ (1).

IV.2.4.2. Лексические изоглоссы диалектной группы **дарод**: **imminka** ‘сейчас’ (9), **gaari/gawaari** ‘автомобиль/автомобили’ (8), **keliya** ‘только’ (5).

IV.2.4.3. Лексические изоглоссы, общие для диалектной группы **дарод** и **северных** диалектов: **aabbe/o** ‘отец’ (12), **hooyo** ‘мать’ (11), **walaal** ‘брат, сестра’ (10), **guri** ‘дом’ (8), **garan** ‘понимать’ (8), **lacag** ‘деньги’ (7), **fahmi** ‘понимать’ (7), **kubbad** ‘мяч, футбол’ (4), **maqaayad** ‘чайная’ (3), **aqoon** ‘знать’ (3), **yarka** ‘маленький мальчик’ (3), **ayeyo** ‘бабушка’ (2), **albaab** ‘дверь’ (2), **jaar** ‘сосед’ (2), **sameyn** ‘делать’ (2), **aqal** ‘дом’ (1), **haruur** ‘просо’ (1), **casaan** ‘красный’ (1).

IV.2.4.4. Лексические изоглоссы группы **северных** диалектов: **uun** ‘только’ (7), **dee** ‘ну’ [междометие] (7), **iibin/iibsan** ‘продавать/покупать’ (6), **hablo** ‘девушки’ (4), **baradho** ‘картофель’

(1), **tamaadho** ‘помидоры’ (1), **maqaaxi** ‘чайная’ (1), **gaadhi/gawaadhi** ‘автомобиль/автомобили’ (1).

Как продемонстрировано выше, количество лексических изоглосс, относящихся к диалектам группы **бенадир**, равно **40 (198 повторений)**. Количество лексических изоглосс, принадлежащих диалектной группе **дарод** (включая лексемы, общие с группой **северных** диалектов), равно **21 (109 повторений)**, а количество чисто «северных» лексических единиц равно **8 (28 повторений)**.

IV.3. Заключение

Таким образом, в речи **26** беженцев из города Афгойе выявлены **82** фонологические, морфологические, синтаксические и лексические изоглоссы, относящиеся к диалектам группы **бенадир (487 повторений)**. Соответственно, выявлены **57** изоглосс (**449** повторений), принадлежащих к группе диалектов **дарод** и **15** изоглосс (**55** повторений) – к группе **северных** диалектов.

Сказанное означает, что нынешние жители города Афгойе (провинция Среднее Шабелле) говорят на смеси диалектов групп **бенадир** и **дарод**, изоглоссы которых представлены примерно в одинаковой пропорции. Точнее, этот вариант сомалийского языка включает в себя **52,6%** изоглосс диалектов **бенадир (49%** повторений всех изоглосс), **37,6%** изоглосс диалектов **дарод (45,5%** повторений всех изоглосс). Остальное – **9,8%** изоглосс (**5,5%** всех повторений) – приходится на группу **северных** диалектов.

V. Социолингвистическая ситуация в Корйoley (провинция Нижнее Шабелле)

V.1. Согласно Ламберти, провинция Нижнее Шабелле, расположенная на юге Сомали, является ареалом распространения диалектов **май** и **дигиль** [Lamberti 1984, p.164]. По сообщениям информантов, деревня Корйoley превратилась в город в 1977-1978 гг., когда на юг Сомали переселились жертвы засухи, поразившей эфиопскую провинцию Огаден. С началом гражданской войны в Сомали в 1991 г. Корйoley оказался под контролем кочевого племени Хабаргидир.

В настоящее время население Корйoley представлено племенами джидду, гарре и дабарре, говорящими на одноименных диа-

лектах группы **дигиль**, племенами бималь, гальджаэль и бегеди, говорящими на диалектах группы **бенадир**, и племенем кубейс, члены которого традиционно говорят на диалекте *хабаргидир*, входящем в группу диалектов **дарод**. Среди обитателей Корйолей есть также немногочисленные представители племени шехаль (клан Хавие), говорящие на диалектах местного большинства.

V.2. Анализ речевой практики 11 беженцев из Корйолей

V.2.1. Фонология

V.2.1.1. Изоглоссы диалектов группы **бенадир**: **seddax** ‘три’ (10), **waaye** ‘он/она/ оно/они есть’ (7), **cambuulo** ‘каша’ (5), **koo(-)fur** ‘юг’ (5), **moos** ‘бананы’ (4), **qudaar** ‘овощи’ (4), **ow/aw** ‘он’ (3), **iskool** ‘школа’ (3), **(ma) lahan** ‘этого нет’ (2), **ahay** ‘я был’ (2), **toman/tommon** ‘десять’ (2), **(la) geynaa** ‘некто уносит’ (2), **(ma) ahan** ‘это не’ (2), **xitaa** ‘даже’ (2), **(ma) xasuusti** ‘я не помню’ (2), **lamma** ‘два’ (1), **shaleemo** ‘кинотеатр’ (1), **geber** ‘девочка, дочь’ (1), **canjeelo** ‘лепешка’ (1), **Talaada** ‘вторник’ (1), **(u) maleyhaa** ‘я думаю’ (1).

V.2.1.2. Изоглоссы диалектов **дарод**: **ari** ‘козы и овцы’ (5), **gaari** ‘автомобиль’ (2), **weeyaan** ‘он/она/оно/они есть’ (2), **gabar** ‘девочка, дочь’ (2).

V.2.1.3. Изоглоссы, общие для диалектов группы **дарод** и **северных** диалектов: **laba/labaatan** ‘два/двадцать’ (10), **iskuul** ‘школа’ (7), **toban** ‘десять’ (5), **(ma) aha(-)** ‘это не’ (5), **canjeero** ‘лепешка’ (4), **siddeed** ‘восемь’ (4), **xataa** ‘даже’ (4), **qudrad** ‘овощи’ (2), **mas(-)jid** ‘мечеть’ (2), **muus** ‘бананы’ (1), **waqooyi** ‘север’ (1).

V.2.1.4. Изоглоссы **северных** диалектов: **weeye** ‘он/она/ оно/они есть’ (3), **xidhi** ‘закрывать’ (3), **gabadh** ‘девочка, дочь’ (1).

Как показано выше, количество фонологических изоглосс диалектной группы **бенадир**, выявленных в 11 интервью, равно 21 (повторяются 61 раз). Количество изоглосс группы **дарод** (вместе с общими изоглоссами этой диалектной группы и **северных** диалектов) равно 15 (56 повторений). Что касается исключительно «северных» изоглосс, их количество значительно меньше – 3 (7 повторений).

V.2.2. Морфология

V.2.2.1. Изоглоссы диалектов группы **бенадир**. Маркер предикативного фокуса **waa** не присоединяет краткие субъектные местоимения **aan** ‘я’, **aad** ‘ты’ и др., например: **Наа, waa ka imid Soomaaliya** ‘Да, я приехал из Сомали’ (11). Краткая форма эмфатических местоимений **an/ani** ‘я’, **ad/adi** ‘ты’, **iya** ‘она’ (8). Подлежащее не присоединяет особый показатель **-i** или **-u**, например: **Qolo wal(-)ba waxay leedahay odayaal** ‘В каждом племени есть старейшины’ (5). Притяжательное (инклюзивное) местоимение 1 л. мн. ч. **-eenn**, например, **reerkeenna** ‘наша (инклюз.) семья’ (5). Краткая форма 3 л. м. р. неправильного глагола **oran** ‘говорить, называть’ в Простом настоящем времени: **(la) yiraa** ‘некто называет’ (4). Форма 1 л. ед. ч. неправильного глагола **iman** ‘приходить, приезжать’ в Простом прошедшем времени: **imaadday** ‘я пришел’ (2). Суффиксы **-sh** (l- + -t) и **-t** в глагольной форме 1 л. ед. ч. или 3 л. м. р. **dhashtay** ‘я/он родился’ (1). Суффикс мн. числа **-yaal**: **afyaal** ‘языки’ (1).

V.2.2.2. Изоглоссы диалектной группы **дарод**. Полная форма 3 л. м. р. неправильного глагола **oran** ‘говорить, называть’ в Простом настоящем времени: **(la) yiraahdo/aa** ‘некто называет’ (4).

V.2.2.3. Изоглоссы, общие для диалектов группы **дарод** и **северных** диалектов. Полные формы эмфатических местоимений **aniga** ‘я’, **adiga** ‘ты’, **asaga** ‘он’, **annaga** ‘мы (эксклюз.)’, **ayaga/iyaga** ‘они’ (21). Маркер предикативного фокуса **waa** присоединяет краткие субъектные местоимения, например: **Walaalo waan** [**waa** + краткое субъектное местоимение 1 л. ед. ч. **aan**] **leeyahay** ‘У меня есть братья и сестры’ (11). Подлежащее присоединяет особый показатель **-i** или **-u**, например: **Aroosku laba siyaabood buu u dhacaa** ‘Свадебный обряд бывает двух видов’ (9). Суффикс **-sh** (l- + -t) в глагольной форме 1 л. ед. ч. или 3 л. м. р. **dhashay** ‘я/он родился’ (3). Краткое объектное местоимение 1 л. мн. ч. (эксклюзивное) **na** ‘нам/нас (эксклюз.)’ (3). Краткое субъектное местоимение 1 л. мн. ч. (эксклюзивное) **aan/aannu** ‘мы (эксклюз.)’ (2).

Как показано выше, количество морфологических изоглосс диалектов **бенадир**, выявленных в 11 интервью, равно 8 (37 повторений). Количество изоглосс диалектов группы **дарод** (вместе

с изоглоссами, общими для этой группы и **северных** диалектов) равно 7 (**53** повторения).

V.2.3. Синтаксис

V.2.3.1. Изоглоссы диалектов группы **бенадир**. Маркер именного фокуса **aa** (7). В двузначных числительных «десятки» предшествуют «единицам», например, **labaatan iyo kow** ‘двадцать один’ [букв: ‘двадцать и один’] (3). Отрицательная частица **ma** предшествует показателю безличного субъекта **la**, предложным и другим частицам, образующим предглагольную последовательность, например: **Wax kale maka sheegi karo** ‘Я не могу больше ничего об этом сообщить’ (3).

V.2.3.2. Изоглоссы, общие для диалектов группы **дарод** и **северных** диалектов. Маркер именного фокуса **ayaa** (10). Маркер именного фокуса **baa** (10). В двузначных числительных «десятки» следуют за «единицами», например, **saddex iyo soddon** ‘тридцать три’ [букв: ‘три и тридцать’] (3); отрицательная частица **ma** следует за показателем безличного субъекта **la**, предложными и другими частицам, образующими предглагольную последовательность, например: **Qoryooleey wax buuro ah maka yaallaan** ‘В Корйoley гор нет’ (2).

Как показано выше, количество синтаксических изоглосс, относящихся к диалектам группы **бенадир**, равно 3 (**13** повторений). Количество изоглосс диалектной группы **дарод** (общих с **северными** диалектами) равно 4 (**25** повторений).

V.2.4. Лексика

V.2.4.1. Лексические изоглоссы диалектной группы **бенадир**: **dhihi** ‘говорить, называть’ (9), **saa/saas** ‘таким образом’ (8), **hadda** ‘сейчас’ (6), **galley** ‘маис’ (6), **buundo** ‘мост’ (5), **kasi** ‘понимать, знать’ (5), **guduud** ‘красный’ (5), **yaanyo** ‘помидоры’ (5), **lee** ‘только’ (4), **baabuur** ‘автомобиль’ (3), **meseggo** ‘просо’ (3), **yariis** ‘маленькая вещь, ребенок’ (3), **fiican** ‘хороший’ (2), **yaanyuur** ‘кошка’ (2), **banooni** ‘мяч, футбол’ (2), **suubbin** ‘делать’ (1), **nooh** ‘ну’ [междометие] (1), **deris** ‘сосед’ (1), **abboow** ‘брат’ (1), **adoo** ‘отец’ (1), **burjiko** ‘печка, плита’ (1), **beeso** ‘деньги’ (1), **duugi** ‘хоронить’

(1), **cunug** ‘ребенок’ (1), **garbasaar** ‘платок’ (1), **dhinac** ‘сторона’ (1), **digir** ‘горох’ (1).

V.2.4.2 Лексические изоглоссы диалектной группы **дарод**: **imminka** ‘сейчас’ (4), **gaari/gawaari** ‘автомобиль/автомобили’ (4), **keliya** ‘только’ (1), **haruur** ‘просо’ (1).

V.2.4.3 Лексические изоглоссы, общие для диалектной группы **дарод** и **северных** диалектов: **aabbe/o** ‘отец’ (8), **hooyo** ‘мать’ (7), **aqoon** ‘знать’ (7), **garan** ‘понимать’ (6), **guri** ‘дом’ (5), **lacag** ‘деньги’ (4), **kubbad** ‘мяч, футбол’ (3), **walaal** ‘брат, сестра’ (2), **yarka** ‘маленький мальчик’ (2), **sidaa/sidaas** ‘таким образом’ (2), **aqal** ‘дом’ (1), **fahmi** ‘понимать’ (1).

V.2.4.4 Лексические изоглоссы группы **северных** диалектов: **uun** ‘только’ (4), **dee** ‘ну’ [междометие] (2).

Как продемонстрировано выше, количество лексических изоглосс, относящихся к диалектам группы **бенадир**, равно **27 (80 повторений)**. Количество лексических изоглосс, принадлежащих диалектной группе **дарод** (включая лексемы, общие с группой **северных** диалектов), равно **16 (58 повторений)**, а количество чисто «северных» лексических единиц равно **2 (6 повторений)**.

V.3. Заключение

Таким образом, в речи **11** беженцев из города Корйолей выявлены **59** фонологических, морфологических, синтаксических и лексических изоглосс, относящихся к диалектам группы **бенадир (191 повторение)**. Соответственно, выявлены **42** изоглоссы (**192** повторения), принадлежащие к группе диалектов **дарод** и **5** изоглосс (**13** повторений) – к группе **северных** диалектов.

Сказанное выше означает, что нынешние жители города Корйолей (провинция Нижнее Шабелле) говорят на смеси диалектов **бенадир** и **дарод**, изоглоссы которых представлены примерно в одинаковой пропорции. Точнее, этот вариант сомалийского языка включает в себя **55,7%** изоглосс диалектов **бенадир (48,2%** повторений всех изоглосс), **40%** изоглосс диалектов **дарод (48,2%** повторений всех изоглосс). Остальное – **4,3%** изоглосс (**3,6%** всех повторений) – приходится на группу **северных** диалектов.

VI. Общие выводы

VI.1. Со времени публикаций карт Ламберти об ареалах распространения диалектов языка сомали (середина 1980-х гг.) диалекты группы **дарод** (*хабаргидир*, *маррехан* и, в меньшей степени, *огаден*), на которых говорят, в основном, в центральной части Сомали, глубоко проникли в регионы бытования «южных» диалектных групп **бенадир**, **май** и **дигиль**.

VI.2. Нынешние обитатели южной части Сомали говорят не на «чистых» диалектах, а на вариантах языка сомали, сочетающих черты по меньшей мере двух диалектов, которые принадлежат к разным диалектным группам.

Автор признателен Аликейру Мохамеду Нуру и другим сомалийским информантам, наблюдения которых он использовал при написании этой статьи.

Литература

- Griefenow-Mewis, Catherine. Lehrbuch des Somali. Eine praktische Einführung. Köln 2004.
- ICG Africa Report No. 59: “Negotiating a Blueprint for Peace in Somalia,” March 6, 2003.
- Kapchits, Georgi. Sentence Particles in the Somali Language and their Usage in Proverbs. Aachen, 2005.
- Kapchits, Georgi. “Lamberti’s maps of Somali dialects and the current socio-linguistic situation in South Somalia” in “5000 Jahre Semito- hamitische Sprachen in Asien und Afrika / 5000 Years Semito- hamitic Languages in Asia and Africa” – Akten des internationalen Semito- hamitistenkongresses. Berlin, 22-24 Juli 2010. Aachen, in press.
- Lamberti, Marcello. The linguistic situation in the Somali Democratic Republic. Hamburg, 1984.
- Lamberti, Marcello. Map of Somali Dialects in the Somali Democratic Republic. Hamburg, 1986a.
- Lamberti, Marcello. Die Somali-Dialekte. Hamburg, 1986b.
- Land, Property and Housing in Somalia – Norwegian Refugee Council, UN Habitat for a better urban future, UNHCR.
- Moreno, Martino Mario. Il Somalo della Somalia. Grammatica e Testi del Benadir, Darod e Dighil. Roma, 1995.
- Saeed, John I. Somali. Amsterdam-Philadelphia, 1999.
- Zaborski, A. Foreword. In Marcello Lamberti’s “Map of Somali Dialects in the Somali Democratic Republic”. Hamburg, 1986.
- Zorc, R. David and Osman, Madina M. Somali-English Dictionary with English Index. Kensington, Mariland, 1993.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА АННОТИРОВАНИЯ ТИПОЛОГИЧЕСКОГО РАРИТЕТА: АНЛАУТНО-КОРНЕВЫЕ ЧЕРЕДОВАНИЯ В ПУЛАР-ФУЛЬФУЛЬДЕ

Типологически примечательный феномен анлаутно-корневых чередований (именуемый также пермутацией, консонантной мутацией, инициальной альтернативой согласных и др.) составляет важную черту языковой системы пулар-фульфульде – черту заметную, хоть и не уникальную: в частности, подобные явления встречаются и в других языках той же западно-атлантической языковой семьи. Будучи редким в языках мира, этот феномен все еще не привлек специального и адекватного внимания со стороны общей типологии. В Атласе [Dryer & Haspelmath (eds.) 2013], включающем более сотни важных типологических параметров, отсутствует информация о грамматически мотивированных чередованиях.

Прежде всего укажем в общетеоретическом плане три момента, которые определяют типологическое своеобразие анлаутно-корневых чередований в грамматической системе пулар-фульфульде.

1. Пулар-фульфульде – язык с богатой морфологией. Это означает, что подавляющее большинство грамматических категорий выражается в этом языке посредством *прибавления* к корню / основе морфем, которые либо несут одно категориальное значение, либо кумулятивно отображают значения более чем одной категории. На фоне этой *аддитивной* морфологической стратегии резко выделяются анлаутные чередования, которые не могут быть отделены от корня как реализующиеся *симультанно* с корнем.

2. Господствующий принцип морфологической аранжировки пулар-фульфульде – *посткорневое* расположение грамматических морфем. Грамматические морфемы присоединяются либо непосредственно к корню, либо к основе, уже морфологически осложненной. Тем самым, линейная морфоструктура языка – языка,

практически не знающего префиксации, – подчеркивает специфичность системы правил, регулирующих видоизменения элемента в абсолютном *начале* словоформы.

3. Каковы бы ни были исторические истоки данного явления, в синхронном состоянии языка отсутствуют прямые фонетические предпосылки к анлаутным чередованиям. И совсем напротив, альтернативные градации в корневом анлауте целиком и полностью обусловлены контекстом *грамматическим* (морфологическим и/или более широким). Будучи задействованы в грамматические процессы, анлаутно-корневые чередования наделены *функциональными* свойствами, в частности – способностью отображать категориальные значения.

Этот последний момент, акцентирующий функциональную нагрузку анлаутных чередований и их связь с грамматическим контекстом, с очевидностью свидетельствует о необходимости выработки аннотационных методик как для отображения грамматически релевантных явлений в анлауте, так и для приписывания им в глоссинге соответствующих функциональных помет. Как известно, анлаутно-корневые чередования имеют широкую применимость в пулар-фульфульде, затрагивая как сферу имени, так и сферу глагола, но, тем не менее, до сих пор в фуланистике отсутствуют соглашения по поводу соответствующего аппарата разметки в аннотируемых текстах на этом языке. Выдвигаемая задача, таким образом, должна быть отнесена к разряду актуально востребованных и нуждающихся в безотлагательном обсуждении, – см. серьезный и новаторский вклад в постановку данной проблемы в недавних работах М.А. Косогоровой, базирующихся на материалах юго-западного диалекта пулар фута-джаллон [Косогорова 2012].

Представляется необходимым суммировать показания разных диалектов пулар-фульфульде, чтобы дать систематизированное представление *общеязыковых* моделей анлаутно-корневых чередований с их функционированием в грамматике языка. На такой основе возможно с надлежащей ответственностью обсуждать аннотирующие методики как теоретически обоснованные.

Чтобы определить масштаб явления в целом, нужно дать хотя бы приблизительную оценку того, в какой части языковых единиц

осуществляется действие анлаутно-корневых чередований. Вообще начальная позиция доступна любой из согласных пулар-фульфульде, однако не все согласные являются участниками чередований. К числу *не* чередующихся в анлауте относятся девять согласных: ряд преглоттализированных (**ḃ.**, **ḍ.**, **ḡ.**), ряд назальных (**m.**, **n.**, **ny.**, **ŋ.**), а также **t.** и **l.** (последний, латеральный **l.**, имеет исчезающе малое число исключений). Остальные согласные, репертуар которых можно проследить по следующей далее Схеме 1, реально участвуют в анлаутных чередованиях либо потенциально способны в таковых участвовать. Алфавитная структура мультидиалектного словаря [Зубко 1980] позволяет сделать подсчет, пусть самый грубый, согласно которому около трети объема словаря объединяет вокабулы, имеющие в анлауте согласный из числа не-чередующихся, две трети объема посвящены вокабулам, начинающимся с согласных, которые способны включаться в чередование. Ясно, что в действительности доля слов, эксплицитно реализующих анлаутное чередование, существенно меньше, поскольку отнюдь не все языковые единицы, по тем или иным причинам, удовлетворяют условиям, провоцирующим начальное чередование: упомянем хотя бы тот факт, что большая масса заимствований, не достигших полной морфонологической адаптированности, правил чередования не исполняют. Указанные пропорции, разумеется, нуждаются в уточнении, однако уже и эти предварительные подсчеты могут дать общее представление об обширности поля действия начальных чередований.

Морфонология пулар-фульфульде различает, для корневого анлаута, *три ступени чередования*, формирующие систему консонантных корреляций с опорой, прежде всего, на оппозицию по признаку *смычный – несмычный*, а также еще и по признаку *оральный («чистый») – преназальный*. Общеязыковой репертуар чередующих начальных согласных представлен в виде следующей общей схемы.

Данная общая морфонологическая схема известна фуланистам и используется, с небольшими вариациями, в разных описательных работах. Отметим лишь те инновационные моменты, которые получили отражение в настоящем формате Схемы 1.

Ступени чередования	Звонкие начальные			Глухие начальные			
Ступень смычного [Occ...]	Occ d ..	Occ b ..	Occ g ..	Occ j ..	Occ p ..	Occ k ..	Occ c ..
Ступень несмычного [NOcc...]	NOcc r ..	NOcc w ..	NOcc w ..~ y ..	NOcc y ..	NOcc f ..	NOcc h ..	NOcc s ..
Ступень преназализованно-смычного [Pren...]	Pren nd ..	Pren mb ..	Pren ng ..	Pren nj ..	(Pren) p ..	(Pren) k ..	(Pren) c ..

Схема 1. Ступени чередования и анлаутно-корневые корреляции.

На Схеме 1 *отточие* после буквенного обозначения начального символизирует продолжение корня, подчеркивая тем самым, что данная альтернативная корреляция релевантна именно для анлаута и неотделима от корня. В ряде описательных и лексикографических трудов используют дефис после чередующихся начальных согласных, что конфликтует с общепринятой символикой дефиса как показателя морфемной границы. Далее, в предлагаемом формате ступень чередования маркируется не линейно с буквой, но в *верхнем индексе*, чем достигается подчеркивание морфонологической специфики данного признака как неотделимого от корня; в определенной степени эта позиция еще и продолжает ту давнюю традицию, которая связана в фуланистике с помещением в верхний индекс (гоморганного) назального призвуча для преназализованных смычных согласных – типа ⁿd, ^mb и т. д. Наконец, в корреляционном ряду преназализованно-смычной ступени видим особенность глухих согласных, вообще *неспособных* в этом языке эксплицитно выражать преназализацию, в связи с чем индексированный маркер ступени подается в *круглых скобках* (см. на Схеме 1: ^(Pren)p.., ^(Pren)k.., ^(Pren)c..). Данное решение имеет принципиальное значение для выработки аннотационных методик, поскольку оно позволяет различать функционально значимые ступени («чистую» смычную и преназализованно-смычную), что, как будет показано далее, найдет проявление при введении маркированной единицы в грамматический контекст.

При аннотировании текстового материала маркеры грамматически закономерной ступени начального (^{Occ}... vs. ^{NOcc}... vs. ^{Pren}...) отражаются в строке морфочленения, наряду с «обычными» морфемами, то есть там, где нормально получают представление еди-

ницы с грамматической функцией. Следует принять во внимание, что индекс ступени обозначается в релевантных случаях – то есть при тех корнях, где анлаутные чередования функционально задействованы. Лексемы, чей начальный согласный не демонстрирует участия в чередовании, остаются без индексирования. Иначе говоря – разметка нацелена на *ступень* функционального чередования, а не просто на наличествующий фонетический признак начальной фонемы. Функционально-грамматическая предназначенность (*роль*) реализованной ступени получает надлежащее отражение в строке глоссинга.

Отраженная на Схеме 1 общая модель чередования релевантна для всего языка в целом, хотя и может быть расширена либо уточнена с учетом дивергентных диалектных данных. В плане диалектного комментария особенно существенно упомянуть о предвокальной (начальной) глоттальной смычке, занимающей позицию консонантного анлаута. Глоттальная смычка [ʔ..] бывает выражена иногда менее, а иногда более отчетливо. Ввиду ее акустической ослабленности анлаутная глоттальная смычка не получает, согласно принятой орфографии, отражения на письме. Однако ее роль в системе начальных чередований остается значительной, поскольку в западных диалектах глоттальная смычка (главным образом перед корневым гласным [.a.]) активно участвует в альтернативах. В западной зоне анлаутная смычка (являясь случаем терминологического парадокса!) выступает на ступени несмычного, коррелируя с **g..** на «смычных» ступенях (ʔ.. // **g..** // **ⁿg..**). В центральной и восточной диалектных зонах в большей части таких контекстов получил развитие предвокальный (прикрывающий слог) глайд **w..**, что статистически укрепило корреляцию **w..** // **g..** // **ⁿg..** (функционирующую, как отмечено на Схеме 1, наряду со второй допустимой коррелятивной версией **y..** // **g..** // **ⁿg..**).

Имеются и принципиально менее значимые диалектные особенности, как, например, реализация шипящего [sh] в восточных диалектах вместо общезыковой глухой аффрикаты [ç].

Понятно, что в случае синхронно наблюдаемых специфически диалектных явлений в зоне корневого анлаута от обработчика текста потребуются некоторые дополнительные усилия по «приспособлению» выдвигаемых (общезыковых) конвенций к фактическому диалектному материалу. Необходимая маркировка мо-

жет изменяться также по своему объему, в частности, ее объем может сокращаться в ситуации, когда описываемый идиом манифестирует снижение продуктивности правил анлаутных чередований – как, например, в юго-западном диалекте фута-джаллон, где налицо тенденция к выравниванию вида корня, особенно далеко зашедшая в сфере глагола, где изменения корневого анлаута практически аннулированы. Случаи, когда идиом демонстрирует расшатывание «каноничных» правил анлаутных альтернатив, могут потребовать особых приемов для отображения остаточных или инновационных явлений; так, если местная норма либеральна, непоследовательна и допускает волюнтаризм в выборе говорящим той или иной ступени анлаута, то становится полезным дополнительный маркер, говорящий как о *не*-реализации закономерной ступени, так и о допустимости варианта.

Как уже упоминалось, анлаутно-корневые чередования активно функционируют как в сфере имени (в широком смысле), так и в сфере глагола. Однако в этих двух сферах альтернативные процессы различны по составу задействованных корреляций, а тем более – по функциональной нагрузке реализуемых ступеней чередования, ввиду чего те и другие требуют раздельного рассмотрения.

Анлаутно-корневые чередования в сфере имени

Функционально-грамматическая нагрузка анлаутно-корневых чередований в сфере имени может быть выражена в виде общего правила, весьма экономного и простого:

┌ ступени анлаутного чередования служат средством
└ маркирования категории **именного класса**.

Это общее правило, при его применении, неминуемо обрастает сложностями, учитывая не только значительный репертуар чередующихся единиц, но еще и громоздкий состав именных классов в пулар-фульфульде: более двух десятков именных классов, из которых пять (или четыре, в зависимости от диалекта) – плюральные, остальные – сингулярные. На общее правило о непосредственной связи анлаутных чередований с *именными классами* исследователи языка опираются – как на своего рода закон – уже в течение целого

столетия. Однако и по сегодня есть необходимость акцентировать данную связь, чтобы тем самым принципиально отклонить идею о якобы прямой связи данных чередований с именной категорией *числа*. Эта последняя идея – и, как будет показано далее, идея несостоятельная – неоднократно упоминалась в теоретико-типологических трудах, и ее отголоски все еще иногда встречаются в работах по диалектам пулар-фульфульде. Приведем одну показательную в этом отношении цитату. Цитируемый автор подходит к проблеме, сопоставляя две именные формы – *kodo* ‘гость’ и *hobbe* ‘гости’, и комментирует далее:

«Модель мены начальных согласных h и k между сингулярной и плюральной формами слов абсолютно регулярна и предсказуема в фульфульде. Эти две согласные подлежат мене между формами единственного и множественного числа как в именах, так и в глаголах» [Fagerberg-Diallo 1984, Part 1: 17].

Если оставаться в сфере имени, то источник подобной трактовки достаточно очевиден: среди именных классов действительно есть такие, для которых корреляция по числу сопряжена с закономерной меной ступеней начальных элементов. Примеры (1) и (2) демонстрируют числовые корреляции существительных, распадающиеся на два типа относительно задействованных анлаутных альтернатив.

(1)		
a.	^{NOcc} debb-o ^O женщина-sgO ‘женщина’	^{NOcc} rew-be ^{BE} женщина-plBE ‘женщины’
b.	^{NOcc} gor-ko ^O мужчина-sgO ‘мужчина’	^{NOcc} wog-be ^{BE} мужчина-plBE ‘мужчины’
c.	^{NOcc} kod-o ^O гость-sgO ‘гость’	^{NOcc} hobbe ^{BE} гость-plBE ‘гости’
(2)		
a.	^{NOcc} уаа-re ^{NDE} скорпион-sgNDE ‘скорпион’	^{Occ} jah-e ^{DE} скорпион-plDE ‘скорпионы’

b.	^{NOcc} hoо-ге	^{Occ} ко'-е
	^{NDE} голова- _{sg} NDE	^{DE} голова- _{p1} DE
	'голова'	'головы'
c.	^{NOcc} wob-гу (/диал. ^{NOcc} wow-гу)	^{Occ} bob-i
	^{NDU} ступа- _{sg} NDU	^{D1} ступа- _{p1} D1
	'ступа'	'ступы'

Для типологов особо интригующим моментом представляется перекрестное («хиазмическое») соотношение начальных ступеней в классах «людей» (ср. _{sg}O – _{p1}BE в примерах (1a-c)) и в классах «не-людей» (ср. _{sg}NDE – _{p1}DE в примерах (2a-b) и _{sg}NDU – _{p1}D1 в примере (2c)). Если числовая пара «человеческих» классов _{sg}O и _{p1}BE демонстрирует типовое соотношение

<един. ^{Occ}... – множ. ^{NOcc}...> (анлаутно-числовое соотношение **типа I**),

то для упомянутых сингулярных классов NDE и NDU числовое соотношение по анлаутным ступеням в точности обратное:

<един. ^{NOcc}... – множ. ^{Occ}...> (анлаутно-числовое соотношение **типа II**).

Однако основания для абсолютизации этого так называемого «хиазма» отсутствуют, поскольку он отнюдь не получает подтверждения в классификативно-именной системе в целом – как не получает подтверждения и тезис о том, что связь ступени анлаута с категорией числа имеет всеобщий характер. В последнем легко убедиться путем «переведения» тех основ, которые представлены выше в примерах, в иной именной класс, например, в сингулярный класс NGEL, обеспечивающий продуктивное производство диминутивов: ^{Occ}dew-el 'маленькая женщина; девочка', ^{Occ}gor-el 'маленький мужчина; мальчик', ^{Occ}jah-el 'маленький скорпион', ^{Occ}ko'-el '(маленькая) головка', ^{Occ}bob-el '(малая) ступка'. Все эти формы единственного числа имеют закономерную для класса _{sg}NGEL окклюзивную ступень анлаута – то есть ступень, которая реализуется в сингулярных формах из примера (1), но в плюраль-ных формах из примера (2). Данная деривационная процедура, та-

ким образом, уже с настойчивостью указывает на связь ступеней чередования с классом, а не с числом.

Еще более весомые подтверждения этому мы получим, если привлечем данные по другим сингулярным классам. Среди них выделяется группа классов, объединяющих существительные, для которых образование форм множественного числа регулярно *связано с меной* анлаутных ступеней, однако при этом реализуется иное числовое соотношение, нежели уже указанные соотношения типа I и типа II. А именно, здесь для сингулярных классов закономерен *пренализированно-смычный* анлаут (глухие начальные, согласно общему морфонологическому правилу, выдерживают данную ступень без эксплицитно показанной пренализации). См. примеры:

(3)		
a.	Pren ngaa-ri NDI бык-sg NDI 'бык'	Occ ga'-i DI бык-pl DI 'быки'
b.	(Pren) kalhal-di NDI бык.бугай-sg NDI 'бык-бугай'	Occ kalhal-di DI бык.бугай-pl DI 'быки-бугай'
c.	Pren mbee-wa BA коза-sg BA 'коза'	Occ be'-i DI коза-pl DI 'козы'
d.	(Pren) koob-a BA лошадиная.антилопа-sg BA 'лошадиная антилопа, коба'	Occ koob-i DI лошадиная.антилопа-pl DI 'лошадиные антилопы'
e.	Pren ndi'-am DAM вода-sg DAM 'вода'	Occ di'-e DE вода-pl DE 'воды'

Все приведенные в (3) примеры по сингулярным классам sg_{NDI} , sg_{BA} , sg_{DAM} отражают характерное для данных классов анлаутно-числовое соотношение, которое описывается типовой формулой

<един. Pren ... – множ. Occ ...> (анлаутно-числовое соотношение **типа III**).

Привлечем к рассмотрению, наконец, еще одну группу сингулярных классов, для которых вообще **не** свойственна мена корневых анлаутов при образовании форм числа. Здесь исполняется системно требуемая реализация *идентичной* ступени начального в обеих числовых формах – см. в примерах (4) закономерные окклюзивные ступени при коррелирующих по числу классах. (Примеры отглагольных имен снабжаются здесь дополнительным упоминанием соответствующей глагольной формы, демонстрирующей причастность анлаутной согласной корня к регулярным чередованиям.)

- (4)
a.	^{Occ} binnd-ol NGOL_письмо-s _g NGOL 'строка' (ср. глагол ^{NOcc} winnd-a 'писать')	^{Occ} binnd-i ^{DI} письмо-p ₁ DI 'строки, письмамена'
b.	^{Occ} ged-al NGAL_доля-s _g NGAL 'доля, часть' (ср. ^{NOcc} yed'-a 'делить, распределять')	^{Occ} ged-i ^{DI} доля-p ₁ DE 'доли, части'
c.	^{Occ} puɔf-ol NGOL_всход(ы)-s _g NGOL 'росток' (ср. ^{NOcc} fud'-a 'всходить')	^{Occ} puɔf-i ^{DI} всход(ы)-p ₁ DI 'ростки'
d.	^{Occ} kos-ngal (/дуал. ^{Occ} koy-ngal) NGAL_нога-s _g NGAL 'нога'	^{Occ} kos-dɛ (/дуал. ^{Occ} koy-dɛ) ^{DE} нога-p ₁ DE 'ноги'

В примерах, как видим, через ступень корневого анлаута реализуется свое типовое соотношение сингулярных именных классов NGAL и NGOL с плюральными классами DE и DI, которое отражается формулой

<един. ^{Occ}... – множ. ^{Occ}...> (анлаутно-числовое соотношение **типа IV**).

Мы получили бы еще новые типовые формулы числового соотношения классов по анлауту, если бы сосредоточились на материалах так называемых «размерностных» классов – диминутив-

ных и аугментативных. Воздержимся, однако, от множественных языковых иллюстраций, ибо накопленные в диалектах частные расхождения не благоприятствуют формированию примеров общеязыкового характера. Так, производство увеличительных форм связано в разных диалектах с различными именными классами, и анлаутные ступени таких форм получают свое определение согласно требованиям соответствующих (аугментатив-принимаящих) классов.

Образованию же уменьшительных форм имен служит общефульская пара специфицированных диминутивных классов – диминутивно-сингулярный NGEL и его числовой коррелят – диминутивно-плюральный класс, показатель которого варьирует по диалектам, реализуясь с видоизменением ауслота – то как KONY, то как KON, то как KOY; в силу этого варьирования применительно к общеязыковому уровню приходится использовать громоздкое условное метаобозначение – класс ${}_p\text{KON}(Y) \sim \text{KOY}$ (более подробно об этих и других диалектных версиях диминутивно-плюрального класса см. [Коваль 2008: 468-470]). Для имен данного класса регулярен преназализованно-смычный анлаут, тогда как для коррелирующих сингулярных NGEL-форм, как уже было ранее отмечено в нашем тексте, характерен «чистый» смычный анлаут, ср. числовые пары: ${}^{\text{Occ}}\text{dew-el}$ ‘маленькая женщина; девочка’ – ${}^{\text{Pren}}\text{ndew-on}(y) \sim \text{ndew-ou}$ ‘маленькие женщины; девочки’, ${}^{\text{Occ}}\text{jah-el}$ ‘маленький скорпион’ – ${}^{\text{Pren}}\text{njah-on}(y) \sim \text{njah-ou}$ ‘маленькие скорпионы’ и другие аналогичные. В данном фрагменте классификативной системы, таким образом, мы имеем дело с новым анлаутно-числовым соотношением, в формульном виде –

<един. ${}^{\text{Occ}}$ ... – множ. ${}^{\text{Pren}}$ ...>.

Не углубляясь более в материал, можем заключить, что предъявленных языковых фактов по существительным многих классов вполне достаточно для того, чтобы доказать несостоятельность идеи о якобы непосредственной связи ступеней именного анлаута с категорией числа. Факты показывают, что прозвучавший в цитате из [Fagerberg-Diallo 1984] тезис о том, что «абсолютная регулярность и предсказуемость» анлаутных ступеней прямо обеспечивается числом, страдает дезориентирующей упрощенностью. Отметать связь класса и числа, разумеется, не при-

ходится, поскольку в именах пулар-фульфульде число *опосредуется* классом, однако, как доказывают выработанные нами типы анлаутно-числовых соотношений, собственно именные классы обеспечивают регулярность и предсказуемость ступеней корневого анлаута в сфере имени. Внутренний анализ типовых соотношений убеждает, что состав каждого из типов представляет собой различные комбинации *трех* анлаутных ступеней – смычной [^{Occ}...], несмычной [^{NOcc}...] и преназализованно-смычной [^{Pren}...]. И, соответственно этому, весь инвентарь именных классов пулар-фульфульде распадается на *три* группы, каждая из которых декларирует закономерную ступень корневого анлаута (см. ниже на Схеме 2 состав каждой из трех групп).

Как свидетельствуют все предложенные примеры, анлаутно-корневые чередования отнюдь не составляют единственного средства по маркированию именного класса: повсеместно в именах присутствует завершающий словоформу аффикс, маркирующий класс. Более того, ступень чередования анлаута является хоть и важным, но не основным, а сопровождающим маркером. Ведь существует большая масса имен, начинающихся с нечередующегося элемента, и в таких именах единственным маркером класса является финальный аффикс, нормально несущий здесь всю полноту ответственности за грамматическое поведение имени. Что же касается имен, имеющих чередующийся анлаут, то для них констатируем аккордное применение двух средств маркирования класса – через неотделимое от корня (*симультанное* с корнем) градуирование анлаута в сочетании со средством *аддитивным*, сегментно-морфологическим (финальным аффиксом класса, добавляемым к корню / основе). Иными словами, два этих средства формируют типологически своеобразный *циркумфикс*, как бы «обрамляющий» корень / основу имени. Обе части классного циркумфикса существенны для грамматического описания, и не только в силу их функциональной сближенности, но еще и потому, что в определенных морфоконтекстах, в случающихся условиях формального совпадения разноклассных финальных показателей (или их алломорфов), именно начальный компонент циркумфикса обеспечивает разрешение возникающей омонимии. К привлечению в теоретическую и описательную морфемистику пулар-фульфульде понятия «*классный*» (симультанно-аффиксальный)

циркумфикс» см. [Коваль 2000: 204-218]; там же иллюстративные материалы по разным диалектам, включая контексты, отражающие особенности «неполно-чередующихся» по анлауту лексем (то есть лексем, не знающих несмычных в анлауте корня, но способных исполнять преназализованно-смычную ступень), а также контексты, демонстрирующие принципиально важную классоразличительную роль анлаутной ступени при возникающей омонимии аффиксальных показателей (в частности, в случае моделей ^{NOcc}...-sg КО и ^{Pren}...-p1 КО_{Aug}).

Осуществив экстраполяцию положений нашего анализа, мы пришли к выбору тех средств аннотирования именных единиц, которые уже получили применение в представленных примерах. Для глоссирования категориальной функции начальной ступени вполне адекватным решением представляется отражение конкретного именного класса, причем *свободного от числового маркера*, поскольку эта характеристика класса не релевантна для данного альтернативного процесса. Что касается числовой характеристики класса, то она, как будет показано далее, играет важную роль в контекстах согласования глагола с подлежащим, и соответствующая помета получает отражение в заключающем именную словоформу классном аффиксе. Таким образом, теоретически обоснованное решение о точной, а к тому же еще и о более экономной глоссе в анлауте (типа ^O..., ^{NDE}..., ^{DI}... и т.д.) сочетается с более расширенной глоссой для классного аффикса (типа -sg^O, -sg^{NDE}, -p1^{DI} и т.д.) – и тем самым, без потерь грамматически существенной информации, обеспечивается необходимая маркировка также и для тех именных форм, которые не имеют в корне анлаутного чередования и не реализуют классного циркумфикса, обходясь лишь конечно-аффиксальным показателем класса (корректнее – показателем *класса & числа*). В согласии с ранее обсуждавшейся морфонологической разметкой как ступень анлаутного чередования, так и ее глосса, обе помечаются в позиции верхнего индекса, что наглядно отражает их взаимную соотносительность и чем одновременно подчеркивается вспомогательный – на фоне аффикса – характер градационной ступени как средства маркирования именного класса.

Как уже отмечалось ранее, межклассные соотношения именных форм отличаются, по анлаутному параметру, значительным разнообразием, однако их состав представляет собой лишь разные

комбинации трех возможных в именах ступеней корневого анлаута. Далее, с учетом показаний всех именных классов, в виде сводной Схемы 2 представим тройственную группировку именных классов согласно требованиям ступени начального. В Схему 2 включены именные классы, которые представляются, на сегодняшнем уровне знания, *общезыковыми*, то есть относящимися к додивергентному состоянию языка.

Ступень смычного [⁰ сс]	d..	b..	g..	j..	p..	k..	c..	Именные классы s _g O, s _g NGAL, s _g NGOL, s _g NGEL, (s _g KI), s _g KAL, s _g KOL, s _g DUM, p ₁ DE, p ₁ DI
Ступень несмычного [¹ Нсс]	r..	w..	w..~y..	y..	f..	h..	s..	p ₁ BE, s _g NDE, s _g NDU, s _g NGE, s _g NGO, s _g KO s _g BA, s _g NDI, s _g NGU, s _g KA, (s _g KI), s _g DAM, p ₁ KON(Y)~ KOY, p ₁ KO _{Aug}
Ступень преназализованно- смычного [^{Pren} , (^{Pren})]	nd..	mb..	ng..	nj..	p..	k..	c..	

Схема 2. Три ступени анлаутного чередования в их распределении по именным классам.

Диалекты несколько расходятся по наличному составу именных классов, но на общезыковом уровне единственное исключение – в плане соотношения классов с закономерными ступенями анлаута – составляет класс s_gKI (так называемый «класс дерева»), приведенный на Схеме 2 в круглых скобках по двум рубрикам – по ступени (орального) смычного и по ступени преназализованно-смычного. Для имен данного класса преназализованно-смычный анлаут составляет устойчивую норму в центральной диалектной зоне (диалект масинанкоре, вольтийские диалекты, см. пример (5a)), в других диалектах для этого класса закономерна смычная ступень анлаута, см. пример (5b):

- (5)
 a. ^{Pren}njaab-i 'крушина ююба (Zizyphus jujuba)',
 b. ^{Occ}jaab-i 'крушина ююба'.

Особо отметим, что преназализация анлаута связывается с классом s_gKI также еще и в северо-западной субзоне, но лишь частично (возможно, на правах варианта?). При опросе носителей случается сталкиваться с непоследовательными или колебательными реакциями. Границы и контекстные условия данного явления требуют, по-видимому, более тщательного исследования. Алиу Мохамату, в его книге о глаголе фута-торо на базе диалектных текстов, определяет преназализованно-смычную ступень анлаута как регулярную принадлежность именно *причастий* класса s_gKI [Mohamadou 2012: 13, 178]. Иллюстрируя это примером согласованной группы «*lab-i mbel-ki* 'острый нож', а не *lab-i bel-ki*» (с. 178), а также многими KI-формами из всеклассных причастных парадигм (на сс. 181-193), А. Мохамату, однако, отмечает гаденовский пример (Gaden 1931) по тому же диалекту: «*lekki guur-ii-ki* 'наклонившееся дерево', а не *lekki nguur-ii-ki*» [Mohamadou 2012: 178]. Не пренебрегая этими, требующими уточнения фактами и учитывая устойчивую ситуацию, наличествующую в диалектах центральной зоны, правомерно на сегодняшний день признать особым положение класса s_gKI в анлаутной тройственной группировке именных классов пулар-фульфульде.

До сих пор мы обсуждали тему «именной класс и анлаутно-корневое чередование» на фактическом материале, относящемся к именам существительным. Было показано, что градуирующий анлаут составляет важный компонент в составе субстантивной словоформы: подобно «обычной» морфеме ступени чередования участвуют в структурировании формы существительного и в выражении категориально-грамматического значения. Но функциональный вес анлаутно-корневых чередований в сфере имени весьма существенно возрастает ввиду того, что они действуют не только в пределах собственно имен существительных, но также играют важную роль в процессах согласования прилагательных и причастий с существительными. Атрибут, если он имеет в анлауте чередующийся согласный, при согласовании обязательно реа-

лизует классный циркумфикс, требуемый *классом* имени-контролера (что относится не только к определительным группам, но также и к именному сказуемому, согласующемуся с именем-подлежащим). См. примеры именных групп с согласованными прилагательными (6) и причастиями (7–8):

- (6)
a.	^{Occ} debb-o	^{Occ} dan ee-jo	^{NOcc} rew-be	^{NOcc} ran ee-be
	^O женщина-sgO	^O белый-sgO	^{BE} женщина-p1'BE	^{BE} белый-p1'BE
	'белая (светлокожая) женщина'		'белые женщины'	
b.	bidfo	^{Occ} dan ee-jo	bi'bbe	^{NOcc} ran ee-be
	^O ребенок-sgO	^O белый-sgO	^{BE} ребенок-p1'BE	^{BE} белый-p1'BE
	'белый ребенок (сын или дочь)'		'белые дети'	

- (7)
a.	^{Pren} njam-ndi	^{Pren} ngul.Ø-ndi
	^{NDI} железо-sgNDI	^{NDI} стать.горячим.Act.Pfv-sgNDI
	'горячее железо'	
b.	naa-nge	^{NOcc} wul.Ø-nge
	^{NGE} солнце-sgNGE	^{NGE} стать.горячим.Act.Pfv-sgNGE
	'жаркое солнце'.	

- (8)
a.	^{NOcc1} hud-o	^{NOcc} yoog.Ø-ko
	^{KO} травa-sgKO	^{KO} стать.сухим.Act.Pfv-sgKO
	'сухая трава'	
b.	ledde	^{Occ} joog-n-aa-de
	^{DE} дерево-p1'DE	^{DE} стать.сухим-Caus-Ps.Pfv-p1'DE
	'высушенные дрова'	

Все примеры (6–7–8) демонстрируют правило *согласования по именному классу*, реализуемое в данных атрибутах через циркумфикс, причем независимо от того, выполняется ли классный циркумфикс в данном конкретном вершинном существительном (иначе говоря, независимо от того, отражена ли закономерная для данного класса начальная ступень в определяемом существительном). Для подтверждения последнего обстоятельства в каждом из примеров (6–7–8) под литерой (a) представлены существитель-

ные-контролеры с чередующимся анлаутом, а в примерах под литерой (b) – существительные, корень которых начинается с нечередующегося согласного. Таким же образом упорядочены и примеры с однородными прилагательными:

- (9)
- a. $\begin{matrix} \text{NOcc} & \text{wob-gu} & & \text{NOcc} & \text{ran|ee-gu} & & \text{NOcc} & \text{hes-gu} \\ (/дуал. & \text{NOcc} & \text{wow-gu}) & & & & (/дуал. & \text{NOcc} & \text{hey-gu}) \\ \text{NDU} & \text{ступа-}_{\text{sg}}\text{NDU} & & \text{NDU} & \text{белый-}_{\text{sg}}\text{NDU} & & \text{NDU} & \text{новый-}_{\text{sg}}\text{NDU} \end{matrix}$
- ‘новая белая ступа’
- $\begin{matrix} \text{Occ} & \text{bob-i} & & \text{Occ} & \text{dan|ee-ji} & & \text{Occ} & \text{kes-i} \\ \text{DI} & \text{ступа-}_{\text{pl}}\text{DI} & & \text{DI} & \text{белый-}_{\text{pl}}\text{DI} & & \text{DI} & \text{новый-}_{\text{pl}}\text{DI} \end{matrix}$
- ‘новые белые ступы’
- b. $\begin{matrix} \text{laana} & & \text{Pren} & \text{ndan|ee-ha} & & & \text{(Pren)} & \text{kes-a} \\ & & & (/дуал. & \text{Pren} & \text{ndan|ee-wa}) & & \\ \text{лодка.}_{\text{sg}}\text{KA} & & \text{KA} & \text{белый-}_{\text{sg}}\text{KA} & & & \text{KA} & \text{новый-}_{\text{sg}}\text{KA} \end{matrix}$
- ‘новая белая лодка’

Согласовательные контексты данного типа могут послужить убедительной иллюстрацией к предлагаемой конвенции по применению пометы (Pren) (в скобках!) при корнях с глухим начальным. В согласованной именной группе типа (9b) наиболее наглядно видно, что данная помета при прилагательном (kes- ‘новый’) *совместенно* отображает и закономерную (для класса sgKA) ступень начального, и неприменимость эксплицитного преназального в позиции перед глухим – тогда как в согласованном с тем же существительным атрибуте, если таковой начинается с чередующегося звонкого, преназальный реализуется, и здесь ступень, соответственно, помечается без скобок в индексе: см. прилагательное ‘белый’ в том же примере (9b) с классом sgKA , а также еще и в примере (10) с классом sgNDI :

- (10)
- $\begin{matrix} \text{(Pren)} & \text{car-di} & & \text{Pren} & \text{ndan|ee-ri} \\ \text{NDI} & \text{серебро-}_{\text{sg}}\text{NDI} & & \text{NDI} & \text{белый-}_{\text{sg}}\text{NDI} \end{matrix}$
- ‘белое серебро’

При знакомстве с грамматическими описаниями диалектов пулар-фульфульде читатель часто встречается с приемом все-

классной согласовательной парадигмы, включающей именные группы, состоящие из имен разных классов плюс согласованный атрибут. Авторы, привлекая атрибут, обладающий, во-первых, широкой лексической сочетаемостью и, во-вторых, имеющий в анлауте звонкий чередующийся, используют такую парадигму как своего рода тест, диагностирующий описываемый диалект в отношении правил анлаутных чередований и последовательности их соблюдения в данном идиоме. Экономя место, ограничимся фрагментом такой всеклассной парадигмы, где в роли сквозного согласуемого выступает адъективная основа *wod|ee-/(m)bod|ee-* ‘красный’ и где морфонологическое поведение этой тестовой единицы с исчерпывающей полнотой демонстрирует каноническую связь градуирующего анлаута с именными классами (а также, добавим, служит ярким образцом двустороннего – анлаутно-аффиксального согласования).

(11)

- a. ^{NOcc}haay-re   ^{NOcc}wod|ee-re
^{NDE}ступа-s_gNDE   ^{NDE}красный-s_gNDE
 ‘красный камень’
- b.   lef-ol   ^{Occ}bod|e-wol
^{NGOL}полотнище-s_gNGOL   ^{NGOL}красный-s_gNGOL
 ‘красное полотнище’
- c.   leppi   ^{Occ}bod|ee-ji
^{DI}полотнище-p₁DI   ^{DI}красный-p₁DI
 ‘красные полотна’
- d.   ^{Pren}ngaa-gi   ^{Pren}mbod|ee-gi
^{NDI}бык-s_gNDI   ^{NDI}красный-s_gNDI
 ‘рыжий бык’
- e.   fajigi-ø   ^{Occ}bod|ee-jo
^Oзаря-s_gO   ^Oкрасный-s_gO
 ‘алая заря’

Примеры с согласуемым прилагательным ‘красный’ позволяют видеть, сколь строго исполняется требуемая каждым именным классом ступень анлаута – причем, еще раз повторим, независимо от того, с какого согласного начинается конкретный корень вершинного существительного – согласного звонкого или глухого,

чередующегося или вообще неспособного к начальному чередованию; обратим внимание на пример (11е), где согласуемое имеет регулярный для класса s_gO вид, тогда как заимствованное существительное не только не исполняет требуемого анлаута, но и не имеет эксплицитно выраженного аффиксального показателя класса (как это характерно для не-личных имен класса s_gO).

Заметим, что реализуемый в согласованном по классу атрибуте циркумфикс оказывает существенную поддержку процессу субстантивации прилагательных и причастий, столь богато представленному в пулар-фульфульде.

Как мы увидим далее, в глагольной модели начальных чередований состав участвующих ступеней редуцирован в сравнении с именной моделью. С другой стороны, глагольная модель функционально усложнена по сравнению с именной, поскольку в сфере глагольного словоизменения ступени чередующегося анлаута задаются не одним обобщающим правилом, как у имен (где ступень в каждом конкретном случае задается именным классом, и только), но целым комплексом правил, диахроническая связь которых остается проблематичной.

Анлаутно-корневые чередования в сфере глагола

Доля корней с чередующимся анлаутом в глагольной лексике не ниже, чем доля «чередующихся» корней в лексике именной, а возможно, даже и выше. Благодаря опубликованию «Многодиалектного словаря глагольных корней фула» Кристиан Сейду [Seydou 1998] удастся выявить соответствующие статистические соотношения – если и не абсолютные, то во всяком случае близкие к реальным соотношениям в языке. Словарь К. Сейду, добротной оснащающий глагольные единицы сопутствующей морфологической и морфонологической информацией, а также и уточненной диалектной атрибуцией, объединяет обширные данные хоть и не по всем диалектам пулар-фульфульде, но по их подавляющему большинству (отметим, что отсутствие данных большого юго-западного диалекта фута-джаллон не имеет принципиального значения в настоящем поиске, поскольку в этом диалекте анлаутно-корневые чередования в глаголе претерпели глобальную отмену). Согласно подсчетам, произведенным по [Seydou 1998], около половины объема словаря (в страничном выражении) посвящено

глаголам с чередующимся анлаутом (свыше трех тысяч глагольных корней). Приблизительно 35% объема словаря занимают глаголы с нечередующимся элементом в анлауте (почти три тысячи глагольных корней). И еще около 15% объема словаря занимают единицы из так называемой подгруппы «неполно-чередующихся глаголов», объединяющей лексемы, начинающиеся со звонких смычных (b., d., j., g.), которые реализуются в тех грамматических условиях, где нормально чередующиеся глаголы реализуют несмычную ступень анлаута, но которые способны, в надлежащих грамматических условиях, реализовать пренализированно-смычную ступень анлаута (mb., nd., nj., ng..).

Как уже было упомянуто, для глагольной сферы не удастся построить единого экономного, исчерпывающего и достаточного правила, которое бы управляло альтернативными процессами в корневом анлауте. Исчислить же репертуар чередующихся элементов с их корреляциями по ступеням, напротив, возможно, см. Схему 3.

Ступени чередования	Звонкие начальные			Глухие начальные		
Ступень несмычного [^{NOcc}]	r..	w..	w.. ~ y..	y..	f..	h.. s..
Ступень пренализированно-смычного [^{Pren, (Pren)}]	nd..	mb..	ng..	nj..	p..	k.. c..

Схема 3. Ступени анлаутных чередований в сфере глагола.

Схема 3 показывает, что в глаголе корреляции ступеней чередования по своему фонемному составу не отличаются от соответствующих ступеней в именах, однако здесь задействованы лишь *две ступени*, а не три, как у имен. Правила реализации в глаголе той или другой анлаутной ступени (как и несомая ею функция) определяются в зависимости от грамматического контекста, с учетом морфемного строя глагольной словоформы или аранжировки составляющих в глагольной конструкции.

Привлечем к рассмотрению четыре типа грамматических контекстов, наиболее существенных для наших целей по определению закономерной ступени глагольного анлаута.

(А) **Инфинитив.**

(В) **Императив.**

(С и D) **Финитные глаголы: личное спряжение.**

(А) **Инфинитив** как грамматическая категория получил развитие во всех диалектах пулар-фульфульде; при этом диалектные инфинитивы формально характеризуются как общими чертами, так и местными различиями. Принцип морфемного структурирования инфинитивов един: инфинитивная словоформа строится из трех главных составляющих – глагольного *корня* (или основы, с подключением к корню приосновного суффикса), срединного *показателя залога* (Act: -u/-Ø- vs. Md: -a(a)- vs. Ps: -e(e)-) и финального *маркера инфинитива*. Именно последний компонент, финальный показатель, составляет область диалектных расхождений: в западной и центральной диалектных зонах функцию показателя инфинитива исполняет суффикс *-de*, причем в юго-западном диалекте фута-джаллон он сосуществует с местным суффиксом *-gol*, тогда как в диалектах восточной зоны встречаем инфинитивные суффиксы *-ki* и *-go*. Соответственно, структурные образцы диалектных инфинитивов (активного залога) представлены в примерах (12), где в (12а) показан глагол с нечередующимся анлаутом, а в (12b) – глагол из подгруппы «неполночередующихся».

(12)

a.	nodd-u-de	nodd-u-gol	nodd-u-ki	nodd-u-go
	звать-Act-Inf	звать-Act-Inf	звать-Act-Inf	звать-Act-Inf
	‘(по)звать’	‘(по)звать’	‘(по)звать’	‘(по)звать’
b.	janng-u-de	janng-u-gol	janng-u-ki	janng-u-go
	читать-Act-Inf	читать-Act-Inf	читать-Act-Inf	читать-Act-Inf
	‘(про)читать’	‘(про)читать’	‘(про)читать’	‘(про)читать’

Если мы сосредоточим внимание на глаголах с нормально чередующимся корневым анлаутом, то выясним, что для таких глаголов в инфинитиве регулярна **несмычная ступень** начального, что иллюстрируют следующие примеры:

(13)

a.	NOcc winnd-u-de Inf писать-Act-Inf ‘(на)писать’ NOcc winnd-u-ki Inf писать-Act-Inf ‘(на)писать’	NOcc winnd-u-gol Inf писать-Act-Inf ‘(на)писать’ NOcc winnd-u-go Inf писать-Act-Inf ‘(на)писать’
b.	NOcc hul-(u)-de Inf бояться-Act-Inf ‘бояться, испугаться’ NOcc hul-u-ki Inf бояться-Act-Inf ‘бояться, испугаться’	NOcc hul-u-gol Inf бояться-Act-Inf ‘бояться, испугаться’ NOcc hul-u-go Inf бояться-Act-Inf ‘бояться, испугаться’
c.	NOcc suudf-u-de Inf прятать-Act-Inf ‘(с)прятать’ NOcc suudf-u-ki Inf прятать-Act-Inf ‘(с)прятать’	NOcc suudf-u-gol Inf прятать-Act-Inf ‘(с)прятать’ NOcc suudf-u-go Inf прятать-Act-Inf ‘(с)прятать’
d.	NOcc suudf-aa-de Inf прятать-Md-Inf ‘(с)прятаться’ NOcc suudf-aa-ki Inf прятать-Md-Inf ‘(с)прятаться’	NOcc suudf-a-gol Inf прятать-Md-Inf ‘(с)прятаться’ NOcc suudf-aa-go Inf прятать-Md-Inf ‘(с)прятаться’
e.	NOcc yoog-n-u-de Inf стать.сухим-Caus-Act-Inf ‘(вы)сушить’ NOcc yoog-n-u-ki Inf стать.сухим-Caus-Act-Inf ‘(вы)сушить’	NOcc yoog-n-u-gol Inf стать.сухим-Caus-Act-Inf ‘(вы)сушить’ NOcc yoog-n-u-go Inf стать.сухим-Caus-Act-Inf ‘(вы)сушить’

Тот факт, что несмычная ступень анлаута сохраняет грамматическую обязательность в диалектных инфинитивах независимо от дивергенции финальных инфинитивных показателей, весьма важен, хотя исследователи-фуланисты практически не обращают внимания на данное обстоятельство, ограничиваясь, как правило, при описании устройства диалектных инфинитивов лишь показателями

сегментно-морфологического уровня. Между тем степень инфинитивного анлаута существенна не только в чисто дескриптивном отношении, но также и в плане интерпретации морфемных компонентов инфинитива.

Так, ряд исследователей-фуланистов используют для обозначения аффикса, завершающего инфинитивную форму, термин «классификатор». За этим термином стоит наблюдаемое по диалектам формальное подобие между финальными инфинитивными аффиксами (-de / -gol / -ki / -go) и морфемными составляющими (сингулярных) именных классов NDE / NGOL / KI / NGO. И если в плане этимологии такая связь, возможно, и не безосновательна, то применительно к ныне действующим диалектным грамматикам она страдает синхронно неоправданной и даже дезориентирующей прямолинейностью. Именно устойчивое состояние инфинитивного анлаута отличает категорию инфинитива от именной категории класса и, тем самым, указывает на неправомерность термина «классификатор» применительно к маркерам инфинитива (ср. предложенное в [Коваль 2000: 128-129] более осторожное определение конечного аффикса инфинитива как «классоподобного»). Как уже известно, показатели лишь двух из упомянутых именных классов – NDE и NGO – включают требование несмычных ступеней корневого анлаута, тогда как для класса NGOL закономерен смычный начальный, а для класса KI – либо (орально-)смычная, либо преназализованно-смычная ступень начально-го (см. выше Схему 2 и ее обсуждение).

Как несмычный анлаут (в глаголах, для которых релевантно начальное чередование), так и финальный суффикс (в его диалектных вариантах) составляют грамматически обязательную принадлежность инфинитива. Повсеместно фиксируемая в инфинитиве несмычная ступень анлаута, с одной стороны, и финальный инфинитивный показатель, с другой, по сути своей изофункциональны и совместно формируют своего рода «циркумфикс» как средство маркирования категории инфинитива. Данное теоретическое толкование получило отражение в нашей разметке приведенных выше примеров (13).

(В) В императиве ситуация существенно иная: здесь, в отличие от инфинитива, налицо *мена* ступеней чередующегося анлаута.

Собственно *императив* маркируется в посткорневой кумулятивной морфеме, отражающей также *злог* и *число*. См. представление этой структуры в «чистом» виде на примере глагола с чередующимся анлаутом:

- (14)
nodd-u	nodd-ee
звать-Act.Imp.Sg	звать-Act.Imp.Pl
‘(по)зови’	‘(по)зовите’

С привлечением глаголов с чередующимся анлаутом видим градационную мену, которая является грамматически регулярной для всей массы глаголов данного типа. См. примеры:

- (15)
a.	^{NOcc} winnd-u	^{Pren} mbinnd-ee
	^{Sg} писать-Act.Imp.Sg	^{Pl} писать-Act.Imp.Pl
	‘(на)пиши’	‘(на)пишите’
b.	^{NOcc} уар-Ø (/дуал. -u)	^{Pren} njar-ee
	^{Sg} пить-Act.Imp.Sg	^{Pl} пить-Act.Imp.Pl
	‘пей, выпей’	‘пейте, выпейте’
c.	^{NOcc} suud-u	^(Pren) сууд-ee
	^{Sg} прятать-Act.Imp.Sg	^{Pl} прятать-Act.Imp.Pl
	‘(с)прячь’	‘(с)прячьте’
d.	janng-u	^{Pren} njanng-ee
	читать-Act.Imp.Sg	^{Pl} читать-Act.Imp.Pl
	‘(про)читай’	‘(про)читайте’

Примеры показывают последовательную и регулярную мену анлаутных ступеней соответственно *числу* глагольной формы: при *единственном* числе – *несмычная* ступень, при *множественном* – *пренализированно-смычная*. Формальный контраст двух ступеней наиболее отчетлив при звонком начальном (15a–b); при глухом начальном, как того требует общее морфонологическое правило, пренализированный элемент во множественном числе эксплицитно не представлен (ср. помету ^(Pren)... в (15c)); последний глагол, в (15d), оправдывая свою квалификацию как глагола неполно-чередующегося, отражает положенную в данном

контексте градацию лишь в форме множественного числа. Анлаутно-градационный маркер числа дополнительно дублирует ту грамматическую информацию, которая уже содержится в посткорневой кумулятивной морфеме императива. Это позволяет, если угодно, усматривать здесь особого типа *числовой циркумфикс*, присущий морфо(но)логии императива пулар-фульфульде.

Для выведения нашего правила по императиву мы ограничились примерами глаголов лишь активного залога. В других залогах действуют те же правила касательно реализации глагольного анлаута, и это освобождает нас от вникания в частные диалектные детали по выражению залогового значения в составе финальной морфемы, маркирующей императив.

(С и D) Финитные глаголы в их спряжении по лицам составляют самую обширную и функционально весьма существенную область действия анлаутно-корневых чередований. С ними тесно увязано само спряжение глагола, его аспектуальная (субаспектуальная) парадигматика; анлаутная градация, кроме того, в значительной степени определяет отношения глагольного предиката с подлежащим. И в то же время и для таких, казалось бы, близких грамматических условий как спряжение (изменение по лицам) не удастся выявить единого правила, которое регулировало бы мену ступеней в глагольном анлауте. Реализация той или другой из двух ступеней здесь определяется не менее чем двумя разными правилами. Размежевание двух правил обеспечивается параметром расположения субъекта относительно глагола – субъект *предглагольный* (С) vs. *постглагольный* (местоименный) субъект (D).

(С) В контекстах с предглагольным субъектом нормально наблюдаем в глаголах чередование двух ступеней анлаута – несмычной и преназализованно-смычной. Правило, регулирующее данное чередование, действует как в случае субъекта местоименного (выраженного либо локуторным, то есть «собственно личным» местоимением 1-го или 2-го лица, либо местоимением «классным», то есть 3-го лица), так и в случае субъекта «полнолексемного» (выраженного именем). См. видоизменения глагольных форм при локуторных местоимениях единственного и мно-

жественного числа (привлеченные в (16) местоимения – эмфатического ряда, здесь несущие на себе фокус контраста):

(16)

- a. Miin   ^{NOcc}winnd-i.
1Sg.Emph   ^{Sg}писать-Act.Pfv
'Это **я** написал'.
- b. Enen   ^{Pren}m̄binnd-i.
1Pl.Incl.Emph   ^{Pl}писать-Act.Pfv
'Это **мы** (с тобой / вами) написали'.
- c. Aan   ^{NOcc}suud-ii.
2Sg.Emph   ^{Sg}прятать-Md.Pfv
'Это **ты** спрятался'.
- d. Onon   ^(Pren)cuud-ii.
2Pl.Emph   ^{Pl}прятать-Md.Pfv
'Это **вы** спрятались'.

Примеры (16) уже сигнализируют о том, что грамматическая функция начального чередования – выражение в глаголе *числа* в согласовании с числом (предглагольного) субъекта: при единственном числе глагол реализует в анлауте несмычную ступень, при множественном – преназализованно-смычную ступень. Примеры (17) и (18) подтвердят, что та же закономерность реализуется и в тех контекстах, где в позиции субъекта выступает существительное того или иного именного класса либо его анафорическое («классное») местоимение. Пример (18), кроме того, вновь позволяет видеть аннотируемые морфонологические особенности ступеней у глаголов с глухим начальным и у глаголов неполночередующихся.

(17)

- a. O   ^{NOcc}yoor-n-i   ledf̄e
3_{Sg}O   ^{Sg}стать.сухим-Caus-Act.Pfv   дерево._{Pl}DE
o   ^{NOcc}add-i (/dual. ^{NOcc}wadd-i)   [ɖe].
3_{Sg}O   ^{Sg}приносить-Act.Pfv   [3_{Pl}DE]
'Он высушил дрова и принес [их]'.

- b. $\text{Be}^{\text{Pren}} \text{njoo}g\text{-n-i}$ $\text{led}d\acute{e}$
 $3_{\text{pl}}\text{BE}^{\text{Pl}}$ стать.сухим-Caus-Act.Pfv $\text{дерево.}_{\text{pl}}\text{DE}$
 $\text{be}^{\text{Pren}} \text{ngadd-i}$ [dɛ].
 $3_{\text{pl}}\text{BE}^{\text{Pl}}$ приносить [3_{pl}DE]
 ‘Они высушили дрова и принесли [их]’.
- c. $\text{Led}d\acute{e}$ $\text{Pren} \text{njoo}g\text{-n-aa}$ $\text{Pren} \text{ngadd-aa}$.
 $\text{дерево.}_{\text{pl}}\text{DE}^{\text{Pl}}$ стать.сухим-Caus-Ps.Pfv Pl приносить-Ps.Pfv
 ‘Дрова (были) высушены и принесены’.

(18)

- a. $\text{NOcc} \text{Rawaa-ndu}$ $\text{NOcc} \text{hul-i}$ dog-i .
 NDU собака-sg NDU Sg бояться-Act.Pfv бежать-Act.Pfv
 ‘Собака испугалась и побежала’.
- b. $\text{Occ} \text{Dawaa-di}$ $(\text{Pren}) \text{kul-i}$ $\text{Pren} \text{ndog-i}$.
 Pl собака-pl Pl бояться Pl бежать
 ‘Собаки испугались и побежали’.

Как показывают примеры с субъектом, выраженным классным местоимением (17a–b) и существительным (17c–18), степень глагольного анлаута находится в зависимости от грамматического числа подлежащего (*предглагольного!*): при субъекте единственного числа реализуется степень несмычного (как в инфинитиве), при субъекте множественного числа – степень преназализованно-смычного. (Элемент преназализации получают при субъекте множественного числа также и глаголы из подгруппы неполночередующихся (со звонким орально-смычным в инфинитиве)). Акцентируем внимание на том, что имеем дело с согласованием по *числу* (а не по классу!). А поскольку, во-первых, именной субъект (как и субъект классно-местоименный) выступает контролером согласования и, во-вторых, грамматическое число у имен (как и у их анафорических местоимений) опосредуется именным классом – эти обстоятельства напрямую указывают на необходимость аннотировать именную класс, обязательно оснащая числовым маркером конечно-классный аффикс имени (а также и классное местоимение 3-го лица). Это требование, вообще недооцениваемое грамматистами пулар-фульфульде, последовательно соблюдалось в наших аннотациях к иллюстративному материалу, а контексты, отраженные в (17) и (18), демонстрируют его строгую грамматичность (на что заблаговременно уже было

обращено внимание при формулировании аннотационных конвенций, итоговых по отношению к материалу «именных» примеров (1) – (4).

Завершим наши иллюстрации к поведению финитных форм с предглагольным субъектом единственного vs. множественного числа, показав более сложную конструкцию (19) с цепочкой однородных глаголов, из которых первый имеет в анлауте нечередующийся, а три последующих – чередующиеся согласные:

(19)

- a. ^{Occ}Gor-ko   naat-i   ^{NOcc}winnd-i   ^{NOcc}yalt-i
^Oмужчина-sg ^O войти-Act.Pfv   ^{Sg}писать-Act.Pfv   ^{Sg}выйти-Act.Pfv
^{NOcc}hoot-i.
^{Sg}идти.домой-Act.Pfv
 ‘Мужчина вошел, написал, вышел и отправился домой’.
- b. ^{NOcc}Wor-be   naat-i   ^{Pren}mbinnd-i   ^{Pren}njalt-i
^{BE}мужчина-pl ^{BE} войти-Act.Pfv   ^{Pl}писать-Act.Pfv   ^{Pl}выйти-Act.Pfv
 (Pren)koot-i.
^{Pl}идти.домой-Act.Pfv
 ‘Мужчины вошли, написали, вышли и отправились домой’.

Напомним, что ранее (см. представленный анализ анлаутных чередований в разделе о грамматическом контексте (B), т. е. при императивных формах глагола) мы уже видели прецедент использования двух альтернирующих ступеней как маркеров грамматического числа. Однако если задаться целью функционально сопоставить два этих случая маркирования числа – в императиве и в финитных глаголах, – то нельзя признать их вполне равнозначными для грамматики языка. И речь здесь не идет только о непропорциональном уровне употребительности тех и других форм (а в нормально реализуемых разнообразных речевых проявлениях спрягаемые глаголы, разумеется, используются сплошь и рядом, тогда как императив присущ специальному дискурсивному жанру). В более широком функционально-грамматическом плане эти два похожих явления тем более неравноценны и резко расходятся по их роли и весу. Если ступень анлаута в императивной форме лишь «дублирует» грамму число, и без того выраженную в финальной морфеме, то в финитных глаголах (при предглагольном субъекте) чередующиеся ступени анлаута составляют самодов-

леющее, а не сопровождающее средство по выражению числового согласования глагола с подлежащим. Более того – и это надо подчеркнуть особо, – данная двуступенчатая процедура анлаутного чередования является *единственным* в языке способом выражения *согласования глагольного сказуемого с подлежащим*, знаменуя тем самым важнейшую роль структурного связующего элемента в предложении.

Как показывают приведенные данные и их анализ, две ступени чередующегося анлаута в глаголах при предшествующем субъекте вполне четко распределены функционально:

при сингулярном (предглагольном) субъекте согласовательно-числовая функция кодируется в чередующемся глагольном анлауте несмычной ступенью, при плюральном (предглагольном) субъекте – преназализованно-смычной ступенью.

Это правило распространяется на все лица парадигмы в том случае, если данная парадигма имеет единообразную внутреннюю организацию, а именно – если во всех лицах субъект предшествует глаголу и глагол завершается неизменяемой по лицам флексивной морфемой (в общем случае это аспектуально-залоговый показатель). Такую парадигму, с точки зрения ее организации, можно определить как «простую».

Однако отнюдь не все глагольные словоизменительные парадигмы пулар-фульфульде имеют однотипную аранжировку субъекта в предглагольной позиции. Лишь часть парадигм характеризуется такой «простой» организацией – подобно той перфективной парадигме с контрастивно фокализованным субъектом, фрагмент которой был отражена в примерах (16). Другая часть парадигм имеет «смешанную» организацию в отношении субъектно-глагольной аранжировки; здесь для ряда лиц (в частности, для 3-го лица) регулярен предглагольный субъект, а ряд лиц требует постглагольной постановки местоименного субъекта в виде субъектной энклитики. (Полный состав общефульских парадигм глагольного спряжения и их внутренней организации подробно описан в [Коваль 2003: 357-459].) Морфонологическое поведение чередующегося анлаута при *постглагольном* (местоименном) субъекте особое и требует обозначения грамматического контекста (D).

(D) Финитные формы **с субъектной энклитикой** реализуются в ряде «смешанных» парадигм в области «локуторных» субъектов, то есть в случае местоимений 1-го и 2-го лиц обоих чисел. Прочие же типы субъектов, в тех же парадигмах, стабильно сохраняют предглагольную позицию и, соответственно, исполняют уже описанные для (C)-контекстов правила анлаутных чередований. Уточним, что эти согласовательно-числовые правила распространяются на контексты с именным субъектом (как в примерах(19)), на третьи лица, а также на контексты с эксклюзивным местоимением 1-го лица множественного числа (последнее, означающее ‘мы = я и иже со мной, но не ты / вы’, семантически содержит указание на неких *третьих* лиц и исключает адресата речи).

Чтобы продемонстрировать особенности поведения чередующегося анлаута в глагольных формах с субъектной энклитикой, проведем изопарадигмальное сравнение таких форм с формами, реализуемыми при предглагольном субъекте. Привлечем пример типа (19а), но предварительно прономинализуем субъект (см. (20)), что сделает наше сравнение более наглядным; заметим, что кореферентные местоименные субъекты, согласно грамматике пулар-фульфульде, повторяются в предложении при глагольных сказуемых (в отличие от конструкций с «полнолексемным» субъектом, как, например, в (19а–b), где регулярна нулевая анафора).

(20)

O	naat-i	o	^{NOcc} winnd-i	o	^{NOcc} yalt-i
^{3sg} O	войти-Act.Pfv	^{3sg} O	^{Sg} писать-Act.Pfv	^{3sg} O	^{Sg} выйти-Act.Pfv
o	^{NOcc} hoof-i.				

^{3sg}O ^{Sg}идти.домой-Act.Pfv

‘Он вошел, написал, вышел и отправился домой’.

Приглагольный повтор субъектного местоимения имеет место и в изопарадигмальной конструкции (21), однако *локуторный* субъект (1-ое лицо) размещается в позиции *энклизы* (предшествующий аспектуально-залоговый показатель здесь выступает в виде «внутрисловного» алломорфа):

(21)

Naat-u-mi   Pren mbinnd-u-mi   Pren njalt-u-mi
 войти-Act.Pfv-1Sg   Encl писать-Act.Pfv-1Sg   Encl выйти-Act.Pfv-1Sg
 (Pren)koot-u-mi.
 Encl идти.домой-Act.Pfv-1Sg

‘Я вошел, написал, вышел и отправился домой’.

Сравнение примеров (20) и (21) позволяет отчетливо видеть различие в поведении глагольного корневого анлаута: при предглагольном субъекте единственного числа в (20) реализуется закономерная для числового согласования *ступень несмычного начального*, тогда как в (21), где субъект также *единственного числа* (1Sg), но выступает он в энклитической форме, в таком морфологическом контексте чередующийся корневой начальный реализуется на *преназализованно-смычной ступени*. Субъектная энклитика задает, независимо от числа, специфическую ступень корневому анлауту, *блокируя* действие более широкого согласовательно-числового правила (при этом *в третьем лице*, где энклиза субъекта невозможна, регулярно протекает *анлаутное согласование по числу с субъектом*). В современном состоянии языка не удастся выявить какого-либо (функционального) обоснования к применению специфической анлаутной ступени, кроме как признать ее морфонологическим средством, *сопровождающим* субъектную *энклизу* и сигнализирующим о постглагольной позиции местоименного субъекта. Пометой, соотносящей ступень [^{Pren}...] для таких контекстов, в глоссинге служит [^{Encl}...], как это и было отражено в примере (21).

Как можно видеть, наиболее отчетливо два расходящихся правила контрастируют по ступени анлаута при субъектах единственного числа, поскольку при субъектах множественного числа формально анлауты совпадают – здесь преназализованно-смычная ступень регулярна как в силу согласовательно-числового правила, так и в силу «энклитического» правила. Учитывая, однако, блокирующую способность второго правила, в глоссах для контекстов с энклитикой множественного числа используем маркер [^{Encl}...] как отражение ступени [^{Pren}...] (или [^(Pren)...] при глухих начальных). См. пример глагола с субъектной энклитикой 2-го лица обоих чисел в составе частного вопроса:

(22)

a. Ко ^(Pren)kul.Ø-d aa? что ^{Encl}бояться. Act. Pfv-2Sg 'Чего ты испугался?'	b. Ко ^(Pren)kul.Ø-d on? что ^{Encl}бояться. Act. Pfv-2Pl 'Чего вы испугались?'

Чтобы приблизить наш дифференцирующий анализ к общему представлению о ситуации с чередованием корневого анлаута в сфере глагола, сведем воедино показания всех рассмотренных грамматических контекстов. В контексте (**A**: Инфинитив) стабильно реализуется несмычная ступень начального (^{NOcc}... → глосса ^{Inf}...). В контексте (**B**: Императив) две чередующиеся ступени, несмычная и преназализованно-смычная, дублируют выраженное в финальной морфеме значение числа, единственное и множественное соответственно (^{NOcc}... // ^{Pren}... → глоссы ^{Sg}... // ^{Pl}... соответственно). В контексте (**C**: Глаголы с предглагольным субъектом) те же две ступени, несмычная и преназализованно-смычная, исполняют роль средства согласования по числу глагола с подлежащим (^{NOcc}... // ^{Pren}... → глоссы ^{Sg}... // ^{Pl}... соответственно). В контексте (**D**: Глаголы с субъектом-энклитикой) регулярно реализуется, независимо от числа субъекта, преназализованно-смычная ступень анлаута (^{Pren}... → глосса ^{Encl}...).

Исторически сложившаяся закреплённость несмычной ступени за такими «первостепенными» категориями глагола, как инфинитив и единственное число, формирует у говорящих (а вслед за этим – и у исследователей) отношение к данным формам как лексически (и лексикографически!) «исходным, базовым», репрезентирующим глагольную лексику как таковую; в практике словарного дела чередующиеся глагольные корни/основы, как правило, подаются в форме несмычного анлаута, тогда как формам с преназализованно-смычным анлаутом отводится роль вторичных и производных. В монодиалектных работах глагол может быть репрезентирован диалектным инфинитивом. Зачастую это именно так и делается, тем более, что языковое сознание носителей с готовностью принимает инфинитив как репрезентант глагольной лексики. См., например, диалектные словари [Niang 1997] (северо-западный диалект фута-тора, инфинитив ^{NOcc}...-de), [Bettison J.

& Bettison К. 2004 / 2006] (юго-западный диалект футаджаллон, инфинитив ^{NOcc}...-gol), [Noye 1989] (восточный диалект джамааре, инфинитив ^{NOcc}...-go). Что касается мультидиалектных трудов, то здесь диалектные расхождения препятствуют использованию инфинитива как лексического репрезентанта глагола; в практике лексикографии заложена традиция (см. [Зубко 1980], [Seydou 1998]) подачи глагольной вокабулы в виде известной всем диалектам формы с потенциальным значением – см. глагольные формы этого рода, сопровождающие наши примеры (4a–b–c); пользователи словарей должны помнить, что для «чередующихся» глаголов в такой общезыковой репрезентирующей форме используется несмысленный анлаут, тем более, что данная форма принадлежит особой словоизменительной парадигме – единственной из парадигм со «смешанной» организацией, где субъектное местоимение 1-го лица единственного числа не выступает в позиции энклизы (ср. *mi yar-a* ‘я (вы)пью’, *njar-aa* ‘ты (вы)пьешь’).

Как следует из изложенного, описание глагольного словоизменения обходится двумя ступенями анлаутного чередования. Однако это отнюдь не означает, что глагольные корни полностью отчуждены от третьей ступени – ступени (орального) смычного анлаута.

Во-первых, при отглагольной деривации существительных, которая широко представлена в пулар-фульфульде, результирующие именные дериваты имеют тот тип анлаута, который предписан соответствующим именным классом. Те же правила действуют также и в причастиях от глаголов с чередующимся начальным. Образования того и другого рода уже встречались выше в примерах (4a–b–c), (7–8)). См. еще примеры с согласованными по классу причастиями от некоторых из упоминавшихся глаголов:

(23)

- a. ^{NOcc}hen-ndu   ^{NOcc}wul.Ø-ndu
^{NDU}ветер-_{sg}NDU   ^{NDU}стать.горячим.Акт.Pfv-_{sg}NDU
‘горячий ветер’
^{Occ}ken-i   ^{Occ}gul.Ø-dí.
^{DI}ветер-_{pl}DI   ^{DI}стать.горячим.Акт.Pfv-_{pl}DI
‘горячие ветры’
- b. ^{NOcc}rawaa-ndu   ^{NOcc}hul.Ø-ndu
^{NDU}собака-_{sg}NDU   ^{NDU}бояться.Акт.Pfv-_{sg}NDU
‘испугавшаяся собака’

- ^{Occ}dawaa-dí   ^{Occ}kul.Ø-dí
^{DI}собака-_{PI}DI   ^{DI}бояться.Акт.Пfv-_{PI}DI
 ‘испугавшиеся собаки’
- c.   ^{NOcc}pagge   ^{NOcc}yoor.Ø-nge
 корова-_{sg}NGE   ^{NGE}статья.сухим.Акт.Пfv-_{sg}NGE
 ‘безмолочная корова’
- d.   ^{Prep}mbee-wa   ^{Prep}njoor.Ø-ba
^{BA}коза-_{sg}BA   ^{BA}статья.сухим.Акт.Пfv-_{sg}BA
 ‘безмолочная коза’
- e.   lef-ol   ^{Occ}jooor-n-a-ngol
 полотно-_{sg}NGOL   ^{NGOL}статья.сухим-Caus-Ps.Пfv-_{sg}NGOL
 ‘высушенное полотнище’

В этих примерах показана способность глагольных корней, в составе причастий, к исполнению всех трех ступеней чередования, как это диктуется Схемой 2, фиксирующей регулярное распределение по именным классам ступеней градуирующего анлаута. В точности те же «именные» правила действуют и в причастиях-субстантиватах, что следует постоянно иметь в виду, поскольку субстантивированное употребление классооформленных атрибутов, в том числе и отглагольных, весьма характерно для речи говорящих на пулар-фульфульде. Нижеследующий пример покажет субстантивированное причастие (от глагола ‘писать’), анлаут числовых форм которого детерминирован соответствующими «человеческими» именными классами – классом O для единственного числа и классом BE для множественного; пример демонстрирует резкое отличие градационных именных правила от градационных правил глагольной сферы:

- (24)
- ^{Occ}binnd-u-dó   ^{NOcc}winnd-u-be
^Oписать-Акт.Пfv-_{sg}O   ^{BE}писать-Акт.Пfv-_{PI}BE
 ‘автор (< написавший)’   ‘авторы (< написавшие)’

* * *

Итак, анлаутно-корневые чередования как исполнители – наряду с морфемами – грамматических функций составляют необхо-

димый компонент синхронно-грамматического описания. Их соответствующее маркирование в текстовых аннотациях несет информацию, важную и дескриптивно, и типологически. Следует, однако, обратить внимание на то, что эта информация безусловна важна также и для диахронии, для восстановления исторической картины зарождения и формирования данного явления. Существующие на этот счет гипотезы не в полной мере учитывают факт связи анлаутно-корневых чередований с исполняемыми ими функциями в сфере имени и в сфере глагола.

Так, последняя из таких гипотез, выдвинутая в книге Я.Х. Холста «Реконструкция системы мутации в атлантических языках» [Holst 2008], претендует на целостное восстановление исторической картины мутации с опорой на широкую типологическую аргументацию и на сравнение данных атлантических языков с особым вниманием к фульфульде. Хотя автор и упоминает, что мутация затрагивает в фульфульде не только имя, но и глагол [Holst 2008: 39], однако в исследовательской части труда он оперирует фактически лишь материалом, связанным с именными классами. Выработанная им реконструкция, соответственно, покрывает лишь проблему мутации в сфере имени, без какого-либо ее соотношения с глагольной мутацией, отличной по функции и частично по форме. Это не только оставляет реконструкцию неполной, но и существенно снижает ее доказательную силу.

С другой стороны, Д. Крессель, обращаясь к фактам, касающимся начальных чередований в глаголе фульфульде при согласовании глагольного сказуемого по числу с субъектом [Creissels 2005: 46], снабжает эти явления диахроническим комментарием:

«Исторически представляется обоснованным анализировать эту консонантную альтернацию как рефлекс присутствия vs. отсутствия древнего префикса *n-» [Creissels 2005: 67].

Комментарий дан в достаточно убежденной интонации, однако о значении/функции «древнего префикса» здесь ничего не общается (возможно, не случайно?). Как было у нас показано выше, глагольный корень претерпевает вполне аналогичные альтернации еще и в контекстах, *не имеющих отношения к числу*, а именно в контекстах с энклитическим прономинальным субъектом vs. с предглагольным субъектом. Подобная раздвоенность

функций, не сводимых к одной, должна, вероятно, составить особую заботу диахрониста, ищущего объяснительный рефлекс к синхронно похожим явлениям.

Очевидно, что необходим более изощренный диахронический сценарий, который в полной мере учитывал бы все многообразие функций анлаутных чередований и все разнообразие грамматических контекстов, где эти чередования задействуются. Хотелось бы надеяться, что предложенный комплекс аннотирующих техник общезыкового плана способен послужить отправной точкой для выработки добротных и гибких аннотационных установок и для отдельных диалектов пулар-фульфульде, даже если таковые претерпели какие-либо дивергентные сдвиги в данной области.

Условные обозначения

Act – активный залог

Caus – каузатив

Emph – эмфатическое местоимение

Encl^{Encl} – энклитическое (субъектное) местоимение

Imp – императив

Inf^{Inf} – инфинитив

Incl – инклюдив

Md – медиальный залог

NOcc – несмычная ступень анлаута

Occ – смычная ступень анлаута

Pfv – перфектив

Pl^{Pl}, Pl – множественное число

p1^{BE}, ^{BE}; p1^{DE}, ^{DE}; p1^{DI}, ^{DI}; p1^{KON(Y)~KOY}; p1^{KOAug} – именные классы множественного числа

Pren – преназализованно-смычная ступень анлаута

Ps – пассивный залог

Sg^{Sg}, Sg – единственное число

Sg^O, ^O; Sg^{BA}, ^{BA}; Sg^{NDE}, ^{NDE}; Sg^{NDI}, ^{NDI}; Sg^{NDU}, ^{NDU}; Sg^{NGE}, ^{NGE}; Sg^{NGO}, ^{NGO}; Sg^{NGU}, ^{NGU}; Sg^{NGAL}, ^{NGAL}; Sg^{NGOL}, ^{NGOL}; Sg^{KA}, ^{KA}; Sg^{KI}, ^{KI}; Sg^{KO}, ^{KO}; Sg^{KOL}, ^{KOL}; Sg^{DAM}, ^{DAM}; Sg^{DUM}, ^{DUM}; Sg^{NGEL}, ^{NGEL}; Sg^{KAL}, ^{KAL} – именные классы единственного числа

Литература

- Зубко Г.В. Фула-русско-французский словарь. М.: Русский язык, 1980.
- Коваль А.И. Морфемика пулар-фульфульде // Основы африканского языкознания. Морфемика. Морфонология. Под ред. В.А. Виноградова. М.: «Восточная литература», 2000.
- Коваль А.И. Контрастивность как морфологическая глагольная категория в пулар-фульфульде // Основы африканского языкознания. Глагол. М.: Издательская фирма «Восточная литература», РАН, 2003.
- Коваль А.И. Классификативная семантика и деривация имен в пулар-фульфульде // Основы африканского языкознания. Лексические подсистемы. Словообразование. Под редакцией члена-корреспондента РАН В.А. Виноградова. М.: Academia, 2008.
- Косогорова М.А. Принципы глоссирования для корпуса младописьменного языка: Морфологическая структура языка пулар. Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. М., 2012.
- Bettison J. & Bettison K. Dictionnaire Pular – Français. Labé, 2004. (2-me éd. 2006).
- Creissels D. A typology of subject and object markers in African languages // Studies in African Linguistic Typology. Ed. by F.K. Erhardt Voeltz. Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins, 2005.
- De Wolf P.P. English – Fula dictionary (A multidialectal approach). Tt. 1 - 3. Berlin, 1995.
- Dryer M.S. & Haspelmath M. (eds). The World Atlas of Language Structures Online. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013. (Available online at wals.info, accessed on 2015-01-14.)
- Fagerberg-Diallo S. A Practical Guide and Reference Grammar to the Fulfulde of Maasina. Part 1: Dialogues, Texts, and Grammatical Notes. Part 2: Glossary and Grammatical Summary. Jos: JCMWA, 1984.
- Holst J. H. Reconstructing the mutation system of Atlantic. Neuried: ars una, 2008.
- Mohamadou A. Le verbe en peul: Formes et valeurs en *pulaar* du *Fuuta-Tooro*. Paris: Karthala, 2012.
- Niang M. Pulaar – English / English – Pulaar standard dictionary. New York: Hippocrene books, 1997.
- Noye D. Dictionnaire Foulfouldé — Français. Dialecte Peul du Diamaré, Nord-Cameroun. Garoua – Paris, 1989.
- Seydou C. Dictionnaire pluridialectal des racines verbales du Peul (Peul – Français – Anglais). Paris, 1998.

КРОССПАРАДИГМАЛЬНАЯ ОМОНИМИЯ ГЛАГОЛА ПУЛАР: ТИПЫ И МЕТОДИКИ РАЗРЕШЕНИЯ

При глоссировании данных языка пулар (диалект футаджаллон, Гвинея) серьезным камнем преткновения становится вопрос различения омонимичных глагольных парадигм, а также их возможного автоматического морфочленения и аннотирования. В работе мы постараемся рассмотреть все распространенные глагольные парадигмы, частично или полностью формально совпадающие и дадим варианты разрешения омонимии на автоматическом уровне, если такие имеются.

Глагольной парадигмой в пулар будем считать множество глагольных словоформ с одинаковым видовым значением и разными лично-числовыми значениями. Приведем в качестве примера (1) *парадигму слабого перфектива*¹ (Pfv_w).

(1)

		Act	Md	Pass
Sg	1		-ii(mi)	-aa(mi)
	2	-u/Ø(daa)	-i(daa)	-aa(daa)
	3	-i	-ii	-aa
Pl	1Excl	-i	-ii	-aa
	1Incl	-u/Ø(dɛn)	-i(dɛn)	-a(dɛn)
	2	-u/Ø(dɔn)	-i(dɔn)	-a(dɔn)
	3	-i	-ii	-aa

Помимо видо-временных показателей, составляющих основу парадигматической структуры, в глагольной словоформе пулар

---

¹ Глагольные формы в пулар в целом образуют бинарную видовую оппозицию «вид совершенный / вид несовершенный». Вслед за А.И. Коваль [Коваль, Нялибули 1997: 33], мы используем термины «перфектив» и «потенциалис», подразделяя их на сильный и слабый подвиды по признаку наличия / отсутствия достигнутого или потенциального результата.

также могут появляться субъектные местоимения в суффиксальной позиции; они помечены в примере (1) скобками.

Кроме того, сложная морфонология пулар обуславливает появление в некоторых случаях стяженной морфемы, состоящей из видо-временного аффикса глагольной словоформы и прямообъектного местоимения, как демонстрируется в примере (2):

(2)

a yí'immi

a yí'- **immi**

2Sg видеть- **Act.Pfv.w.1Sg.DO**

'Ты увидел меня.' <-i + -mi

Такие показатели не представляют проблемы для автоматического глоссирования, поскольку являются уникальными и не совпадают ни с какими другими морфемами, но при морфосегментировании они предстают как неразделимая на синхронном уровне единица. Это оправдывает аннотирование «через точку», и хотя в целях повышения информативности глоссирования указание исходных аффиксов кажется нам желательным, на автоматическом уровне это недостижимо.

Однако стяженные и кумулятивные морфемы составляют лишь незначительную часть глагольных показателей. Гораздо более многочисленны простые аффиксы, которые и стали объектом настоящего исследования.

1. В первую очередь рассмотрим случай омонимичных видозалоговых показателей внутри парадигм. Так, например, в сильном перфективе и сильном потенциалисе все лично-числовые элементы парадигм идентичны в каждом из трех залогов, сокращая число элементов парадигмы до трех – суффиксов, отвечающих за активный, медиальный и пассивный залог. Субъектное местоимение в таких парадигмах может находиться лишь в препозиции к глаголу, и, с точки зрения программы-парсера, которая не распознает грамматическую основу в целом, глагольные парадигмы внутри каждого залога создают омонимию (см. пример (3)).

(3)

mi	hebaу		teewu	
mi	heb-	ау	teew-	u
1Sg	получать-	Act.Pot _s	мясо-	SgNGU
‘Я получу мясо.’				
a	hebaу		teewu	
a	heb-	ау	teew-	u
2Sg	получать-	Act.Pot _s	мясо-	SgNGU
‘Ты получишь мясо.’				

Проблема различения таких словоформ имеет два решения. Первое предполагает возврат программы-парсера к субъекту и дублирование его значения в глагольном показателе. Однако мы считаем это решение избыточным и предпочитаем ему второе, буквальное: считать совпадающие видо-временные показатели одной морфемой. Так предотвращается смешение глагольных показателей, включающих в себя субъектные местоимения, с простыми.

Аналогичное решение будет действовать для всех омонимичных словоформ внутри парадигмы, например, 1 и 3 лица единственного числа в парадигме слабого перфектива (то есть при условии субъектного местоимения в препозиции¹).

2. Второй случай, представляющий некоторые трудности при автоматическом глоссировании, но доступный для ручного разбора, – это формально совпадающие флексии отрицательного статуса активного залога и слабого потенциалиса активного залога с субъектом-энклизой 2 лица единственного числа (см. пример (4)).

(4)

kanyun	anndaa		mo
kanyun	annd-	aa	mo
3Sg.Emph	знать-	Act.St.Neg	DO.3.sgO
‘Она не знает его’			

---

¹ Некоторые говоры Фута-Джаллона допускают употребление субъекта в препозиции не только в 1 и 3, но и во 2 лице единственного числа, хотя это и не соответствует общеязыковому канону.

addaa		men	ndiyam
add-	aa	men	ndiy- am
приносить-	Act.Pot.w.2Sg	DO.1Pl.Excl	вода- sgDAM
‘Ты принесешь нам воды’			

Такое совпадение стало возможным из-за стяжения показателей $-a+-daa$ ($-Act.Pot_w + -2Sg$) > $-aa$. В форме отрицательного статива можно предположить усечение отрицательного показателя слабого перфектива $-aali$ > $-aa$. При морфочленении текста человеком семантические различия показателей очевидны, но морфологический парсер не в состоянии их оценить, поэтому данный вид омонимии автоматически снять очень сложно. Определенную помощь может оказать отсутствие в форме потенциалиса автономного субъектного показателя, что предполагает его наличие в постпозиции, однако такая тонкая настройка программы лишь для снятия одного вида омонимии на данном этапе кажется нам нецелесообразной.

3. Далее речь пойдет о случаях, в которых глагольные показатели внутри одной парадигмы будут полностью омонимичны глагольным показателям другой. Среди пар таких парадигм следует в первую очередь отметить парадигмы дуративного регистра – статив и прогрессив¹. Статив представляет собой аналитическую форму, состоящую из связки (инкорпорированный в специальное копулосодержащее местоимение в случае местоименного субъекта) и финитной глагольной формы, формально совпадающей с формой слабого перфектива без учета субъектного местоимения (см. пример (5)). Прогрессив же является аналогичной формой, но его финитная часть формально совпадает с формой слабого потенциалиса (также без учета субъектного местоимения). При глоссировании аналитические формы маркируются с помощью микросноски: связка и глагольный аффикс, составляющие конструкцию, помечаются астерисками, а в конце конструкции дается расшифровка.

¹ Статив – аналитическая форма, обозначающая состояние, достигнутое в результате завершеного процесса / действия. Прогрессив – аналитическая форма, обозначающая действие в процессе его реализации.

(5)

paukun	kun	no	wondi	e
paу-	kun	kun	no won- d- i	e
ребенок-	sgKUN	Def.sgKUN	Сop* быть-	Soc- Act.Pfv*{*St} Prep
barehun				

bare- hun

собака- sgKUN

‘Мальчик был с собачкой.’

paukun	kun	woni	ka	yaasi
paу-	kun	kun	won- i	ka yaasi
ребенок-	sgKUN	Def.sgKUN	быть- Act.Pfv.w	Prep наружу
‘Мальчик был на улице.’				

Хотя полные парадигмы этих глагольных форм фактически омонимичными не являются, формы их смысловых глаголов технически совпадают, что представляет значительную трудность для глоссирования. Ситуацию усугубляет смысловая разница между этими формами, что делает невозможным подход, использованный нами в первой ситуации, а именно считать их единой глагольной формой. Для обозначения статива / прогрессива и разделения их финитных глагольных форм и слабого перфектива / потенциалиса нами была разработана система микросноски, которая включает в себя двойное маркирование астериском связки (также и в составе местоимения) и показателя финитного глагола и расшифровку астериска в фигурных скобках в конце глагола.

С технической точки зрения автоматическое снятие этой омонимии не представляет труда: для этого используется рекурсивная стратегия. При возникновении подозрений на омонимию парсер ищет связку и в случае успеха маркирует форму как статив / прогрессив, в противном же – как стандартный перфектив / потенциалис.

Аналогичным образом можно снять формальную омонимию парадигм императива единственного числа и смысловой части опатива (также единственного числа). Опатив, как и статив / прогрессив, – это аналитическая форма, состоящая из частицы и глагольной формы, формально совпадающей с формой императива единственного числа (см. пример (6)). Однако наличие частицы позволяет снять омонимию глагольных парадигм как вручную, так и автоматически.

(6)

yo	lando	on	wallu	mo		
yo	lan-	do	on	wall-	u	mo
Part*	вождь-	sgO	Def.sgO	помогать-	Act*{*Opt}	DO.3.sgO
	‘Пусть вождь поможет ему.’					
jooni	hootu					
jooni	hoot-		u			
теперь	возвращаться	домой-	Act.Imp.Sg			
	‘Теперь возвращайся домой.’					

Следует также обратить внимание на аналитическую конструкцию дебитива, которая в пулар фута-джаллона встречается в двух вариантах: как в каноническом {частица *таа* + форма, формально совпадающая с императивом единственного числа соответствующего залога}, так и в диалектном {частица *таа* + форма, омонимичная слабому потенциалису медиального залога}. В обоих случаях для снятия омонимии подходит стратегия, описанная выше.

4. Наконец, существенную проблему с точки зрения омонимичных парадигм представляют собой так называемые приконтрастивные парадигмы глаголов. Такие формы используются в предложениях, в которых говорящий хочет выделить некоторую часть предложения. Различаются три формы приконтрастивных предикатов: при выделенном субъекте, второстепенном члене предложения и аутофокализованные. Подробнее об этом см. [Коваль 2003]. Однако хотя эти парадигмы и различаются с семантической и коммуникативной точки зрения, формально некоторые из них полностью совпадают с базисными видовыми парадигмами. В (7) приведена таблица, демонстрирующая репрезентативный набор аффиксов перфектива и потенциалиса, как базисных, так и приконтрастивных.

Далее, в примере (8) приведены образцы использования приконтрастивных и базисных форм: (8а) и (8б) используются при выделенном второстепенном члене предложения, (8в) используется при выделенном субъекте, а в (8г) демонстрируется аутофокализованный предикат.

(7)

		Перфектив											
		Слабый			Sb			Praed			Scnd		
		Act	Md	Pass	Act	Md	Pass	Act	Md	Pass	Act	Md	Pass
Sg	1	-u/Ø(mi)	-ii(mi)	-aa(mi)							-u/Ø(mi)	-ii(mi)	-aa(mi)
	2	-u/Ø(daa)	-i(daa)	-aa(daa)							-u/Ø(daa)	-i(daa)	-aa(daa)
	3	-i	-ii	-aa							-i	-ii	-aa
Pl	1Excl	-i	-ii	-aa	-i	-ii	-aa	-u	-i	-a	-i	-ii	-aa
	1Incl	-u/Ø(den)	-i(den)	-a(den)							-u/Ø(den)	-i(den)	-a(den)
	2	-u/Ø(don)	-i(don)	-a(don)							-u/Ø(don)	-i(don)	-a(don)
	3	-i	-ii	-aa							-i	-ii	-aa
		Потенцилис											
		Сильный			Sb			Praed			Scnd		
		Act	Md	Pass	Act	Md	Pass	Act	Md	Pass	Act	Md	Pass
Sg	1										-ammi	-(o)too(mi)	-(e)tee(mi)
	2										-(a)ta(a)	-(o)too(daa)	-(e)tee(daa)
	3										-(a)ta	-(o)too	-(e)tee
Pl	1Excl	-ay	-oto	-ete	-(a)ta	-(o)too	-(e)tee	-ay	-oto	-ete	-(a)ta	-(o)too	-(e)tee
	1Incl										-(e)ten	-(o)to(den)	-(e)te(den)
	2										-(o)ton	-(o)to(don)	-(e)te(don)
	3										-(a)ta	-(o)too	-(e)tee

(8)

а)

ko honto kun jiwun
ko honto kun jiw- un
Foc Inter.где Dem.3.sgKUN девушка- sgKUN
iwri
iw- r- i
происходить- Decirc- Act.Pfv
‘Откуда эта девушка пришла?’

б)

ko hondun mi wi'oyta
ko hondun mi wi'- oy- ta
Foc Inter.sgDUM 1Sg говорить- Dist- Act.Pot
‘Что мне сказать?’

в)

ko miin woni doo
ko miin won- i doo
Foc 1Sg.Emph быть- Act.Pfv здесь
‘Это я тут.’

г)
 mi wi'u kono mi wadaali
 mi wi'- u kono mi wad- aali
 1Sg говорить- Act.Pfv но 1Sg делать Act.Pfv.Neg
 'Я [именно] **сказал**, но не сделал'

Проблема с различением омонимичных парадигм в случае с приконтрастивными формами заключается в отсутствии удобного машиночитаемого контекста. Более того, в некоторых случаях даже человек не способен точно определить коммуникативную установку и снять омонимию. Причиной этому служит разнообразие способов выделения фокализованного члена предложения: с помощью выделяющей частицы *ko*, синтаксической позиции, эмфатического местоимения или же интонационно (в таком случае это никак не отражается графически). В результате можно констатировать, что различение этих парадигм представляет значительную трудность, поэтому на данный момент мы не можем предложить адекватного решения поставленной задачи. Мы обходимся лишь обозначением вида и залога (без указания подвида или фокуса контраста), что, безусловно, не является оптимальным решением, но наиболее достижимо с технической точки зрения.

В заключение можно отметить, что, несмотря на то, что омонимичные глагольные показатели в пулар весьма распространены как в пределах одной парадигмы, так и в разных парадигмах, большинство из них предоставляет достаточно уникальный контекст, чтобы позволить программе-парсеру произвести автоматическое глоссирование. Исключения составляют лишь приконтрастивные глагольные парадигмы, для которых контекст недостаточен. Тем не менее, те омонимичные показатели, которые возможно распознать при глоссировании, многочисленны, и это позволяет говорить о положительном результате работы по их различению.

Сокращения

1 – первое лицо; 2 – второе лицо; 3 – третье лицо; 3.plX – третье лицо – местоимение плюрального именного класса X; 3.sgX – третье лицо – местоимение сингулярного именного класса X; Act – активный залог; Cop – копула, предикативная связка; Descr – десирконстатив; Dem – демонстратив; Def – определенность; Dist – дистантив; DO – прямое дополнение; Emph – эмфа-

тическое местоимение; Excl – эксклюзивное местоимение; Foc – фокус, фокализатор; Imp – императив; Incl – инклюзивное местоимение; Inter – интеррогатив; Md – медиальный залог; Neg – отрицание; Opt – оптатив; Part – партикула, частица; Pass – пассивный залог; Pfv – перфектив, перфективный вид; Pfv.w – слабый перфектив; Pfv.s – сильный перфектив; Pl – множественное число; plBE – лично-плюральный именной класс; plX – плюральный именной класс; Pot – потенциалис, потенциалисный вид; Pot.w – слабый потенциалис; Pot.s – сильный потенциалис; Praed – глагольная парадигма при контрастивно выделенном предикате; Prep – предлог; Prog – прогрессив; Ref – рефактив; Rel – релятив; Sb – глагольная парадигма при контрастивно выделенном субъекте; Scnd – глагольная парадигма при контрастивно выделенном второстепенном члене предложения; Sg – единственное число; sgX – сингулярный именной класс; sgO – (лично-)сингулярный именной класс; Soc – социатив; St – статив.

Литература

- Коваль А.И. Контрастивность как морфологическая категория пулар-фульфульде // Основы африканского языкознания. Глагол. Под ред. В.А. Виноградова и И.Н. Топоровой. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2003. Сс.357-459.
- Коваль А.И., Зубко Г.В. Язык фула. (Серия Языки народов Азии и Африки). М.: Наука, 1986.
- Коваль А.И., Нялибули Б.А. Глагол фула в типологическом освещении. М.: Ин-т Языкознания РАН, Ин-т Русского Языка РАН, 1997.

А.Д. Луцков
(ИЯз РАН)
М.Р. Урб
(ИСАА МГУ)

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ СТИЛЕЙ ЯЗЫКА ЗУЛУ

Функционально-стилистические разновидности языка социально обусловлены и тесно связаны с его функционированием в той или иной сфере. В эпоху научно-технической революции и значительных социальных перемен в письменных языках, имеющих также литературную форму, ускоряется развитие функциональных стилей. Наличие функциональных стилей в письменном языке и их изучение представляется чрезвычайно важным для оценки развития языка и его коммуникативных возможностей. Развитие функциональных стилей отражает рост словарного состава языка, особенно специальной лексики. Без этого невозможно дать представление о современном состоянии языка и его способности максимального выполнения общественных функций.

Каждый письменный язык неминуемо создает свою литературу, и уже в процессе ее создания начинают возникать функциональные стили. Как устное, так и письменное речевое общение сопровождает любую сферу деятельности человека, и эти типовые способы организации устной и письменной речи следует считать функциональными стилями, хотя это и не является единственным определением. Стили подвержены историческим изменениям, они зависят от форм общественного сознания и общественных отношений. Стили не образуют замкнутых систем, между ними существует широкое взаимодействие, влияние одного на другие. Если еще раз коснуться определения функционального стиля, то согласимся с тем, что это разновидность языка, используемая в той или иной коммуникативной ситуации – в быту, на работе, в официально-бытовой сфере – там, где эту разновидность языка отличают черты лексики и фразеологии, грамматики и отчасти фонетики. Необходимо отметить, что далеко не каждой сфере деятельности соответствует особый функциональный стиль. Порой один и тот же стиль соответствует нескольким сферам человеческой дея-

тельности. При этом сама номенклатура стилей и их соотношение с теми или иными коммуникативными сферами варьируют от одного общества к другому, от одной культуры к другой.

В нашем исследовании мы пытаемся проследить развитие и становление функциональных стилей на примере языка зулу в современной ЮАР. Язык зулу является письменным более ста лет, и уже можно оценить его способность удовлетворять потребность коммуникации в той или иной сфере общественной жизни на определенном уровне.

В современной ЮАР язык зулу является родным примерно для 10 млн. человек, около 16 млн. человек используют его в качестве второго языка. Несмотря на то, что язык зулу занимает самую высокую позицию в списке африканских языков ЮАР и признан одним из 11 государственных языков страны, он считается официальным языком администрации лишь в пределах своей провинции Квазулу-Натал наряду с английским языком. Английский в целом выполняет в ЮАР функцию государственного языка и фактического языка межнационального общения. Функции языка зулу, как и других региональных языков ЮАР, разграничены.

Становление языка зулу как литературного языка приходится на первые годы XX века. В это время на нем начинают издаваться газеты (“*Panga laseNatal*”), появляются переводы книг с английского и с африкаанс, а также выходят первые книги авторов-зулусов (Джон Дубе, Бенедикт Вилакази, Сибусисо Ньямбези). Это стало возможным в связи с тем, что во второй половине XIX века миссионерами была создана письменность для зулу на основе латинской графики. В скором времени был осуществлен перевод Библии, а также другой религиозной литературы. В настоящее время на зулу существует поэзия и проза, научно-популярная и публицистическая литература, научные работы. Художественная литература на зулу во многом связана с фольклором. В 1980-е годы открывается телевидение на зулу (новостные программы и шоу), радиостанция Ukhozi FM на зулу считается крупнейшей в Африке и собирает самую большую дневную аудиторию в стране. Существует раздел Википедии на зулу (около 630 статей). На языке ведется обучение в начальной школе, в педагогических учебных заведениях, готовящих учителей, а в ведущих университетах страны на кафедрах африканских языков зулу изучается не

только как коммуникативное средство, но и является предметом научного исследования.

Особенностью языка зулу является то, что он давно перешагнул в своем употреблении границы провинции Квазулу-Натал и играет роль лингва франка при общении рабочих-мигрантов из соседних стран между собой и с местным населением в больших промышленных и горнодобывающих центрах страны (провинции Мпумаланга и Гаутенг). Этому способствовала его близость к другим языкам группы нгуни – коса, свази и ндебеле, – которые являются взаимопонимаемыми. В соседней Республике Зимбабве, где широко распространен язык ндебеле, который фактически является диалектом зулу, носители ндебеле отдают предпочтение языку зулу как второму языку общения. Английский язык и африкаанс были и остаются в ЮАР средством приобщения автохтонного населения к достижениям мировой науки, техники и культуры, а также в качестве источника обогащения словарей местных африканских языков.

Стилистическая дифференциация языка в значительной мере зависит от его общественных функций, сфер применения. Говорить о появлении стилей в младописьменном языке, каковым является зулу, следует с некоторой осторожностью.

В историческом плане функционально-дифференцированное развитие современного языка зулу началось только в конце XIX века, когда завершилась британская колонизация территорий, населенных зулусами, и в связи с развитием промышленности и рыночных отношений. Не следует также забывать, что фактически колониальный период для народа зулу закончился не так уж и давно (после всеобщих демократических выборов в 1994 году), а официальным языком был и остается английский язык. Сейчас зулу переживает период ускоренного функционального развития, и терминологическая лексика создается буквально «на ходу». Специальная лексика, относящаяся ко многим сферам общественной жизни (судопроизводство, финансы, банковское дело, образование, медицина, экономика, администрирование и др.), все еще бедна и находится в стадии становления. В колониальный период и за годы правления Националистической партии языком, который использовался в этих сферах, могли быть только английский или африкаанс.

Итак, современный литературный язык зулу характеризуется наличием стилистических разновидностей, из которых наиболее оформившимися можно считать газетно-публицистический и художественный стили. Развитие газетного стиля зулу, как и самого языка, в силу крайне политизированной общественной жизни ЮАР, во многом было связано с политикой. Сам же этот стиль заметно смыкался с публицистическим. Основные черты газетного стиля – информативность и экспрессивность. Он не является однородным, так как в нем присутствуют черты публицистического стиля (преобладающего), газетно-информационного, делового, научного (в материалах научно-популярного характера) и даже художественного, или беллетристического. СМИ ориентированы на массового читателя, слушателя и телезрителя, поэтому они используют общепонятный язык с устойчивыми словосочетаниями и набором терминов.

Тема войны, военных действий, армии в целом всегда занимала важное место в использовавших язык зулу средствах массовой информации, которые не входили в число государственных и официальных. Стиль, который использовался в военной теме, едва ли можно отнести к специальному или техническому. Это стиль, скорее, газетно-информационный с некоторыми элементами публицистичности. Он имеет информационную направленность и прагматическую установку воздействия на читательскую аудиторию или на слушателей, если речь идет о радиопередачах.

Для военной темы характерен определенный набор языковых средств, но специальная лексика в них не преобладает. Это происходит в силу недостаточной разработанности военной терминологии с тенденцией выявления в языке зулу эквивалентов для слов, которые могли бы стать заимствованными. Следует отметить, что англо-зулусские словари всегда пытались давать необходимый набор терминов, являющихся сильно ассимилированными английскими словами, кальками или описательными оборотами, объясняющими функцию слова-термина. Но сохранить порядок в терминотворчестве это не всегда помогает, и в текстах можно встретить разные варианты одного и того же термина. Так, например, понятие ‘танк’ обозначается следующим образом: *ithanki, itanki, imoto yempi, igumgedlela, uhlobo lwemoto esindayo yempi* (вид тяжелого военного средства передвижения), а также сочетание *iselesele lempi*, уже вышедшее из употребления. ‘Война’ на зулу *impi* и для

понятия ‘военный’ используется притяжательная форма, т. е. *indiza yempi* ‘военный самолет’ (букв. ‘самолет войны’). Вот ряд примеров в виде словосочетаний или коротких фраз, отражающих тему военного дела в целом: *isikole sokufundela ukudubula* ‘стрелковая школа’, *sebenzisa izikhali zesimanje* ‘применять современное оружие’, *isizinja sezempi esikhulu* ‘крупная военная база’, *omphetha bayofundisa abantu bakhona ukuphatha lezizibhamu* ‘инструкторы будут обучать местные кадры обращению с этим стрелковым оружием’, *kudutshulwe izindiza ezimbalwa* ‘было сбито несколько самолетов’, *kufe, kwalimala, kwabanjwa... (amasosha)* ‘убито, ранено, взято в плен...(солдат)’, *hlasela ngamabhombu ajikijelwa ngesandla* ‘атаковать ручными гранатами’.

Материалы на тему мира и разоружения при отсутствии заметной политической окраски могли появляться даже в южноафриканских СМИ, несмотря на проводимую в стране политику «борьбы с коммунизмом». С теми же материалами, которые не могла пропустить цензура, в стране, как обычно, знакомились через зарубежные радиопередачи и нелегальные издания. Из терминов в этой теме можно отметить только один, а именно ‘ядерное оружие’, которое в материалах второй половины XX века на зулу передавалось как *izikhali eziyingozi* ‘опасное оружие’ или английским неассимилированным словом *inuclear* (вариант: *izikhali zenuclear*). Понятие ‘установить мир’ передавалось, как правило, словами *phemba ukuthula noxolo*. Вот ограниченный список стандартных фраз и устойчивых выражений: *amazwe athanda ukuthula noxolo* ‘миролюбивые страны’; *ukuhlalisana kahle* ‘мирное сосуществование’ (как вариант: *zonke izizwe zihlale ngesihle* ‘всем странам следует жить в мире’); *izwe alincike mbusweni wamuntu* (или: *izwe lingancikanga kuhulumeni wamuntu*) ‘неприсоединившаяся (нейтральная, внеблоковая) страна’; *ukuzimisela ngokuphemba ukuthula noxolo* ‘проводить политику мира’; *ukuphepha engozini yempi* ‘избежать опасности войны’; *aziqedwe izikhali eziyingozi* ‘необходимо покончить с оружием массового поражения’ (букв. ‘опасным оружием’); *bhunga udaba lokunciphisa izikhali* ‘обсуждать вопрос о сокращении количества вооружений’.

Тема обретения независимости колониальными странами, борьбы за независимость всегда занимала важное место в материалах СМИ на языке зулу. Это были зарубежные радиопередачи, направленные на ЮАР, а также печатные материалы, засылав-

шиеся из тех стран, где находились информационные центры оппозиции. После апрельских выборов 1994 года в ЮАР такие материалы стали публиковаться также и в СМИ этой страны. Наряду с газетным стилем в них использовался публицистический стиль. В качестве примера ниже приводится ряд устойчивых выражений, стандартных оборотов и оборотов-штампов: *lesisibelu senkululeko safafaza imfundiso entsha kulona lonke elaseAfrika naseAsia, kwachabeka indlela eya enkululekweni ezizweni ngezizwe* ‘эта освободительная революция распространила новое учение по всей Африке и Азии, она проложила путь к освобождению ряда стран’; *amaketango abacindezeli bakwamanye amazwe ayebophe ngawo ezinye izizwe anqamuka phakathi* ‘цепь, которой иноземные угнетатели опутывали народы, разорвалась’; *ithonya lesisikhulu esibe nalo emibuthweni yabalwela inkululeko likhulu* ‘роль этого деятеля в борьбе национально-освободительного движения велика’; *lempi kulelizwe kade yaphela uma amambuka engatholi usizo kwamanye amazwe* ‘война в этой стране давно бы прекратилась, если бы сепаратисты не получали помощь из-за рубежа’.

В лексику текстов на тему протестного движения, направленного против властей ЮАР, а также США и их союзников, осуждений, демонстраций и акций протестов могут входить слова из функционального стиля художественной литературы и даже из фольклора. Так, в следующем примере *abantu bayakhalaza ngalobubunswelaboya obwenzeka eRhodesia* ‘люди протестуют против этого акта произвола в Южной Родезии’ слово *ubunswelaboya* – это отвлеченное понятие от *inswelaboya* ‘безволосый, лишенный шерсти’. В сказках зулу это *зомби* или *оборотень*, разезжающий по ночам верхом на гиене, его пособнице. Этим словом могут заклеймить любого, кого считают врагом человека, народа или идеи, и оно нередко встречается в текстах политического характера.

Тема разного рода международных встреч, приезда иностранных делегаций с целью переговоров занимала значительное место в СМИ, часть которых пользовалась и языком зулу. Общественно-политическая лексика здесь использовалась ограниченно, то же самое можно сказать и о терминологии в узком смысле слова. Поскольку эта тема чисто информативная, она использовала почти исключительно газетный стиль с набором устойчивых оборотов и речевых штампов. Вот ряд примеров: *misa isivumelwano* ‘заклечь соглашение, договор’; *phansi kwalesisinqumo...* ‘по этой (согласно

этой) резолюции»; *namhlanje kuhlangene abaphuma eAfrika* ‘сегодня встретились (делегации), прибывшие из Африки’; *izithunywa zilokhu zifika nje eDakar laphe kuzobungwa khona ezokusebenzelana* ‘делегации продолжают прибывать в Дакар, где будут обсуждаться вопросы сотрудничества’; *nhlangothi zombili zibe nemibono efanayo, zivumele ngezinto eziningi eziphatheleni namazwe omhlaba, kuxoxwe ngomoya wobungane* ‘обе стороны проявили единство мнений по многим международным вопросам, и переговоры прошли в дружеской обстановке’.

В своем развитии отстает стиль официально-деловой, которому свойственны профессиональная терминология, точность определения применяемых выражений и слов, клишированность языковых средств. Элементы этого стиля встречаются в текстах, имеющих отношение к сообщениям о разного рода собраниях, съездах, конференциях. Чаще всего речь в них идет о принятии решений, резолюций, обсуждении вопросов. В следующих примерах преобладают устойчивые обороты речи, а терминологии используется мало: *inhlangano yezizwe seyamisa izinqumo ngezinqumo ezithi (akuqedwe usizo lwezempi...)* ‘ООН принимает резолюцию за резолюцией, которые требуют (прекратить военную помощь...)’; *njengento eyamiswa engqungqutheleni yalenhlangano* ‘как было решено на съезде этой партии’; *loludaba lubekwe ebandla emhlanganweni wezokuthengiselana phakathi kwalamazwe* ‘этот вопрос был выдвинут (поставлен) на международной торговой конференции’; *abantu umhlaba wonke bebeteme imihlangano yokusekela uhlelo lokuthula noxolo* ‘мировая общественность проводила собрания в поддержку этой «программы мира»’.

Говорить об образовании хорошо развитого научного стиля, судя по всему, еще рано, хотя обучение на зулу в школах и вузах, издание специализированной и учебной литературы способствовали возникновению этой разновидности языка. Научный язык и стиль только начинают складываться, так как научная терминология, которая в количественном отношении преобладает в научных текстах, еще очень бедна. Научный стиль представлен в школьных учебниках, в предисловиях к учебно-методическим изданиям, научно-популярной литературе, в СМИ.

Социально-коммуникативный анализ письменных текстов с учетом фразеологизмов, стандартных оборотов и разного рода клише дает представление о стилистических особенностях текста

и специализированных, т.е. функциональных стилях языка. Именно в функционально-стилистических сферах проявляется наибольшая подвижность и словаря, и фразеологии.

Применительно к языку зулу этот словарь должен обеспечить письменное общение в специальных областях, где в течение долгих лет господствовал английский язык, и задача эта еще далека от своего разрешения. Терминологическая база языка зулу еще очень бедна и слабо отражает участие всей страны в научно-технической революции. Обогащение терминологической базы, упорядочение специальной лексики, нормирование отдельных терминологических систем путем составления терминологических словарей – необходимые условия для создания полифункционального языка. Поскольку каждый язык содержит в себе возможности максимального выполнения общественных функций, язык зулу должен стремиться к своей функциональной самостоятельности.

Основным материалом, на котором основывается наше исследование, служат тексты СМИ последних лет. Рассматриваемые примеры – это образцы современной реализации языка зулу в пределах конкретных тем. Терминологическая лексика, т.е. набор языковых средств, относящихся к определенным функциональным стилям, еще находится на стадии своего становления.

Тот факт, что во многих текстах отражены события, давно ушедшие в историю, не мешает оценивать их с точки зрения отбора языковых средств, что и требуется для формирования любого функционального стиля. Используемый материал СМИ часто был недоступен читателям и радиослушателям в силу их «крамольности» – с точки зрения властей ЮАР в эпоху апартхеида. Речь идет о СМИ, которые отражали точку зрения оппозиции и функционировали в стране нелегально либо воздействовали на читателя и слушателя посредством ввозимых в страну печатных изданий или радиопередач извне. Общество в ЮАР было расколотым, и та его часть, которая поддерживала оппозицию расистскому режиму в стране, стремилась получить информацию о стране и мире из неофициальных источников. Ряд зарубежных радиостанций, в том числе и Московское Радио, вели передачи на зулу, пресса из сопредельных, а также и из европейских стран разными путями попадала в страну, и часть материалов переводилась на зулу и некоторые другие языки ЮАР. Разумеется, это была запрещенная литература.

Однако нет оснований надеяться на то, что двадцать лет спустя в стране, освободившейся от расистской власти, будут введены цензурные послабления. Известно, что СМИ ЮАР получили указания в своих изданиях и передачах избегать острых политических и этнических тем. Сведения из неофициальных источников говорят о том, что в стране идет «африканизация» общественной жизни, административной системы и образовательных учреждений. Есть угроза того, что на смену белому расизму придет черный. А это значит, что в стране будет спрос на запрещенную литературу и радиопередачи.

Что касается публицистического стиля в прессе, то на него, прежде всего, будет оказываться воздействие скрытой, закамуфлированной цензуры в ЮАР в виде различных «рекомендаций» и «советов». Известно, что публицистический стиль в качестве подстиля функционального газетного применяется в обращении к самой широкой аудитории и посвящен наиболее заметным событиям общественной и политической жизни.

Говоря о языке зулу, зададимся вопросом: есть ли основания предполагать, что зулу станет третьим по распространенности в стране языком после английского и африкаанс и возможна ли замена английского языка языком зулу в качестве носителя максимальных общественных функций, если речь идет о провинции Квазулу-Натал? Это возможно, но только при условии дальнейшего социально-экономического развития этого региона, распространения среднего, а в дальнейшем и высшего образования на зулу и общего подъема культуры всего народа. Ясно, что это условие едва ли выполнимо в обозримом будущем.

Задача заключается, прежде всего, в пополнении и обогащении лексического состава зулу, так как официальный язык, призванный обслуживать все основные сферы общественной жизни, должен, в первую очередь, располагать богатой, многообразной, стилистически дифференцированной лексикой и полным набором современной терминологии.

Функционально наиболее развитые литературные языки английский и африкаанс, на которых издается большая общественно-политическая, художественная, научно-техническая литература, и дальше будут совершенствоваться и развивать свои стили. Функционально менее развитый литературный язык зулу, на котором ведется

ся обучение лишь в начальной школе, не функционирует широко в научной сфере, на нем не издается большая научно-техническая литература – уже в силу этих обстоятельств не может претерпевать стилистическую дифференциацию в такой же мере, как английский и африкаанс. В будущем трудно предположить выравнивание уровня стилистической дифференциации этих языков.

Н.В. Макеева
(ИЯЗ РАН)
А.Б. Шлуинский
(ИЯЗ РАН)

ИМЕННЫЕ КЛАССЫ И СОГЛАСОВАНИЕ В ЯЗЫКЕ АКЕБУ¹

0. Введение

0.1. Сведения о языке акебу и материал

Язык акебу относится к группе кебу-анимере левобережной ветви семьи ква. Он распространен в префектурах Акебу и Вава в республике Того (Западная Африка). Акебу имеет около пятидесяти тысяч носителей, при этом речь идет, по-видимому, о нескольких разных, хотя и близких, диалектах.

Язык практически не описан. На данный момент имеются краткое грамматическое описание [Wolf 1907], некоторые сведения в [Heine 1968], описание системы именных классов в [Storch & Koffi 2000] и [Амоа 2011]; общие сведения о морфосинтаксисе в [Adjeoda 2008]; предварительное описание глагольной системы [Макеева & Шлуинский 2013] и фонологии [Макеева 2013]. Описание именных классов и согласования в акебу, представленное в статье, основано на данных, которые были получены в ходе полевой работы в деревнях Джон и Котора в октябре 2012 г. (Н.В. Макеева, А.Б. Шлуинский) и в октябре 2013 г. (П.А. Коваль, Н.А. Муравьев, А.Б. Шлуинский).

0.2. Именные классы акебу в литературе

Несмотря на то, что язык практически не описан, именно система именных классов и согласования по ним становилась предметом рассмотрения в предыдущих работах. В то же время эти описания существенно отличаются друг от друга и от материалов, полученных нами в ходе полевой работы. Прежде чем представить наше собственное описание, кратко рассмотрим опи-

---

¹ Работа выполнена в рамках проектов РГНФ №15-34-01237 и №14-04-00488.

сания предшественников. Для удобства сравнения там, где это возможно, мы будем указывать, каким классам в нашем описании соответствуют классы в рассматриваемых работах¹.

В [Amoua 2011] система представлена восемью классами, распределенными по четырем «родам»², каждый из которых включает пару классов – сингулярный и соответствующий ему плюралный. Разбиение на «роды» и классы в этой работе фактически основано на корреляциях между классами по числу. В итоге если двум сингулярным классам соответствует один плюралный, то этот плюралный рассматривается в [Amoua 2011] как два разных класса. Так, класс YƏ распадается на классы IV и VIII, являясь плюралным как во втором, так и в четвертом «родах», несмотря на то, что эти классы не обнаруживают никаких формальных различий. Кроме того, если в классе присутствуют как сингулярные существительные, так и существительные, являющиеся плюралными коррелятами существительных из некоторого другого класса, то этот класс также разбивается на два класса. Так, класс GBƏ распадается на сингулярный класс VII и плюралный класс VI. При этом объединение в этой работе наших классов DƏ и WU в класс III остается необъясненным, хотя автор сам показывает, что фактически эти классы требуют разного согласования [Amoua 2011: 49-50]. Кроме того, в данной работе оказываются неучтенными некоторые корреляции по числу, которые будут описаны нами.

«род»	классы
I	I (ŋU) ~ II (BƏ)
II	III (DƏ, WU) ~ IV (YƏ)
III	V (GƏ) ~ VI (GBƏ (PL))
IV	VII (GBƏ (SG)) ~ VIII (YƏ)

Таблица 1. Система именных классов акебу по [Amoua 2011].

¹ Обозначения классов в нашем описании даны в разделе 1.1.

² Как известно, существует африканистическая традиция, в рамках которой «родом» (англ. gender, франц. genre) называется пара из именных классов, образующих корреляцию по числу. В настоящем разделе мы используем этот термин, но, поскольку в рамках русскоязычной терминологии такое употребление термина «род» нестандартно, мы берем его в кавычки.

В [Wolf 1907] существительные также распределяются по четырем «родам» (в авторской терминологии – «классам», но фактически речь идет о «родах»), так как в это понятие включаются как существительные единственного числа, так и их плюральные корреляты). При этом, за исключением II «рода», которому единственному можно найти прямое соответствие в нашем описании (корреляция наших сингулярного класса GΘ и плюрального класса GBΘ), основой класса является форма существительного во множественном числе. В результате показатели класса в единственном числе оказываются очень разнообразными, а потому система классов оказывается заведомо описательно недостаточной.

Еще одно краткое описание, где фигурируют и «роды», и классы, представлено в [Adjeoda 2008]. В этой работе выделяется четыре «рода» на основании корреляции классов по числу, а кроме того, как отдельный пятый «род» классифицируются существительные, не имеющие плюрального коррелята по семантическим причинам. В нескольких случаях и в этом описании в один «род» попадают разные сингулярные именные классы, различающиеся как морфологическим оформлением, так и согласованием, что делает описание неполным.

В [Storch & Koffi 2000] не используется понятие «рода», речь идет именно об именных классах, а в основе разбиения на классы, хотя это эксплицитно и не указано, лежит согласование – как согласование глагола и числительного с существительным, так и выбор посессивного, эмфатического и объектного местоимений. В работе выделяются 11 именных классов (в нашем описании их 7), два разных именных класса различаются, по крайней мере, одним показателем. Однако расхождения с нашим описанием в количестве именных классов связаны только с расхождениями в полученных данных. Так, различными здесь оказываются классы, которые в наших материалах являются просто морфологическими подклассами классов GΘ и GBΘ, а также сингулярным и плюральным подклассами класса GBΘ. В наших материалах согласовательные показатели для всех существительных классов GΘ и GBΘ соответственно тождественны, тогда как в [Storch & Koffi 2000] они различаются хотя бы в одной клетке парадигмы показателей. В [Storch & Koffi 2000] предлагается семантическая характеристика каждого из классов, в целом, видимо, верная, но импрес-

сионистическая, а также приводятся корреляции классов по числу, но в наших материалах числовых корреляций больше.

1. Состав именных классов и их отражение в морфологии существительного

1.1. Состав и морфология именных классов

С точки зрения согласования, в акебу выделяются семь именных классов. Под согласованием мы понимаем как согласование в узком смысле, т.е. согласование внутри клаузы (в глаголе, числительном), так и согласование в широком смысле, т.е. согласование в местоимениях различных серий (в объектных, посессивных и самостоятельных местоимениях, местоимениях-интенсификаторах). Для прозрачности нотации мы называем выделяемые именные классы по форме соответствующих им самостоятельных местоимений:

ŋU, VƏ, DƏ, WU, YƏ, GƏ, GBƏ

Морфологически именные классы оформляются:

- с одной стороны, префиксом существительного (часто нулевым);
- с другой стороны, постпозитивным классным показателем.

Классы GƏ и GBƏ различают морфологические подклассы в зависимости от префикса существительного, но эти подклассы не релевантны для согласования.

В Таблице 2 представлены примеры существительных разных классов и их морфологических подклассов; в тех случаях, когда класс одновременно является и сингулярным, и плюральным, приводятся примеры и существительного единственного числа, и существительного множественного числа.

класс	префикс	суффикс	пример
ŋU	∅-	-yâ ¹	fūt-yâ 'птица'
BƏ	Ṽ-	-pâ	à-pōṅ-pâ 'масло' ò-fūt-pâ 'птицы'
DƏ	∅-	-tâ	gò-tâ 'печень'
WU	∅-	-wâ	náá-wâ 'огонь'
YƏ	Ṽ-	-yâ	à-náá-yâ 'огни'
GƏ	∅-	-kâ	gâ-kâ 'мясо'
	Ṽ-		à-kāā-kâ 'рука'
	kì-		kì-tōō-kâ 'перо'
GBƏ	wà-	-kpâ	wà-tâà-kpâ 'рынок' wà-tōō-kpâ 'перья'
	∅-		gú-kpâ 'комната'

Таблица 2. Классные показатели и примеры существительных.

1.2. Вариативность и сингармонизм классного префикса

Префикс wà- у класса GBƏ может реализоваться фонетически как [wò-] или [ò-].

Префикс Ṽ- классов BƏ, YƏ и одного из подклассов GƏ уподобляется первому гласному корня существительного по следующим правилам²:

V → e / _e, i
 o / _o, u
 ə / _ə, i
 a / _a, ε, ə, u, i

¹ Тон суффиксального показателя класса зависит от предыдущего тона: после высокого тона он высоко-падающий, после среднего и низкого – средне-падающий либо средний, причем последние два находятся в отношении свободного варьирования.

² Эти чередования представляют собой частный случай представленной в акебу регулярной регрессивной вокалической гармонии, в результате которой гласный префикса или проклитики уподобляется гласному корня. Помимо показателей именного класса, гармония гласных в акебу затрагивает также лично-числовые и видо-временные показатели глагола (см. Таблицу 4) и посессивные местоимения (см. Таблицу 3)

Приведем примеры:

è-pí-pâ ‘дети’; *ò-tù-yâ* ‘вещи’; *â-tâ-pâ* ‘отцы’; *â-nàñ-pâ* ‘скорпионы’;
è-tèé-yâ ‘участки’; *ò-kób-yâ* ‘капоковые деревья’; *â-sââ-pâ* ‘гости;
 иностранцы’; *â-kāā-kâ* ‘рука’;
è-nimí-yâ ‘глаза’; *ò-tútú-yâ* ‘грудная клетка’; *â-fùtū-yâ* ‘ногти’;
è-krètì-yâ ‘плоды маниоки’; *ò-tùtòmū-yâ* ‘слиюны’; *â-tšáátì-yâ*
 ‘деревья’; *â-tùkpròtò-yâ* ‘зола’;
è-nimítwáá-yâ ‘веки’; *ò-fútí-pâ* ‘птицы’; *â-sàlì-yâ* ‘яйца’; *â-mèèpí-yâ*
 ‘ягнята’.

В нашем материале встретилось, однако, несколько исключений (7 из 146 существительных с более чем одним гласным): *â-cíkèè-pâ* ‘собаки’, *â-nimáásì-pâ* ‘люди’, *â-siká-pâ* ‘деньги’, *â-tītēētēmí-pâ* ‘муравьи’, *â-tlāātā-yâ* ‘жалость.PL’, *â-ñpàtā-pâ* ‘кровь.PL’, *â-kúéé-pâ* ‘антилопы’.

1.3. Стяжение основы и классного суффикса в классе Dð

В основах на *li*, *tə* и *tí* при прибавлении классного суффикса *-tâ* происходят следующие стяжения:

lit → *l*
tət, tit → *t / d*

Распределение между *t* и *d* остается неясным, как и причины появления *d*. Приведем примеры:

gōōtā-tâ ‘грудь’ → *gōōdâ* (ср. *â-kōōtā-yâ* ‘груды’)
zālì-tâ ‘яйцо’ → *zālâ* (ср. *â-sàlì-yâ* ‘яйца’)
gòtā-tâ ‘девочка’ → *gòtâ* (ср. *â-kòtā-yâ* ‘девочки’)
gbètì-tâ ‘маниока’ → *gbèdâ* (ср. *è-krètì-yâ* ‘маниоки’)
vòtā-tâ ‘жизнь’ → *vòdâ* (ср. *â-fòtā-yâ* ‘жизни’)
gòlì-tâ ‘веревка’ → *gòlâ* (ср. *ò-kòlì-yâ* ‘веревки’)

1.4. Факультативность оформления существительного классными показателями

Если существительное оформлено только суффиксальным показателем класса, такое оформление может быть факуль-

тативным. Так, в (1a-b) показано употребление одного и того же существительного с показателем класса и без него.

- (1) a. wə-ʈàà-kpə   lá   fè
 GBƏ-рынок-GBƏ   POSS   место
 ‘место рынка’ {a=b}
- b. wə-ʈàà-kpə   lá   fè-wə
 GBƏ-рынок-GBƏ   POSS   место-WŪ

Если же существительное имеет также префиксальный показатель, то опущение классного показателя невозможно. Так, если опущение суффиксального показателя класса ɲŪ у существительного единственного числа *fūʈí* ‘птица’ возможно (2b), то опущение суффиксального показателя у существительного множественного числа *ò-fūʈí-pə* ‘птица’ неграмматично (3b), а одновременное опущение префиксального и суффиксального показателей соотносится с существительным единственного числа (3c); у существительного единственного числа того же класса неграмматичны как опущение обоих показателей (4b), так и только суффиксального (4c).

- (2) a. ná-ɲìḿ   fūʈí-yə   b. ^{OK}ná-ɲìḿ   fūʈí
 1SG.PFV-видеть   птица-ŪŪ   1SG.PFV-видеть   птица
 ‘Я видел птицу.’
- (3) a. ná-ɲìḿ   ò-fūʈí-pə   b. *ná-ɲìḿ   ò-fūʈí
 1SG.PFV-видеть   BƏ-птица-BƏ   1SG.PFV-видеть   BƏ-птица
 ‘Я видел птиц.’
- c. # ná-ɲìḿ   fūʈí
 1SG.PFV-видеть   птица
 *‘Я видел птиц.’
- (4) a. ná-ɲìḿ   à-pōḿ-pə   b. *ná-ɲìḿ   pōḿ
 1SG.PFV-видеть   BƏ-масло-BƏ   1SG.PFV-видеть   масло
- c. *ná-ɲìḿ   à-pōḿ
 1SG.PFV-видеть   BƏ-масло
 ‘Я видел масло.’

Семантическая разница между употреблением существительного с суффиксальным показателем и без него не очевидна и требует исследования на массиве естественных текстов. Так, в одном

и том же контексте существительные *tù* ‘вещь’ и *náá* ‘огонь’ класса WU ведут себя по-разному: первое может быть употреблено без показателя именного класса (5b), а второе – нет (6b).

(5) a.	<i>ná-jìj</i>	<i>tù-wə</i>	b.	^{OK} <i>ná-jìj</i>	<i>tù</i>
	1SG.PFV-видеть	вещь-WU		1SG.PFV-видеть	вещь
	‘Я видел вещь.’				
(6) a.	<i>ná-jìj</i>	<i>náá-wə</i>	b.	* <i>ná-jìj</i>	<i>náá</i>
	1SG.PFV-видеть	огонь-WU		1SG.PFV-видеть	огонь
	‘Я видел огонь.’				

1.5. Классные показатели и именная группа

В адъективной синтагме прилагательное, как правило, «инкорпорируется» между существительным и суффиксальным показателем именного класса (7b), (8b), (9):

(7) a.	<i>fūjí-yə</i>	b.	<i>fūjí-tí-yə</i>
	птица-Ю		птица-черный-Ю
	‘птица’		‘черная птица’
(8) a.	<i>kì-kpá-kə</i>	b.	<i>kì-kpá-tí-kə</i>
	GƏ-рубашка-GƏ		GƏ-рубашка-черный-GƏ
	‘рубашка’		‘черная рубашка’
(9)	<i>jàj-tā-tə-tə</i>		
	ткань-три-ADJ-DƏ		
	‘третья ткань’		

Примеры с отдельным классным оформлением существительного и прилагательного, как (10b), представлены в материале значительно реже.

(10) a.	<i>à-kòlàātíá-mwēējì-pə</i>	b.	<i>à-kòlàātíá-pə</i>	<i>à-mwēējì-pə</i>
	ВƏ-банан-спелый-ВƏ		ВƏ-банан-ВƏ	ВƏ-спелый-ВƏ
	‘спелые бананы’			

Подобным образом между существительным и суффиксальным показателем могут «инкорпорироваться» переходные (11b) и некоторые непереходные глаголы (12b).

DƏ (SG) ~ YƏ (PL)

nìmf-tə ‘глаз’ → *è-nìmf-yə* ‘глаза’

gò-tə ‘печень’ → *ò-kò-yə* ‘печени’

bà-tə амбар → *à-rà-yə* ‘амбары’

DƏ (SG) ~ BƏ (PL)¹

mèèrí-tə ‘ягненок’ → *à-mèèrí-rə* ‘ягнята’

WU (SG) ~ YƏ (PL)

tù-wə ‘вещь’ → *ò-tù-yə* ‘вещи’

náá-wə ‘огонь’ → *à-náá-yə* ‘огни’

cí-wə ‘кусочек дерева’ → *è-cí-yə* ‘куски дерева’

GƏ (SG) ~ YƏ (PL)

kì-tùkòḡ-kə ‘ухо’ → *ò-tùkòḡ-yə* ‘уши’

GBƏ (SG) ~ YƏ (PL)

wə-tàà-krə ‘рынок’ → *à-tàà-yə* ‘рынки’

gú-krə ‘комната’ → *ò-kúú-yə* ‘комнаты’

YƏ (SG) ~ YƏ (PL)

à-krāṭārāḡ-yə ‘штаны (одна пара)’ → *à-krāṭārāḡ-yə* ‘штаны (несколько пар)’

GƏ (SG) ~ GBƏ (PL)

gà-kə ‘мясо’ → *wə-kà-krə* ‘мяса’

à-kāā-kə ‘рука’ → *wə-kāā-krə* ‘руки’

gúú-kə ‘ложка’ → *wə-kúú-krə* ‘ложки’

kì-tòò-kə ‘перо’ → *wə-tòò-krə* ‘перья’

2.3. Семантические доминанты классов

Семантические доминанты именных классов не очень прозрачны, однако прослеживаются: так, в класс ΠU попадают одушевленные объекты, классы DƏ и GƏ включают, в частности,

¹ Данная модель используется только для образования факультативных форм множественного числа одушевленных существительных – так, приводимая здесь форма *à-mèèrí-rə* сосуществует со стандартной *à-mèèrí-yə*.

названия частей тела. В обоих случаях есть исключения: например, *mēēpí-tâ* ‘ягненок’ относится к классу DƏ, а *tútú-wâ* ‘грудная клетка’ относится к классу WU. Приведем примеры:

ŋU

ké-yâ ‘человек’, *síkèē-yâ* ‘собака’, *fútí-yâ* ‘птица’, *kátàḥkprá-yâ* ‘блоха’, *yūkèē-yâ* ‘вошь’

DƏ

lē-tâ ‘живот’, *nímí-tâ* ‘глаз’, *yū-tâ* ‘голова’, *góprí-tâ* ‘кость’, *vōḥ-tâ* ‘рог’, *gò-tâ* ‘печень’

GƏ

à-kāā-kâ ‘рука (кисть)’, *kì-nù-kâ* ‘рука (от туловища)’, *kì-kpátâ-kâ* ‘ступня’, *kì-tōō-kâ* ‘перо’, *kì-tūkòḥ-kâ* ‘ухо’, *kì-yūctōō-kâ* ‘волос’

Морфологический V-подкласс класса GƏ используется для номинализации глагольных основ.

(13) *né-tíé*   *wà-cō-kpâ*   *lá*   *à-tēḥ-kâ*
1SG.PFV-начинать   GBƏ-сказка-GBƏ   POSS   GƏ-говорить-GƏ
‘Я начал рассказывать сказку’.

(14) *mé*   *ò-kó-kâ*   *kè-lâ-kpáḥkpútúḥ*
1SG.POSS   GƏ-идти-GƏ   GƏ-3.PFV-быть_необходимым
‘Мне нужно пойти.’

Помимо числовой конверсии, в акебу представлены также и другие конверсии по классу, например: *wà-cí-kpâ* ‘дерево (растение)’ ~ *cí-yâ* ‘дерево (материал)’. Эти конверсии, несомненно, связаны с семантикой именных классов и требуют дальнейшего изучения.

3. Чередования при корреляции по числу

3.1. Чередование согласных по глухости-звонкости

Класс DƏ и подклассы с нулевым префиксом классов GƏ и GBƏ (для входящих в него существительных единственного чис-

ла) содержат звонкий начальный согласный, а их плюральные корреляты классов YƏ и GBƏ – глухой:

gbà-t̃ə ‘амбар’ ~ *à-krà-yə* ‘амбары’
gà-kə ‘мясо’ ~ *wə-kà-krə* ‘мяса’
gú-krə ‘комната’ ~ *ò-kú-yə* ‘комнаты’

3.2. Чередование тонального контура

Если существительные классов DƏ, GƏ и GBƏ имеют восходящий тональный контур, то их плюральные корреляты классов YƏ и GBƏ, как правило, имеют ровный контур по следующим правилам: последовательность из слога с низким тоном и слога со средним тоном преобразуется при образовании плюрального коррелята в последовательность из двух слогов со средним тоном (L-M ~ M-M), а последовательность из слога с низким тоном и слога с высоким тоном преобразуется при образовании плюрального коррелята в последовательность из двух слогов с высоким тоном (L-H ~ H-H):

lèé-t̃ə ‘калебаса’ ~ *è-léé-yə* ‘калебасы’
gùú-kə ‘ложка’ ~ *wə-kúú-krə* ‘ложки’

В материале представлены и некоторые исключения из этого правила:

lèé-t̃ə ‘свисток’ ~ *à-lèé-yə* ‘свистки’
dèé-t̃ə ‘участок’ ~ *è-tèé-yə* ‘участки’

Наличие двух описанных чередований при корреляции по числу, очевидно, связано с утратой префиксального показателя классов DƏ, GƏ и GBƏ, который, с одной стороны, вызывал озвончение начального глухого согласного, а с другой стороны, имел низкий тон, перешедший на синхронном уровне на первый гласный существительного в единственном числе.

4. Местоименные серии для именных классов

4.1. Набор местоименных серий

Как было сказано, основным различием между именными классами, на основании которого они, собственно, и выделяются, является согласование. В частности, по классу согласуются местоимения 3 л., образующие серии, которые состоят из семи элементов по числу именных классов. В Таблице 3 представлены серии местоимений акебу: объектные, посессивные, самостоятельные и интенсификаторы. Объектные, посессивные и самостоятельные местоимения выполняют анафорическую функцию и согласуются с антецедентом из другой клаузы, а интенсификаторы согласуются с подлежащим.

класс	объектное местоимение	посессивное местоимение	самостоятельное местоимение	местоимение-интенсификатор
ŋU	ŋù	nV ¹	ŋù	ŋùŋù
BƏ	pā	pā-lV	bā	bāpā
DƏ	tā	tā-lV одуш. nV, tā-lV	dā	dātā
WU	wū	wā-lV	wū	wāwā
YƏ	yā	yā-lV / yV	yā	yāyā
GƏ	kā	kā-lV	gā	gākā
GBƏ	kpā	wā-lV	gbā	gbākpā

Таблица 3. Местоименные серии.

Поскольку объектные местоимения, с одной стороны, принадлежат к числу морфологически простых, а с другой стороны, наиболее частотны, при описании мы выбираем их в качестве условной «точки отсчета».

Посессивные местоимения представляют собой сочетание посессивного маркера с некоторым набором показателей именного класса. Более всего этот набор похож на объектную серию ме-

¹ Знаком *V* в Таблицах 3, 4 и 5 обозначен гармонирующий гласный, выбор которого определяется первым гласным существительного-обладаемого у посессивных местоимений, первым гласным основы глагола у глагольных согласовательных показателей и первым гласным основы числительного у согласовательных показателей числительного. Правила реализации гласного *V* аналогичны правилам его реализации у префиксальных классовых показателей существительного, описанным в 1.2.

стоимений, однако в классах WU и GBƏ сегментная основа местоимений совпадает с сегментной основой показателей класса в глаголе (см. Таблицу 4). В связи с такой разнородностью выбора сегментной основы и поскольку на синхронном уровне по крайней мере для одного из местоимений серии – местоимения *nV* – не имеется «неслитного» варианта, мы считаем целесообразным говорить о посессивной серии местоимений. Посессивное местоимение класса YƏ имеет два варианта: неслитный *yə-lV* и, очевидно, возникший в результате его стяжения слитный *yV*.

Самостоятельные местоимения отличаются от объектных озвончением начального глухого согласного.

Местоимения-интенсификаторы представляют собой редупликацию объектных местоимений с озвончением начального глухого согласного первой копии. Исключение составляет местоимение класса WU, для которого редуплицируемая основа совпадает с основой показателей класса в глаголе и основой согласовательного элемента в посессивной серии.

4.2. Объектные местоимения

Объектные местоимения – это анафорические местоимения, которые выступают в позиции прямого дополнения, ср. примеры (15b)-(19b) для разных классов, и зависимого внутри предложной группы, как в (20b), (21b).

(15) a.	<i>ná-nìṅ</i> 1SG.PFV-видеть 'Я видел птицу.'	<i>fūtí-yə</i> птица-DṪ	b.	<i>ná-nìṅ</i> 1SG.PFV-видеть 'Я видел ее.'	<i>ṅù</i> DṪ.O
(16) a.	<i>ná-nìṅ</i> 1SG.PFV-видеть 'Я видел птиц.'	<i>ò-fūtí-pə</i> BƏ-птица-BƏ	b.	<i>ná-nìṅ</i> 1SG.PFV-видеть 'Я видел их.'	<i>pə</i> BƏ.O
(17) a.	<i>á-nìṅ</i> 1SG.PFV-видеть 'Я видел масло.'	<i>à-pṵṅ-pə</i> BƏ-масло-BƏ	b.	<i>ná-nìṅ</i> 1SG.PFV-видеть 'Я видел его.'	<i>pə</i> BƏ.O
(18)	<i>á-nìṅ</i> 1SG.PFV-видеть 'Я видел ягненка.'	<i>mɛ̀ɛ̀rí-tə</i> ягненок-DƏ	b.	<i>ná-nìṅ</i> 1SG.PFV-видеть 'Я видел его.'	<i>tə</i> DƏ.O
			c.	<i>*ná-nìṅ</i> 1SG.PFV-видеть 'Я видел его.'	<i>ṅù</i> DṪ.O

- (19) a. ná-ɲìṅ   cī-wə̌   b. ná-ɲìṅ   wū
 1SG.PFV-видеть   дерево-WŪ   1SG.PFV-видеть   WŪ.O
 ‘Я видел кусок дерева.’   ‘Я видел его.’
- (20) a. ná-pə̌   mə̌   mē̌ɛ̀pí-t̃ə̌
 1SG.PFV-приходить   с/и   ягненок-DƏ̌
 ‘Я пришел с ягненком.’
- b.   ná-pə̌   mə̌   t̃ə̌
 1SG.PFV-приходить   с/и   DƏ̌.O
 ‘Я пришел с ним.’
- (21) a. nó-t̃ú   t̃ə̌   wə̌-t̃àà-kpə̌
 1SG.PFV-выходить   из   GBƏ̌-рынок-GBƏ̌
 ‘Я вышел из рынка.’
- b.   nó-t̃ú   t̃ə̌   kpə̌
 1SG.PFV-приходить   из   WŪ.O
 ‘Я вышел из него.’

4.3. Посессивные местоимения

Посессивные местоимения – это анафорические местоимения, занимающие позицию посессора в посессивной конструкции слева от вершинной именной группы. Примеры (22b)-(26b,c) иллюстрируют употребление посессивных местоимений разных именных классов.

- (22) a. fū́tí   gù-t̃ə̌
 птица   гнездо-DƏ̌
 ‘гнездо птицы’
- b. nó   gù-t̃ə̌
 NŪ.POSS   гнездо-DƏ̌
 ‘ее гнездо’
- (23) a. ò-fū́tí-pə̌   ló   gù-t̃ə̌   b. pə̌-ló   gù-t̃ə̌
 BƏ̌-птица-BƏ̌   POSS   гнездо-DƏ̌   BƏ̌-POSS   гнездо-DƏ̌
 ‘гнездо птиц’   ‘их гнездо’
- (24) a. à-pṵṅ-pə̌   lá   jə̌ə̌-t̃ə̌   b. pə̌-lá   jə̌ə̌-t̃ə̌
 BƏ̌-масло-BƏ̌   POSS   запах-DƏ̌   BƏ̌-POSS   запах-DƏ̌
 ‘запах масла’   ‘его запах’
- (25) a. cī-wə̌   lá   jə̌ə̌-t̃ə̌   b. wə̌-lá   jə̌ə̌-t̃ə̌
 дерево-WŪ   POSS   запах-DƏ̌   WŪ-POSS   запах-DƏ̌
 ‘запах дерева’   ‘его запах’
- (26) a. à-náá-yə̌   lá   à-fɛ̌-yə̌   b. yə̌-lá   à-fɛ̌-yə̌
 YƏ̌-огонь-YƏ̌   POSS   YƏ̌-место-YƏ̌   YƏ̌-POSS   YƏ̌-место-YƏ̌
 c.   yá   à-fɛ̌-yə̌
 YƏ̌.POSS   YƏ̌-место-YƏ̌
 ‘места огней’   ‘их места’

В классе DΘ у посессивных местоимений (и только у них) представлена зависимость от семантики: с неодушевленными существительными используется только ожидаемый вариант *tālV* (27b), а с одушевленными чаще – посессивное местоимение *nV* класса *ŋU* (семантическое согласование) (28b), хотя ожидаемый вариант *tālV* также возможен (28c).

(27) a.	gò-t̃ə	lá	f̃ə-w̃ə	b.	t̃ə-lá	f̃ə-w̃ə
	печень-DΘ	POSS	место-WŪ		DΘ-POSS	место-WŪ
				c.	*ná	f̃ə-w̃ə
					ŋŪ.POSS	место-WŪ
						‘ее место’
(28) a.	m̃ɛ̀p̃í-t̃ə	lá	f̃ə-w̃ə	b.	ná	f̃ə-w̃ə
	ягненок-DΘ	POSS	место-WŪ		ŋŪ.POSS	место-WŪ
				c.	^{OK} t̃ə-lá	f̃ə-w̃ə
					DΘ-POSS	место-WŪ
						‘его место’
						‘место печени’
						‘место ягненка’

4.4. Самостоятельные местоимения

Самостоятельные местоимения – анафорические местоимения, употребляющиеся в независимых контекстах, в частности, при топиализации, ср. примеры (29b)-(33b) для разных именных классов, и при сочинении, как в (34b), (35b).

(29) a.	f̃u-t̃í-ỹə,	ná-ŋìŋ	ŋù
	птица-ŋŪ	1SG.PFV-видеть	ŋŪ.O
			‘Птица, я видел ее.’
b.	ŋù,	ná-ŋìŋ	ŋù
	ŋŪ.INDP	1SG.PFV-видеть	ŋŪ.O
			‘Она, я видел ее.’
(30) a.	ò-f̃u-t̃í-p̃ə,	ná-ŋìŋ	p̃ə
	ВΘ-птица-ВΘ	1SG.PFV-видеть	ВΘ.O
			‘Птицы, я видел их.’
b.	b̃ə,	ná-ŋìŋ	p̃ə
	ВΘ.INDP	1SG.PFV-видеть	ВΘ.O
			‘Они, я видел их.’
(31) a.	à-p̃w̃ŋ-p̃ə,	ná-ŋìŋ	p̃ə
	ВΘ-масло-ВΘ	1SG.PFV-видеть	ВΘ.O
			‘Масло, я видел его.’

- b.   bā,   ná-ɲìṅ   pā
 BƏ.INDP 1SG.PFV-видеть BƏ.O
 ‘Оно, я видел его.’
- (32) a. mḕɛ̀pí-t̪ə,   ná-ɲìṅ   t̪ə
 ягненок-DƏ 1SG.PFV-видеть DƏ.O
 ‘Ягненок, я видел его.’
- b.   d̪ə,   ná-ɲìṅ   t̪ə
 DƏ.INDP 1SG.PFV-видеть DƏ.O
 ‘Он, я видел его.’
- (33) a. cī-wə   ná-ɲìṅ   wū
 дерево-WŪ 1SG.PFV-видеть WŪ.O
 ‘Кусок дерева, я видел его.’
- b.   wū,   ná-ɲìṅ   wū
 WŪ.INDP 1SG.PFV-видеть WŪ.O
 ‘Он, я видел его.’
- (34) a. fū́t̪í-yə   mā   né   bíí-t̪ə
 птица-ŊŪ с/и ŊŪ.POSS детеныш-DƏ
 ‘птица и ее детеныш’
- b.   ŋò   mā   né   bíí-t̪ə
 ŊŪ.INDP с/и ŊŪ.POSS детеныш-DƏ
 ‘она и ее детеныш’
- (35) a. mḕɛ̀pí-t̪ə   mā   cíkè̀ɛ̀
 ягненок-DƏ с/и собака
 ‘ягненок и собака’
- b.   d̪ə   mā   cíkè̀ɛ̀
 DƏ.INDP с/и собака
 ‘он и собака’

4.5. Местоимения-интенсификаторы

Местоимения-интенсификаторы употребляются в эмфатических контекстах, подчеркивая, что участник ситуации является выбором определенной альтернативы из ряда возможных. В (36)-(38) продемонстрировано употребление таких местоимений разных именных классов.

- (36) má   t̪ə   lə-pə   ŋòŋò
 1SG.POSS отец 3.PFV-приходить ŊŪ.INT
 ‘Мой отец пришел сам.’

класс	конъюнктивная	стативная	перфективная	проспективная	хабитуальная	отрицат. перфективно-стативная	отрицат. проспективно-хабитуальная	«сопряженная»
ᠢᠭᠤ	ᠢᠭ	᠔	ᠢᠦ	ᠢᠦᠦ	ᠢᠦᠦ	ᠢᠦᠦ	ᠢᠦᠦ	ᠮᠢᠢ
ᠪᠡᠬᠡ	ᠷᠠ	ᠷᠠ	ᠷᠠ-ᠢᠦ	ᠷᠠ-ᠢᠦᠦ	ᠷᠠ-ᠢᠦᠦ ᠷᠠ-ᠢᠦᠦ	ᠷᠠ-ᠢᠦᠦ	ᠷᠠ-ᠢᠦᠦ	ᠷᠢᠢ
ᠳᠠ	(озвончение согласного)	(озвончение согласного)	ᠢᠦ	ᠢᠦᠦ	ᠢᠦᠦ	ᠢᠦᠦ	ᠢᠦᠦ	ᠢᠢᠢ [ᠢᠢ]
ᠮᠣ	ᠮᠠ	ᠮᠠ	ᠮᠠ-ᠢᠦ	ᠮᠠ-ᠢᠦᠦ	ᠮᠠ-ᠢᠦᠦ ᠮᠠ-ᠢᠦᠦ	ᠮᠠ-ᠢᠦᠦ	ᠮᠠ-ᠢᠦᠦ	ᠮᠢᠢ
ᠶᠠ	ᠶᠠ	ᠶᠠ	ᠶᠠ-ᠢᠦ ᠶᠦ	ᠶᠠ-ᠢᠦᠦ ᠶᠦᠦ	ᠶᠠ-ᠢᠦᠦ ᠶᠠ-ᠢᠦᠦ ᠶᠦᠦ ᠶᠦᠦ	ᠶᠠ-ᠢᠦᠦ ᠶᠦᠦ	ᠶᠠ-ᠢᠦᠦ ᠶᠢᠢ	ᠶᠢᠢ
ᠭᠠ	ᠬᠠ	ᠬᠠ	ᠬᠠ-ᠢᠦ	ᠬᠠ-ᠢᠦᠦ	ᠬᠠ-ᠢᠦᠦ ᠬᠠ-ᠢᠦᠦ	ᠬᠠ-ᠢᠦᠦ	ᠬᠠ-ᠢᠦᠦ	ᠬᠢᠢ
ᠬᠪᠡ	ᠮᠠ	ᠮᠠ	ᠮᠠ-ᠢᠦ	ᠮᠠ-ᠢᠦᠦ	ᠮᠠ-ᠢᠦᠦ ᠮᠠ-ᠢᠦᠦ	ᠮᠠ-ᠢᠦᠦ	ᠮᠠ-ᠢᠦᠦ	ᠮᠢᠢ

Таблица 4. Глагольные согласовательные серии.

5.2. Выражение классного значения в классно-лично-числовой серии

Как можно видеть из Таблицы 4, в большинстве представленных согласовательных серий (всех, кроме конъюнктивной, стативной и «сопряженной») классное значение выражено отдельно от лица: можно выделить показатель класса, который предшествует начинающемуся с *l* показателю соответствующей серии для 3 лица¹. Так, в (39), на примере форм перфективной серии для всех именных классов, кроме класса ᠶᠠ, а также частично сингулярных и плюральных существительных в рамках плюральных именных классов и разных морфологических подклассов, проиллюстрировано употребление согласовательных показателей, которые либо предшествуют показателю 3 лица перфективной серии *-lā*, либо являются нулевыми.

- (39) а. fūᠦᠢ-ᠶᠠ lā-tᠲᠦ   б. ᠔-fūᠦᠢ-ᠷᠠ ᠷᠠ-lā-tᠲᠦ
птица-ᠢᠦᠦ 3.PFV-падать   Вᠡ-птица-Вᠡ Вᠡ-3.PFV-падать
‘Птица упала.’   ‘Птицы упали.’

¹ Необходимо отметить, что формы 1-2 лиц устроены иным образом, и потому начинающиеся с *l* показатели невозможно трактовать как соответствующие показатели вида-времени-модальности.

- c. à-pṛṅ-pṛṅ   pṛṛ-lā-ló
ВṚ-масло-ВṚ   ВṚ-3.PFV-опрокидываться
'Масло опрокинулось.'
- d. mḗḗpí-ṭḗ   lā-tṭ
ягненок-DṚ   3.PFV-падать
'Ягненок упал.'
- e. cī-wḗ   wḗ-lā-tṭ   f. gùú-kḗ   kḗ-lā-tṭ
дерево-WṚ   WṚ-3.PFV-падать   ложка-GṚ   GṚ-3.PFV-падать
'Деревышка упала.'   'Ложка упала.'
- g. kṭ-ṭōō-kḗ   kḗ-lā-tṭ
GṚ-перо-GṚ   GṚ-3.PFV-падать
'Перо упало.'
- h. wḗ-kúú-krḗ   wḗ-lā-tṭ
GBṚ-ложка-GBṚ   GBṚ-3.PFV-падать
'Ложки упали.'
- i. wḗ-ṭàà-krḗ   wḗ-lā-wó
GBṚ-рынок-GBṚ   GBṚ-3.PFV-разрушаться
'Рынок был разрушен.'
- (40) a. gḗ-ṭḗ   Ø-pṛnú
печень-DṚ   3.STAT-быть_хорошим
'Печень хорошая.'
- b. à-pṛṅ-pṛṅ   pṛṛ-pṛnú
ВṚ-масло-ВṚ   ВṚ.3.STAT-быть_хорошим
'Масло хорошее.'
- c. wḗ-ṭàà-krḗ   wḗ-náná
GBṚ-перо-GBṚ   GBṚ.3.STAT-быть_большим
'Рынок большой.'
- d. gḗ-kḗ   kḗ-pṛnú
мясо-GṚ   GṚ.3.STAT-быть_хорошим
'Мясо хорошее.'

У класса YṚ происходит факультативное стяжение классного показателя и показателя лица в согласовательной серии в единый показатель – возможна как стандартная неслитная форма, где значения класса и лица выражены отдельно (41a), так и слитная форма (41b).

- (41) a. è-cī-yə̌   yə̌-lā-t̃
 YƏ-дерево-YƏ   YƏ-3.PFV-падать
 ‘Деревяшки упали.’ {a=b}
- b.   è-cī-yə̌   yā-t̃
 YƏ-дерево-YƏ   YƏ.3.PFV-падать

5.3. Конъюнктивная и стативная серии и класс DƏ

В классе DƏ стативная и конъюнктивная серии получают не сегментное выражение, а выражаются при помощи чередования первого согласного глагольной основы. Так, в (42а, 43а-с) показано использование сегментных показателей в данных сериях, а в (42b, 43d) в аналогичном контексте происходит чередование.

- (42) a. gà-kā   sā   kə-tānɨ́
 мясо-GƏ   этот   GƏ.3.STAT-быть_вкусным
 ‘Это мясо вкусное.’
- b.   gbè-ɖə̌   ɖānɨ́
 маниока-DƏ   DƏ.3.STAT-быть_вкусным
 ‘Маниока вкусная.’
- (43) a. nǎ́-ɹǎ́   fū́tɨ́-yə̌   ŋ-t̃
 1SG.НАВ-хотеть   птица-ŋŋ   ŋŋ.3.SBJV-падать
 ‘Я хочу, чтобы птица упала.’
- b.   nǎ́-ɹǎ́   à-p̃ŋ-ɹə̌   ɹə̌-p̃ŋ
 1SG.НАВ-хотеть   ВƏ-масло-ВƏ   ВƏ.3.SBJV-быть_хорошим
 ‘Я хочу, чтобы масло было хорошее.’
- c.   nǎ́-ɹǎ́   è-cī-yə̌   yə̌-t̃
 1SG.НАВ-хотеть   YƏ-дерево-YƏ   YƏ.3.SBJV-падать
 ‘Я хочу, чтобы деревья упали.’
- d.   nǎ́-ɹǎ́   mǎ̌ɛ̌ɹɨ́-t̃   d̃
 1SG.НАВ-хотеть   ягненок-DƏ   DƏ.3.SBJV.падать
 ‘Я хочу, чтобы ягненок упал.’

Происходящее в стативной и конъюнктивной сериях класса DƏ чередование состоит в озвончении первого согласного глагольной основы, если он глухой, ср. (43d), (44b); если первый со-

гласный глагольной основы сонорный, изменений не происходит (45b)¹.

- (44) a. mḕèrí-t̃ê   lā-krè
ягненок-DΘ   3.PFV-лежать
‘Ягненок лег.’
- b. náá-pá   mḕèrí-t̃ê   gbè
1SG.HAB-хотеть   ягненок-DΘ   DΘ.3.SBJV.лежать
‘Я хочу, чтобы ягненок лег.’
- (45) a. mḕèrí-t̃ê   lā-yí
ягненок-DΘ   3.PFV-стоять
‘Ягненок встал.’
- b. náá-pá   mḕèrí-t̃ê   yí
1SG.HAB-хотеть   ягненок-DΘ   DΘ.3.SBJV.стоять
‘Я хочу, чтобы ягненок встал.’

5.4. Особые показатели у класса ΓU в неассертивных контекстах

В неассертивных контекстах (в частности, в зависимых клаузах) в классе ΓU используются особые показатели, в которых вместо стандартного l , начинающего показатели 3 лица, используется n (46a). При этом в классе $D\Theta$, где также используется нулевой показатель класса, используются стандартные показатели (46b), в других классах после сегментных показателей класса также нет изменений (46c).

- (46) a. ná-nìj̃   fū́tí-yê   wé   nā-t̃ò   wè
1SG.PFV-видеть   птица-DŪ   DEM   NASS.3.PFV-падать   SUB
‘Я видел птицу, которая упала.’
- b. ná-nìj̃   cíkè̀èrí-t̃ê   wé   lā-pā   wè
1SG.PFV-видеть   щенок-DΘ   DEM   3.PFV-падать   SUB
‘Я видел щенка, который пришел.’
- c. ná-nìj̃   wè-cí-krē   wé   wè-lā-t̃ò   wè
1SG.PFV-видеть   GBΘ-дерево-GBΘ   DEM   GBΘ.3.PFV-падать   SUB
‘Я видел дерево, которое упало.’

¹ Глагольных основ на звонкий согласный в акебу нет, так как фонологизация звонких недавняя, а их дистрибуция ограниченная – см. [Макеева 2013, 2015].

5.5. Дефолтное согласование и вариативность согласования

Дефолтным именным классом, по которому происходит согласование в отсутствие подлежащего-контролера, является класс **WU**, как видно из (47a). В полипредикативных конструкциях с номинализациями возможно как согласование матричного глагола по классу номинализаций **GΘ** (47b), так и дефолтное согласование по классу **WU** (47c).

- (47) a. **wə̀-lə̀-kpə́ŋkpú́tú́**   **kə̀**   **ò-fú**   **kèè̀tì-wə̀**
 WU-3.PFV-быть_необходимым SUB 2SG.SBJV-покупать еда-WU
 ‘Тебе нужно купить еду.’
- b. **kèè̀tì-wə̀**   **ló**   **ò-fú-kə̀**   **kə̀-lə̀-kpə́ŋkpú́tú́**
 еда-WU POSS GΘ-покупать-GΘ GΘ-3.PFV-быть_необходимым
 ‘Нужно купить еду.’ {b=c}
- c. **kèè̀tì-wə̀**   **ló**   **ò-fú-kə̀**   **wə̀-lə̀-kpə́ŋkpú́tú́**
 еда-WU POSS GΘ-покупать-GΘ WU-3.PFV-быть_необходимым

5.6. Правила разрешения согласования

Правила разрешения согласования в акебу требуют дальнейшего исследования, но имеющиеся материалы демонстрируют глагольное согласование по именному классу конъюнкта, занимающего ближайшую линейную позицию к глаголу. Так, в (48a) сочиненные существительные классов **GΘ** и **WU** расположены так, что существительное класса **GΘ** находится слева, а существительное класса **WU** – справа, и глагол согласуется по классу **WU**; в (47b) при обратном линейном порядке тех же существительных тот же глагол согласуется по классу **GΘ**. Аналогично, примеры (49a-b) иллюстрируют то же распределение с сочиненными существительными классов **DΘ** и **GBΘ**.

- (48) a. **gùú-kə̀**   **mə̀**   **tə̀kɔ́-wə̀**   **wə̀-lə̀-tə̀**
 ложка-GΘ с/и нож-WU WU-3.PFV-падать
 ‘Ложка и нож упали.’
- b. **tə̀kɔ́-wə̀**   **mə̀**   **gùú-kə̀**   **kə̀-lə̀-tə̀**
 нож-WU с/и ложка-GΘ GΘ-3.PFV-падать
 ‘Нож и ложка упали.’

- (49) a. wə-ʃàà-kpə mə dɔŋ-ʃə lā-wɔ
 GBƏ-рынок-GBƏ с/и дорога-DƏ 3.PFV-разрушаться
 ‘Рынок и дорога были разрушены.’
- b. dɔŋ-ʃə mə wə-ʃàà-kpə wə-lā-wɔ
 дорога-DƏ с/и GBƏ-рынок-GBƏ GBƏ-3.PFV-разрушаться
 ‘Дорога и рынок были разрушены.’

При сочинении существительных «одушевленного» класса ɲU глагол согласуется по его плюральному корреляту – классу BƏ (50).

- (50) sɪkɛɛ-yə mə púsūi-yə pə-kpɪ
 собака-ɲU с/и кошка-ɲU BƏ.3.STAT-находиться_здесь
 ‘Собака и кошка здесь.’

6. Классное согласование числительного

Числительное в акебу следует за существительным – синтаксической вершиной именной группы и согласуется по именному классу с этим существительным при помощи префиксальных показателей. При этом имеет место нетривиальное распределение именных классов в сочетаниях с числительными: одни сингулярные классы сочетаются с числительными, а другие не допускают таких сочетаний – в таких случаях для выражения соответствующего значения используется плюральный коррелят этого класса. В Таблице 5 представлены согласовательные показатели числительных в акебу; знак * в таблице означает, что соответствующий сингулярный именной класс не сочетается с числительными.

класс	показатель при числит.
ɲU	*
BƏ	ʋ-
DƏ	*
WU	∅-
YƏ	ʋ-
GƏ	*
GBƏ	wə-

Таблица 5. Согласовательные показатели числительных.

Как видно из Таблицы 5, классы $\Pi\mathcal{U}$, $\mathcal{D}\mathcal{E}$, $\mathcal{G}\mathcal{E}$ не допускают сочетаний с числительными; примеры (51a-d) иллюстрируют неграмматичность таких сочетаний.

(51) a.	*píí-yê	yí	b.	*gò-tê	yí
	ребенок- $\Pi\mathcal{U}$	два		печень- $\mathcal{D}\mathcal{E}$	два
	ожид.	‘два ребенка’		ожид.	‘две печени’
c.	*gùú-kê	yí	d.	*à-nīj-kê	è-yí
	ложка- $\mathcal{G}\mathcal{E}$	два		$\mathcal{G}\mathcal{E}$ -лицо- $\mathcal{G}\mathcal{E}$	$\mathcal{G}\mathcal{E}$ -два
	ожид.	‘две ложки’		ожид.	‘два лица’

Плюральные классы $\mathcal{B}\mathcal{E}$, $\mathcal{Y}\mathcal{E}$, $\mathcal{G}\mathcal{B}\mathcal{E}$ сочетаются с числительными (52a-c), в том числе, насколько позволяет лексическое значение, и в тех случаях, когда относящиеся к ним существительные выражают единичный объект, как в (52d), (53a)-(54a). Для сингулярных существительных класса $\mathcal{G}\mathcal{B}\mathcal{E}$ признаются допустимыми, но сомнительными употребления с числительными форм коррелятивного с ним класса $\mathcal{Y}\mathcal{E}$, и, таким образом, помимо сочетаний, представленных в (53a)-(54a), возможны и синонимичные им (53b)-(54b).

(52) a.	ò-fütí-pê	è-yí	b.	ò-kò-yê	è-yí
	$\mathcal{B}\mathcal{E}$ -птица- $\mathcal{B}\mathcal{E}$	$\mathcal{B}\mathcal{E}$ -два		$\mathcal{Y}\mathcal{E}$ -печень- $\mathcal{Y}\mathcal{E}$	$\mathcal{Y}\mathcal{E}$ -два
		‘две птицы’			‘две печени’
c.	wê-kúú-krê	wê-yí	d.	ʔà-pōj-pê	è-yí
	$\mathcal{G}\mathcal{B}\mathcal{E}$ -ложка- $\mathcal{G}\mathcal{B}\mathcal{E}$	$\mathcal{G}\mathcal{B}\mathcal{E}$ -два		$\mathcal{B}\mathcal{E}$ -масло- $\mathcal{B}\mathcal{E}$	$\mathcal{B}\mathcal{E}$ -два
		‘две ложки’			‘два сорта масла’
(53) a.	wê-tàà-krê	wê-yí	b.	^{OK} à-tàà-yê	è-yí
	$\mathcal{G}\mathcal{B}\mathcal{E}$ -рынок- $\mathcal{G}\mathcal{B}\mathcal{E}$	$\mathcal{G}\mathcal{B}\mathcal{E}$ -два		$\mathcal{Y}\mathcal{E}$ -рынок- $\mathcal{Y}\mathcal{E}$	$\mathcal{Y}\mathcal{E}$ -два
		‘два рынка’			
(54) a.	gú-krê	wê-yí	b.	ʔò-kú-yê	è-yí
	комната- $\mathcal{G}\mathcal{B}\mathcal{E}$	$\mathcal{G}\mathcal{B}\mathcal{E}$ -два		$\mathcal{Y}\mathcal{E}$ -комната- $\mathcal{Y}\mathcal{E}$	$\mathcal{Y}\mathcal{E}$ -два
		‘две комнаты’			

Сингулярный класс $\mathcal{W}\mathcal{U}$ сочетается с числительными, как в (55a), хотя также признаются допустимыми употребления коррелятивного ему класса $\mathcal{Y}\mathcal{E}$, как в (55b).

- (55) a. páá-wê yí b. ^{OK}à-páá-yê è-yí
 огонь-WŪ WŪ-два YƏ-огонь-YƏ YƏ-два
 ‘два огня’

7. Заключение

В настоящей статье было представлено описание системы именных классов в языке акебу. С точки зрения согласования, в акебу различаются семь согласовательных классов, которым мы дали наименования по форме соответствующих им самостоятельных местоимений.

С точки зрения морфологии, существительные акебу оформляются префиксальными (в том числе нулевыми) и суффиксальными классными показателями; некоторые классы имеют морфологические подклассы в зависимости от выбираемого префикса, которые, однако, не релевантны для согласования.

С точки зрения семантики, именные классы можно разделить на четыре сингулярных, к которым относятся только существительные, обозначающие единичные объекты, и три плюральных, к которым в основном относятся существительные, обозначающие множественные объекты, хотя в них также представлены и существительные, обозначающие единичные объекты. Существует целый набор возможных корреляций по числу между сингулярными и плюральными классами.

По именному классу в акебу согласуются местоимения 3 лица (есть несколько серий), глагол с подлежащим и числительное с вершиной именной группы.

Сокращения

ŋŪ, VƏ, DƏ, WŪ, YƏ, GƏ, GBƏ – показатели соответствующих именных классов, 1, 2, 3 – 1, 2, 3 лица, DEM – демонстратив, HAB – хабитуалис, INDP – самостоятельное местоимение, INT – местоимение-интенсификатор, NASS – показатель для неассертивных контекстов, O – объектное местоимение, POSS – показатель посессивности, PFV – перфектив, PL – мн. число, SBJV – конъюнктив, SG – ед. число, STAT – статив, SUB – подчинительный союз.

Литература

- Макеева, Н.В. 2013. Фонологическая система языка акебу // *Проблемы языка*. М.: ИЯз РАН. С. 262-276.
- Макеева, Н.В. 2015. Фонотактика языка акебу // *Проблемы языка*. М.: ИЯз РАН. В печати.
- Макеева, Н.В., & Шлуинский, А.Б. 2013. Базовая глагольная система языка акебу // *Африканский сборник 2013*. СПб: МАЭ РАН. С. 359-376.
- Adjeoda, Dzifa. 2008. *Eléments de morphosyntaxe du kebu, langue dite résiduelle du Togo*. Maîtrise. Lomé: Univ. de Lomé.
- Amoua, Kwamivi. 2011. *Le système nominal du kebu*. Maîtrise. Lomé: Univ. de Lomé.
- Heine, Bernd. 1968. *Die Verbreitung und Gliederung der Togorestsprachen*. Köln: Dietrich Reimer Verlag.
- Storch, Anne, & Yao Koffi. 2000. Noun Classes and Consonant Alternation in Akebu (Kə̀gbòrəkà) // Meissner, Antje, & Anne Storch (eds.). *Nominal Classification in African Languages. Frankfurter Afrikanistische Blätter* 12. Köln: Rüdiger Köppe Verlag. Pp. 79-98.
- Wolf, Franz. 1907. Grammatik des Kögbörökö (Togo) // *Anthropos* 2. Pp. 422-437, 795-820.

О НЕКОТОРЫХ СЛУЖЕБНЫХ ЕДИНИЦАХ С НЕОПРЕДЕЛЕННОЙ КАТЕГОРИАЛЬНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТЬЮ В ЯЗЫКЕ АКЕБУ¹

Введение

Подавляющее большинство исследований в области теории, типологии языка и в частном языкознании так или иначе опираются на аксиому о том, что лексемы любого языка подразделяются на примерно одни и те же классы с точки зрения их морфологического облика, синтаксического окружения и семантики. К таковым классам, имеющим за собой многовековую традицию со времен античности, относятся имя, глагол, прилагательное, наречие, предлог, союз и некоторые другие. Однако накопленные знания о грамматических системах языков различных семей и ареалов за последние десятилетия всё больше дают поводов сомневаться в универсальности этих классов и осмысленности их использования в языковом описании. За последнее время предпринималось немало попыток типологизировать грамматические классы и критерии их выделения, однако опыт подобных исследований показывает, что каждая такая попытка упирается в целый ряд проблем, не обнаруживающих удовлетворительных решений.

Одной из наиболее трудноразрешимых проблем является необходимая степень дробности грамматической классификации. Так, например, в [Hengeveld 1992: 48] предлагается упрощенный подход на основе синтаксических функций лексемы в клаузе. Все знаменательные лексемы языка разделяются на классы в зависимости от способности употребляться в качестве вершины или модификатора референциальной или предикативной группы. Таким образом, наиболее дробное членение представлено в языках, где каждая лексема способна выполнять только одну из четырех функций, тогда как для некоторых языков, напротив, постулируется один единственный класс лексем, совмещающих все упомя-

---

¹ Работа выполнена в рамках проекта РГНФ №15-34-01237.

нутые функции. Несколько более подробный подход излагается в [Croft 1991: 67], согласно которому базовым семантическим категориям (объекты, действия, свойства) ставятся в соответствие характерные для них пропозициональные акты (соответственно, референция, предикация, модификация), тогда как прочие комбинации категорий и актов представляют собой маркированные случаи. Таким образом, все возможные грамматические классы определяются на основании перемножения данных двух переменных. Принципиально противоположный подход, характерный для американского структурализма и получивший развитие в работе [Evans & Osada 2005: 378], предполагает значительно более расчлененную классификацию лексем, основанную на внутриязыковых дистрибутивных критериях и, тем самым, не предназначенную для типологического сравнения. Кроме того, предпринимались попытки многоуровневых классификаций вроде [Broschart 1997: 130], с делением на синтаксические и лексические классы, а также многоцелевых классификаций вроде [Nau 2001: 8–10], в которых действуют единые принципы, но разные критерии используются для разных задач.

В нашем исследовании мы коснемся проблемы, которая стоит несколько в стороне от магистральных дискуссий о грамматических классах и которой, на наш взгляд, не уделяется должного внимания. Речь идет о классификации служебных единиц, которые, как правило, образуют закрытые и однозначно идентифицируемые классы и характеризуются очевидными грамматическими функциями. Однако, как показывает материал западноафриканских языков, даже такие лексемы могут представлять собой проблему для описания и понимания их места в системе языка, а также для сопоставления их с функционально сходными единицами в других языках. Именно таковой представляется нам ситуация с предложными/послеложными и союзными лексемами языка акебу, который распространен на территории государства Того и относится к подгруппе кебу-анимере левобережной ветви языков семьи ква и на настоящее время крайне мало исследован. Немногими источниками сведений о данном языке являются работы [Wolf 1907], [Djivoi 2003], [Adjeoda 2008], [Storch & Koffi 2000], [Amoua 2011], [Макеева & Шлуинский 2013]. В ходе нашего анализа мы постараемся ответить на три основных вопроса: каковы грамматические функции данных единиц, какие грамма-

тические классы они образуют по данным функциям и сопоставимы ли данные классы с традиционной системой классификации лексем. Материал исследования собран в полевой работе в селе Джон префектуры Акебу в октябре 2013 года.

Данная работа состоит из трех разделов. В разделе 1 мы рассмотрим основные единицы, используемые в акебу в функции предлогов/послелогов и союзов и постараемся доказать их статус как таковых, отграничив их от реляционных имен и частиц, после чего вкратце охарактеризуем лексемы, о которых пойдет речь в дальнейшем изложении. Во втором разделе мы проведем анализ четырех служебных единиц с неопределенной категориальной принадлежностью: *kùtò*, *màṅ*, *pààré* и *kā́tá*. Для каждой единицы будет рассмотрена возможность независимого употребления, а также использования в качестве предлога/послелога и союза. Подробное внимание будет уделяться специфике конструкций, в которых употребляются данные элементы, вопросам их обязательности, закономерностей их комбинаций, а также путей их исторического развития. По итогам анализа мы предложим модель диахронического развития данных единиц и синхронную классификацию. Заключительный третий раздел будет посвящен значению полученных нами результатов в контексте теоретического и типологического изучения служебных единиц и теории грамматической классификации, а также перспективам дальнейших исследований подобного рода единиц.

1. Служебные единицы с функцией предлогов/послелогов и союзов в языке акебу

В акебу выделяется ряд препозитивных и постпозитивных служебных единиц, которые способны присоединять именные и клаузуальные зависимые и могут быть охарактеризованы, соответственно, как предлоги, послелого и союзы. Однако при том что между предлогами/послелогоми и союзами в привычном понимании имеются очевидные функциональные различия, отнесение рассматриваемых нами лексем в акебу к какому-либо из двух грамматических классов сопряжено с рядом трудностей. Более того, неочевидным представляется и их статус как маркеров подчинения, поскольку, во-первых, они в разной степени грамматикализованы

из реляционных имен, а во-вторых, по некоторым своим свойствам они и вовсе сближаются с наречиями и частицами.

1.1. Предлоги / послелогов или реляционные имена?

Если говорить о предлогах и послелогах как о синтаксически несамостоятельных единицах, которые маркируют подчинение именной группы некоторой, как правило глагольной вершине, то в западноафриканских языках имеются оба типа единиц. При этом, согласно [Druyer 2013a], послелогов характерны для языков более западных регионов, тогда как в центральных регионах преобладают предлоги. Акебу в географическом отношении занимает промежуточное положение, что отражается в наличии единиц обоих типов¹: есть и предлоги *áʔə* ‘от’, *ʔə* ‘в, до, с’ (1) и *mā* ‘с, во время’ (2), *məŋ* и *ákəŋ* ‘как’, и послелогов *kùtə* ‘из-за’ и *kətə* ‘подобно’.

- (1) *lě-yé*   *àcūmā* *áʔə* *ʔòkòŋbí-ʔə* *ʔə*   *dīcō-ʔə*
 DŪ.3.PFV-делать   работа   от   утро-ДЭ   PREP   вечер-ДЭ
Он работал с утра до вечера.
- (2) *lě-ʔí*   *mā* *è-ŋì-yə*   *ŋ-nā*   *néé-yé*
 DŪ.3.PFV-есть   с   YƏ-время-YƏ   1SG.STAT-PROG   1SG.HAB-делать
àcūmā
 работа
Он поел, пока я работал (букв. во время, в которое я работал).

Следует, однако, оговориться, что многие предлоги/послелогов в своем развитии проходят стадию реляционных имен, и далеко не всегда очевидно, имеем ли мы дело с единицами, уже грамматикализовавшимися в предлоги/послелогов, или же мы наблюдаем их в некотором промежуточном состоянии. Таким образом, возникает необходимость четких формальных критериев, на основе которых можно было бы отграничить первый случай

¹ Стоит, однако оговориться, что из четырех языков ква, представленных в выборке [Druyer 2013], в трех языках – нконья, лелами и икпосо – имеются только послелогов, а про язык акан утверждается, что в нем нет доминантного порядка, тогда как статус данных единиц как предлогов/послелогов в этом языке вызывает вопросы (ср. [Osam et al. 2011]).

от второго. И такие критерии приводятся в разных работах, посвященных данному типу единиц в других языках семьи ква.

К примеру, в работе [Osam et al. 2011: 112-113] на материале акан изложена точка зрения, согласно которой рассматриваемые единицы относятся не к предлогам/послелогам, а к реляционным именам. В доказательство приводятся следующие четыре аргумента:

1. данные единицы не отличаются по синтаксическим свойствам от имен;
2. они могут выступать в позиции вершины ИГ;
3. они образуют с именами обычные генитивные конструкции;
4. при грамматикализации они сохраняют хотя бы частично свои именные свойства.

Напротив, в статье [Ameke 2003: 57-61] про аналогичные единицы в языке эве, приводятся доказательства их предложно-послеложного статуса со следующими аргументами:

1. данные единицы не образуют генитивную конструкцию с зависимым именем в отличие от реляционных имен, простое соположение;
2. они не могут модифицироваться прилагательными и местоимениями, могут подчиняться друг другу (ср. *from behind the house*, *из-под стола*);
3. они не могут участвовать в конструкциях с внешним посессором.

В акебу же имеются как предлоги и послелогии (перечисленные нами ранее), так и реляционные имена, к которым относятся, к примеру, *kìnākā* и *òñūj̄kā*. Предлоги и послелогии не имеют самостоятельного употребления в позиции вершины и не могут ничем модифицироваться. Реляционные имена же сохраняют данные свойства. Если же сравнивать образуемые ими составляющие, то, поскольку в генитивной группе зависимое всегда линейно предшествует вершине, а в предложной – следует за ней, сомнений в предложном статусе препозитивных единиц не возникает. В случае постпозитивных *kùtò* и *kātá* образуемая ими составляющая также хорошо отличима синтаксически от генитивной группы. Во-первых, данные единицы, не получают посессивного оформления, присущего реляционным именам (ср. 3, 4).

- (3) ná-m̀̀ [kì-fūēē-kə sā kùtò]
 1SG.PFV-смеяться GƏ-письмо-GƏ DEM из.за
Я посмеялся из-за этого письма.
- (4) k̀̀l̀̀ààtíá-yə Ø-kpí [tə kpíŋ-yə lə k̀̀nə-kə]
 банан-DŪ DŪ.3.STAT-быть PREP стол-DŪ POSS GƏ-низ-GƏ
Банан – под столом.

Во-вторых, в отличие от реляционных имен при проминализации зависимого k̀̀tò и k̀̀t́́ выбираются местоимения объектной, но не посессивной серии¹ (ср. 5, 6).

- (5) ná-pə [ŋ̀̀/*nó k̀̀tò]
 1SG.PFV-приходить DŪ.O/DŪ.POSS из.за
Я пришел из-за него.
- (6) k̀̀l̀̀ààtíá Ø-té [tə ḿ́/*mí ò-ŋ̀̀ŋ̀̀-kə]
 банан DŪ.3.STAT-находиться PREP 1SG.POSS/1SG.O GƏ-верх-GƏ
Банан – надо мной.

Таким образом, мы приходим к выводу, что в акебу можно без видимых проблем выделить грамматический класс предлогов/послелогов, куда входят препозитивные единицы, или предлоги, и постпозитивные единицы, или послелогои. Единицы данного класса соответствуют общепринятым стандартам предлогов/послелогов и удовлетворяют наиболее значимым критериям, отличающим их от реляционных имен.

1.2. Союзы или частицы?

Под союзами обычно понимаются синтаксически несамостоятельные единицы, которые маркируют сочинительную или подчинительную связь между двумя клаузами. Согласно [Druer 2013], если рассматривать только адвербиальные подчинительные

¹ В акебу имеется три серии местоимений: посессивная, объектная и эмфатическая. Первая маркирует посессора в именной группе, вторая – как правило, несубъектные глагольные зависимые, тогда как местоимения третьей серии выступают в дискурсивно выделенных субъектных контекстах. См. подробнее [Макеева, Шлуинский, наст. сб.].

функционировать, соответственно, либо как предлоги/послелого, либо как союзы. Те же самые единицы могут выступать и в качестве дополнительных модификаторов. Во-вторых, одной единицы в составе конструкции может быть недостаточно и может добавляться вторая либо контактно с первой, либо симметрично с первой относительно ее зависимого (т.е. в постпозиции, если имеется препозитивная единица и наоборот). В таком случае возникает необходимость определения статуса каждой из единиц в конструкции. В-третьих, значения и синтаксические свойства единицы при одном и том же типе зависимых могут варьировать в зависимости от конкретной конструкции. О такого рода единицах и пойдет речь дальше.

2. Синтаксис и семантика служебных единиц, сочетающих в себе разные функции

В этом разделе мы рассмотрим следующие четыре единицы: *kùtò* ‘из-за’, *màḅ* ‘как, если’, *rààré* ‘несмотря на’ и *kātá* ‘похоже на’. Всех их объединяет совмещение по меньшей мере двух синтаксических функций из ряда предлог/послелог-союз-модификатор. Соответственно, каждую из них мы рассмотрим с точки зрения самостоятельного употребления, сочетания с именными зависимыми и сочетания с клаузальными зависимыми.

2.1. Лексема *kùtò* с семантикой причины

Лексема *kùtò* представляет собой постпозитивную служебную единицу со значением причины. Она не имеет самостоятельного употребления в качестве наречия или вершины именной группы. Позицию зависимого при *kùtò*, как уже было упомянуто в разделе 1.1, может занимать именная группа, формально находясь в соположении с данным послелогом без каких-либо маркеров синтаксической связи, синтаксически выступая его объектным зависимым (примеры 3, 5).

Позиционно послеложная группа с *kùtò* в немаркированных контекстах занимает правую периферию клаузы, правее всех других адвербиальных зависимых (10а, б). Это характерная позиция для всех предложных/послеложных групп в акебу.

- (10) a. **nó-kōnù**   **mé**   **té**   **lá**   **kòlààtíá-yè**   **kàlàṅ**
 1SG.PFV-давать 1SG.POSS отец PREP банан-ИУ быстро
[lè kùtò]
 2SG.O из.за
Я быстро дал банан отцу из-за тебя.
- б. ^{??}**nó-kōnù**   **mé**   **té**   **lá**   **kòlààtíá-yè**   **[lè**
 1.PFV-давать 1SG.POSS отец PREP банан-ИУ 2SG.O
kùtò]   **kàlàṅ**
 из.за быстро
 ожд. *Я быстро дал банан отцу из-за тебя.*

К специфическим случаям нахождения послеложных групп на левой периферии относится вопросительный вынос (11), релятивизация (12) и фокализация данной составляющей (13).

- (11) **[nè kùtò (wé)]**   **kó-wè**   **wé wè-lā-wó** ?
 какой из.за FOC чашка-У FOC УУ-3.PFV-разрушаться
Почему чашка разбилась?
- (12) **ē-cī**   **zā-[ə]**   **wé**   **[[Ø_i kùtò]**   **néè-pē**
 2SG.STAT-знать стул-ДЭ FOC из.за 1SG.PROSP-приходить
Ты знаешь стул, из-за которого я придю.
- (13) **[ṅò kùtò (wé)]**   ***(wū)**   **ná-pē**
 ИУ.O из.за DEM УУ.O 1SG.PFV-приходить
Это из-за него я пришел.

Помимо этого, *kùtò* может также функционировать как союз, присоединяя клаузуальные зависимые. При этом в препозиции к зависимому располагается факультативный вспомогательный союз *ké* (14). Каких-либо значимых ограничений на употребление *ké* не обнаруживается.

- (14) **ná-tè**   **[(ké)**   **nóó-kó**   **kàlàṅ**   **kùtò]**
 1.PFV-упасть SUB 1SG.HAB-идти быстро из.за
Я упал, потому что быстро шел.

Тем не менее, было бы не совсем корректно постулировать одновременное наличие в полипредикативной конструкции сразу двух подчинительных союзов, один из которых факультативен,

без уточнения синтаксического статуса данных единиц. Поэтому рассмотрим несколько альтернативных объяснений.

Если исходить из того, что центральным элементом причинной конструкции является лексема *kùtò*, а *ká* имеет вспомогательный статус, то можно предположить, что *kùtò* является не гибридной единицей, а полноценным послелогом. Как мы уже упоминали, одной из функций союза *ká* является введение относительного предложения, в то время как известно, что в главной клаузе рестриктивных относительных предложений в языках мира может употребляться указательное местоимение в функции детерминатива [Diessel 1999: 135–137]. Детерминативы могут употребляться в любой позиции именной группы и в частности выступать зависимым в предложной/послеложной группе (ср. рус. *из-за того что*). При таком анализе мы имеем послеложную группу с *kùtò*, нулевым детерминативом и относительным предложением с *ká*. В тех же случаях, когда *ká* отсутствует, можно говорить об эллипсисе.

Ситуацию, однако, осложняет тот факт, что сам по себе подчинительный союз *ká* в числе прочих функций может иметь функцию причинного союза (15).

- (15) *ná-fá náá-wə [ká kə-lā-cí tə dʒíj-tə]*
 1SG.PFV-взять фонарь-WŪ SUB GƏ-3.PFV-темнеть PREP улица-DƏ
Я взял фонарь, потому что на улице стемнело.

Однако предложения с *ká* выражают значение причины лишь контекстно, то есть функция причинного союза является лишь одной из множества функций наряду с функцией относительного местоимения, поэтому в данном случае можно с уверенностью утверждать, что мы имеем дело с двумя разными употреблениями *ká*.

Более того, в отличие от послеложной группы с *kùtò*, зависимая клауза с (*ká*) *kùtò* свободно располагается относительно главной клаузы (16а, б).

- (16) а. *má tá Ø-yā léé-tí kɔ̀lāātíá [ká*
 1SG.POSS отец DŪ.3.STAT-PRS DŪ.3.HAB-есть банан SUB
fètɛfétə lèè-gbí kùtò]
 папайя 3.DŪ.NEGPFV-быть из.за
Мой отец ест банан, потому что нет папайи.

- б. **má** **tá** [ká fètèfétè nèè-gbí **kùtò**]
 1SG.POSS отец SUB папайя NASS.DÛ.3.NEGPFV-быть из.за
Ø-yā **néé-tī** **kòlàātía**
 DÛ.DÛ.3.STAT-PRS NASS.DÛ.3.HAB-есть банан
Мой отец ест банан, потому что нет папайи.

Данные два аргумента окончательно убеждают нас в том, что *kùtò* не является полноценным послелогом.

Если же, наоборот, предположить, что *ká* является центральным компонентом в маркировании подчинения причинной клаузы, то из этого следует, что за *kùtò* остается роль дополнительного модификатора, который в отсутствие *ká* принимает на себя роль союза. Однако такая трактовка также спорна, поскольку, во-первых, *kùtò* остается главным носителем информации о семантике конструкции (*ká* выполняет чисто синтаксическую функцию маркера подчинения) и, во-вторых, неочевидно, каким образом единица, способная самостоятельно иметь при себе зависимым как ИГ, так и клаузу, становится всего лишь дополнительным модификатором при *ká*.

Таким образом, ни трактовка *kùtò* как послелога, ни описание данной единицы как переменной между послелогом, союзом и модификатором не могут быть признаны в достаточной мере оправданным, непротиворечивым и описательно удобным решением.

Тем не менее, некоторым выходом из ситуации представляется нам принятие первого подхода с поправкой на диахронический аспект проблемы. Если исходить из того, что адвербиальные союзы могут эволюционировать из предлогов/послелогов (Norreg & Traugott 2003: 184–185, ср. англ. *before breakfast* ‘перед завтраком’ vs. *before he comes* ‘перед тем как он придет’), то вариативность наличия/отсутствия *ká* можно объяснить именно частичной эволюцией *kùtò* в причинный союз. Так, в своем более исходном виде *kùtò* как послелог все еще требует клаузального маркера подчинения, тогда как с развитием собственных союзных свойств вспомогательный маркер подчинения утрачивается. В соответствии с этим мы считаем лексему *kùtò* послелогом с частичным приобретением свойств союза.

2.2. Лексема *mə̀ŋ* с семантикой сравнения, условия и уступки

Еще менее тривиальный случай представляет собой препозитивная единица *mə̀ŋ*, которая не только варьирует по синтаксической функции, но при этом также имеет разную семантику. Как и *kùtò*, *mə̀ŋ* также не употребляется в качестве наречия и не может быть вершиной именной группы. В сочетании с именными зависимыми *mə̀ŋ* функционирует в качестве сравнительного предлога с объектным управлением в формальном соположении с зависимым (17). Сравнительная предложная группа может дополнительно модифицироваться постпозитивным *kə́tə́* без какой-либо разницы в значении (18).

- (17) *ālāá-nə̀ŋ*   [*mə̀ŋ*] *lè*   *té*   (*kə́tə́*)
 2SG.NAV-петь   как   2SG.POSS   отец   похоже
Ты поешь как твой отец.
- (18) *nə́s-sə̀*   *cī-wə̀*   [*mə̀ŋ*] *mé*   *té*
 1SG.NAV-колоть   дрова-WŪ   как   1SG.POSS   отец
Я колю дрова, как мой отец.

Предложные группы с *mə̀ŋ* могут иметь и уступительное значение, и в этом случае всегда сопровождаются постпозитивным *pà̀pé* (19).

- (19) [*mə̀ŋ*] *mé*   *té*   *(*pà̀pé*)] *ná-pə̀yí*
 если   1SG.POSS   отец   несмотря   1SG.PFV-уходить
Назло моему отцу я ушел.

Несколько сложнее обстоит дело с клаузальными зависимыми. Во-первых, *mə̀ŋ* может самостоятельно функционировать как сравнительный союз, не требуя в отличие от *kùtò* каких-либо вспомогательных элементов. Как и в предложном употреблении, в качестве союза оно может дополняться постпозитивным *kə́tə́* (20).

- (20) *mé*   *té* $\emptyset$ -*yā*   *nóó-sū*   [*mə̀ŋ*]
 1SG.POSS   отец   DŪ.3.STAT-PRS   NASS.DŪ.3.NAV-бежать   как
ŋə̀ŋtə́é-yə̀   *nə̀ə̀-pə̀*   (*kə́tə́*)
 дождь-DŪ   NASS.DŪ.3.PROSP-приходить   похож
Мой отец бежит, как будто бы идет дождь.

Во-вторых, *màḥ* может использоваться и в условных конструкциях, также не требуя никаких дополнительных единиц. В отличие от союза *mǫǫ* со значением реального условия, *màḥ* возглавляет условные клаузы с ирреальной и контрафактивной семантикой (21).

- (21) [màḥ] ḥ-yéí àcūmā àsǫǫkǫ
 как 1SG.STAT-делать_{POF} работа вчера
 nǫḥ-pǫ-pǫ jǫrǫ-wǫ
 1SG.NEGHAB-FUT-приходить дом-wǫ
Если бы я вчера работал, я не вернулся бы домой.

Наконец, если все же при *màḥ* употребляется вспомогательный союз *kǫ*, конструкция имеет уступительное значение (22). Здесь в отличие от предложных групп наличие постпозитивного *pǫrǫ* возможно, но не обязательно (23).

- (22) [màḥ] kǫ ḥ-pǫí ḥ-fí] kǫmǫmǫ
 как SUB 1SG.STAT-приходить_{POF} 1SG.CONJ-войти после
 ḥ-pǫyí
 1SG.STAT-уходить_{POF}
Хотя я и пришел, после этого я ушел.

- (23) nǫ-jǫḥ gǫḥ-tǫ [màḥ] kǫ dúmū-tǫ
 NASS.DṬ.3.PFV-видеть дорога-Dǫ если SUB ночь-Dǫ
 Ø-gbí (pǫrǫ)
 Dǫ.3.STAT-быть несмотря
Он увидел дорогу, несмотря на темноту.

Таким образом, имеется три различных употребления *màḥ* в сочетании с клаузальными зависимыми, в двух из которых данная единица самостоятельно функционирует в качестве союза. Конкретный путь развития и формальные преобразования, имевшие место на этом пути, на данный момент неочевидны, но вполне возможным представляется сценарий, при котором все употребления *màḥ*, подобно *kùtǫ*, прошли через стадию сначала обязательного, потом факультативного сочетания с союзом *kǫ* с полным развитием *màḥ* в сравнительный и условный союзы. В уступительных же конструкциях наблюдаемое *kǫ*, судя по всему, и

является застывшим промежуточным этапом развития. Тем не менее, мы не располагаем достаточными данными для подтверждения или опровержения данной гипотезы. Что же касается синхронного статуса *màḥ*, то вполне удовлетворительной представляется характеристика данной единицы как предлога с частичным или полным развитием союзных функций.

2.3. Лексемы *kātá* и *rààré* со сравнительной и уступительной семантикой

Постпозитивные служебные единицы *kātá* со значением сравнения и *rààré* со значением уступки обнаруживают еще одну трудность для однозначной грамматической идентификации, состоящую в том, что в зависимости от синтаксического контекста их статус варьирует от обязательного к факультативному. Как и обе предыдущие рассмотренные нами единицы, *kātá* не употребляется в качестве наречия или вершины ИГ, тогда как *rààré* все же имеет самостоятельное наречное употребление (24).

- (24) **rààré** **má**   **kéè-yə**   **nə-pə**
 однако 1SG.POSS друг-ДУ   NASS.ДУ.3.PFV-приходить
Однако мой друг пришел.

В сочетании с именными зависимыми *kātá* выступает в функции сравнительного послелога, характеризуясь типичными для послелога формальным соположением. Однако отличие от *kùtò* эта единица, синтаксически не являясь реляционным именем, неожиданным образом управляет посессивным местоимением вместо объектного (25). Этот факт на данный момент не находит удовлетворительного объяснения и требует дальнейшего изучения. Помимо самостоятельного употребления, *kātá* может использоваться в сочетании с препозитивным *màḥ* без какой-либо разницы в семантике (17).

- (25) **nə**   **kātá**
 ДУ.POSS   похоже
Похоже на него.

В отличие от *kātá* лексема *pààpé* не имеет самостоятельного употребления в качестве послелога, но образует с препозитивным *màḥ* предложно-послеложную конструкцию с уступительной семантикой (19).

Исключением является случай сочетания с объектным местоимением класса WŪ в функции анафорической отсылки к ситуации (26).

- (26) [*(*màḥ)* wū **pààpé**] mǎ kèè-yǎ
как wŪ.O однако 1SG.POSS друг-ŌŪ
nǎ-pǎ
NASS.ŌŪ.3.PFV-приходить
Несмотря на это, друг пришел.

В отличие от *kùtò* рассматриваемые постпозитивные единицы не функционируют в качестве самостоятельных союзов, но могут факультативно модифицировать сравнительную (27) и уступительную клаузы (22, 23).

- (27) *ālǎá-wǎlí* [*(*màḥ)* *ālǎá-nǎḥ*] **kātá**
2SG.HAB-говорить как 2SG.HAB-петь похоже
Ты говоришь, как будто поешь.

Суммируя данные наблюдения, мы получаем весьма неоднозначную картину. В случае с *kātá* мы имеем послеложную единицу с именными зависимыми и дополнительный модификатор при тех же именных зависимых с препозитивным *màḥ* и при клаузальных зависимых с *màḥ*. Во втором случае – наречие и факультативный модификатор при клаузах с *màḥ ká*, который оказывается обязательным в сочетании с именными зависимыми при том же *màḥ*. Однако одинаковым в обоих случаях является то, что обязательные употребления у данных лексем имеются полностью или частично в конструкциях с именными зависимыми и отсутствуют в конструкциях с клаузальными зависимыми. Соответственно, принимая диахронический паттерн развития предлогов/послелогов в союзы, мы наблюдаем более ранний этап развития, когда служебная единица уже сформировалась как предлог/послелог или обязательный элемент предложно-послеложной конструкции, но еще не используется в качестве самостоятельно-

го союза. Это напоминает ситуацию с *kùtò* с той разницей, что с именными зависимыми *kùtò* играет исключительно роль послелога, а с клаузальными – частично имеет самостоятельное союзное употребление. Что же касается случаев сочетания *kùtò* с *ká*, то при таком взгляде на проблему нет необходимости описывать их через вложение зависимой клаузы в послеложную группу, получая две разные конструкции с *ká* и *ká ... kùtò*. Достаточно заметить, что такое употребление *kùtò* хорошо соотносится с употреблением *kātá* и *rààré* как дополнительных модификаторов.

2.4. Категориальная принадлежность и диахроническое развитие единиц

Если обобщить данные, проанализированные нами в предшествующих разделах, то все употребления служебных единиц в акебу укладываются в единую модель диахронического развития, которая будет иметь следующий вид:

Наречие => Дополнительный модификатор (=> Предлог/послелог) => Союз

На начальном этапе развития служебные лексемы, подобно *rààré*, представляют собой обычные наречия, которые начинают регулярно употребляться при предложных/послеложных группах и зависимых клаузах и утрачивать самостоятельное наречное употребление, постепенно развиваясь в предлоги/послелоги и союзы и вытесняя первичные средства подчинения данных конструкций или образуя с ними составную конструкцию, что мы и видим в случае с остальными единицами. Единственный спорный момент связан с правым краем шкалы, поскольку неочевидно, имеет ли место эволюция союзов из предлогов/послелогов или же союзы развиваются напрямую из дополнительных модификаторов. Однако мы не располагаем достаточными данными, чтобы подтвердить или опровергнуть какую-либо из двух возможностей.

По степени развитости союзных свойств служебные лексемы акебу располагаются следующим образом: *rààré* < *kātá* < *kùtò* < *màḡ*. Лексема *rààré* все еще способна употребляться в качестве наречия и обнаруживает обязательное употребление в составе предложной группы с *màḡ*. *kātá* уже не употребляется самостоя-

тельно, но может функционировать в качестве полноценного послелога. *kùtò*, сохраняя употребление в качестве модификатора, может использоваться как полноценный послелог и союз. Наконец, *màḅ* сочетает в себе функции предлога и союза уже почти без видимых следов предшествующего развития.

Если же все-таки рассматривать данные единицы в синхронном их состоянии с точки зрения описания и классификации, то закономерным итогом анализа могло бы быть отнесение рассмотренных единиц по совокупности их свойств к какому-то конкретному грамматическому классу. Однако, как видно из наблюдений, изложенных в данной работе, сделать это не представляется возможным сразу по двум причинам. Во-первых, они в разной степени употребимы с именными и клаузуальными зависимыми, и их поведение по данным двум типам зависимых неодинаково. Например, препозитивные единицы, такие как *màḅ*, могут в сочетании с клаузуальными зависимыми выполнять функции союза или предлога, требующего вспомогательный союз *ká*, а также требовать или не требовать при возглавляемой ими составляющей постпозитивных единиц. Постпозитивные же единицы, в свою очередь, различаются по тому, насколько они обязательны или факультативны. Второй причиной является то, что свойства одной и той же единицы могут различаться по разным конструкциям. Именно так обстоит дело с лексемой *màḅ*, которая имеет сразу три различных употребления: в конструкциях со значением условия, сравнения и уступки. Однако если оставить за скобками все условности, касающиеся в большей степени конкретных конструкций, а не собственно служебных лексем, и рассматривать только дистрибутивные свойства единиц, можно предложить подход, основанный на комбинированных категориях, который в частности использован в работе [Hockett 1958: 225-227], применительно к классификации английских знаменательных лексем. В рамках этого подхода лексемам приписывались комбинации стандартных категорий N (имя), A (прилагательное) и V (глагол) по их способности употребляться в характерных для этих категорий синтаксических контекстах. Так, например, слова *walk, love, cure, change* были отнесены к классу NV, *clean, dry, thin, slow* – к AV, *fancy, faint, black, yellow, blue* – к NAV. Используя тот же

принцип, мы можем охарактеризовать лексему *pààré* как наречие-модификатор, *kā́tá* – как модификатор-послелог, *kùtò* – как модификатор-послелог-союз, а *màṅ* – как предлог-союз. Более подробные данные по каждой единице обобщены в таблице ниже.

	<i>pààré</i>	<i>kā́tá</i>	<i>kùtò</i>	<i>màṅ (ká)</i>
самостоятельное употребление	наречие	–	–	–
в предложной / послеложной группе	обязательный модификатор	послелог или факультативный модификатор	послелог или факультативный модификатор	предлог
в зависимой клаузе	факультативный модификатор	факультативный модификатор	союз или факультативный модификатор	союз

Следует оговориться, что данные ярлыки представляют собой описательное упрощение и не отражают в полной мере синтаксическую природу единиц, однако, имея в распоряжении данную классификационную модель, мы получаем возможность сопоставлять подобные случаи между собой в контексте типологии при условии разработки адекватных критериев межъязыкового сопоставления.

3. Служебные единицы в акебу в теоретической и типологической перспективе

Как уже говорилось выше, постулирование в языках таких классов знаменательных лексем, как имя, глагол, прилагательное и наречие, рождает множество иллюзий об их типологической общности. И действительно, многочисленные попытки построить типологическую модель классификации лексем сталкиваются с недостаточной сопоставимостью внешне схожих конкретно-языковых классов по разным языкам. Причиной тому является невозможность выделить универсальный набор критериев, который мог бы адекватно применяться хотя бы к большинству известных языков, и зачастую критерии для двух языков могут вообще не пересекаться. Как правило, рассуждения подобного рода приводятся в отношении классификации полнозначных лексем, однако они справедливы и для служебных единиц. Тем не менее последние реже оказываются поводом для дискуссий, поскольку

не характеризуются богатством морфологии, формируют чаще всего закрытые, обозримые классы и выполняют четкие функции.

Материал языка акебу, рассмотренный нами в этой статье, наталкивает нас на два рассуждения. Во-первых, грамматические функции предлога/послелога, союза и модификатора вовсе не обязательно закреплены за разными единицами, а могут в разной степени совмещаться в одних и тех же лексемах в зависимости от стадии их диахронического развития. Более того, конкретные синтаксические свойства каждой такой единицы могут быть обусловлены семантикой обстоятельственной конструкции и конфигурацией входящих в нее единиц. В традиционной синтаксической типологии (ср., например, [Dryer 2013a, b], [Schachter & Shopen 2007]), как показывает практика, данные соображения не принимаются в расчет, и многие теоретические и типологические выводы содержат в себе презумпцию четко очерченных функциональных классов предлога/послелога, союза и других. Во-вторых, ограниченность числа таких единиц в языке, незначительная вариативность их свойств, частое отсутствие какого-либо морфологического оформления, вследствие которых внимание к этим единицам недостаточно, напротив, должны послужить поводом обратиться к систематическому их изучению в типологии, поскольку именно их обозримость в языке позволяет, с одной стороны, делать исчерпывающие выводы об их синтаксической природе в каждом конкретном языке и, с другой, выявить ограниченный набор универсальных критериев, которые бы позволили построить адекватную типологическую классификацию единиц данного типа. Помимо этого, очевидна необходимость исследовать служебные единицы и в контексте изучения африканских языков, в которых вопрос о грамматической идентификации лексем остается одним из наиболее актуальных и изучаемых на настоящий момент.

Сокращения

COND – условный союз, CONJ – конъюнктив, DEM – демонстратив, DETR – детранзитивизатор, FOC – фокус, FUT – футурум, HAB – хабитуалис, NASS – неассертивность, NEGHAB – отрицательный хабитуалис, NEGPFV – отрицательный перфектив, O – объект, PFV – перфектив, POSS – посессивность, PQF – плюсквамперфект, PREP – предлог, PROG – прогрессив, PROSP – проспектив, PRS – презенс, SG – единственное число, SUB – подчинительный союз, STAT – статив, DŪ, WŪ, YƏ, DƏ, GƏ, GBƏ – показатели соответствующих именных классов, 1, 2, 3 – лицо.

Литература

- Макеева, Н. В., & Шлуинский, А.Б. 2013. Базовая глагольная система языка акебу // *Африканский сборник 2013*. СПб.
- Макеева, Н. В., & Шлуинский, А.Б. Именные классы и согласование в языке акебу // *Наст. сб.*
- Adjeoda, Dz. 2008. *Éléments de morphosyntaxe du kebu, langue dite résiduelle du Togo*. Memoire pour l'obtention du Diplome de Maitrise et ES-lettres. Univ. de Lomé.
- Ameka, F. 2003. Prepositions and postpositions in Ewe (Gbe): empirical and theoretical considerations. In: Sauzet, P. & Zribi-Hertz, A. (eds.), *Typologie des langues & universaux de grammaire*, Vol. 2. Benue-kwa, wolof. Paris, 2003.
- Amoua, Kw. 2011. *Le système nominal du kebu*. Maîtrise. Lomé: Univ. de Lomé.
- Broschart, J. 1997. Why Tongan does it differently: Categorical distinctions in a language without nouns and verbs. *Linguistic Typology* 1. Pp. 123-165.
- Croft, W. 1991. *Syntactic categories and grammatical relations: the cognitive organization of information*. Chicago: University of Chicago Press.
- Diessel, H. 1999. *Demonstratives: form, function and grammaticalization*. Amsterdam: John Benjamins.
- Dryer, M. S. 2013a. Order of Adposition and Noun Phrase. In: Dryer, M.S. & Haspelmath, M. (eds.). *The World Atlas of Language Structures Online*. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology.
- Dryer, M. S. 2013b. Order of Adverbial Subordinator and Clause. In: Dryer, M. S. & Haspelmath, M. (eds.). *The World Atlas of Language Structures Online*. Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology.
- Djitovi, A. 2003. *English and Akebu phonologies: a comparative analysis*. Memoire pour l'obtention du Diplome de Maitrise et ES-lettres. Univ. de Lomé.
- Evans, N. & Osada, T. 2005b. Mundari and argumentation in word-class analysis. *Linguistic Typology* 9.3: 442-457.
- Hengeveld, K. 1992. *Non-Verbal Predication. Theory, typology, diachrony*. Berlin: Mouton de Gruyter.
- Hockett, C. F. 1958. *A Course in Modern Linguistics*. New York: Macmillan.

- Hopper, P. J., Traugott, E. C. 2003. *Grammaticalization*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Nau, N. 2001. *Wortarten und Pronomina, Studien zur lettischen Grammatik*. Habilitationsschrift. Kiel: Universität Kiel.
- Osam et al. 2011. The so-called prepositions in Akan: a reconsideration. In: *Journal of West-African languages* XXXVIII 2 (2011).
- Schachter, P., Shopen, T. 2007. Parts-of-speech systems. In: Shopen, T. (ed.). *Language Typology and Syntactic Description*. Cambridge University Press. Pp. 1–60.
- Storch, A., & Koffi, Y. 2000. Noun Classes and Consonant Alternation in Akebu (Kàgbèrĕkà). In: Meissner, A., & Storch, A. (eds.). *Nominal Classification in African Languages. Frankfurter Afrikanistische Blätter* 12. Köln: Rüdiger Köppe Verlag. Pp. 79-98.
- Wolf, Franz. 1907. Grammatik des Kögbörĭkò (Togo) // *Anthropos* 2. Pp. 422-437, 795-820.

АНАФОРИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА В ТРАДИЦИОННОМ НАРРАТИВЕ¹

В статье рассматриваются способы снятия референциального конфликта в традиционном нарративе муан (< южные манде < манде < нигер-конго), а также средства, применяемые для этого. Рассмотрены анафорические средства, кодирующие именную группу (далее – ИГ) при ее повторном упоминании в зависимости от свойств референта в рамках конкретного дискурса.

Анафора – одно из основных средств, обслуживающих поддержание референции в тексте, маркирующих тождество (или нетождество) данного референта другим референтам, упомянутым ранее [Кибрик 1988: 1]. Это основное средство повторного упоминания референтов в отдельном предложении и тексте в целом.

Я не буду останавливаться на синтаксической анафоре, имеющей место в ситуации, когда анафорические местоимения обладают свойствами обязательности и строгого контроля со стороны антецедента. Пример синтаксической анафоры в муан:

{nè mū}ᵢ s̄ òᵢ nĕē nī
ребенок Pl быть.любимым.Наб 3.Pl мать Dat
'Мать любит своих детей' (букв. 'Дети, любимы своей, матерью').

Я остановлюсь лишь на анафорических средствах, кодирующих ИГ при повторном появлении. Будут рассмотрены способы разрешения референциального конфликта в рамках подхода, связанного с представлением о том, что несинтаксическая анафорическая номинация определяется фокусом внимания говорящего. (см., например, [Wheeles and Grotz 1977]). В соответствии с таким подходом, в каждой точке дискурса внимание говорящего направлено на несколько связанных между собой объектов, о кото-

---

¹ Исследование выполнено в рамках проекта «Глагольные системы языков манде в контексте типологических и ареальных исследований», грант РФНФ № 13-34-01015.

рых «идет речь». В то же время в каждой предикации имеется один основной элемент (обычно подлежащее). Анафорические средства позволяют сопоставить текущий фокус внимания с упомянутыми ранее, то есть сохранить связь между лингвистическими единицами и элементами дискурса.

В общем случае, чем выше по статусу внимания тот или иной элемент дискурса, тем больше вероятность того, что в предложении он будет заменен на редуцированную лингвистическую единицу, то есть будет использовано анафорическое средство. Элемент дискурса, обладающий самым высоким статусом внимания обычно не может быть выражен полной ИГ, он требует наиболее семантически пустой анафорической единицы или вообще не называется (нулевая анафора). В последнем случае речь идет об элементе, получающем наибольшее внимание.

Точно так же неактивированный элемент дискурса должен быть кодирован полной ИГ, и его замена анафорической единицей невозможна.

Часто в некоторой точке дискурса может оказаться более одного прономинализованного референта, и задача определения соответствия местоимения одному из референтов может иметь разные решения. Такая ситуация именуется референциальным конфликтом.

Снятие референциального конфликта – это выбор между несколькими референтами (и соответствующими ИГ). Для этого в языке существуют определенные лексико-грамматические средства. Кросслингвистически, для решения референциального конфликта в языках существуют стратегии: 1) основанные на постоянных свойствах антецедента (именная классификация / род, грамматическое число, одушевленность); 2) характеристики референта, постоянные в рамках данного дискурса, иерархия референтов (главный герой, второстепенные герои, персонажи заднего плана); 3) переменные свойства референта (близость к фокусу внимания) или антецедента (синтаксическая роль, семантический статус) [Кибрик 2003].

С формальной точки зрения, языки могут использовать а) анафорические лексемы, б) анафорические морфемы или в) опущение элемента (*gap*).

В южных манде и в языке муан, в частности, используются только анафорические лексемы. Особенности грамматического строения этих языков таковы, что все обязательные грамматиче-

ские слоты должны быть заполнены, в том числе при необходимости – семантически пустыми элементами; маркирование путем опущения элемента в принципе невозможно. К тому же данные языки не обладают системой именных классов, в том числе категорией рода. В ряде языков одушевленные имена имеют свои особенности грамматического поведения, которые, однако, не могут быть использованы для снятия референциального конфликта¹.

В силу их грамматического строя для языков манде остается немного средств, по сравнению с теми, которыми располагают языки других типов. В данном случае эти средства ограничиваются анафорическими лексемами (местоимениями). При этом постоянные свойства антецедента ограничиваются только грамматическим числом, следовательно, основной стратегией снятия референциального конфликта будет использование характеристик референта в рамках данного дискурса (постоянных или переменных).

При разборе естественных текстов на языке муан, у человека, привыкшего к связным текстам на европейских языках, нередко возникает ощущение утраты референциальной привязки прономинальных единиц. Это происходит по причине несходства системы анафорических средств языка муан и европейских языков.

В русском языке, например, анафорические средства включают в себя местоимения 3 лица, которые в единственном числе обладают категорией рода, к тому же в систему анафорических средств входят указательные местоимения (*тот, та*), а в некоторых стилях речи используются особые анафорические единицы, ср. *каковая сдала вышеуказанное нижеподписавшемуся* (А. и Б. Стругацкие. Понедельник начинается в субботу).

Язык муан также обладает разнообразием анафорических средств, позволяющих слушающему безошибочно определить соответствие участников ситуации и синтаксических единиц (членов предложения).

Ср. приводимый ниже отрывок из рассказа о нападении бандитов на деревню (бандиты обозначены подстрочным индексом *i*, а женщины – подстрочным индексом *j*):

---

¹ Различие между одушевленными и неодушевленными существительными касается оформления посессивно-генитивной синтагмы – по-разному оформляется т. наз. отчуждаемая и неотчуждаемая принадлежность.

- (01) *Mí jà yī-nè lá tā á*
 1Sg.Emph ийти-Prf день-Dim Rel на 1Sg.Poss
gbā lā, bēè ŋ nū dālē wáátí lā
 поле под тогда 1Sg Fut вернуться-Spn время Foc
yí ké ò_i nàà bōlē
 в и 3Pl давать-Prf появляться-Ger

Я ушел в один прекрасный день на свое поле, а когда я вернулся, узнал, что они приходили.

- (02) *ké wōō_i sàyāā_i mū é nà-à nū-lē*
 и 3Pl.Emph бандит Pl Art давать-Prf приходить-Ger
[ŋ nā mū pēgēé ŋ lú-né é]_j tā
 1Sg жена Pl и 1Sg дочь-Dim Art на

Тогда они_i бандиты_i пришли к моей жене и дочери_j.

- (03) *bēè mú_j púé-là fé é zātā finétì lù*
 тогда 3Pl.Dem выходить-Prf дом Art за окно в

А они (женщины) вылезли через заднее окно дома.

- (04) *bēè ò_i mǎfá é dù-à mú_j mā dōō: ká_j*
 тогда 3Pl ружье Art строить-Prf 3Pl.Dem на мол 2Pl
ò gē zí nāā éè
 Сор ийти Prog где Q

А эти_i наставили ружье на них_j, мол, вы_j куда идете?

- (05) *dōō: ké ká_j lāā nīnà-lē gè ó_i*
 мол если 2Pl Neg вернуться-Spn тут.1Sg 1Pl.Excl
ká_j dē
 2Pl убивать

Мол, если вы_j не вернетесь, мы_i вас_j уьем.

- (06) *bēè mú_j pē wáō_j gē-lè gbē*
 тогда 3Pl.Dem говорить 1Pl.Neg.Sor ийти-Conj рука
kè nōō
 другой в

А те_j говорят, мол, мы_j не собираемся уходить.

- (07) *bēè ò_i pē dōō: lōō lè ká_j lé éè*
 тогда 3Pl говорить мол гуро Сор 2Pl Instr Q

А эти_i говорят, ладно, мол, гуро ли вы_j?

- (08) *ò_i bē pā tūābú wī yì*
 3Pl 3SG.DEM говорить-PRF европеец язык в
ŋ lù-nè_j é bē_j nī yè bē_j pē: yóoyè.
 1Sg дочь-Dim ART 3Sg.Dem Dat и 3Sg.Dem говорить нет

Они_i это сказали моей дочери_j на языке белых, и она_j сказала: нет.

‘Я ушел в один прекрасный день на свое поле, а когда я вернулся, узнал, что приходили они. Тогда они, эти бандиты, пришли к моей жене и дочери. А они вылезли через заднее окно дома. А они наставили ружье на них, мол, вы куда идете? Мол, если вы не вернетесь, мы вас уьем. А они говорят, мол, мы не собираемся уходить. А они говорят, ладно, мол, гуру ли вы? Они это сказали моей дочери на языке белых, она сказала: нет.’

В представленном отрывке основные действующие лица (бандиты) названы лишь в (02); далее они кодируются личными местоимениями 3 л. мн. ч. Женщины названы в (02), а затем одна из них – в (08), в остальных случаях они кодируются контрастивными указательными местоимениями мн. ч. *tú* или ед. ч. *bé*, в случае если действует только один член группы («дочь»).

Очень важно, что при первом появлении бандиты, о которых ранее речь не шла (рассказчик только объяснил, что ушел из деревни), названы обычным личным местоимением *ò* ‘они’. Это сразу переносит их в центр внимания. Поскольку опущение элемента в муан невозможно, такая стратегия является наибольшим приближением к нулевой анафоре и, следовательно, указывает на референт, находящийся в самом фокусе внимания.

Таким образом, одна группа персонажей последовательно маркирована личными местоимениями разных серий, а другая – контрастивно-указательными местоимениями. В результате применения этой стратегии референциальный конфликт снимается.

Заметим, что личные местоимения кодируют группу, которая более не называется, следовательно, находится ближе к фокусу внимания. Действительно, группа персонажей, маркированных личными местоимениями, более активна и является двигателем сюжета.

Итак, в языке муан существует два типа анафорических средств – личные местоимения и контрастивные указательные местоимения. И те, и другие представлены несколькими сериями (см. Таблицу 1).

Наличие двух типов анафорических местоимений является распространенной стратегией избегания референциального конфликта в языках Западной Африки. При этом, однако, их функционирование может значительно различаться. Так, в языке серер (атлантические < нигер-конго) выбор конкретного анафорического средства зависит от кореферентности анафориче-

ского местоимения субъекту предыдущего предложения. Ниже приводятся пример из этого языка (данные А.А. Кибрика [Кибрик 1988]). В тексте два действующих лица: Лев (i) и Козел (j).

	единственное число		множественное число	
	субъектное	несубъектное	субъектное	несубъектное
личные местоимения 3 л.	è	à	ò	ò
эмфатические личные местоимения	yéè	yéè	wóò (mū)	wóò
контрастные указательные	bé	bé	mú	mú
личные местоимения слитные с фокализатором	yélè	yélà	wólè	wólà
контрастные указательные, слитные с фокализатором	béè	bélà		

Таблица 1. Основные анафорические средства муан

(01) **a**_i *sooxa suk-fambe* ; **ta**_j *laq o bayole* <...>
 он дал Dat.Козел он сунул рука <...>

no ndog onGe
 в Art калембаса

Лев_i дал Козлу_j <кусочек кожи>, и Козел_j засунул руку в калембасу,

(02) **a**_j *soobteen soobteen; boo kiin waagiran o jektir*
 он засунул засунул так что никто не.мог отличить

fo suum,
 от мед

он_j засунул ее туда, так что любой принял бы ее за мед.

(03) **ta**_j *lay-n-ee* “*oxene koy koo_i diudkan rek!*”
 он сказал.ему это давай ты глотать разом

Козел сказал Льву: “Давай, проглоти это одним глотком!”

(04) **ta**_i *dal fo yafat, ta_j naangam no*
 он начинать к открыть.рот он сделал внутри

ten_i sabuux
 он-III бум!

Лев открыл рот и Козел протолкнул это туда.

(05) **ta**_i *diudin a_i lay*
 он проглотил.это он сказал

Лев проглотил это и сказал:

Выбор анафорического местоимения в серер зависит от того, указывает ли оно на тот же референт, что и субъект предыдущей предикации. Если они совпадают (антецедент анафорического местоимения кореферентен субъекту предыдущей предикации) используется местоимение *a*, если антецедент не кореферентен субъекту предыдущей предикации, используется местоимение *ta*.

Муан использует другую стратегию избегания референциального конфликта. Основной, как было показано выше, является следующая: в нарративе каждый действующий персонаж (или группа персонажей) последовательно маркируются анафорическими средствами только одного типа (личными или контрастивными указательными местоимениями). При этом данные персонажи могут быть обозначены полной ИГ только в начале нарратива, которая далее не повторяется.

Существует определенная закономерность в выборе между личными и контрастивно-указательными местоимениями. В приведенном выше рассказе о нападении бандитов на деревню более активная группа маркировалась личными местоимениями, поскольку находится в фокусе внимания рассказчика.

Можно сделать вывод о том, что личные местоимения маркируют центральных участников, находящихся в фокусе внимания, а контрастивно-указательные – участников второго плана. При этом личные местоимения могут быть представлены не только формами, приведенными в Таблице 1, но и иными формами, в частности слитными с частицами, а также субъектно-объектными формами (портманто), см. Таблицы 2 и 3.

Серии	инкорпорированный элемент	3 л. ед. ч.	3 л. мн. ч.
Субъектная		è	ò
Субъектная, слитная со связкой	ò	yòò	wòò
Субъектная отрицательная	<i>lāa</i>	<i>yāā</i>	<i>wāā</i>
Субъектная отрицательная со связкой	<i>lāā ò</i>	<i>yāò</i>	<i>wāò</i>
Субъектно-объектная со связкой	<i>lāā ò à</i>	<i>yāà</i>	<i>wāà</i>
Не-субъектная		à	ò
Притяжательная	<i>ā</i>	<i>yāā</i>	<i>wāā</i>
Возвратная		é, á	ò

Таблица 2. Личные местоимения муан

		ед. число			мн. число			
	объект	1 л.	2 л.	3 л.	1 л. экскл.	1 л. инкл.	2 л.	3 л.
субъект		ń	é	à	ó	kǎǎ	ká	ò
1 л. ед. ч.	ń	ń ń	ńéé	ǎ	ń ó	ń kǎǎ	ń ká	ń ò
2 л. ед. ч.	è	yèń	yéé	yà	yòó	è kǎǎ	è ká	yòò
3 л. ед. ч.	ò	wòń	wò é	wà	wóó	ò kǎǎ	ò ká	wòò

Таблица 3. Субъектно-объектные слитные местоимения

Маркирование личным местоимением помогает слушателю установить главного участника нарратива. Так, в сказке о Льве (индекс *i*), Гиене, Леопарде (индекс *k*) и Козле (индекс *j*) с участием духа саванны (индекс *m*) происходит следующее:

Эти четверо животных построили навес и договорились, что будут по очереди приносить добычу.

(01) È bù-à jàrà_i на, бé_i nú-à
3Sg появляться-Prf лев on 3Sg.Dem приходить-Prf
kélè,

с.ним

Пришла очередь льва, и он принес (добычу).

(02) è bù-à trúáné_k tā бé_k nú-à
3Sg появляться-Prf леопард на 3Sg.Dem приходить-Prf
kélè,

с.ним

Пришла очередь леопарда, и он принес (добычу).

<Пришла очередь гиены, и она принесла добычу. Затем пришла очередь Козла.>

(03) Bòò_j [á_j klē gǎnè lá gbǎǎ béè è_j
Козел 3Sg.Refl делать путь Rel способ тогда 3Sg
nū yāā pē wī é lé] бé {á
Fut 3Sg.Poss вещь мясо Art Instr 3Sg.Dem 3Sg.Refl
gbú_j} kéréléní-à
сам забыть-Prf

Как (ему) сделать, чтобы ему принести добычу, этого Козел сам не знал.

(04) ké è_j rúélé [bǎ yí pǎnè dō]_m ā
и 3Sg выходить-Соңj саванна в дух некий Poss
yò mū kràà králē tā, ké бé_m gbú o
фетиш Pl сухой класть-Ger на когда 3Sg.Dem сам Соp

wī dē yrē nḏ̄.

мясо убивать место в

...и он натолкнулся на фетиши какого-то духа саванны, выставленные для просушки, а тот сам (дух) был в это время на охоте.

В этом нарративе первыми появляются участники, которые для нарратива не будут главными: лев, леопард и гиена. Все они кодируются указательным местоимением *bé*. Это сигнал слушающему: это пока не главные персонажи, речь далее пойдет не о них. Козел при первом же появлении кодируется личным местоимением, что указывает на его центральное положение в данном нарративе. Возникающий новый персонаж (дух саванны), кодируется указательным местоимением, следовательно, на нем не будет сосредоточен фокус внимания.

Итак, выбор между указанными двумя анафорическими средствами зависит от того, является ли референт центральным персонажем данного нарратива. При этом существуют и иные характеристики референта, влияющие на выбор анафорического средства.

Для примера разберем муанскую версию сказки о калебасе¹, проглотившей мир. В первой части действуют два персонажа: мальчик и калебаса. Мальчик (индекс *i*) кодируется личным местоимением, калебаса (индекс *j*) – указательным.

(01) Nè_i dō lè kélè, béè è_i {páá bē}_j
 ребенок один Сор с.ним тогда 3Sg калебаса зерно
 dō bāà-lē yà.

один падать-Ger видеть-Prf

Жил-был мальчик и однажды он увидел калебасное семечко, упавшее на землю.

(02) Yà_i pēlé: «Á_i {páá bē}_j dō», ké
 3Sg>3Sg говорить-Ger 1Sg.Poss калебаса зерно один когда
 bé_j á pélé: «Á_j nè_i bē dō.»
 3Sg.Dem 3Sg.Dem говорить-Conj 1Sg.Poss ребенок зерно одно

Он сказал: «Мое калебасное семечко», а она сказала: «Мое семечко ребенка».

¹ Калебаса – тыква-горлянка, из плодов которой делают сосуды разного назначения.

(03) È_i jà gbā é tã, ké yà_i pèlè:
3Sg идти-Prf поле Art на когда 3Sg>3Sg говорить-Conj

Он пошел на поле и сказал:

(04) «Mí_i á_i {páá é}_j bō zḡ» ké
1Sg.Emph 1Sg.Poss калебаса Art класть сегодня когда
bé_j á pèlè: «Mí_j á_j {nè é}_i
3Sg.Dem 3Sg.Nsbj говорить-Conj 1Sg.Emph 1Sg.Poss ребенок Art
bō zḡ».

класть сегодня

«Я сегодня посажу калебасу», а та сказала: «Я сегодня посажу ребенка».

<следуют 40 предикаций>

(05) Méné, è_i bē_j kálē ké bē_j {á gbú}_i
друг 3Sg зерно резать-Ger когда зерно 3Sg.Nsbj сам
mū-lé.

глотать-Conj

Друг мой, когда мальчик срезал калебасу, она сама его проглотила.

(06) È_j yālē {nè é}_i bé_i mū-lē
3Sg закачивать-Ger ребенок Art 3Sg.Dem глотать-Ger
lé ké è_j drúyá tã pē mū é kpé mū-lé
Instr когда 3Sg мир на вещь Pl Art весь глотать-Conj
sá-lé ézì.

начать-Conj снова

Проглотив мальчика, она начала глотать всё (букв. все вещи), что есть в мире.

Оба участника первой части сказки – мальчик и калебаса – примерно равны по центральности для нарратива, калебаса, пожалуй, привлекает даже большее внимание. Тем не менее, мальчик получает более «высокое» маркирование. Такой выбор средств определяется, по-видимому, тем, что мальчик стоит выше в иерархии одушевленности, а также, возможно, тем, что именно он является той силой, которая создала описываемую ситуацию (он посеял семя калебасы).

Однако в момент, когда калебаса проглатывает мальчика, она начинает кодироваться личными местоимениями, см. (06). Это сигнал слушающему о том, что произошла смена основного участника нарратива, теперь фокус внимания говорящего переносит-

ся на калебасу. Далее в сказке появляются новые персонажи: овца, которая единственная спаслась от калебасы, и родившийся у нее ягненок. В нескольких предикациях овца кодируется личными местоимениями, так как фокус внимания переносится на нее. С появлением ягненка, будущего победителя калебасы, маркирование снова меняется. Теперь ягненок кодируется личным местоимением, а мать-овца получает маркирование контрастивно-указательным местоимением, следовательно, фокус внимания переносится на ягненка, и слушающий понимает, что этот персонаж имеет перспективы в рамках данного дискурса.

Данный пример показывает, что 1) помимо центральности для данного отрезка повествования, важную роль играет также статус персонажа по иерархии одушевленности – поэтому мальчик кодируется более высоким анафорическим средством, чем калебаса; 2) при выборе анафорического средства важной оказывается также активность референта, его влияние на развитие действия, при этом это влияние может быть перспективным.

Еще один пример: сказка о Слоне (индекс *j*) и Черепахе (индекс *i*) с участием других животных (индекс *k*):

<Во всем мире наступила засуха, и звери не могли найти воды, чтобы напиться.

Тогда Черепаха встала и пошла на луг искать воду.>

(01) È_i jà ké è_i {yì glù}_k dō yē-lè, ké
 3Sg идти-Prf и 3Sg вода дыра один видеть-Conj и
 pèè ò bé yí.
 глина Cop 3Sg.Dem в

Она_i пошла и она_i увидела отверстие с водой, заваленное глиной (грязью).

<Черепаха сходила за мотыгой и другими инструментами и убрала глину, так что источник очистился. Животные со всего мира приходили сюда пить воду.>

(02) Bèèyí, yrèkráā dō, ké {bīē gblāā dō}_j
 так день один и слон большой один
 gē-lè à mī-lē, bēè ké è_j yì glù é
 идти-Conj 3Sg.Nsbj пить-Spn тогда и 3Sg вода дыра Art
 gbú líítá-lé ké pèè lé.
 сам закрывать-Conj несколько глина Instr

И однажды большой слон _j пришел попить, и он _j залепил этот источник глиной.

(03) Kúlē_i nùà yì tó-lē bēyí, ké è_i
 черепаха прийти-Prf вода черпать-Spn и.вот и 3Sg

b5lè yì glù é líf-tá-lē tā.
 оказаться-Conj вода дыра Arg закрыть-Ger на

Черепаха пришла начертать воды и обнаружила, что источник завален глиной.

<И она сказала так: «Кто бы ни завалил этот источник, он умрет там, где я умру». И она пошла опрашивать зверей, всех по очереди, начала с самых маленьких зверей, а закончила самыми большими.>

(04) È_i blòb_k mū lròòkrà-à, mú_k pē:
 3Sg агути Pl спросить-Prf 3Pl.Dem сказать:

«Óm55_k lāā ké!è!»

1Pl.Excl.Emph Neg с.ним

Она спросила агути (тростниковых крыс), они сказали: «Это не мы!».

<Она спросила буйволов, газелей, бабуинов, львов, антилоп, дукеров, крыс, зайцев,>

(05) è_i {mū krē}_k lròòkrá-à, ké mú_k á
 3Sg Pl весь спросить-Prf когда 3Pl.Dem 3Sg.Dem

pélé mú_k láá klēlē.

сказать -Conj 3Pl.Dem Neg сделать-Spn

она _i спросила их всех _k и они _k сказали, что они _k этого не делали.

<Тогда она пришла к слонам, и они сказали Черепахе так: «Мы этого не делали, это наш вождь».>

(06) Kúlē_i ò_k lròòkrà-à ézì d55:
 черепаха 3Pl спрашивать-Prf снова так:

Черепаха снова спросила их _j (слонов):

<«А где он?» И они сказали: «Он на дороге далеко впереди».>

(07) Kúlē_i jà, bē_i ò à_j lròòkrá-á
 Черепаха идти-Prf 3Sg.Dem Cop 3Sg.Nsbj спрашивать-Prf

zīl, ké è_j bē_i bl̄-lè é-gb̄z̄z̄ lè.

Prog и 3Sg 3Sg.Dem бросить-Conj Pref-длинный Instr

Черепаха пошла и стала спрашивать его, и он забросил ее далеко-далеко.

(08) Bē_i nú-lē ézì, ké è_j dūlā-lé bē_i
 3Sg.Dem прийти-Ger снова и 3Sg встать-Conj 3Sg.Dem

tā, ké b́é_i wlá-lé pèè é yí.

на и 3Sg.Dem войти-Conj глина Art в

Она снова пришла, и он встал на нее, и она вдавилась в глину.

<Глина проглотила Черепаху, но та выбралась наружу. Он увидел ее в третий раз, и тогда проглотил ее.>

(09) Méné, b́éyí ké kúlē_i á_j gb̄ ɓlē é
друг вот.так и черепаха 3Sg.Refl кишки веревка Art

kpé táká-lé à_j kpéé séké.séké, ké b́é_i
весь резать-Conj 3Sg.Nsbj живот совсем и 3Sg.Dem

púé-lé b́é_i gbú ní ké b́é_i sró t̄ā
выйти-Conj 3Sg.Dem сам Dat и 3Sg.Dem танец вить-Hab

à_j gbāā é trālā.

3Sg.Nsbj труп Art сверху

Друг, черепаха перекусила все его кишки, его живот лопнул, и она вышла сама, и сплясала сверху на его трупе.

В этом тексте, как и следует ожидать, Черепаха маркируется личными местоимениями, так как она является и центральным персонажем, который находится в фокусе внимания, и основной действующей силой, которая обеспечивает развитие сюжета. Другие животные, включая слонов, последовательно маркированы контрастивно-указательными местоимениями. Единственное исключение – вождь слонов, который уже при первом появлении в (02) маркируется личным местоимением.

Когда Черепаха лично встречается с вождем слонов, маркирование меняется – Черепаха до конца повествования маркируется указательным *b́é*, а личные местоимения получают своим референтом Слона. При этом он не становится ни более центральной фигурой сюжета, ни более активным деятелем: победа, в конечном счете, остается за Черепахой. Можно предположить, что в данном случае смена маркирования используется в стилистических целях, чтобы подчеркнуть грандиозные размеры слона, его физическую силу, ярость и т. п.

Эта смена маркирования происходит внезапно. Отрывок (08)-(09) содержит 7 предикаций и лишь одну полную ИГ. В русском переводе используется род antecedenta, что позволяет следить за событиями и понять, кто, в конце концов, танцует на чьем трупе. В английском переводе, где все участники маркиру-

ются местоимением *he /him/ his*, следить за референцией сложнее: “*He came again, and he stepped upon him, and he sank into the ground. My friend, Tortoise completely cut off all his guts, and his belly blew off, and he went out himself, and he danced on his corpse*”.

Таким образом, выбор конкретного типа маркирования (личные местоимения vs. контрастивные указательные местоимения) зависит от характеристик референта. Тут уместно вспомнить иерархию топиальности Т. Гивона [Givón 1976: 152]:

- a. human > non-human
- b. definite > indefinite
- c. more involved participant > less involved participant
- d. 1st person > 2 person > 3rd person

Т. Гивон предложил эту иерархию для объяснения того, какие элементы предпочтительно будут вызывать глагольное согласование. Эта иерархия оказалась релевантной и для других морфологических процессов, в том числе и для выбора типа анафорического маркирования в муан. Представляется, правда, что при выборе конкретного анафорического средства наиболее важной оказывается центральность референта для данного дискурса, а одушевленность играет меньшую роль. Предлагаю следующую иерархию анафорического маркирования при выборе из двух типов анафорических средств. Антецедент при его повторении получает маркирование «более фокусным» анафорическим средством, если его референт:

- 1) находится в фокусе внимания, является центральным для данного дискурса;
- 2) является активным двигателем сюжета;
- 3) обладает большей «одушевленностью»;
- 4) обладает большим социальным статусом;
- 5) обладает большей физической силой, размером.

Можно предположить, что это правило действует и в некоторых других анафорических системах, где применяется стратегия последовательного маркирования референтов одним из типов анафорических средств.

Сокращения

Acc – аккузатив; Art – референтный артикль; Conj – конъюнктив; Cop – копула; Dat – датив; Dem – контрастивно-указательное местоимение; Dim – диминутив; Emph – эмфатическая серия местоимений; Excl – эксклюзив; Foc – фокализатор; Fut – будущее; Hab – хабитуалис; Neg – отрицание; Nsbj – местоимение несубъектной серии; Pl – множественное число; Poss – местоимение посессивной серии; Prf – перфектив; Prog – прогрессив; Refl – рефлексив; Rel – релятивизатор; Sg – единственное число; Spn – супин.

Литература

- Кибрик А.А. Типология средств оформления анафорических связей. Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1988.
- Кибрик А.А. Анализ дискурса в когнитивной перспективе Дисс. в виде научного доклада ... докт. филол. наук. М., 2003
- Givón T. Topic, pronoun and grammatical agreement // Subject and topic (C.N. Li, ed.). N.Y.: Acad.Press, 1976. P. 149-188.
- Wheeles L.R., Grotz J. The measurement of trust and its relationship to self-disclosure // Human Communication Research 3. 1977. P. 250-257.

В.Я. Порхомовский

(ИЯЗ РАН)

В.Г. Шешин

(ИЯЗ РАН)

БАЗА ДАННЫХ И ПРОГРАММА АНАЛИЗА ТЕРМИНОВ РОДСТВА (KINSHIP) В КОНТЕКСТЕ АФРИКАНСКОЙ ПОЛЕВОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Настоящая статья представляет новую, существенно переработанную версию программы KinShIP [ShIP = Sheshin-Ibrizimow-Porkhomovsky], которая разрабатывается в рамках проекта ААКТС – *Afro-Asiatic Kinship Terms and Systems* (подробно о проекте см. [Ibrizimow, Porkhomovsky 2005]; [Ибришимов, Порхомовский 2008]; [Ibrizimow, Porkhomovsky, Sheshin 2009], там же дальнейшая библиография). Проект имеет целью сбор лексических материалов и типологический анализ систем и терминов родства в семито-хамитских (афразийских) языках. Что же касается собственно программы KinShIP, то она является универсальной и может быть использована для работы с любыми языками мира.

Программа KinShIP представляет собой электронную базу терминов родства и обеспечивает возможность просмотра терминов родства в различных языках, ввода новых терминов, редактирования языковых баз терминов родства программы или подключения информационных баз терминов родства сторонних источников, а также проведения различных исследований терминов родства в рамках одного или нескольких языков. Кроме того, программа KinShIP имеет инструменты подготовки терминов для внесения их в информационные языковые базы терминов родства программы при проведении полевых исследований. Программа KinShIP также может быть использована в учебных целях и для получения справочной информации по терминам родства в различных языках.

Программа KinShIP базируется на системе кодировок терминов родства, разработанной В.Я. Порхомовским и Д. Ибришимовым. Вся работа по компьютерному программированию ведется В.Г. Шешиним.

1. Принцип работы программы KinShIP

Программа KinShIP работает следующим образом

Для систематизации данных в программе используются созданные на основе кодировки терминов родства KinShIP файл-шаблоны, которые представляют собой файлы электронных таблиц редактора Excel из пакета Microsoft Office.

Термины родства различных языков заносятся в шаблон, где они и хранятся. Шаблоны с терминами составляют основу программы — языковую информационную базу. По мере заполнения шаблонов происходит наполнение языковой информационной базы, выполняется обработка терминов родства и систематизация данных.

В любой момент параметры шаблона могут быть расширены, т. е. по мере возникновения новых задач или требований к программе возможна модернизация шаблонов без необходимости внесения изменений в уже накопленные и систематизированные языковые данные.

В шаблонах данные находятся в удобном для восприятия и редактирования виде. Для работы с шаблонами используется редактор электронных таблиц Excel, у которого есть как плюсы, так и минусы. Поэтому в дальнейшем мы планируем перейти на использование в качестве файл-шаблона структурированного текстового файла или использовать файлы, применяемые для вывода информации в интернет-браузерах. С этой целью предусматривается добавление собственного внутреннего редактора, который, благодаря использованию масок ввода, будет более удобен для редактирования терминов, чем редактор Excel.

После внесения новой или редактирования существующей информации в файл-шаблоне специальный микро-код (макрос) выполняет обработку данных и создает структурированные файлы. Эти файлы используются программой для работы, они необходимы для проведения различных исследований. При этом сам файл-шаблон с языковой информацией остается в неизменном виде. В случае возникновения новой задачи в программу добавляется новый микро-код.

Программа построена таким образом, что вся справочная и языковая информация не зависит от кода программы. В любой момент эта информация может быть отредактирована или полностью заменена на новую без внесения каких-либо изменений в

программный код. Кроме того, вся справочная и языковая информация может быть использована вне программы.

2. Структура программа KinShIP

Программа KinShIP имеет следующую структуру:

- стартовая страница;
- страница редакторов;
- страница исследований;
- страница диаграмм;
- страница выбора языков;
- страница базовой кодировки терминов родства KinShIP;
- страница «О программе».

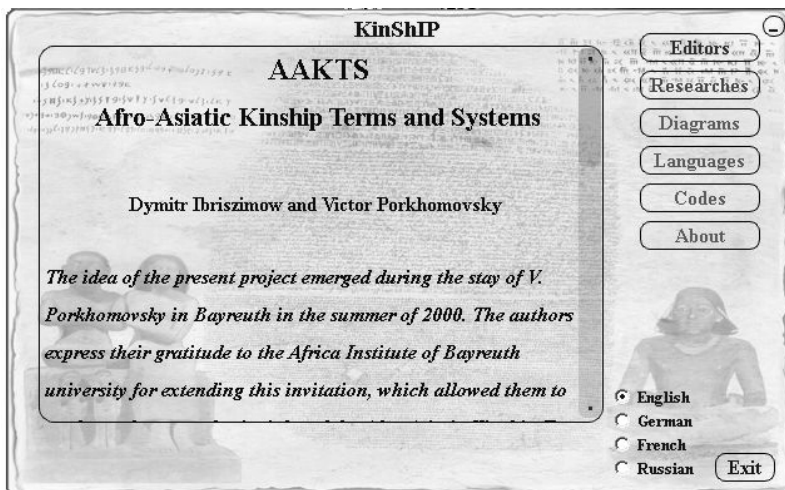

Рис. 1. Стартовая страница

2.1. На стартовой странице (Рис. 1) находится информация об истории создания и назначении программы KinShIP, кнопки запуска страниц редакторов, исследований, диаграмм, выбора языков, базовой кодировки терминов родства KinShIP и кнопка, ведущая на страницу «О программе».

Имеется кнопка выхода — полного закрытия программы KinShIP.

Также на стартовой странице находится селектор выбора языка отображения справочной информации по программе KinSHIP.

2.2. Как в любой компьютерной программе, **страница «О программе»** предназначена для отображения справочной информации по программе.

2.3. Страница «Кодировка» (Рис. 2) открывает доступ к базовой кодировке терминов родства, существующей на данный момент. На этой странице мы видим основные коды, применяемые для кодировки терминов родства во всех рассматриваемых языках. По мере необходимости кодировка может быть расширена.

ID	Ego	Generation Level	Code Number	Abbreviation
1	F	E	1	Hu
2	M	E	2	Wi
3	F	E	3	Br
4	M	E	3	Br
5	F	E	3.2	BrWi
6	M	E	3.2	BrWi
7	F	E	4	Si
8	M	E	4	Si
9	F	E	4.1	SiHu

Рис. 2. Страница «Кодировка»

В нашей системе используются общепринятые английские аббревиатуры терминов родства:

Fa — отец

Mo — мать

Br — брат

Si — сестра

Hu — муж, 2Hu — второй (/ другой) муж

Wi — жена, 2Wi — вторая (/ другая) жена

So — сын

Da — дочь

Таким образом, WiFa — тесть (отец жены), SoDa — внучка (дочь сына), Fa2WiSo — единокровный брат (сын от другой жены отца), FaFa — дед (отец отца), FaFaSi — двоюродная бабушка (сестра отца отца) и т. п.

При необходимости с помощью индексов sen (senior) и jun (junior) или вертикально направленных стрелок обозначается относительный возраст однотипных родственников (старших/младших сиблингов, детей и т. п.). В случае супругов этот индекс отражает последовательность заключения браков, что не обязательно совпадает с абсолютным возрастом (старшая/младшая жена). Цифровой индекс [2Wi, 2Hu] в данном случае может обозначать как других жен в полигамной семье, так и супругов в других браках (в случае развода или смерти одного из супругов). Приведенная выше система сокращений используется во всех работах в рамках данного проекта независимо от языка публикации, что обеспечивает единообразие в представлении исходных данных.

В принципе, возможно ограничиться всего тремя условными обозначениями — родителей, детей и супругов, с указанием пола в виде индекса в случае необходимости, например: *брат = ребенок (муж.) родителей; тетя = ребенок (жен.) родителей родителей* и т. п., но авторы предпочли отказаться от этой системы как слишком громоздкой и неудобной для чтения.

Для подготовки базы данных авторами была разработана система кодировки терминов родства (kinship code system). Поскольку заранее невозможно предположить, с какими именно терминами родства придется иметь дело в рамках данного проекта, система кодировки должна быть абсолютной и открытой, т. е. в рамках этой системы должна быть возможность для обозначения любых теоретически допустимых отношений через происхождение (кровное родство) и через брачные связи (свойство). При этом включение в систему кодировки новых единиц не должно приводить к изменениям в уже существующих кодировках, а также к нарушению основных принципов присвоения кодов.

Принятая в рамках данного проекта система кодировки предусматривает использование двойных кодов. Первая часть кода обозначает поколение:

E — поколение Ego,

A — восходящее (ascending) поколение,

D — нисходящее (descending) поколение.

Для точного обозначения восходящих и нисходящих поколений используются числовые индексы, соответствующие расстоянию от поколения Ego, например: A_1 — первое восходящее поколение (поколение родителей); D_2 — второе нисходящее поколение (поколение внуков).

Вторая (цифровая) часть кода обозначает термин родства, относящийся к данному поколению. При этом авторы стремились к тому, чтобы сделать цифровые коды максимально прозрачными, т. е. свести к минимуму необходимость обращения к схемам и таблицам кодировок. Так, коды, оканчивающиеся на нечетные цифры, обозначают лиц мужского пола, а на четные — женского, чему соответствуют треугольники и кружки в схемах родства.

Для соблюдения симметричности в системе кодов на уровне разных поколений при обозначении однопипных терминов (брат, брат отца, брат деда, сын брата и т. п.) используются одинаковые цифровые коды, например:

брат = Br: E — 3,

дядя (по отцу) = FaBr: A_1 — 3,

двоюродный дед (по отцовской линии) = FaFaBr: A_2 — 3,

племянник (по мужской линии) = BrSo: D_1 — 3.

Чтобы избежать появления в кодах больших чисел, используются дополнительные знаки. Так, для обозначения брачных партнеров в пределах одного поколения используются точки, т. е. десятичные числа, за исключением сиблингов супругов в поколении Ego, где используются целые числа, т.е. как и в случае кровных родственников. По той же причине для обозначения побочных родственников более чем второй степени в рамках одного поколения используются двойные цифровые коды со знаком [/].

Принципиальная схема родства остается постоянной независимо от пола Ego. Разумеется, реальные термины для некоторых позиций в схеме могут меняться в зависимости от пола Ego, по-

этому в случае необходимости приводятся оба варианта с индексами: Ego_m и Ego_f соответственно. Отсутствие подобных индексов или обозначение M/F означают иррелевантность данного параметра в конкретной ситуации.

Подробно о системе кодировок терминов родства и развернутую таблицу кодов см. [Ибришимов, Порхомовский 2008: 139-143, 152-159].

2.4. Страница «Диаграммы» (Рис. 3) содержит базовую схему терминов родства. Запускается эта страница в минимальном размере и может быть увеличена до полного экрана. На этой странице графически представлена базовая схема универсальной системы соотношения основных терминов родства. Для отображения сложных терминов программа дорисовывает необходимые элементы или использует фрагменты базовой схемы с детализацией интересующего нас фрагмента схемы.

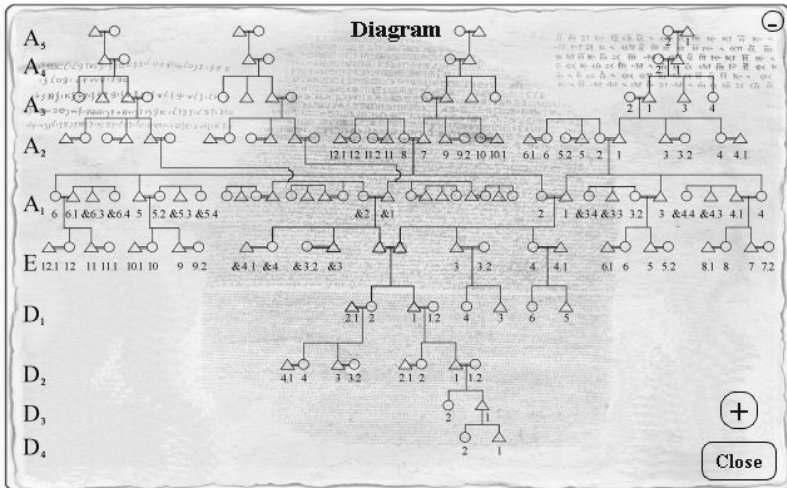

Рис. 3. Страница «Диаграммы»

В дальнейшем мы планируем сделать автоматический запуск поиска терминов родства в языковых базах программы при выборе конкретного кода на диаграмме, что позволит осуществлять

определение термина и его фиксацию на диаграмме, а также показывать информацию о наличии выбранного термина в языковых базах программы.

2.5. Страница «Редакторы» (Рис. 4) предназначена для запуска следующих подпрограмм.

2.5.1. Редактор терминов — как ясно из названия, он предназначен для редактирования терминов родства в структурированных файлах программы. Предоставляется возможность использования по выбору как внутреннего редактора, так и внешнего системного редактора.

Внутренний редактор работает через маску ввода терминов, а внешний редактор запускается с определенными предустановленными параметрами, что позволяет автоматически открывать необходимые для работы файлы. Внешний редактор открывает файл без маски и отображает данные в том виде, как они записаны на носителе.

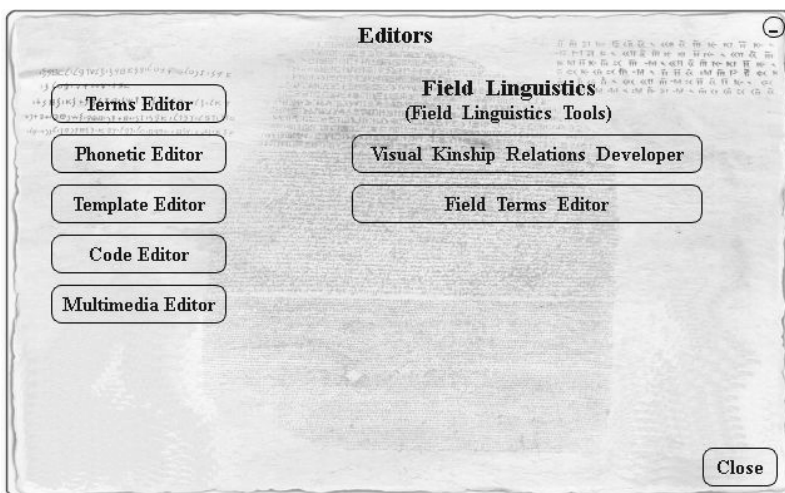

Рис. 4. Страница «Редакторы»

2.5.2. Редактор символов — в работе над программой мы столкнулись со следующей проблемой: как в операционной системе Windows, так и во всех других операционных системах нет единого шрифтового файла (фонта), который содержал бы в себе

все необходимые фонетические знаки. Часть знаков разбросана по разным шрифтовым файлам, а часть вообще отсутствует. Поэтому мы создали свой шрифтовой файл, в который внесли все необходимые на данный момент фонетические знаки. Однако по мере ввода новых языков в базу данных возникает необходимость в новых фонетических символах. Для этой цели и предназначен редактор символов.

Сейчас мы используем внешний редактор шрифтовых файлов, который является профессиональным инструментом для работы со шрифтами. Этот редактор содержит множество инструментов и функций, в которых мы не нуждаемся. Поэтому в дальнейшем мы планируем использовать собственный внутренний редактор символов, содержащий в себе только необходимые для нас инструменты. Также отпадет необходимость лицензирования, связанная с использованием сторонних программных продуктов.

Мы также планируем выводить не только фонетическое представление терминов родства, но и их графическое воспроизведение в рамках соответствующих письменных традиций. В настоящий момент компьютерное шрифтовое обеспечение для некоторых языков полностью отсутствует. Для восполнения этого недостатка мы и будем использовать внутренний редактор символов.

2.5.3. Редактор файл-шаблонов и редактор кодировки терминов родства KinShIP являются специальными внутренними редакторами программы и предназначены соответственно для редактирования шаблонов и базовой кодировки терминов родства KinShIP. Эти редакторы запускаются с соответствующими масками ввода информации.

2.5.4. Редактор мультимедийных ресурсов — в дальнейшем мы планируем использовать в своей программе графическую, аудио- и видеоинформацию. Для организации связей этой информации непосредственно с терминами родства и предназначен редактор мультимедийных ресурсов.

2.5.5. Полевой редактор ввода терминов является инструментом полевой лингвистики. Этот редактор, помимо собственно функции ввода текста, сопряжен с элементами управления техническими средствами сбора информации.

Мы планируем наряду с традиционными методами подготовки языковых данных использовать современные технические средства оцифровки звука и изображений при проведении полевых исследований.

Следует учитывать реакцию носителя языка на использование фотоаппаратов, видеокамер или диктофонов. Если у собеседника происходит непроизвольное переключение внимания на технические средства сбора информации, то в этом случае следует отказаться от использования громоздкой и открыто размещенной аппаратуры. Следует использовать миниатюрные диктофоны, веб-камеры и ноутбуки, расположенные по соседству, вне поля зрения опрашиваемого. Этот редактор предоставляет возможность управлять всеми техническими средствами с ноутбука во время ввода текстовой информации, не привлекая внимания к используемому оборудованию.

2.5.6. Конструктор визуального представления родственных связей (Рис. 5) также предназначен для полевой работы. Этот инструмент предназначен для моделирования визуального представления родственных связей совместно с носителями языка.

Вместо кодов терминов родства используются картинки с изображениями людей разного возраста и пола.

С учетом уклада жизни, культурных традиций и религиозных убеждений конкретного носителя языка в конструкторе предусматриваются подготовленные библиотеки с различными картинками, от простых незатейливых рисунков до реалистичных изображений.

Если у носителя языка при виде ноутбука возникает напряжение или страх, то в этом случае предусматривается использование специального комплекта фигурок (кукол). Эти комплекты могут представлять собой подходящие по размеру наборы детских игрушек, а в идеальном случае — изготовленные на заказ комплекты кукол в национальных костюмах или наборы простых примитивов, распечатанных принтером на бумаге и наклеенных на картон. Комплекты фигурок (кукол) также подготавливаются с учетом региональной специфики носителя языка, при этом желательно учитывать соответствующий социокультурный и исторический контекст.

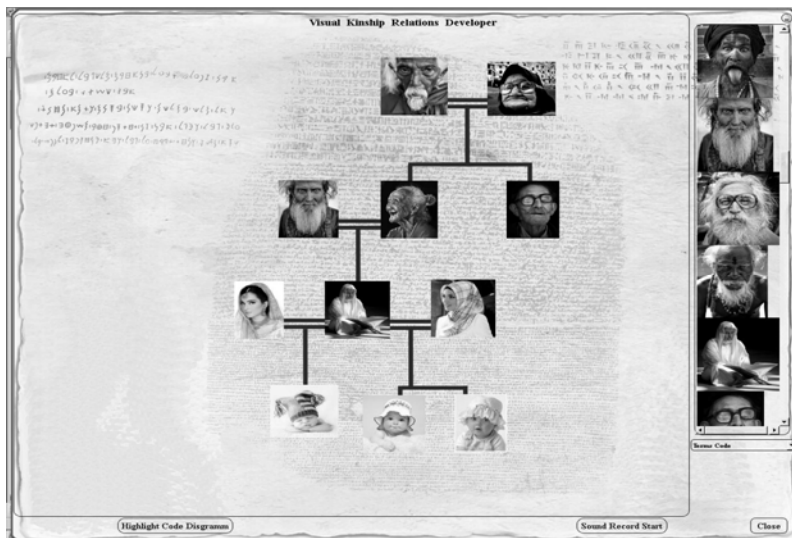

Рис. 5. Конструктор визуального представления родственных связей

При необходимости возможно выполнить подсветку базовой диаграммы терминов родства поверх созданной визуальной схемы. После уточнения с носителем языка построенной визуальной схемы конкретного термина родства выполняется сохранение результата под соответствующим кодом.

Здесь следует особо отметить роль конструктора визуального представления для полевых исследований. Наш опыт работы с информантами показывает, что при фиксации достаточно сложных и многоступенчатых отношений родства у носителей различных языков часто возникают серьезные трудности в понимании того, о каких именно родственных отношениях идет речь в конкретных случаях. Значительные затруднения также часто встречаются при детальном описании классификационных терминов, т. е. случаев, когда один и тот же термин используется для обозначения различных отношений родства.

Конструктор визуального представления может использоваться также для психолингвистических исследований, например, для анализа систем родства у индивидуальных носителей конкретных языков и процессов формирования этих систем у детей

разного возраста в рамках изучения детской речи. Необходимо учитывать и весьма распространенный естественный процесс достаточно быстрой утраты сведений о традиционных системах и терминах родства в связи с развитием урбанизации и миграционных процессов. В подобных ситуациях конструктор визуального представления может оказывать существенную психологическую поддержку при работе с информантами.

2.6. Страница «Выбор языков» (Рис. 6) предназначена для работы с языками, включенными в электронную базу данных, и содержит следующие компоненты:

- два селектора языков;
- кнопка открытия окна с выбранным языком (для каждого селектора);
- кнопка открытия окна с диаграммой (для отображения выбранных терминов);
- кнопки открытия окон с базовой кодировкой и базовой диаграммой терминов родства.

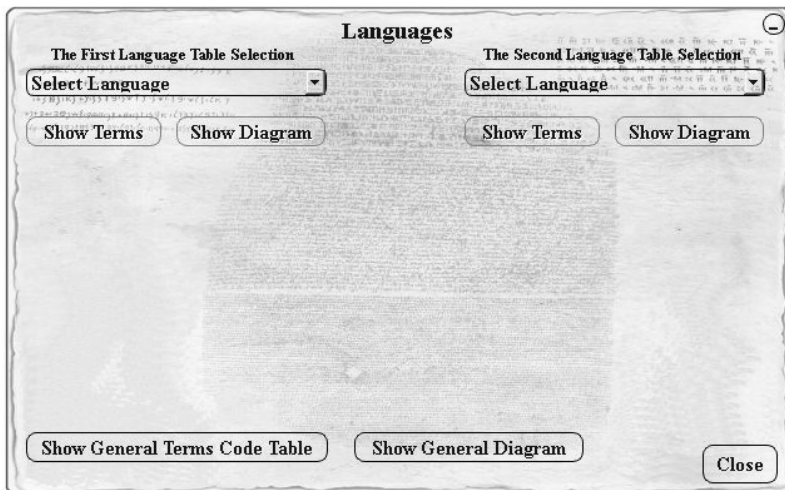

Рис. 6. Страница «Выбор языков»

Например, выбираем язык хауса¹. Открываем окно с терминами (Рис. 7).

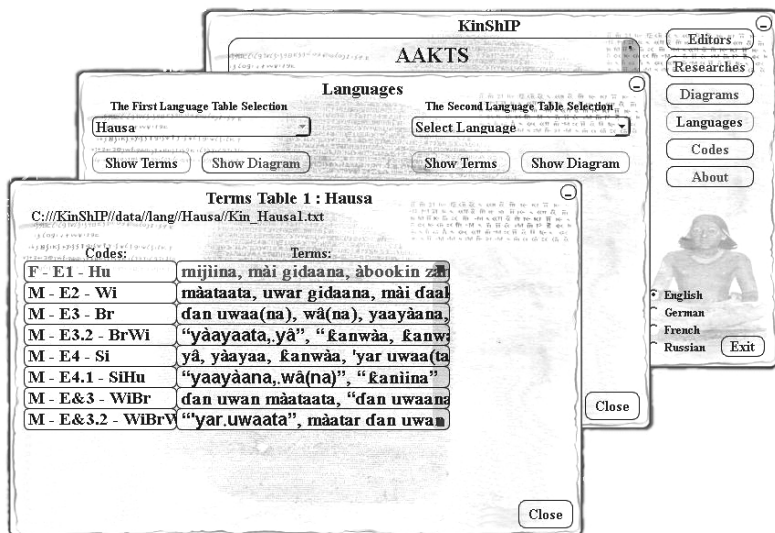

Рис. 7. Информация по языку хауса

Помимо терминов родства, в конце списка может находиться дополнительная информация о носителе языка, месте и времени проведения опроса. В дальнейшем вся дополнительная информация будет автоматически отображаться в соответствующих полях открываемого окна.

¹ Во всех версиях программы в качестве кода языка используется его англоязычное название – например, Hausa для хауса, Adani для адари, Nigi для хиги.

Открываем окно с диаграммой. Выбираем термин из списка — например, SiNu. После нажатия кнопки программа отображает выбранный термин на диаграмме. Сохраняем диаграмму в файл для последующего использования вне программы. Посмотрим на наш сохраненный графический файл (Рис. 8).

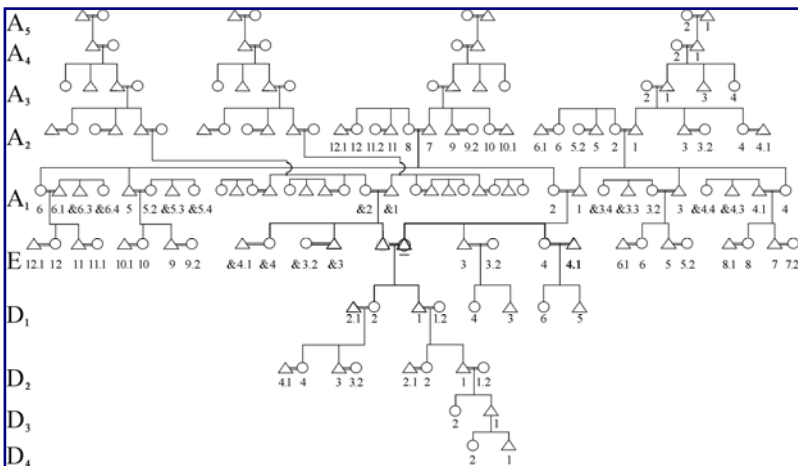

Рис. 8. Сохраненная диаграмма

Диаграмма имеет высокое разрешение, что позволяет осуществлять качественную печать или использовать это изображение в других документах.

Можно заметить, что для данного языка, т. е. хауса, термин SiNu (муж сестры) имеет одно значение для Его женского и мужского рода. Этот термин не вызывает особого затруднения в представлении соответствующей родственной связи: у Его есть сестра, у нее есть муж. Сложнее представить себе родственную связь, например, для термина «сын сестры отца второй жены» относительно Его женского рода, по нашей кодировке — 2WiFaSiSo.

Используя визуализацию данного термина родства на базовой диаграмме, получаем следующий результат (Рис. 9):

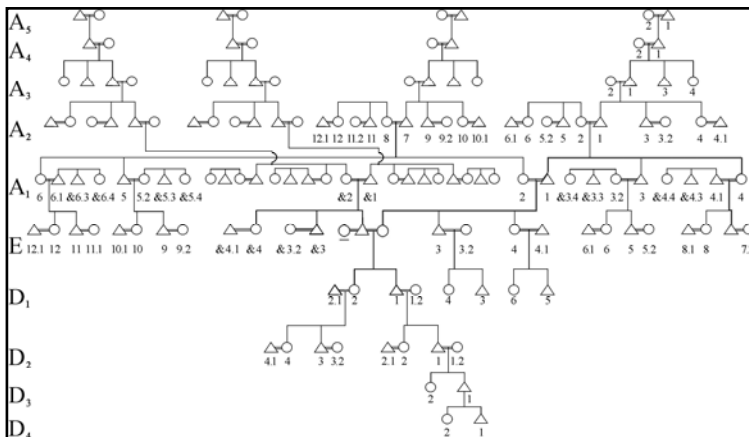

Рис. 9. Визуализация термина 2WiFaSiSo

2.7. Страница «Исследования» (Рис. 10) содержит кнопки запуска следующих подпрограмм:

- **анализ наличия терминов родства** в конкретном языке или языках относительно базовой кодировки;
- **сравнительный анализ**;
- **мозаичный анализ**, с выводом результата на базовую диаграмму;
- **матричный анализ**, сравнительный анализ наличия терминов родства, совпадений или противопоставлений терминов в разных языках для ситуаций языковых контактов;
- несколько зарезервированных кнопок для новых исследований.

Концепция алгоритма **сравнительного, мозаичного и матричного** анализа находится в стадии разработки, а на **анализе наличия терминов родства** конкретного языка или языков относительно базовой кодировки остановимся подробнее.

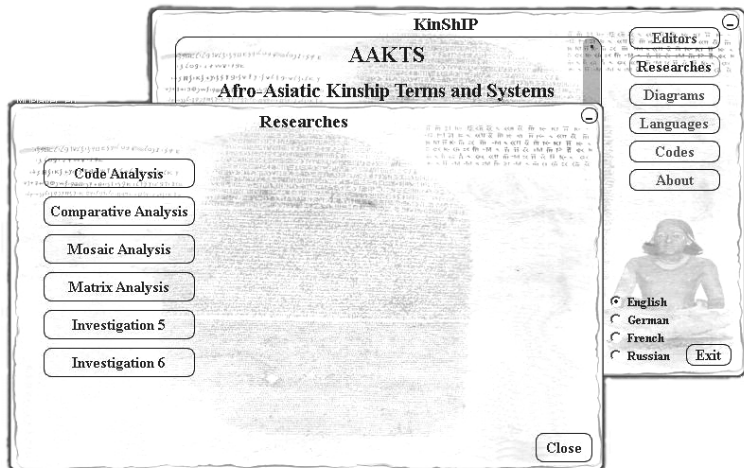

Рис. 10. Страница «Исследования»

Открываем окно выбора языков. Выбираем в первом селекторе языков язык адари. Выбираем во втором селекторе языков язык хиги. Открываем окно с терминами родства для языка адари. Открываем окно с терминами родства для языка хиги. В окнах мы видим имеющиеся термины родства для языков адари и хиги (Рис. 11). Для языка хиги в конце списка имеется справочная информация о времени, месте и носителе языка, от которого была получена данная информация.

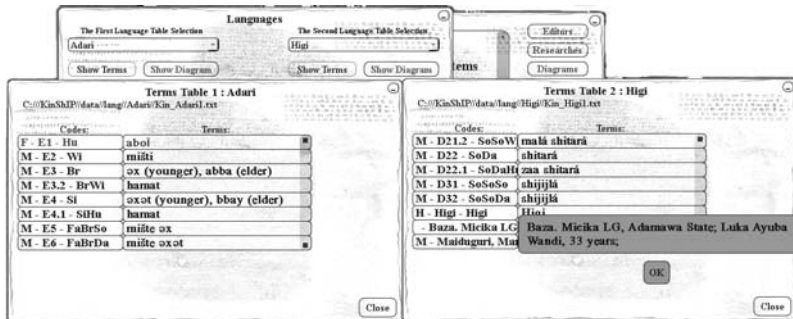

Рис. 11. Термины родства для языков адари и хиги

Располагаем окна более удобно и открываем окно «Исследования». Переходим к «Аналізу наличия терминов родства» в выбранных языках. Мы видим базовую таблицу кодировки терминов родства KinShIP. Запускаем анализ наличия терминов родства для языка адари (Рис. 12).

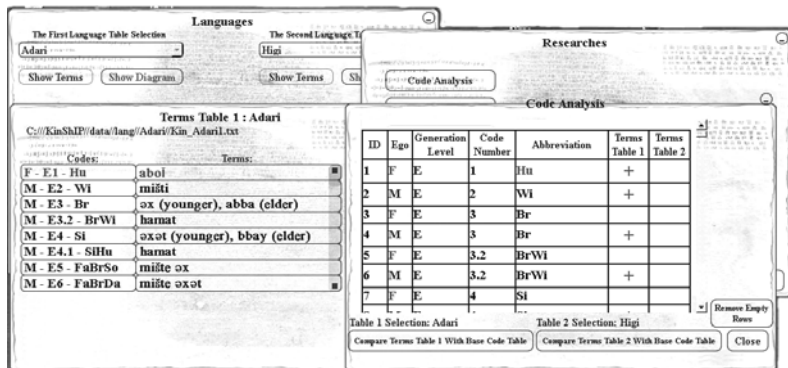

Рис. 12. Информация по терминам родства блока языка адари

Получаем информацию о полноте наличия терминов для данного информационного блока языка адари, причем таких информационных блоков **одного языка** может быть несколько. Эти информационные блоки могут быть сформированы в различное время и в разных местах и, естественно, получены от различных носителей языка и подготовлены разными специалистами. Но хранятся эти блоки раздельно, и каждый блок может представлять значительный интерес как самостоятельная информационная единица. Проанализировав имеющиеся информационные языковые блоки, мы можем создать новый, объединенный блок, который соединит в себе всю полноту информации.

Кроме того, при анализе блоков у нас обязательно сформируется некоторый круг вопросов, который будет полезен для будущей работы с данным языком в полевых условиях.

Не углубляясь в результаты нашего первого анализа, можно заметить, что для адари у нас отсутствует термин Br для Ego женского рода. В случае термина родства для более дальнего родственника

возможно предположить, что этот термин вообще отсутствует в данном языке. Но у нас термин Br, т. е. близкий родственник.

Рассмотрим все возможные варианты:

- термин существует, но у нас нет о нем информации;
- термин один для Ego женского рода и Ego мужского рода;
- термины разные для Ego женского рода и Ego мужского рода;
- термин отсутствует в данном языке.

Таким образом, у нас сформировался круг вопросов для уточнения по данному термину в языке адари, что может быть использовано в предстоящих полевых исследованиях. Просматривая полученную таблицу, можно визуально оценить полноту этого информационного блока языка адари.

Однако нужно учитывать, что в силу специфических особенностей уклада жизни, культурных традиций, религии и многих других факторов, некоторые термины родства просто не могут существовать в отдельных языках. Поэтому стопроцентное заполнение в соответствии с универсальной системой кодировки терминов родства едва ли возможно.

Запускаем анализ наличия терминов родства для языка хиги. Сразу заметно, что наполнение этого информационного блока выше (Рис. 13).

The screenshot shows the KinShIP software interface. At the top, there are tabs for 'Languages' and 'Researches'. Below, there are two windows displaying kinship terms for 'Adari' and 'Higi'.

Terms Table 1 : Adari

Code:	Term:
F - E1 - Hu	abol
M - E2 - W1	militi
M - E3 - Br	ox (younger), abba (elder)
M - E3.2 - BrW1	hamat
M - E4 - Si	oxot (younger), bbay (elder)
M - E4.1 - SiHu	hamat
M - E5 - FuBrSo	militi ox
M - E6 - FuBrDa	militi oxot

Terms Table 2 : Higi

Code:	Term:
F - E1 - Hu	zará
M - E2 - W1	mahárá
F - E3 - Br	miverá
M - E3 - Br	dagwá matará
M - E3.2 - BrW1	maá dagwáma, tigwi (tigwira)
F - E4 - Si	tigwira
M - E4 - Si	zhar matará
M - E4.1 - SiHu	zaa zhar matará, miverá

KINSHIP CODE SYSTEM

ID	Ego	Generation Level	Code Number	Abbreviation	Terms Table 1	Terms Table 2
1	F	E	1	Hu	+	+
2	M	E	2	W1	+	+
3	F	E	3	Br		+
4	M	E	3	Br	+	+
5	F	E	3.2	BrW1		
6	M	E	3.2	BrW1	+	+

Table 1 Selection: Adari   Table 2 Selection: Higi

Compare Terms Table 1 With Base Code Table   Compare Terms Table 2 With Base Code Table   Close

Рис. 13. Информация по терминам родства блока языка адари и хиги

Термин *Br* здесь присутствует и для *Ego* женского рода, и для *Ego* мужского рода. Но обратим внимание на сам термин в окне терминов для языка хиги. В зависимости от пола *Ego* используются различные термины по отношению к одному объекту.

Нажимаем кнопку «Удалить пустые строки» и получаем сравнительную таблицу по двум языкам. Данная операция имеет больший смысл, когда мы работаем с различными информационными блоками одного и того же языка.

Все полученные результаты работы программы — таблицы, диаграммы или текстовая информация — могут быть сохранены и использованы в дальнейшем вне программы.

Программа *KinShIP* имеет модульную структуру, при необходимости любой модуль может быть трансформирован в самостоятельную программу. Например, окно «**Выбор языков**» может быть трансформировано в отдельную учебную или справочную программу по терминам родства без исследовательских модулей.

С другой стороны, при возникновении новых задач по исследованию создается дополнительная подпрограмма (модуль), который подключается к основной программе.

3. Операционная система, языки программирования и лицензирование

Изначально программа была создана для работы под операционной системой *Microsoft Windows XP* и выше. Код был написан на языке программирования *Delphi*. *Delphi* — это разновидность языка объектного программирования *Pascal* фирмы *Borland* для *Microsoft Windows*.

С одной стороны, использование операционной системы *Microsoft Windows* и пакета *Office* было обусловлено широким распространением этих продуктов, но, с другой стороны, *Microsoft* начала настойчиво принуждать к использованию своих более новых и, соответственно, более дорогих программных продуктов, что, в свою очередь, требует перехода на более мощную технику. При использовании языка программирования *Delphi* возникли некото-

рые проблемы в реализации задуманных идей, которые были вызваны ограничениями операционной системы Windows.

Было решено перейти на язык программирования C++ и использовать для программирования C++ Builder фирмы Borland. Программа была переписана на языке программирования C++.

Однако появились новые проблемы, а именно, при распространении программы возникли вопросы по лицензированию. Тогда было принято решение перейти на использование средств программирования с открытым исходным кодом и лицензиями свободного использования и распространения в некоммерческих целях. В качестве инструмента программирования был выбран Qt Creator. Через некоторое время Qt Creator был приобретен фирмой Nokia, а Nokia недавно была куплена корпорацией Microsoft. Тем не менее, до настоящего времени Qt Creator остается средством программирования с открытым исходным кодом и лицензиями свободного распространения в некоммерческих целях.

Таким образом, программа терминов родства KinShIP написана на языке C++ с использованием средств программирования с открытым исходным кодом и лицензиями свободного использования и распространения в некоммерческих целях. Это позволяет работать с программой и предоставлять ее всем заинтересованным сторонам без необходимости урегулирования лицензионных вопросов.

Кроме того, язык C++ является кросс-платформенным языком программирования и позволяет после соответствующей компиляции исходного кода программы получить рабочую программу для любой операционной системы, т. е. получить исполняемую программу для работы на устройствах с такими операционными системами, как Windows, Linux, Android, Mac и др. Следует также отметить, что наличие огромного количества библиотек для языка C++ с открытым исходным кодом и лицензиями свободного распространения позволяет реализовать любую задуманную идею.

В настоящей статье был описан вариант программы, скомпилированный для операционной системы Microsoft Windows XP и выше.

В настоящее время осуществляется дальнейшая разработка программы, ее тестирование, наполнение языковой базы. Ведется подготовка к использованию программы для проведения лингвистического анализа и исследовательской работы.

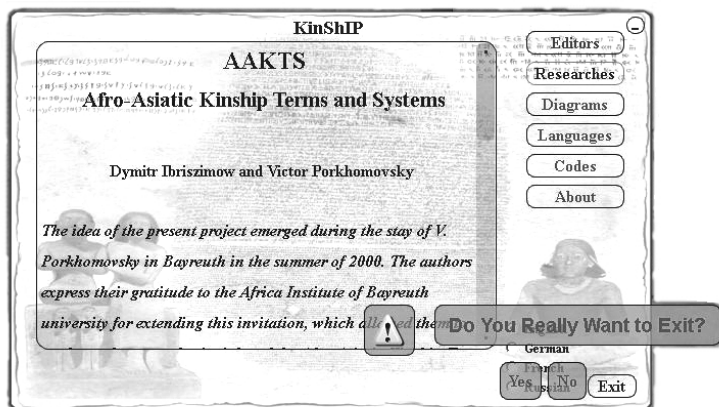

Рис. 14. Выход из программы

Литература

- Ibrizimow D., Porkhomovsky V. 2005. Etudes ethnolinguistiques en chamito-sémitique: termes et systèmes de parenté // Lonnet, Antoine & Amina Mettouchi (éds.). Les langues chamito-sémitiques (afro-asiatiques), vol. I. *Faits de langues*, n° 26. Paris: "Ophrys", pp. 269-290.
- Ибришимов Д., Порхомовский В.Я. 2008. Термины родства в семито-хамитских (афразийских) языках: современное состояние и перспективы проекта AAKTS // *Основы африканского языкознания. Лексические подсистемы. Словообразование*. Москва.
- Ibrizimow D., Porkhomovsky V., Sheshin V. 2009. AAKTS database and KinShIP computer programme for processing Afroasiatic kinship terms and systems // E. Rothmaler (ed.). Topics in Chadic Linguistics V. *Papers from the Fourth Biennial International Colloquium on the Chadic Languages 30th – 31st October 2007, Bayreuth*. Köln: Rüdiger Köpfer Verlag.

ЯЗЫК ЗУЛУ: ПРИЕМЫ СЧЕТА И ИСКОННЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ^{1 2}

1. Общие положения

Язык зулу (банту S42, группа нгуни) – один из важнейших этнических языков Южной Африки. Входит в состав 11 официальных языков Южно-Африканской Республики. Число носителей зулу как родного и функционально первого языка – 9 200 000 человек [Gowlett 2006: 608]. Исконный ареал – провинция КваЗулу-Натал в восточной части ЮАР, по сей день населенная преимущественно зулусами. На языке зулу здесь осуществляется радиовещание, ведутся телепередачи, издаются газеты, развивается художественная литература. Это язык преподавания в школах и даже педагогических колледжах. В промышленных центрах и крупных южно-африканских городах зулу используется в межэтническом общении. Язык представлен разнообразными формами существования.

В ЮАР до наших дней сохранились небольшие сельские поселения одноязычных в своей массе зулусов, которые при счете сочетают название числительных с «ручным сигналом-жестом» или пользуются только жестовыми обозначениями чисел [устная информация, предоставленная А.Д. Луцковым].

И.Л. Снегирев в статье «Числительные в языке зулу» называет характерной чертой зулусских числительных «совершенно необходимое сопровождение произносимого числительного ручным сигналом-жестом» [Снегирев 1935: 337]. «Отметим, – пишет он, – что без предварительного ознакомления с ручными жестами невозможно правильное понимание ряда числительных. Обычно счет ведется двумя руками. Начинают с левой руки сжатой в кулак, причем для единицы поднимается мизинец, и прибавлением оче-

---

¹ Работа выполнена в рамках проекта по гранту РГНФ № 14-04-00488.

² В статье не рассматриваются случаи использования зулусами числительных, заимствованных из английского языка, в ситуации зулу-английского двуязычия.

редных пальцев счет доходит до пяти. Для шести поднимается большой палец правой руки, и в том же порядке счет доходит до десяти. После поднятия мизинца правой руки, для завершения числительного десяти, необходимо сложить обе руки ладонями внутрь. Для числительных выше процесс начинается сначала и, если нужно, повторяется большое число раз до тех пор, пока не будет достигнуто требуемое числительное. После перехода к числу шесть необязательно держать левую руку с предшествовавшей пятеркой – ее можно опустить. Так же возможен счет при помощи одной правой руки. При последнем действии начинается с мизинца в сторону большого пальца и обратно. При передаче числительного неразрывно участвуют ручной и звуковой сигнал» [Снегирев 1935: 338].

В настоящей статье исследуются числительные, используемые стандартизованным языком зулу, в том виде как он описан К. Доком [Doke 1935], А. Мбедже [Mbeje 2005], А.Д. Луцковым [Луцков 2003]. Конкретные языковые данные почерпнуты автором статьи из описаний грамматики этого языка, принадлежащих К. Доку [Doke 1935] и А.Д. Луцкову [Луцков 2003]. Использовались также интернет-ресурсы.

2. Количественные числительные в языке зулу

В языке зулу числительные¹ строятся на десятичной основе², и счет по десятичной системе доходит до самых высоких порядков. Исходных числительных компонентов, с помощью которых в зулу называются числа от единицы до миллиона³, – 17:

---

¹ Под числительными в статье понимаются объединенные общей количественной семантикой лексические единицы (одно- и многокомпонентные), с помощью которых в языке зулу выражаются количественные значения и созданы количественная и порядковая числительные системы. Объектом рассмотрения являются определенно-количественные и порядковые числительные.

² Десятичная система исчисления, безусловно, является господствующей в языках банту в наши дни, что в принципе не противоречит утверждению К. Дока о том, что “the basic system of numeration in Bantu is quinary, though there is a tendency towards decimal numeration in many languages” [Doke 1935: 153].

³ Названия чисел выше миллионов в современных зулусских текстах не зафиксированы.

один	-nye	шесть	<i>isithupha</i>
два	-bili	семь	<i>isikhombisa</i>
три	-thathu	восемь	<i>isishiyagalombili</i>
четыре	-ne	девять	<i>isishiyagalolunye</i>
пять	-hlanu	десять, десяток	<i>ishumi</i>
десятки	<i>amashumi</i>		
сто, сотня	<i>ikulu</i>		
тысяча	<i>inkulungwane</i>		
миллион	<i>isigidi</i>		

Очевидным является материальное сходство числительных зулу от *одного* до *пяти* и *десять* с числительными основами (корнями), восстановленными для праязыка банту [Schadeberg 2006: 150-151]:

*-moi	‘один’	*-nai	‘четыре’
*-bali, -bili	‘два’	*-taano	‘пять’
*-tatu	‘три’	*ikumi	‘десять’

В живых языках банту на современном уровне реконструкции числительные от *одного* до *пяти* и *десять* остаются неотвеченными лексическими единицами. Этимологическая связь названий количественных числительных от *одного* до *четырех* с названиями пальцев или числительного *пять* со словом ‘рука’, часто присутствующая в языках мира, в бантуском языковом ареале не установлена.

Характерная особенность зулуской системы числительных – это не требующая этимологического анализа очевидная связь названий числительных от *шести* до *девятой* с названиями пальцев или пальцевых обозначений числа:

isithupha ‘шесть, шестерка’, букв. ‘большой палец руки’, непроизводное существительное класса 7;

isikhombisa ‘семь, семерка’, букв. ‘указательный палец’, существительное класса 7, образованное от глагола *-kombisa* ‘показывать’;

isishiyagalombili ‘восемь, восьмерка’, букв. ‘оставление позади двух пальцев’, производное многокорневое существительное класса 7 с лексическими компонентами *-shiya* ‘оставлять позади’, *galo* ‘сустав, палец’, *mbili* ‘два’;

isishiyagalolunye ‘девять, девятка’, букв. ‘оставление позади одного пальца’, производное многокорневое существительное

класса 7 с лексическими компонентами *-shiya* ‘оставлять позади’, *galo* ‘сустав, палец’, *lu-nye* ‘один’.

Появление подобных наименований чисел легко понять, взглянув на представленные в цитированной выше статье И.Л. Снегирева [Снегирев 1935: 339] зарисовки жестов, которыми зулусы могут сопровождать звуковое выражение чисел от *одного* до *десяти*. Из зарисовок ледует, что ручной счет у зулусов начинается с левого мизинца и идет к левому большому пальцу. Сначала пальцы сложены в кулак. Первым открывается мизинец, потом безымянный палец и т.д. Для звукового обозначения чисел от *двух* до *пяти* используются общепантуские числительные основы. Раскрытая левая ладонь означает *пять*. Затем счет переходит на сжатые в кулак пальцы правой руки. Первым открывается *isitupha* ‘большой палец’. Так, очевидно, появляется название для *шести*. Далее «высвобождается» *isikhombisa* ‘указательный палец’, которым названо число *семь*. Для обозначения *восьми* надо действительно не вводить в счет два пальца. Показывают пальцы большой, указательный и средний; безымянный палец и мизинец остаются сложенными. *Девять* это десять пальцев без одного. На правой руке загнут только мизинец. *Десять* – две раскрытые ладони. Словесное название *десяти* – *ishumi* ‘десяток, десять’ (*ikum).

При обозначении отвлеченных чисел от *одного* до *десяти* зулусские числительные основы *один* – *пять* субстантивируются, принимая префикс класса 15 *ku-*. Числительные от *шести* до *десяти* остаются существительными класса 7 с показателем *isi-* или класса 5 с показателем *i-*, и их русскими эквивалентами можно посчитать счетные существительные *шестерка*, *семерка*, *восьмерка*, *девятка*, *десятка*. К основе *-hlanu* может префигироваться не только *ku-*, но и *isi-*:

один	<i>ku-nye</i>	шесть	<i>isitupha</i>
два	<i>ku-bili</i>	семь	<i>isikhombisa</i>
три	<i>ku-thathu</i>	восемь	<i>isishiyagalombili</i>
четыре	<i>ku-ne</i>	девять	<i>isishiyagalolunye</i>
пять	<i>ku-hlanu</i> или <i>isi-hlanu</i>	десять	<i>ishumi</i>

Если же имя числительное называет количество предметов, то все числительные от *одного* до *десяти* (а не только выражен-

ные основами *один – пять*) становятся морфологически полными языковыми единицами лишь приобретя согласовательный префикс по классу исчисляемого существительного: *ama-thole ama-ne* > CL6-телята СС6-четыре ‘четыре теленка’, *ama-thole ama-y-isikhombisa* > CL6-телята СС6-которые-указательный палец ‘семь телят’.

Иными словами, в языке зулу нельзя обнаружить типичное для языков банту разбиение количественных числительных первого десятка на основы с полной классной словоизменительной парадигмой и лишенные словоизменения счетные имена существительные с достаточно очевидной классной принадлежностью. В нем в систему классного согласования вовлечены не только числительные от *одного* до *пяти*, но и признанные именами существительными названия чисел от *шести* до *десяти*.

При сочетании основы *-nye* ‘один’ с вершинным существительным числительное оформляется соответствующим классным показателем своей предикативной формы.

Числительные от *двух* до *пяти* изменяются по классам как прилагательные. Числительные от *шести* до *десяти* изменяются по типу так называемого «релятивного» согласования и выглядят как согласованные по классу с вершиной предикативные формы существительных благодаря наличию в их морфосоставе показателя предикативности.

Попутно следует разъяснить, что в языке зулу основы слов, лексически сопоставимых с русскими прилагательными, по типу согласования подразделяются на прилагательные (например: *-hle* ‘хороший’, *-khulu* ‘большой’, *-ncane* ‘маленький’, *-dala* ‘старый’) и релятивы (например: *-munyu* ‘кислый’, *-makhaza* ‘холодный’, *-luhlaza* ‘зеленый’, *-lula* ‘легкий’). Числительные от *двух* до *пяти* относятся к разряду релятивов.

Существительные, прилагательные и релятивы способны выполнять в предложении зулу функцию именного сказуемого. Из-за отсутствия у копулы ‘быть’ формы настоящего времени именное сказуемое в настоящем времени выражается т.н. предикативными формами существительных, прилагательных или релятивов. В Таблицу 2 занесены префиксы именных классов зулу и соответствующие им согласовательные морфемы, создающие согласовательные парадигмы прилагательных и релятивов, когда те выполняют в предложении функцию: 1) определения и 2) именного сказуемого.

класс	-nye 'один'	-bili 'два'	-thathu 'три'	-ne 'четыре'	hlanu 'пять'	isithupha 'шесть'
1	<i>munu</i>					
2		<i>ababili</i>	<i>abathathu</i>	<i>abane</i>	<i>abahlanu</i>	<i>abayisithupha</i>
3	<i>munye</i>					
4		<i>emibili</i>	<i>emithathu</i>	<i>emine</i>	<i>emihlanu</i>	<i>eyisithupha</i>
5	<i>linye</i>					
6		<i>amabili</i>	<i>amathathu</i>	<i>amane</i>	<i>abahlanu</i>	<i>ayisithupha</i>
7	<i>sinye</i>					
8		<i>ezibili</i>	<i>ezithathu</i>	<i>ezine</i>	<i>ezihlanu</i>	<i>eziyisithupha</i>
9	<i>inye</i>					
10		<i>ezimbili</i>	<i>ezinthathu</i>	<i>ezine</i>	<i>ezinhlanu</i>	<i>eziyisithupha</i>
11	<i>lunye</i>					
14	<i>bunye</i>	<i>obubili</i>	<i>obuthathu</i>	<i>obune</i>	<i>obuhlanu</i>	<i>obuyisithupha</i>
15	<i>kunye</i>					

класс	<i>isikhombisa</i> <i>isikhombisa</i> 'семь'	<i>isishiyagalombili</i> 'восемь'	<i>isishiyagalolunye</i> или <i>ithoba</i> 'девять'	<i>ishumi</i> 'десять'
1				
2	<i>abayisikhombisa</i>	<i>abayisishiyagalombili</i>	<i>abayisishiyagalolunye</i>	<i>abayishumi</i>
3				
4	<i>eyisikhombisa</i>	<i>eyisishiyagalombili</i>	<i>eyisishiyagalolunye</i>	<i>eyishumi</i>
5				
6	<i>ayisikhombisa</i>	<i>ayisishiyagalombili</i>	<i>ayisishiyagalolunye</i>	<i>ayishumi</i>
7				
8	<i>eziyisikhombisa</i>	<i>eziyisishiyagalombili</i>	<i>eziyisishiyagalolunye</i>	<i>eziyishumi</i>
9				
10	<i>eziyisikombisa</i>	<i>eziyisishiyagalombili</i>	<i>eziyisishiyagalolunye</i>	<i>eziyishumi</i>
11				
14	<i>obuyisikombisa</i>	<i>obuyisishiyagalombili</i>	<i>obuyisishiyagalolunye</i>	<i>obuyishumi</i>
15				

Таблица 1. Числительные первого десятка в языке зулу

Основы числительных от *двух* до *пяти*, традиционно считающиеся «прилагательными основами, обозначающими числительные» [Луцков 2003: 25], или “adjectival numerals” [Doke 1931: 300], имеют адъективную словоизменительную парадигму, если являются определениями исчисляемого существительного:

abantu ababili > CL2-люди CC2-два ‘два человека’
izibaya ezibili > CL8-загоны для скота CC8-два ‘два загона для скота’
imithi emithathu > CL4-деревья CC4-три ‘три дерева’
ubuso obuthathu > CL14-лицо CC14-три ‘три лица’
izinkabi ezinhlanu > CL10-быки CC10-пять ‘пять быков’.

Класс	Именной префикс	Определительное согласование (прилагательные и релятивы в функции определения)		Предикативное согласование (прилагательные и релятивы в функции предиката)	
		адъективное	релятивное	адъективное	релятивное
1	<i>umu</i>	<i>omu</i>	<i>o</i>	<i>mu</i>	<i>u</i>
2	<i>aba</i>	<i>aba</i>	<i>aba</i>	<i>ba</i>	<i>ba</i>
3	<i>umu</i>	<i>omu</i>	<i>o</i>	<i>mu</i>	<i>u</i>
4	<i>imi</i>	<i>emi</i>	<i>e</i>	<i>mi</i>	<i>i</i>
5	<i>ili</i>	<i>eli</i>	<i>eli</i>	<i>li</i>	<i>li</i>
6	<i>ama</i>	<i>ama</i>	<i>a</i>	<i>ma</i>	<i>a</i>
7	<i>isi</i>	<i>esi</i>	<i>esi</i>	<i>si</i>	<i>si</i>
8	<i>izi</i>	<i>ezi</i>	<i>ezi</i>	<i>zi</i>	<i>zi</i>
9	<i>iN</i>	<i>en</i>	<i>e</i>	<i>in</i>	<i>i</i>
10	<i>iziN</i>	<i>eziN</i>	<i>ezi</i>	<i>ziN</i>	<i>zi</i>
11	<i>ulu</i>	<i>olu</i>	<i>olu</i>	<i>lu</i>	<i>lu</i>
14	<i>ubu</i>	<i>obu</i>	<i>obu</i>	<i>bu</i>	<i>bu</i>
15	<i>uku</i>	<i>oku</i>	<i>oku</i>	<i>ku</i>	<i>ku</i>

Таблица 2. Система определительного и предикативного согласования в языке зулу

Класс	Именной префикс	Имя существительное	Предикативная форма существительного (тип 1)	Субъектный прилагательный показатель	Предикативная форма существительного (тип 2)
1	<i>umu</i>	<i>umu-ntu</i> 'человек'	<i>ng-untu-ntu</i> 'это человек'	<i>u</i>	<i>ungumuntu</i> 'он – человек'
2	<i>aba</i>	<i>aba-ntu</i>	<i>ng-untu-ntu</i> 'это люди'	<i>ba</i>	<i>ba-ngabantu</i> 'они – люди'
3	<i>umu</i>	<i>umu-thi</i> 'дерево'	<i>ng-umu-thi</i> 'это дерево'	<i>u</i>	<i>u-ngumuthi</i> 'оно – дерево'
4	<i>imi</i>	<i>imi-thi</i> 'деревья'	<i>y-imi-thi</i> 'это деревья'	<i>i</i>	<i>i-yimithi</i> 'они – деревья'
5	<i>i(li)</i>	<i>i-dube</i> 'зебра'	<i>y-i-dube</i> или <i>l-idube</i> 'это зебра'	<i>li</i>	<i>li-yidube</i> 'она – зебра'
6	<i>ama</i>	<i>ama-futha</i> 'жир'	<i>ng-ama-futha</i> 'это жир'	<i>a</i>	<i>a-ngama-futha</i> 'он – жир'
7	<i>isi</i>	<i>isi-kole</i> 'школа'	<i>y-isi-kole</i> 'это школа'	<i>si</i>	<i>si-yisikole</i> 'она – школа'
8	<i>izi</i>	<i>izi-kole</i> 'школы'	<i>y-izi-kole</i> 'это школы'	<i>zi</i>	<i>zi-yisikole</i> 'они – школы'
9	<i>iN</i>	<i>in-sizwa</i> 'юноша'	<i>y-isizwa</i> 'это юноша'	<i>i</i>	<i>i-yinsizwa</i> 'он – юноша'
10	<i>iziN</i>	<i>izin-sizwa</i> 'юноши'	<i>y-izinsizwa</i> 'это юноши'	<i>zi</i>	<i>zi-yizinsizwa</i> 'они – юноши'
11	<i>u(lu)</i>	<i>lu-bisi</i> 'молоко'	<i>ng-ubisi</i> 'это молоко'	<i>lu</i>	<i>lu-ngubisi</i> 'оно – молоко'
14	<i>ubu</i>	<i>ubu-bi</i> 'зло'	<i>ng-ububi</i> 'это зло'	<i>bu</i>	<i>bu-ngububi</i> 'он – зло'

Таблица 3. Предикативная (копулятивная) форма имен существительных в языке зулу

Выступая в роли именного сказуемого, рассматриваемые числительные основы оформляются по типу предикативного адъективного согласования:

abantu babili ‘людей двое’
 imibhele mithathu ‘кровати три’
 izindlu zihhlalu ‘домов пять’

Иначе обстоит дело с числительным *-nye* ‘один’. При морфологическом оформлении по типу определительного адъективного согласования *-nye* означает ‘другой’, ‘иной’, ‘некий’: *omuntu omunye* ‘другой человек, некий человек’, ср.:

emithi eminye ‘другие деревья’
intombi ennye ‘другая девушка, некая девушка’

Как собственно числительное *один*, основа *-nye* принимает префиксы, с помощью которых образуются предикативные формы прилагательных:

класс

1	<i>umunthu munye</i>	‘один человек’
3	<i>umuthi munye</i>	‘одно дерево’
5	<i>isosha linye</i>	‘один солдат’
7	<i>isikole sinye</i>	‘одна школа’
9	<i>inkabi inye</i>	‘один бык’
14	<i>ubuso bunye</i>	‘одно лицо’
15	<i>ukufa kunye</i>	‘одна смерть’

Согласно [Doke 1931: 300], «разница между *umunthu munye* ‘человек один’ и *umunthu munye* ‘один человек’ представлена различием в тональном рисунке».

В составе количественно-именной группы (а не в абстрактном арифметическом тексте) счетные существительные, называющие в зулу числа от 6 до 10, приобретают, как уже говорилось, словоизменение по классу исчисляемого слова. Их собственные именные префиксы *isi-* и *-i* сохраняются, но уже не начинают слова. Им предшествуют две морфемы: «предикатор» *-u-*, который формально превращает счетное существительное в копулятив, и релятивный

согласователь по классу исчисляемого существительного, который занимает в слове начальную позицию:

isithupha	‘шесть’, ‘шестерка’
<i>abantu aba-y-isithupha</i>	‘шесть человек’, букв. ‘люди они.которые-есть-шесть’
<i>mithi e-y-isithupha</i>	‘шесть деревьев’, букв. ‘деревья они.которые-есть-шесть’
<i>izintho ezi-y-isithupha</i>	‘шесть вещей’, букв. ‘вещи они.которые-есть-шесть’
isikhombisa	‘семь’, ‘семерка’
<i>abantu aba-y-isikhombisa</i>	‘семь человек’, букв. ‘люди они.которые-есть-семь’
<i>imithi e-y-isikhombisa</i>	‘семь деревьев’
<i>izintho ezi-y-isikhombisa</i>	‘семь вещей’
isishiyagalombili	‘восемь’, ‘восьмерка’
<i>abantu aba-y-isishiyagalombili</i>	‘восемь человек’, букв. ‘люди они.которые-есть-восемь’
<i>imithi e-y-isishiyagalombili</i>	‘восемь деревьев’
isishiyagalolunye	‘девять’, ‘девятка’
<i>abantu aba-y-isishiyagalolunye</i>	‘девять человек’, букв. ‘люди они.которые-есть-девять’
<i>izinto ezi-y-isishiyagalolunye</i>	‘девять вещей’
ishumi	‘десять’, ‘десяток’
<i>abantu aba-y-ishumi</i>	‘десять человек’, букв. ‘люди они.которые-есть-десять’
<i>izinto ezi-y-ishumi</i>	‘десять вещей’

При абстрактном употреблении в арифметическом тексте целые числительные от 20 до 90 представляют в зулу, как и во многих банту, количественную группу, в которой вершиной является числительное, кратное 10, а зависимым – множитель, выражаемый числительными от *двух* до *девяти*. Множители от *двух* до *пяти* изменяются как прилагательные-определения. Множители от *шести* до *девяти* ведут себя как существительные в форме релятивного предиката.

20 *amashumi ama-bili*
 < CL6-десятки СС6-два
 10 × 2

- 50 *amashumi ama-hlanu*
 < CL6-десятки CC6-пять или
amashumi a-y-isi-hlani
 < CL6-десятки CC6.которые-CC7.cop-CL7.пятерка
 10×5
- 60 *amashumi a-y-isi-thupha*
 < CL6-десятки CC6.которые-CL7.cop-CL7.шестерка
 10×6
- 90 *amashumi a-y-isi-shiyagalolunye*
 < CL6-десятки CC6.которые-CC7.cop-CL7.девятка
 10×9

Аналогичную словообразовательную и словоизменительную структуру имеют зулусские количественные числительные от 200 до 900, когда образуют абстрактную количественную группу, обозначая отвлеченное число.

- 100 *ikhulu* класс 5 (от *khulu* ‘большой, великий’, буквально *ikhulu* означает ‘большая величина, множество’)
- 200 *amakhulu ama-bili*
 100×2
- 500 *amakhulu ama-hlanu* или *amakhulu a-y-isi-hlanu*
 100×5
- 600 *amakhulu a-y-isi-thupha*
 100×6
- 700 *amakhulu a-y-isi-khombisa*
 100×7
- 800 *amakhulu a-y-isi-shiyagalombili*
 100×8

‘Тысяча / тысячи’ называются в зулу именами существительными классов 9/10 *in-kulungwane* / *izin-kulungwane*, связанными деривационно с *ikhulu* ‘сто’.

- 1000 *inkulungwane*
- 3000 *izinkulungwane ezin-thathu*
 < CL10-тысячи CC10-три
 1000×3

6000	<i>izinkulungwane ezi-y-isi-thupha</i> < CL10-тысячи CC10.которые-CC7.cop.-CL7.шестерка 100 × 6
10.000	<i>izinkulungwane ezi-y-i-shumi</i> < CL10-тысячи CC10.которые-CC5.cop.-CL5.десяток 1000 × 10
100.000	<i>izinkulungwane ezi-y-i-khulu</i> < CL10-тысячи CC10.которые-CC5.cop.-CL5.сотня 1000 × 100

Названия абстрактных чисел от 20 000 до 90 000 и от 200 000 до 900 000 образуются трехкомпонентными «синтаксическими словами», в которых количество тысяч называют числительные от '20' до '90' и от '200' до '900'. Внутри синтаксического слова компоненты *amashumi* 'десятки' и *amakhulu* 'сотни' согласуются с *izinkulungwane* 'тысячи' по типу копулятивно-релятивного согласования. Модели, по которым *amashumi* и *amakhulu* устанавливают морфологическую связь с собственными множителями, не изменяются, так же как сохраняется применяемый в названиях всех чисел, кратных 10, мультипликативный принцип.

20 000	<i>izinkulungwane ezi-ng-ama-shumi ama-bili</i> < CL10-тысячи CC10.которые-CC6.cop.-CL6-десятки CC6-два 1000 × (10 × 2)
30 000	<i>izinkulungwane ezi-ng-ama-shumi ama-thathu</i> < CL10-тысячи CC10.которые-CC6.cop.-CL6-десятки CC6-три 1000 × (10 × 3)
50 000	<i>izinkulungwane ezi-ng-ama-shumi ama-hlanu</i> <u>или</u> < CL10-тысячи CC10.которые-CC6.cop.-CL6-десятки CC6-пять <i>izinkulungwane ezi-ng-ama-shumi a-y-isi-hlanu</i> < CL10-тысячи CC10.которые-CC6.cop.-CL6-десятки CC6.которые-CC7.cop.-CL7.пятерка 1000 × (10 × 5)
90 000	<i>izinkulungwane ezi-ng-ama-shumi a-y-isi-shiyagalolunye</i> < CL10-тысячи CC10.которые-CC6.cop.-CL6-десятки CC6.которые-CC.cop.-CL7.девятка 1000 × (10 × 9)
200 000	<i>izinkulungwane ezi-ng-ama-khulu ama-bili</i> 1000 × (100 × 2)

900 000	<i>izinkulungwane ezi-ng-ama-khulu a-y-isi-shiyagalolunye</i>	
	$1000 \times (100 \times 9)$	
1 млн.	<i>izigidi</i> (класс 7)	
2 млн.	<i>izigidi ezi-bili</i>	< CL8-миллионы СС8-два
	$1\ 000\ 000 \times 2$	
3 млн.	<i>izigidi ezi-thathu</i>	
	$1\ 000\ 000 \times 3$	
10 млн.	<i>izigidi ezi-y-ishumi</i>	
	$1000\ 000 \times 10$	
20 млн.	<i>izigidi ezi-ng-amashumi amabili</i>	
	$1\ 000\ 000 \times (10 \times 2)$	
90 млн.	<i>izigidi ezi-ng-amashumi a-y-isishiyagalolunye</i>	
	$1\ 000\ 000 \times (10 \times 9)$	
100 млн.	<i>izigidi ezi-y-ikhulu</i>	
	$1\ 000\ 000 \times 1000$	
400 млн.	<i>izigidi ezi-ng-amakhulu amane</i>	
	$1\ 000\ 000 \times (100 \times 4)$	
800 млн.	<i>izigidi ezi-ng-amakhulu a-y-isishayagalombili</i>	
	$1\ 000\ 000 \times (100 \times 8)$	

В арифметическом тексте числительные, обозначающие в языке зулу числа от одного десятка до другого, создаются по схеме: *десяток/десятки (ishumi/amashumi) плюс соединительная частица на 'u, c' плюс слагаемое от одного до девяти*. Частица *na* с названиями слагаемых составляет единое целое, поскольку всегда входит в состав второй из двух соединяемых с ее помощью языковых единиц. Она может подвергаться фонетическим изменениям, если присоединяет слово, начинающееся на гласную.

Ниже даны примеры промежуточных чисел зулу в том виде, как они представлены в арифметических текстах. В названиях чисел от 11 до 19 применяется чисто аддитивный принцип, т.е. связь компонентов этих числительных соответствует сложению. В названиях более высоких чисел помимо аддитивного принципа действует мультипликативный, предполагающий использование умножения для соединения компонентов числительного.

11	<i>ishumi nanye</i>	10 + 1
12	<i>ishumi nambili/nabili</i>	10 + 2
15	<i>ishumi nesihlanu (<na+isihlanu)</i>	10 + 5
19	<i>ishumi nesishiyagalolunye</i>	10 + 9
21	<i>amashumi amabili nanye</i>	10 × 2 + 1
25	<i>amashumi amabili nesihlanu</i>	10 × 2 + 5
99	<i>amashumi aysishiyagalolunye</i> <i>nesishiyagalolunye</i>	10 × 9 + 9

Числительные, обозначающие промежуточные числа между сотнями и тысячами, можно рассматривать как последовательности количественных групп, соединяемых в большинстве случаев союзной частицей *na*, а при ее отсутствии – интонацией, которой на письме соответствует запятая:

458	<i>amakhulu amane namashumi ayisihlanu nesishiyagalombili</i>	$100 \times 4 + 10 \times 5 + 8$
2 376	<i>izinkulungwane ezimbili namakhulu amathathu namashumi ayisikhombisa nesithupha</i>	$1000 \times 2 + 100 \times 3 + 10 \times 7 + 6$
8 541 173	<i>izigidi eziyisishiyagalombili, izinkulungwane ezingamakhulu amahlanu namashumi amane nanye, nekhulu namashumi ayisikhombisa nanthathu</i>	$1\ 000\ 000 \times 8 + 1000 \times (100 \times 5) + 10 \times 4 + 1 + 100 + (10 \times 7) + 3$

Сочетаясь с существительными, обозначающими считаемые предметы, числительные любой морфологической и синтаксической структуры согласуются с ними по классу. Согласовательный префикс по классу исчисляемой вершины занимает позицию начальный компонента числительного, которое при этом сохраняет с собственными зависимыми ту же морфологическую связь, что свойственна компонентам составных числительных в арифметических текстах.

11 человек	<i>aba-ntu aba-y-ishumi na-nye</i>	10 + 1
12 языков (средство общения)	<i>izi-limi ezi-y-ishumi na-mbili</i>	10 + 2
20 учеников	<i>aba-fundi aba-ng-ama-shumi ama-bili</i>	10 × 2

20 коров	10×2
<i>izin-komkomazi ezi-ng-ama-shumi ama-bili</i>	
25 кроватей	$10 \times 2 + 5$
<i>ama-bhede a-ng-ama-shumi ama-bili nesihlanu</i>	
34 медсестры	$10 \times 3 + 4$
<i>o-nesi aba-ng-ama-shumi ama-thathu na-ne</i>	
60 лет	10×6
<i>imi-nyaka e-ng-ama-shumi a-y-isithupha</i>	
69 птиц	$10 \times 6 + 9$
<i>izi-nyonyi ezi-ng-ama-shumi a-y-isithupha nesishiyagalolunye</i>	
100 солдат	100
<i>ama-butho a-y-ikhulu</i>	
204 автобуса	$100 \times 2 + 4$
<i>ama-bhasi a-ng-ama-khulu ama-bili na-ne</i>	
500 кирпичей	100×5
<i>izi-tini ezi-ng-ama-khulu ama-hlanu</i>	
526 лошадей	$100 \times 5 + 10 \times 2 + 6$
<i>ama-hashì a-ng-ama-khulu ama-hlanu na-ma-shumi ama-bili nesithupha</i>	
2376 человек	$1\ 000 \times 2 + 100 \times 3 + 10 \times 7 + 6$
<i>abantu aba-y-izin-kulungwane ezi-mbili na-ma-khulu ama-thathu namashumi a-y-isi-khombisa nesitupha</i>	
2 млн 500 тысяч рандов ¹	$1\ 000\ 000 \times 2 + 1\ 000 \times 100 \times 5$
<i>ama-randi a-y-izigidi ezim-bili nezinkulungwane ezi-ng-ama-khulu ama-hlanu</i>	

3. Порядковые числительные в языке зулу

Обозначение порядка предметов при счете осуществляется в зулу с использованием широко распространенной в языках банту модели *N1 + коннектор -a + N2*, наличие которой делает атрибутивную сферу выражения в этих языках богатой и разнообразной, компенсируя малочисленность собственно прилагательных. Ср., например, в суахили: *kiwanja cha mpira* ‘футбольное поле’, букв. ‘поле мяча’; в кагулу: *meji ga mnyu* ‘соленая вода’, букв. ‘вода соли’; в дабида: *ndagha ya magho* ‘каменный нож’, букв. ‘нож камня’.

¹ Ранд – денежная единица Южно-Африканской Республики.

Функцию порядкового числительного в зулу выполняет сочетание коннектора *-a* с количественным числительным, когда оно субстантивировано и, как существительное, помещено в позицию *N2*. Согласуемый с *N1* по модели субъектного приглагольного согласования коннектор *-a* «встраивается» в морфосостав *N2*, подвергаясь при этом естественным фонетическим изменениям. Если числительное многокомпонентно, с коннектором *-a* взаимодействует только первый компонент. В зулу не являются именами существительными только изменяемые по классам числительные от 1 до 4 (у числительного ‘5’ имеются две формы *-hlanu u isihlanu*). Поэтому субстантивации подвергаются только они, приобретая префикс класса 7 *isi-*; для обозначения ‘первый’ используется существительное *ukuqala* ‘начало, начинать’ (класс 15):

<i>-a-ukuqala</i>	>	<i>-okukala</i>	‘первый’, букв. ‘начальный’
<i>-a-isibili</i>	>	<i>-esibili</i>	‘второй’
<i>-a-isithathu</i>	>	<i>-esithathu</i>	‘третий’
<i>-a-isine</i>	>	<i>-esine</i>	‘четвертый’
<i>-a-isihlanu</i>	>	<i>-esihlanu</i>	‘пятый’
<i>-a-isitupha</i>	>	<i>-esitupha</i>	‘шестой’
<i>-a-isikhombisa</i>	>	<i>-esikhombisa</i>	‘седьмой’
<i>-a-isishiyagalombili</i>	>	<i>-esishiyagalombili</i>	‘восьмой’
<i>-a-isishiyagalolunye</i>	>	<i>-esishiyagalolunye</i>	‘девятый’
<i>-a-ishumi</i>	>	<i>-eshumi</i>	‘десятый’
<i>-a-ishumi nanye</i>	>	<i>-eshumi nanye</i>	‘одинадцатый’
<i>-a-ishumi nambili</i>	>	<i>-eshumi nambili</i>	‘двенадцатый’
<i>-a-ishumi nesishiyagalombili</i>	>	<i>-eshumi nesishiyagalombili</i>	‘восемнадцатый’
<i>-a-amashumi amabili</i>	>	<i>-amashumi amabili</i>	‘двадцатый’
<i>-a-amashumi amathathu nesithupha</i>	>	<i>-amashumi amathathu nesithupha</i>	‘тридцать шестой’
<i>-a-ikulu</i>	>	<i>-ekulu</i>	‘сотый’

Примеры:

<i>umuntu w-okuqala</i>	‘первый человек’
<i>abafundi b-okuqala</i>	‘первые ученики’
<i>umuzi w-esibili</i>	‘второй поселок’

<i>imikhono y-esibili</i>	‘вторые руки’
<i>ilanga l-esithathu</i>	‘третий день’
<i>amanga esithathu</i>	‘третья ложь’
<i>isikole s-esine</i>	‘четвертая школа’
<i>izifundo z-esine</i>	‘четвертые уроки’
<i>incwadi y-esihlanu</i>	‘пятая книга’
<i>umtwana w-esitupha</i>	‘шестой ребенок’
<i>ukhezo lw-esikhombisa</i>	‘седьмая ложка’
<i>ubuhlalu b-esishiyagalombili</i>	‘восьмое ожерелье’
<i>usuku lw-esishiyagalolunye</i>	‘девятый день’
<i>umzawo w-eshumi</i>	‘десятая попытка’
<i>umhlangano w-eshumi nambili</i>	‘двенадцатая встреча’
<i>ihasi l-amashumi amabili</i>	‘двадцатая лошадь’
<i>ubusuku b-ekhulu</i>	‘сотая ночь’
<i>isivakashi s-enkulungwane</i>	‘тысячный посетитель’
<i>isivakashi s-enzikulungwane ezimbili</i>	‘двухтысячный посетитель’

Субстантивация числительных основ от 2 до 5 возможна также с использованием префикса класса 14 *ubu-*: *incwadi yobubili* < CL9-книга *CC9i+a+ububili* ‘вторая книга’; *incwadi yobuthathu* ‘третья книга’; *incwadi yobune* ‘четвертая книга’; *incwadi yobuhlanu* ‘пятая книга’.

4. Заключение

Язык зулу обнаруживает богато развитую и во многом уникальную для языков банту систему количественных числительных, которая обеспечивает названия чисел от единицы до миллиона, используя при этом только 13 исходных компонентов – один – десять, сто, тысяча, миллион. Количество слов, из которых в зулу составляются названия чисел, увеличивается до 17, если признать самостоятельными лексемами слова ‘десятки’, ‘сотни’, ‘тысячи’, ‘миллионы’.

Числительные, называющие числа от одного до пяти, представлены в зулу связанными основами (корнями) с невыясненной этимологией, которые:

- требуют морфологического оформления по классу исчисляемого существительного, если обозначают определенное количество предметов:

<i>abantu ababili</i>	‘два человека’	<	CL2-люди CC2-два;
<i>imithi emibili</i>	‘два дерева’	<	CL4-деревья CC4-два;
<i>amahashi amabili</i>	‘две лошади’	<	CL6-лошади CC6-две;

- принимают префикс *ku-* класса 15, если называют число натурального ряда:

kubili ‘два’;
kune ‘четыре’.

Числительные от *шести* до *девяти* отражают пальцевый счет и по формальным признакам являются счетными именами существительными с показателем *isi-* именного класса 7. Числительное *десять* относится к существительным класса 5. Его множественный коррелят принадлежит именному классу 6.

Числительное *пять* выступает в двух морфологических формах: как изменяемая по классам основа *-hlanu* и как существительное класса 7 *isihlanu*.

В зулу отсутствует типичное для языков банту разбиение количественных числительных первого десятка на основы с полной классной словоизменяющей парадигмой и лишённые словоизменения счетные имена существительные с достаточно очевидной классной принадлежностью. В нем в систему классного согласования вовлечены не только числительные от *одного* до *пяти*, но и признанные именами существительными названия чисел от *шести* до *десяти*.

При сочетании основы *-nue* ‘один’ с вершинным существительным числительное оформляется соответствующим классным показателем своей предикативной формы:

umu-nthu munue ‘один человек’

Числительные от *двух* до *пяти* изменяются по классам как прилагательные:

ubu-so obuthathu ‘три лица’

Числительные от *шести* до *десяти* изменяются по типу так называемого «релятивного» согласования и выглядят как согласованные по классу с вершиной предикативные формы существи-

тельных благодаря наличию в их морфосоставе показателя предикативности:

<i>abanthu aba-y-isithupha</i>	‘шесть человек’, букв. ‘люди они.которые-есть-шесть’
<i>mithi e-y-isithupha</i>	‘шесть деревьев’, букв. ‘деревья они.которые-есть-шесть’

Структурно простыми (односоставными) в зулу являются числительные один – десять, сто, тысяча, миллион. Все прочие зулусские числительные – составные. Количество их составляющих может равняться количеству цифр в обозначаемом ими числе (считая ноль):

80	<i>amashumi ayisishiyagalombili</i>	[10 × 8],
12	<i>ishumi nambili</i>	[10 + 2],

но значительно чаще с этим количеством не совпадает:

99	<i>amashumi ayisishiyagalolunye nesishiyagalolunye</i>	[10 × 9 + 9],
100	<i>ikhulu.</i>	

Числительные, обозначающие отвлеченные числа и создающие чисто арифметическую количественную группу, по морфологическим свойствам отличаются от тех же числительных в составе количественно-именной группы, где они являются синтаксическим определением к существительному.

В любом контексте высшие количественные числительные, начиная с 11, являются в зулу многокомпонентными синтаксическими словами, составляющие которых объединены сочинительной связью, или подчинительной, или той и другой одновременно и не подвержены эллиптическим сокращениям.

Сочинение свойственно аддитивным числительным, строевые элементы которых всегда принадлежат разным разрядам и являются слагаемыми:

11	<i>ishumi nanye</i>	‘десять и-один’
19	<i>ishumi nesishiyagalolunye</i>	‘десять и-девять’
106	<i>ikhulu nesithupha</i>	‘сто и-шесть’
1 004	<i>inkulungwane nane</i>	‘тысяча и-четыре’

Согласование присуще мультипликативным числительным, то есть тем, значение которых строится на умножении составляющих их компонентов; умножаемое выражается числительными со значениями ‘десятки’, ‘сотни’, ‘тысячи’, ‘миллионы’, множителем выступают названия простых чисел от 1 до 9. При обозначении отвлеченных чисел вершиной мультипликативной количественной группы является умножаемый компонент, который и определяет морфологическую структуру множителя – мишени согласования:

20	<i>amashumi amabili</i>	‘десятки два’
200	<i>amakhulu amabili</i>	‘сотни две’
2 000	<i>izinkulungwane ezimbili</i>	‘тысячи две’
10 000	<i>izinkulungwane eziyishumi</i>	‘тысячи десять’
2 млн	<i>izigidi ezimbili</i>	‘два миллиона’

Чисто мультипликативное числительное состоит максимум из трех компонентов, выстраиваемых в следующем порядке: сначала называют тысячи или миллионы, затем указывается их количество с помощью двухкомпонентных мультипликативных числительных типа 20 ‘десятка два’ или 300 ‘сотни три’:

500 000	<i>izinkulungwane ezingamakhulu amahlanu</i>	‘тысячи сотен пять’
500 000 000	<i>izigidi ezingamakhulu amahlanu</i>	

В числительных, образующих количественные группы подобной структуры, проявляется уникальное свойство количественных числительных зулу – наличие в их составе компонента, который одновременно:

- является мишенью согласования при вершинном слове ‘тысячи’ или ‘миллионы’;
- контролирует согласование своего непосредственного зависимого, называющего числа первого разряда.

50 000	<i>izinkulungwane ezingamashumi amahlanu</i>	‘тысячи десятков пять’
--------	--	------------------------

Между тем, значительно более распространенным и даже типичным для языков банту видом синтаксической связи между вершинными ‘тысячи’/ ‘миллионы’ и зависимыми, которые называют их количество и сами по себе представляют количественную группу, является простое соположение. Ср., например, числительные, называющие число 50 000, в нескольких языках банту:

дабида [E74a]		
<i>chufu mirongo isanu</i>	>	CL10-тысячи CL4-десятки CC4-пять
кагулу [G12]		
<i>elfu makumi mashano</i>	>	CL10-тысячи CL6-десятки CC6-пять
курия [EJ43]		
<i>ibikoi morongo etano</i>	>	CL8-тысячи CL4-десятки CC4-пять
лаади [H16]		
<i>funda maku matano</i>	>	CL10-тысячи CL6-десятки CC6-пять
лингала [C36d]		
<i>nkoto tuku mitano</i>	>	CL10-тысячи CL6-десятки CC6-пять

Примыкание (или соположение) как вид синтаксической связи совершенно чуждо языку зулу, когда речь идет о числительных. Второй компонент трехсоставного мультипликативного числительного является существительным в предикативной форме, на которую накладывается так называемое релятивное согласование по классу вершины:

50 000	<i>izinkulungwane ezingamashumi amahlanu</i>
букв. ‘тысячи они. которые-есть-десятков пять’	
200 000	<i>izinkulungwane ezingamakhulu amabili</i>
букв. ‘тысячи они. которые-есть-сотен две’	

Безусловно, наиболее многочисленными являются в зулу числительные, в построении которых участвуют аддитивный и мультипликативный принципы. Количество составляющих их компонентов может достигать внушительной величины:

24	<i>amashumi amabili nane</i>
‘десятки два и-четыре’	
199	<i>ikhulu namashumi ayisishiyangalolunye nesishiyagalolunye</i>
‘сотня и-десятки девять и-девять’	

2 376 *izinkulungwane ezimbili namakhulu amathathu namashumi ayisikhombisa nesithupha*

‘тысячи две и-сотни три и-десятки семь и-шесть’

В составе количественно-именной группы, т.е. при сочетании с существительным, обозначающим считаемые предметы, числительное любой морфологической и синтаксической структуры согласуются со «считаемым» существительным по классу. Согласовательный префикс по классу исчисляемой «вершины» занимает позицию начального компонента числительного, которое при этом сохраняет с собственными «зависимыми» ту же морфологическую связь, что свойственна компонентам составных числительных в арифметических текстах.

abantu abayizigidi eziyisishiyagalombili, izinkulungwane ezingamakhulu amahlanu namashumi amane nanye, nekhulu namashumi ayisikhombisa nanthathu

‘восемь миллионов пятьсот сорок одна тысяча сто семьдесят три человека’, ‘8 541 173 человека’

букв. ‘люди они(т. е.люди).которые-есть-миллионы

они(т.е.миллионы).которые-есть-восемь,

тысячи они.которые-есть-сотни пять и-десятки четыре и-один,

и-сотня и-десятки они(т.е.десятки).которые-есть-семь и-три’

$[1\ 000\ 000 \times 8 + 1\ 000 \times (100 \times 5) + 10 \times 4 + 1, + 100 + 10 \times 7 + 3]$

Указание на место объекта в счетном ряду передается в зулу аналитической конструкцией «коннектор *-a* + количественное числительное» в составе модели: *контролирующее согласование вершинное существительное*, которому присваивается порядковый номер + *согласуемый с ним коннектор -a* (он же т.н. атрибутивно-посессивная частица) + *количественное числительное* в виде имени существительного. Коннектор префигируется к числительному, подвергаясь при этом естественным фонетическим изменениям.

Отношение, устанавливаемое посредством коннектора *-a* между считаемым существительным и количественным числительным, можно описать как «имеющий порядковый номер», «под номером»:

isikole s-esine ‘четвертая школа’
 (-*a-isine* > -*esine* ‘четвертый’)
umhlangano w-eshumi nambili ‘двенадцатая встреча’
 (-*a-ishumi* > -*eshumi* ‘десятый’)

Сокращения

CC – показатель согласования по именному классу (class concord), CL – показатель именного класса, cop – копула (глагольная связка)

Литература

- Луцков А.Д. Основы грамматики языка зулу. М., 2003.
 Снегирев И.И. Числительные в языке зулу // Сборник в честь Н.Я.Марра. М. – Л., 1935.
 Doke C. Bantu linguistic terminology. L. – N.-Y.; Toronto, 1935.
 Doke C. Textbook of Zulu Grammar. L. – N.-Y.; Toronto, 1931.
 Mbeje A. Zulu learners' reference grammar. Madison: NALRC Press, 2005.
 Schadeberg Th. Historical Linguistics // The Bantu Languages. London, New York, 2006.

Приложение. Числительные языка зулу, называющие отвлеченные числа

число	числительное	значение (схема)
1	<i>kunye</i>	1
2	<i>kuli</i>	2
3	<i>kuthathu</i>	3
4	<i>kune</i>	4
5	<i>kuhlanu</i> или <i>isihlanu</i>	5
6	<i>isithupha</i>	6
7	<i>isikhombisa</i>	7
8	<i>isishiyagalombili</i>	8
9	<i>isishiyagalolunye</i>	9
10	<i>ishumi</i>	10
11	<i>ishumi nanye</i>	10 + 1
12	<i>ishumi nambili</i>	10 + 2
13	<i>ishumi nantathu</i>	10 + 3
14	<i>ishumi nane</i>	10 + 4
15	<i>ishumi nesihlanu</i>	10 + 5
16	<i>ishumi nesithupha</i>	10 + 6
17	<i>ishumi nesikhombisa</i>	10 + 7
18	<i>ishumi nesishiyagalombili</i>	10 + 8
19	<i>ishumi nesishiyagalolunye</i>	10 + 9
20	<i>amashumi amabili</i>	10 × 2 (букв. ‘десятки два’)
21	<i>amashumi amabili nanye</i>	10 × 2 + 1
22	<i>amashumi amabili nambili</i>	10 × 2 + 2
23	<i>amashumi amabili nantathu</i>	10 × 2 + 3
24	<i>amashumi amabili nane</i>	10 × 2 + 4

25	<i>amashumi amabili nesihlanu</i>	10 × 2 + 5
26	<i>amashumi amabili nesithupha</i>	10 × 2 + 6
27	<i>amashumi amabili nesikhombisa</i>	10 × 2 + 7
28	<i>amashumi amabili nesishiyagalombili</i>	10 × 2 + 8
29	<i>amashumi amabili nesishiyagalolunye</i>	10 × 2 + 9
30	<i>amashumi amathathu</i>	10 × 3 (букв. 'десятки три')
31	<i>amashumi amathathu nanye</i>	10 × 3 + 1
32	<i>amashumi amathathu nambili</i>	10 × 3 + 2
33	<i>amashumi amathathu nantathu</i>	10 × 3 + 3
34	<i>amashumi amathathu nane</i>	10 × 3 + 4
35	<i>amashumi amathathu nesihlanu</i>	10 × 3 + 5
36	<i>amashumi amathathu nesithupha</i>	10 × 3 + 6
37	<i>amashumi amathathu nesikhombisa</i>	10 × 3 + 7
38	<i>amashumi amathathu nesishiyagalombili</i>	10 × 3 + 8
39	<i>amashumi amathathu nesishiyagalolunye</i>	10 × 3 + 9
40	<i>amashumi amane</i>	10 × 4 (букв. 'десятки четыре')
41	<i>amashumi amane nanye</i>	10 × 4 + 1
42	<i>amashumi amane nambili</i>	10 × 4 + 2
43	<i>amashumi amane nantathu</i>	10 × 4 + 3
44	<i>amashumi amane nane</i>	10 × 4 + 4
45	<i>amashumi amane nesihlanu</i>	10 × 4 + 5
46	<i>amashumi amane nesithupha</i>	10 × 4 + 6
47	<i>amashumi amane nesikhombisa</i>	10 × 4 + 7
48	<i>amashumi amane nesishiyagalombili</i>	10 × 4 + 8
49	<i>amashumi amane nesishiyagalolunye</i>	10 × 4 + 9
50	<i>amashumi amahlanu</i>	10 × 5 (букв. 'десятки пять')
51	<i>amashumi amahlanu nanye</i>	10 × 5 + 1
52	<i>amashumi amahlanu nambili</i>	10 × 5 + 2
53	<i>amashumi amahlanu nantathu</i>	10 × 5 + 3
54	<i>amashumi amahlanu nane</i>	10 × 5 + 4
55	<i>amashumi amahlanu nesihlanu</i>	10 × 5 + 5
56	<i>amashumi amahlanu nesithupha</i>	10 × 5 + 6
57	<i>amashumi amahlanu nesikhombisa</i>	10 × 5 + 7
58	<i>amashumi amahlanu nesishiyagalombili</i>	10 × 5 + 8
59	<i>amashumi amahlanu nesishiyagalolunye</i>	10 × 5 + 9
60	<i>amashumi ayisithupha</i>	10 × 6 (букв. 'десятки шесть')
61	<i>amashumi ayisithupha nanye</i>	10 × 6 + 1
62	<i>amashumi ayisithupha nambili</i>	10 × 6 + 2
63	<i>amashumi ayisithupha nantathu</i>	10 × 6 + 3
64	<i>amashumi ayisithupha nane</i>	10 × 6 + 4
65	<i>amashumi ayisithupha nesihlanu</i>	10 × 6 + 5
66	<i>amashumi ayisithupha nesithupha</i>	10 × 6 + 6
67	<i>amashumi ayisithupha nesikhombisa</i>	10 × 6 + 7
68	<i>amashumi ayisithupha nesishiyagalombili</i>	10 × 6 + 8
69	<i>amashumi ayisithupha nesishiyagalolunye</i>	10 × 6 + 9
70	<i>amashumi ayisikhombisa</i>	10 × 7 (букв. 'десятки семь')
71	<i>amashumi ayisikhombisa nanye</i>	10 × 7 + 1
72	<i>amashumi ayisikhombisa nambili</i>	10 × 7 + 2
73	<i>amashumi ayisikhombisa nantathu</i>	10 × 7 + 3
74	<i>amashumi ayisikhombisa nane</i>	10 × 7 + 4
75	<i>amashumi ayisikhombisa nesihlanu</i>	10 × 7 + 5
76	<i>amashumi ayisikhombisa nesithupha</i>	10 × 7 + 6

77	<i>amashumi ayisikhombisa nesikhombisa</i>	$10 \times 7 + 7$
78	<i>amashumi ayisikhombisa nesishiyagalombili</i>	$10 \times 7 + 8$
79	<i>amashumi ayisikhombisa nesishiyagalolunye</i>	$10 \times 7 + 9$
80	<i>amashumi ayisishiyagalombili</i>	10×8 (букв. 'десятки восемь')
81	<i>amashumi ayisishiyagalombili nanye</i>	$10 \times 8 + 1$
82	<i>amashumi ayisishiyagalombili nambili</i>	$10 \times 8 + 2$
83	<i>amashumi ayisishiyagalombili nantathu</i>	$10 \times 8 + 3$
84	<i>amashumi ayisishiyagalombili nane</i>	$10 \times 8 + 4$
85	<i>amashumi ayisishiyagalombili nesihlanu</i>	$10 \times 8 + 5$
86	<i>amashumi ayisishiyagalombili nesithupha</i>	$10 \times 8 + 6$
87	<i>amashumi ayisishiyagalombili nesikhombisa</i>	$10 \times 8 + 7$
88	<i>amashumi ayisishiyagalombili nesishiyagalombili</i>	$10 \times 8 + 8$
89	<i>amashumi ayisishiyagalombili nesishiyagalolunye</i>	$10 \times 8 + 9$
90	<i>amashumi ayisishiyagalolunye</i>	10×9 (букв. 'десятки девять')
91	<i>amashumi ayisishiyagalolunye nanye</i>	$10 \times 9 + 1$
92	<i>amashumi ayisishiyagalolunye nambili</i>	$10 \times 9 + 2$
93	<i>amashumi ayisishiyagalolunye nantathu</i>	$10 \times 9 + 3$
94	<i>amashumi ayisishiyagalolunye nane</i>	$10 \times 9 + 4$
95	<i>amashumi ayisishiyagalolunye nesihlanu</i>	$10 \times 9 + 5$
96	<i>amashumi ayisishiyagalolunye nesithupha</i>	$10 \times 9 + 6$
97	<i>amashumi ayisishiyagalolunye nesikhombisa</i>	$10 \times 9 + 7$
98	<i>amashumi ayisishiyagalolunye nesishiyagalombili</i>	$10 \times 9 + 8$
99	<i>amashumi ayisishiyagalolunye nesishiyagalolunye</i>	$10 \times 9 + 9$
100	<i>ikhulu</i>	100
200	<i>amakhulu amabili</i>	100×2 (букв. 'сотни две')
300	<i>amakhulu amathathu</i>	100×3
400	<i>amakhulu amane</i>	100×4
500	<i>amakhulu amahlanu</i>	100×5
600	<i>amakhulu ayisithupha</i>	100×6
700	<i>amakhulu ayisikhombisa</i>	100×7
800	<i>amakhulu ayisishiyagalombili</i>	100×8
900	<i>amakhulu ayisishiyagalolunye</i>	100×9
1 000	<i>inkulungwane</i>	1000
2 000	<i>izinkulungwane ezimbili</i>	1000×2 (букв. 'тысячи две')
3 000	<i>izinkulungwane ezintathu</i>	1000×3
4 000	<i>izinkulungwane ezine</i>	1000×4
5 000	<i>izinkulungwane ezinhlanu</i> или <i>eziyisihlanu</i>	1000×5
6 000	<i>izinkulungwane eziyisithupha</i>	1000×6
7 000	<i>izinkulungwane eziyisikhombisa</i>	1000×7
8 000	<i>izinkulungwane eziyisishiyagalombili</i>	1000×8
9 000	<i>izinkulungwane eziyisishiyagalolunye</i>	1000×9
10 000	<i>izinkulungwane eziyishumi</i>	1000×10
20 000	<i>izinkulungwane ezingamashumi amabili</i>	$1000 \times (10 \times 2)$
30 000	<i>izinkulungwane ezingamashumi amathalhu</i>	$1000 \times (10 \times 3)$
40 000	<i>izinkulungwane ezingamashumi amane</i>	$1000 \times (10 \times 4)$
50 000	<i>izinkulungwane ezingamashumi amahlanu</i> или <i>ayisihlanu</i>	$1000 \times (10 \times 5)$
60 000	<i>izinkulungwane ezingamashumi ayisithupha</i>	$1000 \times (10 \times 6)$
70 000	<i>izinkulungwane ezingamashumi ayisikhombisa</i>	$1000 \times (10 \times 7)$
80 000	<i>izinkulungwane ezingamashumi ayisishiyagalombili</i>	$1000 \times (10 \times 8)$
90 000	<i>izinkulungwane ezingamashumi ayisishiyagalolunye</i>	$1000 \times (10 \times 9)$
100 000	<i>izinkulungwane eziyikhulu</i>	1000×100
200 000	<i>izinkulungwane ezingamakhulu amabili</i>	$1000 \times (100 \times 2)$

300 000	<i>izinkulungwane ezingamakhulu amathathu</i>	$1000 \times (100 \times 3)$
400 000	<i>izinkulungwane ezingamakhulu amane</i>	$1000 \times (100 \times 4)$
500 000	<i>izinkulungwane ezingamakhulu amahlanu</i>	$1000 \times (100 \times 5)$
600 000	<i>izinkulungwane ezingamakhulu ayisithupha</i>	$1000 \times (100 \times 6)$
700 000	<i>izinkulungwane ezingamakhulu ayisikombisa</i>	$1000 \times (100 \times 7)$
800 000	<i>izinkulungwane ezingamakhulu ayisishiyagalombili</i>	$1000 \times (100 \times 8)$
900 000	<i>izinkulungwane ezingamakhulu ayisishiyagalolunye</i>	$1000 \times (100 \times 9)$
1000000	<i>isigidi</i>	
2 млн	<i>isigidi ezibili</i>	1000000×2 (букв. 'миллионы два')
6 млн	<i>isigidi eziyisithupha</i>	1000000×2
10 млн	<i>isigidi eziyishumi</i>	1000000×10
20 млн	<i>isigidi ezingamashumi amabili</i>	$1000000 \times (10 \times 2)$
90 млн	<i>isigidi ezingamashumi ayisishiyagalolunye</i>	$1000000 \times (10 \times 9)$
100 млн	<i>isigidi eziyikhulu</i>	1000000×100
400 млн	<i>isigidi ezingamakhulu amane</i>	$1000000 \times (100 \times 4)$
800 млн	<i>isigidi ezingamakhulu ayisishiyagalombili</i>	$1000000 \times (100 \times 8)$
101	<i>ikhulu nanye</i>	$100 + 1$
106	<i>ikhulu nesithupha</i>	$100 + 6$
110	<i>ikhulu neshumi</i>	$100 + 10$
120	<i>ikhulu namashumi amabili</i>	$100 + (10 \times 2)$
125	<i>ikhulu namashumi amabili nesihlanu</i>	$100 + (10 \times 2) + 5$
130	<i>ikhulu namashumi amathathu</i>	$100 + (10 \times 3)$
136	<i>ikhulu namashumi amathathu nesithupha</i>	$100 + (10 \times 3) + 6$
140	<i>ikhulu namashumi amane</i>	$100 + (10 \times 4)$
142	<i>ikhulu namashumi amane nambili</i>	$100 + (10 \times 4) + 2$
147	<i>ikhulu namashumi amane nesikhombisa</i>	$100 + (10 \times 4) + 7$
150	<i>ikhulu namashumi amahlami</i>	$100 + (10 \times 5)$
155	<i>ikhulu namashumi amahlami nesihlanu</i>	$100 + (10 \times 5) + 5$
160	<i>ikhulu namashumi ayisithupha</i>	$100 + (10 \times 6)$
166	<i>ikhulu namashumi ayisithupha nesithupha</i>	$100 + (10 \times 6) + 6$
170	<i>ikhulu namashumi ayisikhombisa</i>	$100 + (10 \times 7)$
177	<i>ikhulu namashumi ayisikhombisa nesikombisa</i>	$100 + (10 \times 7) + 7$
180	<i>ikhulu namashumi ayisishiyagalombili</i>	$100 + (10 \times 8)$
188	<i>ikhulu namashumi ayisishiyagalombili nesishiyagalombili</i>	$100 + (10 \times 8) + 8$
190	<i>ikhulu namashumi ayisishiyagalolunye</i>	$100 + (10 \times 9)$
199	<i>ikhulu namashumi ayisishiyagalolunye nesishiyagalolunye</i>	$100 + (10 \times 9) + 9$
250	<i>amakhulu amabili namashumi amahlanu</i>	$100 \times 2 + (10 \times 5)$
256	<i>amakhulu amabili namashumi amahlanu nesithupha</i>	$100 \times 2 + (10 \times 5) + 6$
266	<i>amakhulu amabili namashumi ayisithupha nesithupha</i>	$100 \times 2 + (10 \times 6) + 6$
315	<i>amakhulu amane neshumi nesihlame</i>	$100 \times 3 + 10 + 5$
397	<i>amakhulu amathathu namashumi ayisishiyagalolunye nesikhombisa</i>	$(100 \times 3) + (10 \times 9) + 7$
444	<i>amakhulu amane namashumi amane nane</i>	$(100 \times 4) + (10 \times 4) + 4$
555	<i>amakhulu amahlanu namashumi amahlanu nesihlanu</i>	$(100 \times 5) + (10 \times 5) + 5$
666	<i>amakhulu ayisithupha namashumi ayisithupha nesithupha</i>	$(100 \times 6) + (10 \times 6) + 6$
777	<i>amakhulu ayisikhombisa namashumi ayisikhombisa nesikhombisa</i>	$(100 \times 7) + (10 \times 7) + 7$
888	<i>amakhulu ayisishiyagalombili namashumi ayisishiyagalombili nesishiyagalombili</i>	$(100 \times 8) + (10 \times 8) + 8$

999	<i>amakhulu ayisishiyagalolunye namashumi</i>	$(100 \times 9) + (10 \times 9) + 9$
1269	<i>ayisishiyagalolunye nesishiyagalolunye inkulungwane namakhulu amabili namashumi</i>	$1000 + (100 \times 2) + (10 \times 6) + 9$
4376	<i>ayisithupha nesishiyagalolunye izinkulungwane ezine namakhulu amathathu</i>	$(1000 \times 4) + (100 \times 3) +$ $(10 \times 7) + 6$
8541173	<i>namashumi ayisikhombisa nesithupha izigidi eziyisishiyagalombili, izinkulungwane ezingamakhulu amahlanu namashumi amane nanye, nekhulu namashumi ayisikhombisa nantathu</i>	$(1000000 \times 8) +$ $1000 \times ((100 \times 5) + (10 \times 4) + 1) +$ $100 + (10 \times 7) + 3$

ИМЕННЫЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ С ГЛАГОЛЬНЫМ КОМПОНЕНТОМ В ЯЗЫКЕ ХАУСА

Материал для этой статьи собирался в течение длительного времени по произведениям художественной литературы на хауса, изданным в период с 1934 по 1983 г., по материалам прессы и радиопередач на хауса, особенно передач радиостанции «Немецкая волна», а также по словарям Р. Абрахама и Дж. Барджери. Большую помощь при переводе фразеологических единиц (далее ФЕ) и объяснении их значения мне оказал г-н Амину Адаму во время его пребывания в Москве.

Корпус фразеологизмов в языке хауса необычайно велик и разнообразен. Сегодня мы хотим остановиться на одном виде фразеологических единиц, а именно именных ФЕ с глагольным компонентом. Под именными ФЕ мы, вслед за другими лингвистами, понимаем такие фразеологические единицы, которые в предложении могут занимать те позиции, которые обычно занимает имя. Но следует также уточнить, что же мы понимаем под глагольным компонентом. По всей вероятности, это должен быть глагол в одной из десяти существующих в хауса глагольных форм. Однако следует сразу же сократить число этих форм, поскольку в двух из них – *sunu* и *suku* – употребляется не глагол, а производное от него глагольное имя. От большого количества глаголов отглагольное имя выступает как полное существительное, т.е., согласно классификации Ю.К. Щеглова, оно может выступать как первым, так и вторым компонентом генитивной конструкции. Такие отглагольные имена также часто встречаются в составе ФЕ, но никак не могут рассматриваться в качестве глагольных компонентов. Например:

1. *Mutane sunu tafiya a bakin hanya.* – *Люди двигались по обочине дороги.*
2. *Tafi (V) идти, ехать > tafiya (VN) поездка, движение – tafiyaɗ hawainiya (ФЕ),* досл. походка хамелеона > *медлительность*
3. *Salon tafiya,* досл. образ движения > *походка*

В первом примере VN tafiya занимает позицию предиката (форма suna). Во втором примере – позицию первого члена генитивной конструкции, тогда как в третьем – позицию второго члена, т.е. проявляет себя как полное существительное.

Поэтому из списка глагольных форм, встречающихся в составе ФЕ, нам следует исключить две формы, а именно suna и релятивную ей suke.

Теперь следует выяснить, все ли остальные глагольные формы хауса, а их восемь, встречаются в составе именных фразеологизмов.

Анализ собранного материала показал, что отнюдь не все глагольные формы в хауса встречаются во ФЕ. Так, не было зафиксированного ни одного фразеологизма, в котором глагол стоял бы в формах хабитуалиса su kan, двух формах, выражающих будущее время – za su и saa – и аллатива и Rhetorical.

Наиболее часто в составе именных ФЕ встречаются глаголы в форме su, sun и в императиве.

Если глагольный компонент в именных ФЕ стоит в форме императива, а для языка хауса это ограничено единственным числом, то он занимает первую позицию и является ядром ФЕ. Следующие за ним существительное или предложная группа являются прямым или косвенным объектом при соответствующем глаголе:

Amsa kuwwa (ответь на крик) – *эхо*, bi ta da kallo (следи за ней взглядом) – *нарядная женская одежда*, bi shanu (следуй за скотом) – *грубая, прочная обувь*.

Некоторые ФЕ имеют в своем составе два глагола, первый из которых стоит в императиве, а второй – в форме su: sari ka no'ke (ужаль ты свернись) в составе ФЕ 'dan sg / 'yan pl sari ka noke – *партизаны*. Это связано с тем, что в хауса два и более глаголов – однородных членов предложения – не могут стоять в форме императива. В императиве стоит только первый глагол, а второй и все последующие употребляются в данном случае в форме su.

Довольно часто встречаются и ФЕ, в которых глагол стоит в форме su с неопределенным местоимением в качестве субъекта:

A ba mi (пусть нам дадут) – *борода, которая только начала расти*, а ci da mai (пусть едят с маслом) – *мучные клецки*, а уау lafiya (вырастите ребенка благополучно) – *детская цветная накидка*, а kore kura (прогнать пыль) в ФЕ motar a kore kura – *никап*.

Довольно многочисленной является группа ФЕ, где мы наблюдаем два глагола, из которых первый стоит в форме импера-

тива, а второй – в форме *su*, причем оба этих глагола относятся к разным субъектам:

Tahu ni gama (иди сюда мы закончить), *fito in fito* (выйди мне выйти) – *разборка, стычка, драка*, *ja in ja* (тяни, мне тянуть) – *проводачка*, *ba ni gishiri in ba ka manda*. (дай мне белую соль, мне дать тебе коричневую соль) – *бартер*.

Были отмечены только два фразеологизма, в состав которых входят глаголы в форме *sun*:

Ka se na se (ты сказал, я сказал) – *проводачка*, *kujerag na'ki* (стул я отказался) – *право вето*, и фразеологизм с глаголами в форме *suka*, релятивной форме *sun*: *'ka'ka ka yi ka fita* (как ты сделал ты вышел) – *неуязвимость*, а также один фразеологизм, в котором глагол стоит в очень редко встречающейся в настоящее время форме, которую западные хаусанисты называют *Rhetorical*:

Nalin kaka nika yi (состояние как мне поступить) – *трудное положение*

Некоторые из приведенных выше ФЕ могут занимать как позицию субъекта, так и объекта в предложении:

Yara sun yi ihu, sai sun ji amsa kuwwa. – *Дети крикнули и затем услышали эхо*.

Wa'dansu 'dalibai sun yi fito in fito a jami'ar birnin Beijing. – *Какие-то студенты устроили драку в университете Пекина*.

Ta kawo mana a ci da mai. – *Она принесла нам мучные клецки*.

Другие же занимают позицию второго члена генитивной конструкции, т.е. позицию определения:

A sakamakon ambaliyar ruwa mutane dubbai masu yawa suna cikin halin 'ka'ka nika yi. – *В результате наводнения тысячи людей оказались в тяжелом положении*.

Da ma can mutane sun yi furfure, wato cinikin ba ni gishiri in ba ka manda. – *Раньше люди занимались обменной торговлей, т. е. бартером*.

Интересен также тот факт, что некоторые фразеологизмы, издавна существовавшие в языке, могут изменять свою семантику, т. е. образовывать лексические неологизмы фразеологического характера. Так, *hana salla* (мешай молитве) первоначально обозначало прическу женщин фульбе, когда волосы укладывались надо лбом в валик, который выдавался вперед. В настоящее время этот фразеологизм *hular hana salla* обозначает бейсболку.

Фразеологизмы, в которых один глагол стоит в императиве, а второй в форме, могут также рассматриваться как сложно-подчиненные предложения с бессоюзным придаточным цели. Подобные придаточные предложения были широко распространены в разговорном хауса, в языке фольклора, а также в литературных произведениях раннего периода. В настоящее время частотность употребления подобных предложений резко сократилась и на смену им пришли придаточные предложения с союзом *domin* 'для того, чтобы'. Но подобное предположение нуждается в дополнительных исследованиях.

Alessandro Suzzi Valli
(University of Naples)

MAAKA ORAL TRADITION AND COMPARATIVE LINGUISTICS, INSTRUMENTS FOR RECONSTRUCTING THE PAST IN NORTH-EASTERN NIGERIA

Introduction

Oral tradition has long been recognized as important as any other source of information in the process of reconstructing the past. The messages that are included in the traditions, which may consist of the narration of the origins and genealogy, or simply a more or less rich number of folk-tales about the everyday-life, are imbued of information about the history of a whole region. It is not only concerning a limited area or a single community. Wherever oral traditions are extant they remain an indispensable source for reconstruction. We did reinforce this conviction when, in an interdisciplinary approach to the ‘Maaka problem’, linguistic, anthropological and sociological analysis were joined in their results. Many suspected traces of external influences that had already been detected in the lexicon seemed to be confirmed by what oral tradition told us of the Maaka history. Peaceful relations with neighbouring communities are described there, as well as conflictual interferences, especially with dominating groups in the area like Kanuri or Bura. All of this represents a precious documentation for better reconstructing a history of the region.

Thus the present contribution proposes results of a two-fold analysis which stems from a research project on Maaka language and culture¹ carried out during the last three years: first, a study of the oral tradition transcribed into a published text and comments about historical inferences issued from it (paragraphs 1, 1.2); secondly, a historical-linguistic lexical comparison between Maaka and the neighbouring languages (paragraphs 2, 2.2) which includes a non-Afroasiatic member like Kanuri (Nilo-Saharan) the influence of which onto the Maaka language and its culture having been considerably important.

---

¹ Project is sponsored by German Research Council (DFG).

1. Maaka oral tradition

The Maaka people, like most traditional African cultures, can boast of having a rich collection of stories handed down through the generations as oral tradition. Some of them are records of the origin of the people (or presumed so), and others express the fundamental truths on which the understanding of the people rests. The folk-tales are full of details regarding place names, personal names, traditional practices and religious observances.

The choice made for the publication (Suzzi Valli 2014c) consisted of the narration of the epic origins of Maaka people which includes genealogy of royal families. The title given to this story is “The History of Bara”. The text has been preserved in its originally recorded version, i.e., an interview which our informant Jibril Jatau Bara had with one of the late elders of Bara town, (the latter being the main settlement of the Maaka speaking area) Maina Maraya†, about twenty years ago. The typing, transcription and translation has been reanalyzed during a field research in 2012 by the author of this paper with the help of two mother tongue collaborators and informants of the language, Jibril Jatau Bara and Musa Ali Baba.

1.2. About the story and some historical particulars

A greater part of the story is considered to be an account of historical events, as well as descriptions of customs and collective ethnic character. The whole tale consists of a number of fragments narrating independent stories and single facts connected by some means with each other. Altogether, they form the background knowledge of the whole community concerning their history. It also includes legendary stories which refer not only to kings, royal families and elitist entou- rages, but also to ordinary people in society. Furthermore, it offers a list of kings, which may form a basis for the local chronology by providing units of duration used to evaluate how far in the past something happened. This matter is to be further deepened in the future with the help of more tales and accounts that will shortly be available. The first of these stories, chronologically speaking, is for sure the most important from a historical point of view and narrates about a presumed ‘migration’ that took place in uncertain remote times, and which in-

volved, along with the Maaka, those people known as Bolewa, presently living in the north side of the Gongola river.

According to the Maaka tradition, the origin of these people should be sought in a region named Yamal, referred to by the elders as their homeland. This place should be located far in the east in respect to the present Maaka settlements, i. e. Bara and few small villages nearby. Actually, the name may be a corruption of ‘Yemen’ in the Arabian peninsula. This is also indicated as the original homeland by other ethnic groups in Northeastern Nigeria according to their respective oral traditions, and nowadays it is to be considered an established *cliché* (Vansina, 1987), purposely created by those communities willing to identify themselves with the Islamic culture.

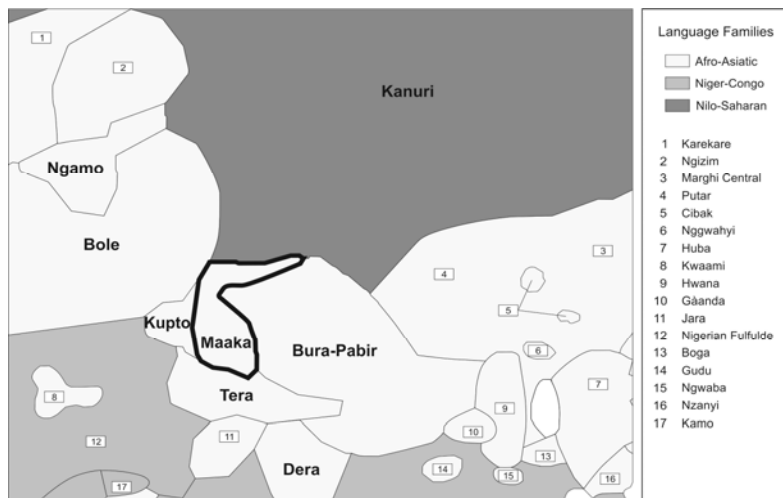
The information concerning such migration and the reasons which led to the event of separation of the Bolewa and the Maaka ethnic groups (occurred in Pikka- modern name *Fika*) may represent, if proved to have really taken place, a relevant historical fact. Linguistic data that has already been analysed give reason to believe, in fact, that not long ago the two communities have spent an extended span of time in tight contact. This, very likely, took place somewhere further north in respect to the present Maaka settlements. This hypothesis is thus confirmed by what the Maaka oral tradition tells us. Moreover, according to the folklore from other sources, it seems that such a southward movement of population certainly took place, involving several communities among which, besides the afore mentioned Bolewa, were also the Tangale, the Kwami and Kupto, as well as a number of Southern-Bauchi populations (Mohammadou, 2004).

2. Linguistic aspects of the language

The study of texts transcribed from oral tradition helped to better understand the main features of the Maaka language.

Maaka is an endangered language with approximately 3000 speakers in the southern Yobe State of Nigeria. According to the linguistic classification, the Maaka language belongs to the so-called Bole-Tangale group which counts eighteen languages (Hoffmann 1971) within the Chadic (West-branch) family of Afroasiatic. Geographically speaking, the Maaka speaking area is surrounded, as shown in the map, by the following languages: Kanuri in the Northeast (Nilo-Saharan), Bole and Ngamo in the Northwest, Kupto in the West,

Dera in the South (Bole-Tangale languages – West Chadic) along with Tera, also in the South, and Bura-Pabir in the East (Central Chadic). All these languages, including Kanuri and possibly other Saharan languages, here not mentioned, have had a considerable influence on Maaka under different facets, and especially in the lexicon (Suzzi Valli 2014a/b/c; Waziri 1995).

Maaka possesses all the major characteristics of the morphology of Afroasiatic languages. Some of the most striking among them are the personal pronoun sets which show the feminine vs masculine distinction in the second person singular, as well as in the third person singular where *t-* always marks the feminine; the genitive linker *n*; the aspectual-dominated verbal system. Other features, on the other hand, are common especially to the Chadic domain; these are: the presence of the typical implosive obstruent phonemes *ḅ*, *ḍ*, as well as the prenasalized *nd*, *ng*, *mb*; particularly important for its implication in the historical phonology of the Bole-Tangale languages is the presence of lateral fricatives *ɬ*, *ɮ* (see Suzzi Valli 2013); the binary tonal system – high/low; the use of specific verbal extensions suffixed or infixes, to express for instance the plurality of action (*-k-*), or its direction toward the object (*-ti/-tu*). It is noteworthy mentioning that a strong presence

of the direct object marker *-ti* together with its counterpart *-to* (DO) has been strongly detected in this text. These morphemes are to be considered an important and very distinctive feature of the Chadic language family as a whole, and differently from other languages, Maaka seems to have preserved them in their full-fledged syntactic and semantic function. The reason why they are constantly used in oral narration – in normal elicitation, sentences did not show them with the same regularity – is to be sought in the exigency of determining a specific direct object among various patients in the discourse. The suffix *-to*, moreover, incorporates a referential meaning.

2.1. Lexical resemblances

A lexical comparison involving Maaka and the surrounding languages described above has been conducted based both on the basic vocabulary (100 items basic word list – Suzzi Valli 2014a), and on specific lexical domains considered relevant for detecting linguistic (mainly lexical) interferences (Tools and musical instruments, trade and commerce, titles and religion). Hereafter the results of the former comparison are given:

relations are marked according to grades of similarity, from the closest to the most distant, as follows (for methodological details see Suzzi Valli 2014a)

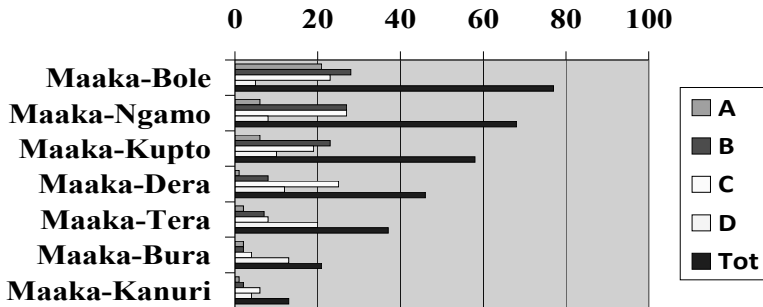
- A** (Total identity)
- B** (Regular correspondences)
- C** (Prevalent concordance)
- D** (Weak concordance)
- Ø** (No relation)

The lexical relations between Maaka and Bole showed in various domains a high degree of correspondences, that even includes a relevant percentage of identical tonal patterns. The two languages are almost fully intelligible; the same cannot be said for the other neighbouring members of the Bole-Tangale group. The rate of Maaka lexical concordance to its neighbours decreases regularly from Bole to Kanuri and so no special distinction into further sub-divisions can be made. Only when considering the grades of lexical resemblances this can eventually be achieved. In fact, the relation of Maaka to Bole ap-

pears quite evident, both languages showing the greatest number of lexical concordance to each other in the grade [A] (21 against for instance 6 of Maaka-Ngamo).

Maaka-Bole	A	21	Maaka-Tera	A	2
	B	28		B	7
	C	23		C	8
	D	5		D	20
	Total	77		Total	37
Maaka-Ngamo	A	6	Maaka-Bura	A	2
	B	27		B	2
	C	27		C	4
	D	8		D	13
	Total	68		Total	21
Maaka-Kupto	A	6	Maaka-Kanuri	A	1
	B	23		B	2
	C	19		C	6
	D	10		D	4
	Total	58		Total	13
Maaka-Dera	A	1	The totals (based on 100 words-list) correspond to percentages. The coefficient of resemblance decreases from Bole to Kanuri in a homogeneous way, roughly between 11-13% per language, while percentage of common divergence is almost 25% .		
	B	8			
	C	25			
	D	12			
	Total	46			

It follows a lexical comparison concerning specific lexical domains which still shows how Bole and Maaka are more close than other languages, even though the divergence is less substantial in respect to the basic vocabulary. The starred items indicate extant parallels in Kanuri. In the lexical domain 'title and religion' Kanuri parallels are quite numerous and so a dedicated column is given.

An additional element which led to the idea of considering Bole and Maaka particularly close to each other is that Kanuri loanwords (only few are presented in these lists) in both languages are phonetically identical. This suggests that at the time of Kanuri domination the two groups were not yet divided. So Maaka tribe very likely sprung from the larger Bolewa community.

Tools and musical instr.	<i>Maaka</i>	<i>Bole</i>	<i>Ngamo</i>	<i>Kupto</i>	<i>Bura</i>	<i>Tera</i>
Hoe	gáaḃà	bèl / dàbí	dàbì	tábbùlám	minzùhà	gaḃà
Mortar	tùumá	tùumà	dìshì / tùumà	tùushít		
Sickle	ngùzézé	gòojí	lèudi	kùrì	íáhù	ḡàw
Knife	?òdí	ḃaadí	sòkì	shákkàm	dínḡyà	tùgù
Loom	làḃḃú	làḃḃú (v.)		kàré shákkà		
Drum*	gàngá	gàngá	kànjáu / gàngá	kólmó	góngá / gúlúm	ḡèrì
Flute	birlá	bùtáaré	mèelè	liigá		
Trumpet*	bíḡflà	gàshí		kàràkú		

Trade	<i>Maaka</i>	<i>Bole</i>	<i>Ngamo</i>	<i>Kupto</i>	<i>Bura</i>	<i>Tera</i>
Market*	gómá	gòmá	gòmà	gòmà	kwásikù	gòmà
Money	dóḡdòḡ	dóodó	òyù	làfè	líyà	məjin
Sell to	gèjjítì	gòjjítú / shèpínú	bò'ytà	fàatáy	dílùmtà	masa bàrà
Buy to	gèjjáayò	gòjjú	kàjà	fàatáy	mós(ə) dínḡyà	masa

Titles and religion	Maaka	Bole	Ngamo	Kupto	Kanuri
Waziri*	wàzìfiri			wàzìfiri	Wàzìri
Galadima*	gàlàdfimà	gàlàadfimà			Gàlàdfimà
Ciroma*	cìrómà	cìròomà			Cìrómà
God	yàmbá	yàmbá / ndágài	ndèi / ndèyí	màglà	
spirit	zòmpràṅ	gòigói	híplà / yàklà	zùdùmbùr	gòigói
ghost	zòmputòm	pémpéll		túmó	
Witchcraft	sòokó		sòwò / bàtrà	wòohò	kàrá
Ritual place	mbólám			yímmó / kúfó bàalám	
Ritual object	tàajmí (A.)			kònnùm	
Death	mùtò	mòtò	màtò	mútó	
Mosque	máshíidí	máshíidí	máshíidí	máshíidí	máshíidí (A.)
Priest/Imam	bòo wàazù	rímàn			ímàn (A.)
Ablution	wólò	wólò / ólò		wólò	wólò(A.)
Amulet	làyà	guru / láyá		gùrù	làyà(A.)
Book	kakkádi	tágàrdá / gidí		kakkádi	kakkádò(A.)
Fasting	ʔàshám	ájimì, ázìmi / kújàm		ʔàshám	táshírá
Worship (to)	bàwtá			sàllitáy (H.)	àbàt-
Pray (to)	jàkkà yàmbá	dùkkàanú		ʔiyò sàllá	àdù- / sàll / àdùgòkìn
Prayer		pùnsà bòo	sàllá	wàazù (H.)	táyidá
War	késán	kòsìn	kèsi		kèrígò
Weapon	kàrèy párá	kàràì		shàbòbò	
Banner	túutà				
Flag	túutà	álàm		túutà (F.)	álàm (A.)
Gun	búndógò	búndfki		búnddigà	bàndógò (A.)
Shield	pàrtáu	gàndá		pàrtáu	ngóá
Spear	gádáy	ròndí	ràndí	shàalè/ bèllèm	kàzáa
Lance	kàcákàr	íiltú	tùjé		kàsháar
Sword*	kàshákàr	kàsífkàr	kàskàr / gànságálí	kàsífkàr	kàsháar
Bow	ràká	rìyá	rìnkà	ríká	
Arrow	póccó	póccó	hò'òshò	fík	
Warrior	bòo párá	gàitò	gàitò	jèrmí	
Attack (to)	kàccó	kàccó 'intercept'	kàccá 'block, stop'	rìishéy	

Conclusion

Facts, time and space are the targets of a historian who needs to reconstruct the past. As a sequel his key questions are: what?, when?, where?, to which he would only be able to give accurate answers through a multidisciplinary approach. The study of oral tradition, although later than other disciplines, has become a pillar in historical

research, in particular way in those places where not much can be drawn from other sources, and hence orality may appear as the main source of information. This is especially true in West Africa where climatic conditions in combination with various socio-cultural factors, caused a loss of bulks of data in terms of material culture over the centuries, and therefore disciplines like archaeology might not be of great help.

Although oral sources may well be of a lower order of reliability, if combined with a good linguistic research it comes to be of invaluable help when collecting historical evidences. We have been lucky, one may say, since the outcomes of our linguistic data and that of oral sources are concordant; however, also when this does not happen, one should not discredit the importance of oral tradition. It is always possible, in fact, to reevaluate older recorded traditions for further critical analysis and consequently modify interpretation, and even historical-linguistic assumptions may one day be adjusted according to new findings. It is important to remark once more, in conclusion, that field researchers should present not only their interpretations, but also their recordings of tradition and, equally important, the necessary data for their evaluation.

References

- Mohammadou, E. 2004. "From the Lake Chad to Bauchi along the Northern Migratory Corridor: the Zaar Case": 75-120 in Baroin, Seidensticker-Brikay and Tijani (eds.), *Man and the Lake. Proceedings of the 12th Mega Chad Conference*. Maiduguri – December 2003.
- Suzzi Valli, Alessandro. 2007. "Un'indagine preliminare sul lessico della fauna in afroasiatico: il caso del ciadico e dell'egiziano nel contesto sahariano". *Annali dell'Istituto Orientale di Napoli*, 67/1-4: 83-92.
- Suzzi Valli, Alessandro. 2013. "On the lateral fricatives in Maaka and their implications for the phonology of the Bole-Tangale languages (West-Chadic)": 9-16 in Mauro Tosco, Alessandro Mengozzi (eds.) *Sounds and Words through the Ages: Afroasiatic Studies from Turin*, Proceedings of the 14th Italian Meeting of Afroasiatic Linguistics. Alessandria: Edizioni dell'Orso.
- Suzzi Valli, Alessandro. 2014a (forthcoming). "Maaka Linguistic Setting", Paper presented at the *Workshop on Maaka language and Culture*, Frankfurt 18-19 July 2011.
- Suzzi Valli, Alessandro. 2014b (forthcoming). *Maaka-English-Hausa Dictionary*.
- Suzzi Valli. 2014c. *Maaka Oral Tradition and Proverbs*. Ciado-Sudanese Series 5, Department of Asian African and Mediterranean Studies, Università degli Studi di Napoli 'L'Orientale'. Il Torcoliere; 242 p.

- Suzzi Valli, Alessandro & Sergio Baldi. (forthcoming). “Kanuri And Bole-Tangale (Chadic) Common Words: Ancient and Recent Loans”, paper presented at the *Nilo-Saharan Linguistic Colloquium 2013*, University of Cologne, 22-24 May 2013.
- Suzzi Valli, Alessandro & Jule Jacques Coly. 2013. “The Maaka Language first insights and wordlist”: 139-152 in Henry Tourneux (ed.) *Topics in Chadic Linguistics VII*, Papers from the 6th Biennial Colloquium on the Chadic Languages – Villejuif, September 22-23, 2011. Köln: Rüdiger Köppe Verlag.
- Vansina, J., 1987 (1980) *Tradizione orale e la sua metodologia*, in J. Ki-Zerbo (ed.) *Storia Generale dell’Africa*; UNESCO. Translated in Italian and republished by Jaca Books; pp. 165-188.
- Waziri, Ibrahim, 1995. “Loan words and ‘multidirectional words’ as important linguistic and historical evidence for the Nilo-Saharan (Kanuri) and Afroasiatic/Chadic (Bole of Pikka) language interaction”: 368-378 in Dymitr Ibrizimow und Rudolf Leger (eds), *Studia Chadica et Hamito-Semitic*, Frankfurt am Main, 6 – 8 Mai 1991). Köln: Rüdiger Köppe Verlag.

К ИСТОРИИ ЯЗЫКА ЛИНГАЛА¹

Язык *лингала* распространен на территории практически всей центральной Африки (преимущественно в ДРК, РК, а также в Анголе, Габоне и ЦАР) и используется населением более 12 млн. человек. Язык обладает статусом языка *lingua franca*, он возник лишь в конце 19 века и, следовательно, не имеет длительного периода развития. С конца 19 века и вплоть до наших дней язык привлекает пристальное внимание исследователей, результатом чего является внушительный список литературы о языке. И тем не менее, остается немало спорных, дискуссионных вопросов. И в первую очередь, вопрос о происхождении языка. Существуют по крайней мере три точки зрения на этот счет. Известно, что *лингала* возник в конце 19 века на базе одного или нескольких языков-диалектов. Не вдаваясь в подробное описание истории вопроса (на этот счет существует огромная литература), ниже вкратце перечислим основные гипотезы. При этом нельзя игнорировать имеющий место фактор «лингвистического планирования» языка учеными с целью некоторого корректирования и «улучшения» для использования его в качестве языка общения, о чем еще в начале 20 века писал Е. де Бок [de Voesek 1904a, 1904b].

Даже краткий обзор точек зрения относительно источника (или источников) возникновения языка *лингала* свидетельствует о крайней запутанности ситуации, и, скорее всего, без системного сопоставления многих языков (диалектов) данного района бессмысленно определять конкретный источник (или источники) происхождения языка. Кроме того, в данном случае важную роль играли, конечно, и ареальные факторы, заключающиеся во взаимодействии языков, распространенных на компактных соседних территориях.

Исследователи не могут отрицать факт участия в появлении этого языка целого ряда других языков и диалектов. В этом отношении мнения ученых расходятся. Первые публикации о языке

---

¹ Работа написана в рамках гранта РГНФ № 14-04-00488.

появляются уже начиная со второй половины 19 века и принадлежат исследователям – современникам процесса возникновения лингала [de Boeck 1904a, 1904b; van Bulck 1952; Cambier 1891 (см. в [Meeuwis & Vinck 2003]); Stapleton 1903; Tanghe 1930 (см. в [Meeuwis 2004]) и др.]. С одной стороны, этот факт важен, поскольку ученые – свидетели данного процесса видели эту ситуацию «изнутри», однако с другой стороны, не имея полного представления о языковой ситуации в данном регионе в целом (хотя бы в силу недостаточности или отрывочности материала по отдельным языкам и диалектам), не имея возможности для надежного сопоставления данных по языкам, исследователи высказывают различные точки зрения, которые не могут быть приняты с достаточной долей уверенности. В этом отношении современные лингвисты-исследователи (взгляд «извне») находятся, казалось бы, в лучшем положении, имея в своих руках существующую в настоящее время литературу о языке и появившиеся дополнительные языковые данные (часто все-таки отрывочные, когда речь идет о неописанных малоизвестных языках, носителей которых в ряде случаев практически не осталось). И тем не менее, в случае с *лингала* и в настоящее время существуют еще спорные моменты, для прояснения которых представляется необходимым доскональное знание всей существующей литературы и точек зрения на эту проблему. Среди современных исследователей, уделяющих большое внимание вопросу о происхождении лингала, в первую очередь следует назвать [Meeuwis 2001, 2004; Meeuwis & Vinck 1999, 2003; Motingea 2002; Vokamba 2009 и др.].

В силу вышеизложенных причин было бы разумным проанализировать существующие точки зрения на данную проблему, подкрепив их привлечением конкретного языкового материала (чего не было сделано, не считая достаточно общих рассуждений) по языкам и диалектам, распространенным в ареале использования лингала, и по возможности сопоставить данные этих языков и лингала. Полученные результаты, хочется надеяться, позволят прояснить ситуацию относительно происхождения лингала, с одной стороны, и уточнить механизмы взаимодействия языков и диалектов, находящихся в достаточно тесном языковом контакте, с другой.

Прежде чем приступить непосредственно к исследованию основной проблемы, необходимо определить основные термины, существующие для обозначения идиома *лингала*.

Название *лингала*, li-ngala, уже само по себе несет определенную информацию, а именно, префикс li- (5 класс) в ряде языков, в частности, в языках зоны С, к которой относится и объект нашего исследования, обозначает название языка ‘язык лингала’ (в языках других зон распространения банту в этой функции употребляются префиксы других классов, например, преф. ki- (7 класс) в *суахили*: ki-swahili ‘язык суахили’ или lu- (11 класс) в *ганда*: ‘язык луганда’ и т.д.). Вторая часть слова – ngala – несет уже конкретную информацию, т.е. обозначает непосредственно название языка и, как правило, название коренных жителей, носителей языка. Введение данного лингвонима принадлежит [de Boeck 1904a, 1904b], заслугой которого является и первое описание языка.

Помимо названного, исследователи языка используют также многочисленные лингвонимы: bangala, mangala, la langue du fleuve, la langue du Haut-Fleuve, la langue commercial, lingala commun [Meeuwis 2001; de Boeck 1904; Stapleton 1903].

Лингвоним bangala, употребляемый часто в качестве названия языка, по существу, представляет собой название жителей нгала (префикс ba- со значением множ. числа относится к людям (2 класс)), ср. также bateke ‘люди теке’, baluba ‘люди луба’ и т. д. Название бангала возникло в 1884 году [de Boeck 1904a, 1904b], когда язык стал языком лингва-франка между африканцами и европейцами в районе Bangala-Station. Надо помнить, что на языке *лингала* **mongala** означает ‘река’ и соответственно, bangala – это люди, племена бангала, обитающие в прибрежных районах.

Название mangala, используемое в ряде случаев также для обозначения языка, не имеет однозначной интерпретации. Если придерживаться формальной структуры языка, то оно означает дословно *языки нгала*, т.к. преф. ma- относится к 6 классу, множественному корреляту 5 класса (преф. li-): lingala ‘язык лингала’, однако именно в этом значении термин никогда не употребляется. Дж. Танге [Meeuwis 2004] писал по этому поводу следующее: «Туземец мангала говорит: “Я происхожу из мангала, моя деревня у мангала”, – в то время как туземец, которого мы называем бангала, никогда не скажет, что он мангала, но что он

мабале, болоки, ибоко или др.». Таким образом, до сих пор мы не можем однозначно определить значение термина мангала.

Остальные термины для обозначения лингала (*la langue du fleuve*, *la langue du Haut-Fleuve*, *la langue commercial*, *lingala commun*) при всем своем разнообразии содержат некий общий признак, проявляющийся уже в некоторых названиях, связанных с рекой, т.е. это означает, что речь идет о некоем языке (или языках), распространенном среди прибрежных жителей (об этом подробнее см. ниже) и испытывающем влияние со стороны других языков или диалектов. Кроме того, ряд названий отражают идею статуса, назначения языка как языка общего, языка общения между разными племенами.

При всем многообразии точек зрения исследователей на происхождение лингала существует общая идея в связи с этой проблемой, сводящаяся приблизительно к следующему. В качестве языка-источника называют язык коренного населения нгала (*ngala*) и его диалектов, на которых говорят соседние племена: бобанги, болоки, мабале, ибоко, мбенга, лосенго и некоторые другие. Суть разногласий заключается в предпочтении тем или иным исследователем того или другого языка или диалекта. Ученые сходятся во мнении, что язык является результатом контактирования различных племен (и языков-диалектов), расположенных на соседних территориях, т.е. коллективным созданием, что отражается, в частности, в словаре лингала.

Исходя из приведенных выше рассуждений о языке лингала (бангала, нгала, мангала), следует, что одной из вполне реальных версий происхождения языка является предположение, что в его основе лежит язык нгала, язык коренных жителей прибрежных районов, испытывавший сильное влияние соседних языков и диалектов (мабале, болоки, бобанги, лосенго, ибоко и др., откуда и название *la langue du fleuve*) и ставший языком лингва-франка. Такое мнение высказывали многие исследователи [Stapleton 1903; Tanghe 1930; Meeuwis 2001; de Boeck 1904a, 1904b и др.]. По общему мнению, бангала или лингала – создание коллективное, как в плане участия в его создании множества языков-диалектов, так и с точки зрения участия, которое принимали в его формировании исследователи-европейцы, которыми был создан термин для названия языка. Особые заслуги в области создания языка принадлежат Е. де Боку (1875-1944), который внес существенную кор-

рекцию в этот «неполноценный» (*défectueuse*) с его точки зрения язык, пытаюсь использовать новые лексемы и грамматические формы, причем, эти новшества не были его собственным изобретением, но были взяты из других языков, в частности, из мабале, языка, которым в это время серьезно занимался Е. де Бок.

Согласно одной из версий, в основе лингала лежит язык болоки (*boloki*) [Stapleton 1903]. В. Стаплтон даже называл язык болоки нгала (*ngala*) и считал, что болоки ближе к лингала, чем к бобанги, который часто рассматривается как его основа. Известно, что болоки, на котором говорили до конца 19 века в Монсембе, исчез в связи с закрытием из-за сонной болезни протестантской миссии [Motingea 2002: 258-328]. Сейчас, по мнению отдельных исследователей, представители болоки сохранились в нескольких населенных пунктах (Мобека, Манканза, Болombo, Бокомбе и некот. др.), однако они утратили свой язык и говорят на диалекте монго. И если Стаплтон был склонен рассматривать болоки в качестве возможного источника-основы языка лингала, то многие исследователи, придерживающиеся иной точки зрения, тем не менее считали, что болоки в той или иной степени причастны к становлению лингала наряду с другими языками-диалектами. Так, Е. Камбье еще в конце 19 века говорил о том, что в районе распространения бангала близко соседствуют несколько языков-диалектов, среди которых он упоминал мабале, ибоко, болоки, а также диалекты нгомбе. Другой исследователь первой трети 20 века (1927-1930) Дж. Танге [Meeuwis 2004], занимавшийся языком лингала, говорил о том, что словарь лингала состоит из многочисленных заимствований из диалектов нгала, среди которых он перечислял следующие. Это мабале (*mabale*), язык племен, обитающих в районе Nouvelle-Anvers и в деревнях, расположенных в прибрежных районах; ибоко (*iboko*), язык племени, спустившегося из Мата-Боике и в настоящее время, видимо, исчезнувший (подробнее о ибоко см. ниже); диалекты, на которых говорили жители прибрежных деревень между Nouvelle-Anvers и устьем реки Mongala (мбенга, лосенго и болоки), при этом болоки обнаруживается также и вниз от Nouvelle-Anvers после мабале, ндобо, мбунджи. Все эти диалекты группируются вокруг одного центра, они очень похожи и, по мнению Дж. Танге, восходят к одному источнику. С другой стороны, они отличаются от языков-диалектов другой группы вследствие многочисленных последова-

тельных миграций, в частности, из-за вторжении нгомбе. Самым важным языком в этой группе является болоки.

Согласно другой точке зрения, основой для создания лингала послужил язык бобанги (bobangi, lobangi, kibangi, kiyanzi). [Meeuwis 2001: 327-421] в работе, посвященной анализу первой грамматики лингала Е. де Бока [de Boeck 1904], говорит о важной роли ученого в истории и описании языка лингала, по мнению которого, язык лингала возник путем пиджинизации бобанги, языка, распространенного между устьем реки Ква и деревней Иребу. Этот процесс относится к периоду создания европейцами почтового перегона (poste d'Etat) на реке Конго, когда под влиянием языков суахили и киконго, благодаря контактам с рабочими-эмигрантами возник язык, известный как *la langue du fleuve*, *la langue du Haut Congo*, *la langue commercial*. Еще в начале первой трети 20 века Стаплтон и Танге говорили о том, что после нгала в создании словаря лингала самое активное участие принимал язык бобанги, что эти языки очень близки как в отношении словаря, так и в построении конструкций, что объясняется, в частности, их близким соседством. [Hulstaert 1989 и Samarin 1990] уже в конце 20 века тоже считали источником лингала бобанги.

Достаточно распространенной является версия, согласно которой в основе лингала лежит язык *ибоко* (iboko) или, по крайней мере, имеется в виду участие ибоко в формировании лингала. Во всяком случае, такая точка зрения в той или иной степени разделяется рядом исследователей-африканистов [Cambier 1891; de Boeck 1904a, 1904b; Hulstaert 1950; van Bulck 1952; Meeuwis et Vinck 2003]. Основные сведения о языке *ибоко* почерпнуты из работы “Essai sur la langue congolaise” [Cambier 1891], содержащей краткие грамматические сведения, словарь и отдельные тексты на ибоко с некоторыми комментариями Е. де Бока, его личными замечаниями. Помимо этой опубликованной работы, материалы по языку ибоко существовали в рукописном виде и принадлежали коллеге Камбье К. ван Ронсле, которые после его смерти передавались из рук в руки, и в настоящее время трудно сказать что-либо определенное о их месте нахождения (об этом см. [Meeuwis & Vinck 2003]). Язык (был?) распространен в ряде деревень провинции Экватор в ДРК, в частности, в местности Ибоко (Дибоко), в районе Bangala-Station и имел шанс стать основой для лингала. Возможно, ибоко больше не существует с таким

названием и в таком виде, как в эпоху Камбье. [Hulstaert 1950] помещает его между мелкими прибрежными диалектами, близкими диалектам монго, а также диалекту елеку. [van Bulck 1952] говорил, что к 1950 г. язык еще существовал. П. де Витт в письме к Г. Хюльстарту (1952) писал, что язык исчез, однако в ответном письме Г. Хюльстарт отмечал, что на языке еще говорят, но носителей языка очень мало. На самом деле, ибоко был активно вытеснен и поглощен бангала, торговым языком, получившем к этому времени широкое распространение. [Guthrie 1967-1970; Maho 2006] вообще не упоминают ибоко в своих классификациях; справочник “Ethnologue” [Lewis (ed.) 2009] помещает язык ибоко в зону С под индексом С.40. Скорее всего, ибоко был активно вытеснен и поглощен языком бангала в Nouvelle-Anvers, торговым языком, широко используемым с 80-ых годов 19 века.

Путь к возникновению языка лингала и утверждение его в качестве языка лингва-франка на огромной территории Центральной Африки свидетельствует, видимо, о достаточных ресурсах языка, о предпочтении его среди других языков и диалектов в этом качестве. Тем более, как следует из анализа различных версий исследователей, мнения на этот счет не были столь единодушными. Во всяком случае, мы располагаем подобными данными по этому вопросу.

Так, в одной из ранних публикаций Дж. Танге [Meeuwis 2004] высказывает мнение, что лингала не является идеальным кандидатом в качестве единого языка, как считал Франк, один из министерских чиновников. Другой министерский функционер де Джонге, считал, что должен быть выбран один язык в стране, но не лингала, а чилуба. Ван Бульк же говорил, что общий один язык совсем не нужен, но в каждом районе должен быть выбран один крупный этнический язык. Г. Хюльстарт придерживался такой же точки зрения. Упоминаемый выше Дж. Танге и ван Керкен пришли к выводу, что общим языком колонии должен стать кисуахили (kiswahili). [Stapleton 1903] считал, что, с одной стороны, бангала является технически дефектным языком, а с другой стороны, столь распространенным средством общения, что не было смысла и возможности пренебрегать этим. Даже [de Voeck 1904a, 1904b], всю жизнь занимавшийся изучением и описанием лингала, признавал его не совсем полноценным языком, откуда и его желание понемногу «корректировать этот жаргон», внося изменения в сло-

варь и грамматику, чтобы иметь письменный язык без излишней лингвистической чрезмерности, как это было в разговорном лингала, т.е., по существу, речь шла о лингвистическом планировании языка. Об этом свидетельствуют достаточно многочисленные описания языка, сделанные де Боком. И если первая работа [de Boeck 1904a] претендует на последовательное описание языка, то в последующих работах: “Notions du lingala ou langue du Haut-Fleuve, vocabulaire et phrases pratiques” [de Boeck 1904b] уже приводится список слов и фраз с учетом лексических и грамматических исправлений, откуда и появившиеся в обиходе названия *le lingala de de Boeck* = *lingala d'école* = *lingala des livres* = *lingala classique*.

Не желая идти путем спекуляции относительно определения конкретного источника происхождения лингала (задача, до сих пор являющаяся, видимо, трудно разрешимой в свете перечисленных выше причин), тем не менее, представляется весьма полезным и не лишним провести сопоставительный анализ языка лингала с рядом упомянутых языков, с которыми лингала находился в тесном контакте. В зависимости от имеющихся скудных данных о языках и диалектах объектом исследования могут быть различные языковые уровни – фонетика, морфология, лексика и т.д. Привлечение к исследованию насколько возможно большего количества языков и материалов по ним а priori увеличивает шанс получения более надежных результатов.

В нашем случае основной базой анализа будет лексика, словарный состав, там же, где будет достаточно материала, будут затронуты и другие уровни, в частности, грамматика, а конкретнее, анализ системы именных классов, основной грамматической категории языков банту.

Ниже предлагается сопоставительный анализ лексики и фрагментов грамматики языка *лингала* и этнического языка *ибоко*. Результаты анализа в плане их схожести или различия, возможно, помогут несколько приблизиться к решению проблемы происхождения лингала.

Источники:

- ибоко [Cambier 1891] (по [Meeuwis & Vinck 2003]);
- лингала [van Everbroeck 1984; Dzokanga 1979; Топорова 1983].

В результате анализа словарного состава языков ибоко и лингала были получены следующие результаты. В качестве точки отсчета (сопоставления) использовался весь лексический материал по языку ибоко (970 лексем), представленный в работе Е. Камбье; указанные словари лингала послужили источником для сопоставления лексем. При всей ограниченности словарного состава ибоко некоторые лексемы не нашли аналогов в имеющихся словарях лингала. Чаще всего это связано с обозначением мелких конкретных деталей или реалий, что, видимо, можно объяснить этнографическими особенностями народа ибоко.

542 лексемы ибоко из 970 (т.е. более 50%) находят соответствия в языке лингала, при этом надо помнить, что полностью идентичных лексем довольно мало; основной массив лексики при очевидной, узнаваемой схожести имеет различия, касающиеся практически всех уровней языка (фонетики, просодики, структуры слога, морфемки и морфологии, семантики), причем, количество различительных признаков колеблется от одного до четырех, например: фонетический признак; просодический признак; фонетический признак и признак структуры слога; фонетический и просодический признаки; признак структуры слога; фонетический, просодический и морфологический признаки; просодический и морфологический признаки; полное совпадение признаков; просодический и семантический признаки; фонетический, просодический и семантический признаки; просодический, морфологический и семантический признаки; фонетический, просодический, морфологический и семантический признаки; некоторые другие комбинации. *Просодический* различительный признак присутствует в различных комбинациях в подавляющем большинстве лексем (порядка 360), что отчасти можно объяснить не всегда корректной фиксацией тонов (факт, к сожалению, лишенный возможности уточнения или перепроверки из-за отсутствия подробного описания ибоко и носителей языка); далее следует *фонетический* признак (около 190 лексем); *слог* и *морфемка* существенны при сопоставлении порядка 60 лексем каждый; в меньшей степени, чем другие, используется *семантический* признак и, наконец, вариант полного тождества лексем отмечен приблизительно в пятнадцати случаях.

Далее постараемся привести конкретные примеры реализации отдельных дифференциальных признаков и их комбинаций при сопоставлении лексем ибоко и лингала.

Случаи *полного совпадения* лексем немногочисленны (порядка 15):

<i>ибоко</i>		<i>лингала</i>
anola	‘отвечать’	-anola, -yanola
bika	‘спасаться’	-bika
bwâka	‘бросать’	- bwâka
nkéma 3 ¹	‘обезьяна’	nkéma 9
mbwa 3	‘собака’	mbwa 9
bokilo 4 (mo-)	‘тесть, свекор’	bokilo 1a

Лексемы, различающиеся *одним признаком*.

Фонетика (немногочисленные случаи):

<i>ибоко</i>		<i>лингала</i>
mvwi 8	‘седые волосы’	mbwi 9
dzíma	‘гаснуть, быть погашенным’	-zíma

Просодика (более 100 лексем):

<i>ибоко</i>		<i>лингала</i>
baka	‘фиксировать, прикреплять’	-bâka
béba	‘испортиться, стать плохим’	-beba
béka	‘брать взаймы’	-beka
béla	‘болеть, заболеть’	-bela, -bele
bolólo 4	‘горечь, трудность’	bololo 14
eséka 1	‘друг, приятель’	eseka 7
îma	‘скупость’	ima, (yima)
bôbé 4	‘зло’	bobé 14
loméko 6	‘мера, размер’	lomeko 11

¹ После существительного указывается его класс. Нумерация классов существительных языка ибоко дается по [Cambier 1891], а нумерация классов существительных языка лингала соответствует современной.

Лексемы, различающиеся **двумя признаками**.

Фонетика + просодика, самая распространенная комбинация (около 140 лексем):

<i>ибоко</i>		<i>лингала</i>
bândja	‘привязать’	-banda
bânga	‘звать, позвать’	-bénga, -biánga
kèndé	‘идти, уходить’	-kèndé
njété 3	‘палка’	nzeté 9, тж. ‘дерево’
ikôndo 5	‘банановое дерево с крупными плодами’	likôndo 5, ‘большой банан’
étâbi 1	‘банан’	etabe 7, ‘маленький банан’
moûla 8	‘буря, гроза’	mulá 9
mabéli 5	‘земля’	mabelé 6

Просодика + морфемика (около 40 лексем):

<i>ибоко</i>		<i>лингала</i>
ibânga 5	‘камень, булыжник’	libângá 5
ibânda 5	‘двор’	libândá 5
mounkoûlou 8	‘веревка’	mokulu 3
ikâbo 5	‘щедрость, благородство’	likabo 5
mpôa 3	‘желание, страсть’	mpósá 9
iâla 5	‘работа’	mosala 3
boânda 4	‘высота’	bosanda 14

Просодика + слог (около 40 случаев):

<i>ибоко</i>		<i>лингала</i>
koûnda	‘хоронить’	-kunda
koutôla	‘сокращать, уменьшать’	-kútola
loboubou 6	‘бабочка’	lobubu 11
nkô 3	‘попугай’	nkoso 9
mounsoï 8	‘слюна’	nsóï 9
nkâta 3	‘птица-носорог’	kátaka 9

Просодика + семантика (пять случаев):

<i>ибоко</i>		<i>лингала</i>	
éléma 1	‘жалкий, бедный’	elema 7	‘глупый, дурак’
mpôta 3	‘рана, татуировка выпуклая’	mpôtá 9	‘рана’
nkôma 8	‘татуировка около уха’	nkoma 9	‘татуировка’

Лексемы, различающиеся *тремя признаками*.

Фонетика + просодика + морфемика (около 20 лексем):

<i>ибоко</i>		<i>лингала</i>	
moâdji 2	‘рабочий’	mosali 1	
ikôngo 5	‘копье, стрела’	likonga, likongó 5	
ékôni 1	‘болезнь’	bokônɔ 14	
nsèbo 3	‘острие’	lisébo 5	

Фонетика + просодика + слог (около 15 случаев):

<i>ибоко</i>		<i>лингала</i>	
nchô 3	‘курица’	nsoso 9	
mounsélévété 8	‘ящерица маленькая рыжая’	monséléketá 3	
moungoûngi 8	‘москит, комар’	mokungi 3	

В остальных комбинациях третьей составляющей является признак *семантика* (15 случаев):

Фонетика + просодика + семантика, просодика + морфемика + семантика, просодика + слог + семантика:

<i>ибоко</i>		<i>лингала</i>	
ibíla 5	‘ананас’	libíla 5	‘пальма’
lobéké 6	‘кастрюля’	lobéki 11	‘горшок’
nkôla 8	‘красная краска для тела’	ngôla 9	‘красная краска для ногтей’
mouнкôma 8	‘татуировка слегка выпуклая’	monkoma 3	‘татуировка, общее понятие’
impoûta 5	‘лента от волос до бедер’	lipúta 5	‘набедренная повязка’
itôúki 5	‘неверная жена’	etúká 7 (bi-)	‘вдова, вдовец’

И, наконец, самой сложной является комбинация, состоящая из **четырёх** признаков (единичные случаи), позволяющая говорить о наибольшей степени расхождения между лексемами *ибоко* и *лингала*:

<i>ибоко</i>		<i>лингала</i>	
loungembou 6	‘зонтик’	longembu 1	‘+ летучая мышь’
ikôngo 5	‘лопата, заступ’	likôngó 5	‘копье’

Таким образом, проведенный анализ словарного состава языков *ибоко* и *лингала* позволяет сделать некоторые выводы. Более половины лексем *ибоко* имеют соответствия в *лингала*: в небольшом проценте случаев речь идет либо о полном соответствии, либо о значительных расхождениях (четыре различительных признака); подавляющее большинство лексем в двух языках различаются двумя признаками (чаще других это *фонетический* + *просодический* и *просодический* + *морфемика*), не мешающими говорить о явном соответствии лексем.

Все это позволяет предположить возможность использования данных языка *ибоко* для формирования *лингала*, во всяком случае, следует признать явное влияние этого языка.

Именные классы

Сопоставительный анализ двух указанных языков может быть дополнен данными других языковых уровней, в частности, сравнением системы именных классов (ИК), важнейшей грамматической категории языков банту, представленной весьма различными вариантами наборов ИК на обширном пространстве распространения банту (от 10 на северо-западе до 22-23 классов на востоке и юге).

Предваряя более детальный анализ систем ИК этих двух языков, сразу отметим большое сходство между системами, практически же речь идет о совпадении данных систем. Ниже будут представлены системы именных классов языков *ибоко* [Cambier 1891] и *лингала* см. [Топорова 1984].

класс	1	2	3	4	5	6	
ибоко (1891)	e- bi	mo- ba	n-n(m)	bo- ma	i, li- ma	lo-n	
лингала (1984)	mo	ba	mo/mw	mi	li	ma	
класс	7	8	9	9a	10	11	14
ибоко (1891)	e-ma	mo-mi	mo-ba		lo-mi	-	bo
лингала (1984)	e	bi	n/m	∅	n/m	lo	bo

Таблица системы именных классов ибоко и лингала.

Данная таблица нуждается в некоторых комментариях. Прежде всего, надо отметить даты фиксирования систем ИК, промежутков между которыми равен практически целому веку, т.е. единственные по сей день данные по языку *ибоко* относятся к концу 19 века, в то время как данные по *лингала*, используемые в настоящей работе, относятся к концу 20 века (эти данные совпадают с данными по языку *лингала*, представленными в довольно многочисленных трудах). За огромный хронологический промежуток в 100 лет была проделана большая исследовательская работа не только по описанию неизвестных ранее языков, но также достигнуты определенные успехи в разработке теоретических направлений исследования языков банту, позволившие, в частности, привести в порядок классификацию ИК (см., например, основополагающие работы [Meinhof 1910; 1938; Guthrie 1967-1971 и др.]). В этой связи становятся вполне объяснимыми значительные расхождения в системах ИК, представленных в приведенной таблице. Классификация ИК *ибоко* Е. Камбье является одной из самых первых попыток классификации, упорядочения системы ИК и, естественно, она не лишена ряда недостатков. Прежде всего, это касается нумерации классов и их семантики. В частности, это относится, например, к перегруженности использования формальных показателей (префиксов) некоторых классов. Так, префикс **mo-**, показатель 1 или 3 класса отмечен у Камбье в классах **2 – mo-ba**, **8 – mo-mi**, **9 – mo-ba**; префикс **ma-** (6 кл. по общепринятой бантуской классификации) – в классах **4 – bo-ma**, **7 – e-ma**; префикс – в **6 – lo-n** и **10 – lo-mi** классах, что отчасти связано с

попарной представленностью классов, т.е. включая противопоставление *единственное число – множественное число* (кстати, такая аранжировка классов долгое время практиковалась и в современных исследованиях).

За прошедшие годы с момента описания *ибоко* были получены огромные дополнительные материалы по ранее неизвестным языкам, что дало возможность исследователям создать более четкую классификацию с учетом формального уровня и семантики. В свете этих данных система ИК Камбье может быть трансформирована и соотнесена с системой ИК *лингала*.

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	9a	10	11	14
ибоко	mo	ba	mo	mi	i, li	ma	e	bi	n/m	Ø	n/m	lo	bo
лингала	mo	ba	mo	mi	li	ma	e	bi	n/m	Ø	n/m	lo	bo

Таким образом, перед нами идентичные системы ИК, т. е., по существу, речь идет о одной системе, реализующейся в *ибоко* и *лингала*. В качестве иллюстрации приведем некоторые примеры из обоих языков.

	<i>ибоко</i>		<i>лингала</i>	
1 кл.	mô-tou	‘человек’	mo-to	‘человек’
2 кл.	bâ-tou	‘люди’	ba-to	‘люди’
3 кл.	mou-nôko	‘рот’	mo-noko	‘рот’
4 кл.	mi-nôko	‘рты’	mi-noko	‘рты’
5 кл.	i-toï	‘ухо’	li-toi	‘ухо’
6 кл.	ma-bôko	‘руки’	ma-toi	‘уши’
7 кл.	e-nkôti	‘шапка’	e-koti	‘шапка’
8 кл.	bi-nkôti	‘шапки’	bi-koti	‘шапки’
9 кл.	nchô	‘курица’	nsoso	‘курица’
9a кл.	sânja	‘луна’	sanza	‘луна’
10 кл.	nchô	‘куры’	nsoso	‘куры’
11 кл.	lô-li	‘борода’	lo-le	‘борода’
14 кл.	bo-ntolou	‘грудь’	bo-ntolo	‘грудь’

Приведенные списки свидетельствуют о полной идентичности систем ИК в *ибоко* и *лингала*. Это касается практически всех составляющих категории ИК: инвентаря классов (12 классов и один подкласс в каждом языке), формального критерия (идентич-

ность префиксов, показателей классов), а также семантики (лексические соответствия), что позволяет говорить о чрезвычайной близости двух языков, а поскольку *ибоко* является внутриэтническим языком народа *ибоко*, а *лингала* известен нам как язык лингва-франка, язык межэтнического общения, возникший в результате взаимодействия близкородственных языков достаточно узкого ареала, а также в результате некоторого научного корректирования, то можно предположить, что *ибоко* мог быть некоторым источником для формирования *лингала*.

Таким образом, анализ двух уровней языковых систем *ибоко* и *лингала* (лексического и грамматического) позволяет говорить о несомненной близости этих двух языков – *внутриэтнического* языка *ибоко* и *межэтнического* языка *лингала*, статус которых подтверждает гипотезу о вполне вероятном влиянии *ибоко* на становление языка *лингала*.

Литература

- Топорова И.Н. Лингала-русский словарь. М., 1983.
- Vokamba Eyamba G. The spread of Lingala as a lingua franca in the Congo Basin // The Languages of Urban Africa. Ed. by Fiona Mc Laughling. New-York, 2009.
- Cambier E. Essai sur la langue congolaise. Bruxelles, 1891.
- de Boeck E. Commentaires linguistics du lingala ou langue du Haut-Congo. Bruxelles, 1904a.
- de Boeck E. Notions du lingala ou langue du Haut-Fleuve, vocabulaire et phrases pratiques. Nouvelle Anvers, 1904b.
- Dzokanga A. Dictionnaire lingala-français. Leipzig 1979.
- Guthrie M. Comparative Bantu. An Introduction to the comparative Linguistics and Prehistory of the Bantu Languages. L., 1967-1970, vol. 1-4.
- Hulstaert G. Carte linguistique du Congo belge. Bruxelles: Instiitut Royal Colonial Belge. 1950.
- Hulstaert G. L'origine du Lingala // Afrikanistische Arbeitspapiere 17, 81-114. 1989.
- Lewis, M. Paul (ed.), 2009. Ethnologue: Languages of the World, Sixteenth edition. Dallas, Texas: SIL International. Online version: <http://www.ethnologue.com/16>
- Maho J. A classification of the Bantu languages: an update of Guthrie's referential system // The Bantu Languages. L., N-Y. 2006.
- Meeuwis M. La "Grammaire et Vocabulaire du lingala ou langue du Haut-Congo" d'Egide de Boeck de 1904. Commentaires historiques, presentation et texte // Annales Aequatoria №22. Mbandaka, 2001.

- Meeuwis M. & Vinck H. Une conference sur le lingala à Nouvelle Anvers en 1918. Texte préparatoire de Mgr Van Roslé // *Annales Aequatoria* № 20. Mbandaka, 1999.
- Meeuwis M. & Vinck H. Contribution à l'histoire du lingala: L'Essai sur la langue congolaise d'Emeri Cambier (1891) // *Annales Aequatoria* №24. Mbandaka, 2003.
- Meeuwis M. Joseph Tanghe et le lingala // *Annales Aequatoria* №25. Mbandaka, 2004.
- Meinhof C. Grundzüge einer vergleichenden Grammatik der Bantusprachen. Hamburg. 1948.
- Motingea M. Aspects du Boloki de Monsembe. Le ngala de Stapleton // *Annales Aequatoria* № 23. Mbandaka, 2002.
- Samarin W. The origins of Kituba and Lingala // *Journal of African Languages and Linguistics*. 12, 47-77. 1990.
- Stapleton W. Suggestions for a grammar of "Bangala": The "Lingua Franca" of Upper Congo. Bolobo/Yakusu: Baptist Missionary Society
- Stapleton, Walter H. 1903. Suggestions pour une grammaire du 'bangala' (la 'lingua franca' du haut-Congo). Bolobo: Yakusu (Etat Indépendant du Congo): Baptist Missionary Soc.
- Tanghe J. Le lingala, la langue du fleuve. Congo, 2. 1930.
- van Bulck G. Le probleme linguistique dans les Mission d'Afrique centrale. Zaire. 6 (1), 1952.
- van Everbroeck R. Lingala-Français, Français-Lingala Dictionnaire. Kinshasa, Zaire, 1984.

С.Д. Фенуку
(Институт русского языка им. А.С. Пушкина)
А.Б. Шлуинский
(ИЯз РАН)

ГЛАГОЛ ‘БРАТЬ’ КАК ОБЪЕКТНЫЙ МАРКЕР В ЯЗЫКЕ ЭВЕ¹

0. Введение

В статье на материале языка эве рассматриваются сериальные глагольные конструкции с глаголом ‘братъ’, который используется как маркер прямого объекта; такие конструкции хорошо известны как характерная черта многих языков Западной Африки и языков ква в частности. Первым глаголом в такой сериальной конструкции является частично грамматикализованный глагол ‘братъ’, вводящий прямой объект, а за ним следует смысловой глагол, выражающий собственно ситуацию, о которой идет речь.

Язык эве относится к группе гбе левобережной ветви языковой семьи ква, насчитывает около 3 млн. носителей в Гане и Того и является относительно хорошо описанным языком – по нему имеется классическая грамматика [Westermann 1907] и множество описательных работ в течение последнего столетия.

Основным материалом исследования послужили сконструированные примеры, отражающие интуицию носителя языка (С.Д. Фенуку), а кроме того, примеры, полученные от других носителей и почерпнутые из опубликованных работ. В известной мере работа имеет предварительный характер, потому что результаты нуждаются в верификации на материале текстов.

1. Глагол ‘братъ’ как объектный маркер в языках ква

В языках ква (как и в ряде других ареально близких к ним языков) представлены три семантических типа конструкций глаголом ‘братъ’ (см. подробнее [Шлуинский 2013]), которые мы

---

¹ Работа выполнена в рамках проектов РГНФ №15-34-01237 и №14-04-00488.

можем проиллюстрировать примерами из рассматриваемого нами эве:

а) лативные конструкции, как в (1), где первым выступает глагол ‘брать’, имеющий прямой объект, а вторым – глагол движения, в целом имеющие значение перемещения объекта;

б) инструментальные конструкции, как в (2), где первым выступает глагол ‘брать’, имеющий прямой объект, а вторым – глагол, у которого этот прямой объект заполняет семантическую валентность Инструмента;

в) объектные конструкции, как в (3), где первым выступает глагол ‘брать’, имеющий прямой объект, а вторым – глагол, у которого этот прямой объект заполняет семантическую валентность Темы – Пациенса или близкого ему семантического актанта.

- (1) kofi tsɔ nuku-a-wo va afe
 Кофи брать урожай-DEF-PL приходить дом
 ‘Кофи принес урожай домой.’
- (2) kofi tsɔ he wu ɖokui
 Кофи брать нож убивать REFL
 ‘Кофи взял нож и убил себя.’ / ‘Кофи убил себя ножом.’
- (3) me tsɔ agbalẽ na-wo
 1SG брать книга давать-2SG
 ‘Я дал тебе книгу.’

Предметом нашего рассмотрения, как было сказано, являются только объектные конструкции типа (3).

Проведенное нами сопоставительное исследование конструкций с глаголом ‘брать’ в языках ква [Шлуинский 2013, 2014, Shluinsky 2013] показало, что имеются существенные различия в том, какие валентностные и ролевые классы смысловых глаголов допускают употребление конструкций типа (3). По крайней мере в виде тенденции в языках ква действует иерархия валентностно-ролевых типов глаголов (i), мотивированная одновременно и исходной метафорой конструкции (субъект-агенса берет в руки объект-пациенса и совершает с ним какое-то действие), и функциональным принципом различительности (в языках ква нет сегментного маркирования аргументов битранзитивных глаголов и глаголов с локативным дополнением, а субъект и объект различаются только порядком слов), и семантическими параметрами Переход-

ности в терминах [Hopper & Thompson 1980] (чем выше Переходность, тем более характерно употребление объектного маркера). Сочетаемость объектных конструкций с глаголом 'братъ' с типом глаголов, расположенным правее на иерархии, имплицитует сочетаемость с типом глаголов, расположенным левее, но не наоборот. В (4а-е) приведены примеры из разных языков ква, иллюстрирующие точки иерархии.

(i) битранзитивные глаголы (4а)

< глаголы с локативным дополнением (4b)

< агентивные предельные монотранзитивные глаголы (4с)

< прочие контролируемые монотранзитивные глаголы (4d)

< прочие монотранзитивные глаголы (4е)

(4) *абе*¹

а. eddy bə šiga lɔ aka
 Эдди братъ деньги давать Ака
 'Эдди дал Аке деньги.' [Gbery 1987: 140]

акан

б. ɔ-de bo to-o ne mmati
 3SG-братъ камень класть-PST 3SG плечо
 'Он положил камень к себе на плечо.' [Christaller 1875: 81]

аньин

с. fa wɔ sikaá ní fú
 братъ.IMP 2SG деньги DEF прятать.IMP
 'Спрячь свои деньги.' [Quaireau 1987: 314]

фон

д. kɔ́kú sɔ́ tú ɔ́ hèn
 Коку братъ ружье DEF держать
 'Коку держал ружье.' [da Cruz 1992: 122]

ген

е. ayí sɔ́ koffi ɖi
 Айи братъ Кофи быть_похожим
 'Айи был похож на Кофи.' [Lewis 1992: 143]

¹ Примеры из эве даются в настоящей статье без указания языка, а для многочисленных примеров из других языков мы указываем их название.

Выясняется, однако, что более детальное исследование таких конструкций на большом массиве глагольной лексики одного конкретного языка показывает, что иерархия (i), оставаясь верной, является недостаточным инструментом для описания употребления объектных конструкций с глаголом 'братъ'. Так, в языке эве, помимо валентностно-ролевых свойств глагола, возможность использования такой конструкции связана с рядом семантических и прагматических факторов, рассматриваемых ниже.

Удачным образом, среди языков ква наиболее детально объектные конструкции с глаголом 'братъ' описаны в близкородственных рассматриваемому нами эве языках фон и ген, также относящихся к группе гбе.

Для языка фон существуют два специальных исследования, где рассматриваются конструкции с 'братъ' как объектным маркером, и в обоих возможность употребления глагола в данной конструкции связывается с семантическим признаком волитивности [da Cruz 1992: 125] / контролируемости [Lambert-Brétière 2005: 160-163], а данные работ [Sybesma 1997] и [Lefebvre & Brousseau 2002: 410-414] не противоречат этому утверждению. Подавляющее большинство монотранзитивных глаголов фон, засвидетельствованных в объектных конструкциях с 'братъ', агентивные и динамические, ср. (5a-b), однако представлены и примеры, иллюстрирующие возможность употребления в этих конструкциях стативных (и тем самым неагентивных) глаголов (5c-d), однако неконтролируемые глаголы в конструкциях с 'братъ' не засвидетельствованы.

(5) фон

- a. kàkú sɔ́ nuɔ́nɔ́ ɔ́ dà
 Коку братъ женщина DEF жениться
 'Коку женился на женщине.' [Lefebvre & Brousseau 2002: 413]
- b. kàkú sɔ́ xɔ́ntɔ́n tɔ́n hwè
 Коку братъ друг POSS умялять
 'Коку обидел своего друга.' [da Cruz 1992: 124]
- c. kàkú sɔ́ mɛ́sɪ tɔ́n lé sù
 Коку братъ учитель POSS PL быть_большим
 'Коку уважал своих учителей.' [da Cruz 1992: 116]
- d. kàkú sɔ́ tú ɔ́ hèn
 Коку братъ ружье DEF держать
 'Коку держал ружье.' [da Cruz 1992: 122]

Конструкции с 'братъ' как объектным маркером в языке ген рассматриваются в [Lewis 1992]. Согласно прямому утверждению в [Lewis 1992: 143], в ген полностью отсутствуют какие-либо ограничения для монотранзитивных глаголов на употребление в объектной сериальной конструкции со вспомогательным глаголом *só* 'братъ', а среди приводимых автором примеров есть примеры и с контролируруемыми динамическими глаголами (6a-b), включая формально переходные глаголы с локативным актантом (6c), и с неконтролируемыми стативными (6d-e).

(6) *ген*

- a.   *ayí só wómá-á ɲlɔ*
 Айи братъ книга-DEF писать
 'Айи написал книгу'. [Lewis 1992: 143]
- b.   *ayí só koffí jí*
 Айи братъ Кофи искать
 'Айи искал Кофи'. [Lewis 1992: 143]
- c.   *ayí só lome vá*
 Айи братъ Ломе приходить
 'Айи приехал в Ломе'. [Lewis 1992: 160]
- d.   *ayí só koffí kpɔ́*
 Айи братъ Кофи видеть
 'Айи видел Кофи'. [Lewis 1992: 143]
- e.   *ayí só koffí ɖí*
 Айи братъ Кофи быть_похожим
 'Айи был похож на Кофи'. [Lewis 1992: 143]

Как мы покажем в настоящей работе, применительно к языку эве также можно сделать утверждение о том, что, вообще говоря, ограничений на употребление глагола в объектной конструкции со вспомогательным глаголом 'братъ' нет. Тем не менее, выясняется, что если рассматривать каждую конкретную функцию этой конструкции, то в каких-то случаях ограничения на самом деле обнаруживаются.

2. Исходные сведения и принцип исследования

Необходимость детального исследования объектных конструкций с глаголом ‘братъ’ в плане сочетаемости с ней смысловых глаголов очевидна уже из самого факта, что специализированных работ на эту тему на материале эве нет. Но кроме того, бросается в глаза, что на фоне других языков ква ситуация с представленными в литературе фактами по употреблению рассматриваемой конструкции выглядит нетривиальной. С одной стороны, приводимые примеры немногочисленны, с другой стороны, они показывают, что глагол *tsɔ* ‘братъ’ как объектный маркер в языке эве употребляется с широким кругом глаголов, покрывающим всю иерархию (i) – как с контролируруемыми (7a), так и с неконтролируемыми (7b) смысловыми глаголами. При этом сам факт массовой синонимии конструкций с ‘братъ’ и без ‘братъ’, как в (8a-b), как бы не различающихся по значению, с необходимостью требует постановки вопроса о семантическом различии между ними.

- (7) a. *tsɔ*-e   *ɕu!*
 братъ.IMP-3SG   есть.IMP
 ‘Ешь это!’ [Westermann 1907: 95]
- b. *kofi*   *tsɔ*   *ga*   *la*   *bu*
 Кофи   братъ   деньги   DEF   терять
 ‘Кофи потерял деньги.’ [Collins 1993: 139]
- (8) a. *ɲutsu*   *la*   *xlẽ*   *agbalẽ*   *la*
 мужчина   DEF   читать   книга   DEF
 ‘Мужчина прочитал книгу.’ {a≈b}
- b. *ɲutsu*   *la*   *tsɔ*   *agbalẽ*   *la*   *xlẽ*
 мужчина   DEF   братъ   книга   DEF   читать

Методологически исследование было организовано следующим образом. Была составлена выборка из около 120 переходных глаголов эве – предварительный список был составлен на материале словарей [Westermann 1954] и [Rongier 1995], но уточнялся в ходе работы. При этом далекие друг от друга разные значения одного и того же глагола условно считались омонимичными лексемами – как, например, *bɔbɔ* ‘наклонять’ и ‘упрощать’; *ɲlɔ* ‘колоть’ и ‘писать’). Для каждого глагола фиксировалась его базовая модель управления, приемлемость его употребления в объектной

конструкции с *tsɔ* 'брать' и возможный семантический или прагматический контекст, делающий уместным употребление в конструкции с *tsɔ*. Кроме того, в качестве независимого свидетельства синтаксического статуса объектного актанта, проверялась его подверженность объектной инверсии в прогрессиве – так, хотя в обычном случае в эве прямое дополнение линейно располагается за глаголом, в прогрессиве оно предшествует глаголу¹, ср. (9) и (8a).

- (9) *ɲutsu la le agbalē la xlē-m*
 мужчина DEF COP книга DEF читать-PROG
 'Мужчина читает книгу.'

В большинстве случаев глагол *tsɔ* 'брать' как объектный маркер сочетается с прямым объектом, как в (8b). Кроме того, возможно его сочетание с актантом, маркированным послелогом, как в (10), но в этом случае, во-первых, послелог присутствует и в конструкции с глаголом 'брать', а во-вторых, послелог сохраняет и прочие синтагматические свойства прямого объекта, каковым он является диахронически, – в частности, группа с ним подвергается объектной инверсии. Так, в (10a) представлен глагол *tɪ* 'преследовать', второй актант которого оформлен послелогом *yome* 'вслед', а (10b) показывает, что с глаголом 'брать' в этом случае также сочетается послеложная группа целиком, и она же располагается правее глагола в прогрессиве (10c).

- (10) a. *kɔvɪtɔ-wo tɪ fiafitɔ-wo yome*
 полицейский-PL преследовать вор-PL вслед
 'Полицейские нашли преступников.' {a≈b}
- b. *kɔvɪtɔ-wo tsɔ fiafitɔ-wo yome tɪ*
 полицейский-PL брать вор-PL вслед преследовать
- c. *kɔvɪtɔ-wo le fiafitɔ-wo yome tɪ-m*
 полицейский-PL COP вор-PL вслед преследовать-PROG
 'Полицейские преследуют преступников.'

¹ Этот тест, однако, применим не ко всей глагольной лексике, потому что прогрессив не сочетается с устойчивыми состояниями и с пунктивами, см. [Шлуинский 2008].

Сочетание с ‘братъ’ как объектным маркером актантов, имеющих в исходной глагольной конструкции другое оформление, невозможно. Так, в (11a) представлен глагол *tɔ* ‘отвечать’, второй актант которого оформляется «рамочной» предложно-последовательной конструкцией *ɖe ... ŋu* и не допускает сочетание с глаголом ‘братъ’ (11b). Пример (12) показывает то же для второго актанта, оформленного предлогом, а примеры (13)-(14) – для третьего, локативного, актанта глагола – неформленного, как в (13), или оформленного предложно-последовательной конструкцией, как в (14).

- (11) a. *nyɔnu la tɔ ɖe afetɔ fe yɔyɔ ŋu*
 женщина DEF отвечать к муж POSS зов вдоль
 ‘Женщина ответила на зов мужа.’
- b. **nyɔnu la tsɔ srɔ-a fe yɔyɔ tɔ*
 женщина DEF братъ супруг-DEF POSS зов отвечать
- (12) a. *ɖevi-a-wo vɔ na avu la*
 ребенок-DEF-PL бояться для собака DEF
 ‘Дети боялись собаки.’
- b. **ɖevi-a-wo tsɔ avu la vɔ*
 ребенок-DEF-PL братъ собака DEF бояться
- (13) a. *ŋutsu la tɔ akplɔ avu la*
 мужчина DEF вонзять копые собака DEF
 ‘Мужчина вонзил в собаку копые.’ {a≈b}
- b. ^{OK}*ŋutsu la tsɔ akplɔ tɔ avu la*
 мужчина DEF братъ копые вонзять собака DEF
- c. **ŋutsu la tsɔ avu la tɔ akplɔ*
 мужчина DEF братъ собака DEF вонзять копые
- (14) a. *nyɔnu la kɔ ami la ɖe tukpa la me*
 женщина DEF наливать масло DEF к бутылка DEF внутри
 ‘Женщина налила масло в бутылку.’ {a≈b}
- b. ^{OK}*nyɔnu la tsɔ ami la kɔ ɖe*
 женщина DEF братъ масло DEF наливать к
tukpa la me
 бутылка DEF внутри
- c. **nyɔnu la tsɔ tukpa la kɔ ami la*
 женщина DEF братъ бутылка DEF наливать масло DEF

3. Семантические типы употреблений конструкций с объектным 'брать'

Анализ исследованного нами материала показал, что в языке эве представлены несколько различных семантических типов употреблений конструкций с объектным 'брать', причем каждый из этих типов имеет собственные лексические ограничения на смысловые глаголы.

Прежде всего, следует упомянуть небольшую группу смысловых глаголов, которые не могут самостоятельно сочетаться со своими вторыми актантами и требует обязательного употребления глагола 'брать' в качестве объектного маркера. В этом случае, естественно, глагол 'брать' не имеет специальной семантической нагрузки, а просто являет собой **единственную возможность**. Данную группу смысловых глаголов образуют глагол *ke* в двух лексических значениях – 'отпускать, отдавать' и 'вешать' – и *ku* 'вешать'. В силу того, что эта группа состоит из двух глаголов выборки, невозможно объяснить ее ограничения; очевидной общности в семантике этих двух глаголов нет. Примеры (15a)-(17a) показывают их употребление в конструкции с 'брать', а примеры (15b)-(17b) – неграмматичность их употребления в простой переходной конструкции.

- (15) a. *ɲutsu la tsɔ srɔ̃-a ke amedzro la*
 мужчина DEF брать супруг-DEF отпускать иностранец DEF
 'Мужчина отдал свою жену иностранцу.'
 **ɲutsu la ke srɔ̃-a amedzro la*
 мужчина DEF отпускать супруг-DEF иностранец DEF
- (16) a. *ɲutsu la tsɔ srɔ̃-a fe vodada ke*
 мужчина DEF брать супруг-DEF POSS вина отпускать
 'Мужчина простил свою жену (букв. простил своей жене ее вину).'
- b. **ɲutsu la ke srɔ̃-a fe vodada*
 мужчина DEF отпускать супруг-DEF POSS вина
- (17) a. *e-tsɔ awu la ku gli*
 3SG-брать рубашка DEF вешать стена
 'Он повесил рубашку на стену.'
- b. *e-ku awu la gli
 3SG-вешать рубашка DEF стена

Наиболее близки к исходной семантике глагола ‘братъ’ **манипулятивные употребления** конструкции. В этих случаях ситуация, описываемая лексическим глаголом, денотативно включает начальный этап, в рамках которой субъект действительно берет объект в руки. Примером такого употребления может служить (18b), где данный этап – взятие предмета одежды в руки перед тем, как его надеть, – эксплицируется рассматриваемой конструкцией.

- (18) a. нуэпи la do e-fe awu yi la
 женщина DEF надевать 3SG-POSS платье белый DEF
 ‘Женщина надела свое белое платье.’ {a≈b}
- b. нуэпи la tsə e-fe awu yi la do
 женщина DEF братъ 3SG-POSS платье белый DEF надевать

Много более абстрактную семантику имеют **сценарные употребления** конструкции с ‘братъ’, в которых ситуация, описываемая смысловым глаголом, встроена в определенный естественный сценарий других ситуаций, который задан контекстом. Практически, при систематизации материала, это значит, что изолированное предложение без ‘братъ’ (19a) воспринимается носителем как естественное, а изолированное предложение с ‘братъ’ (19b) ощущается как сомнительное; но в то же время предложение с ‘братъ’ воспринимается как естественное, если оно погружено в более широкий контекст, в котором сценарий эксплицирован, как в (19c).

- (19) a. џutsu la flə tə la
 мужчина DEF пересекать река DEF
 ‘Мужчина переплыл через реку.’
- b. ^{???} џutsu la tsə tə la flə
 мужчина DEF братъ река DEF пересекать
- c. fiafitə la tsə tə la flə eye wo-si
 вор DEF братъ река DEF пересекать и 3SG-убегать
 ‘Вор переплыл через реку и убежал.’

Наконец, наиболее абстрактны прагматически ориентированные **эмфатические употребления** объектных конструкций с ‘братъ’. В этих случаях ситуация, описываемая смысловым глаго-

лом, имеет не нейтральную прагматическую характеристику; чаще всего, эта характеристика состоит в неожиданности ситуации и удивлении ею. Практически это означает, что изолированное предложение без 'братъ' с нейтральными актантами смыслового глагола (20a), (21a) воспринимается носителем как естественное, а аналогичное изолированное предложение с 'братъ' с нейтральными актантами (20b) ощущается как сомнительное; однако если более широкий контекст или нетривиальный состав актантов эксплицируют неожиданность ситуации, объектная конструкция с 'братъ' естественна и уместна (20c), (21b). Так, в (20a) факт объяснения дороги взрослым человеком нейтрален, а потому употребление в аналогичном контексте объектной конструкции с 'братъ' в (20b) необоснованно, но в (20c), где описывается нетривиальный факт объяснения дороги ребенком, употребление этой конструкции ожидаемо. В (21a) сообщается нейтральный факт покупки машины, а в (21b) с тем же денотативным содержанием подразумевается контекст, в котором тот же факт предстает неожиданным.

- (20) a. η utsu la ɕ mɔ la na amedzro la
 мужчина DEF описывать дорога DEF для иностранец DEF
 'Мужчина объяснил дорогу иностранцу.'
- b. ^{???} η utsu la tsɔ mɔ la ɕ na amedzro la
 мужчина DEF братъ дорога DEF описывать для иностранец DEF
- c. ɕ evi la tsɔ mɔ la ɕ na amedzro la
 ребенок DEF братъ дорога DEF описывать для иностранец DEF
 'Ребенок объяснил дорогу иностранцу!'
- (21) a. xɔ-nye fle vu la
 друг-1SG покупать машина DEF
 'Мой друг купил машину.'
- b. xɔ-nye tsɔ vu la fle
 друг-1SG братъ машина DEF покупать
 'Мой друг купил машину!!!' {контекст: А я не знал, что он такой богатый!}

В большинстве случаев в нашем материале для каждого смыслового глагола зафиксирован один из типов употреблений объектной конструкции с глаголом 'братъ'. Однако эти типы, безусловно, не являются взаимоисключающими. Так, для глагола *to* 'рассказывать' в (22a) приводится пример сценарного употребления (рассказ

имеет место как часть естественного сценария рассказа с определенной целью), а в (22b) – пример эмфатического употребления (подробный рассказ имеет место, хотя не ожидался). (23) с глаголом *he* ‘тянуть’ иллюстрирует более редкий случай совмещения манипулятивного употребления и эмфатического: так, в (23a) подчеркивается начальный этап ситуации, в которой объект берется в руки, а в (23b) – неожиданность ситуации.

- (22) a. *mama la tsɔ adzo-wo to na*
бабушка DEF брат загадка-PL рассказывать для
e-fe mamaɔvi-wo le nuɔxlɔ me
3SG-POSS внук-PL в/на совет внутри
‘Бабушка загадала загадки внукам и таким образом дала им совет.’
- b. *nutefekpɔla la tsɔ nya la to*
свидетель DEF брат информация DEF рассказывать
tsitotsito
подробно
‘Свидетель очень подробно всё рассказал!’ {‘удивление’;
контекст: А думали, что он будет молчать!}
- (23) a. *ɲutsu la tsɔ ka la he*
мужчина DEF брат веревка DEF тянуть
‘Мужчина потянул за веревку.’
- b. *lãdɛla-wo tsɔ dɔ la he ŋdi ga ewo*
рыбак-PL брат веревка DEF тянуть утро час десять
‘Рыбаки вытянули сеть в десять часов утра!’ {‘в неожиданное время’; *контекст*: Обычно они делают это в восемь!}

В то же время, хотя типы употреблений и не являются взаимноисключающими, по-видимому, имеет место и следующая импlicative связь: эмфатическое осмысление примера «ищется» в том случае, когда не обнаруживается сценарное, а сценарное – когда не обнаруживается манипулятивное.

Отметим, что сценарные и эмфатические употребления в определенном смысле противоположны друг другу – в одном случае речь идет о выполнении стандартного заданного сценария последовательности ситуаций, а в другом – о противоречии ему. В то же время между ними есть и существенное общее свойство – в обоих случаях есть отклонение от нейтрального утверждения об определенном факте. Так, без специального контекста в сочета-

нии с глаголом *ɖu* 'жевать, кусать' объектная конструкция с 'братъ' сомнительна (24b), так как соответствующий факт вне контекста ничем не примечателен (собака кусает произвольного человека); в (24c) такой же факт встроен в естественный сценарий (собака кусает не произвольного человека, а незнакомого, в рамках сценария ее функции охраны жилища); в (24d), напротив, такой же факт является неожиданным (собака кусает не произвольного человека, а собственного хозяина).

- (24) a. *avu la ɖu ɖevi la*
 собака DEF жевать ребенок DEF
 'Собака укусила ребенка.'
- b. ^{??}*avu la tsɔ ɖevi la ɖu*
 собака DEF братъ ребенок DEF жевать
- c. ^{OK}*avu la tsɔ amedzro la ɖu*
 собака DEF братъ иностранец DEF жевать
 'Собака укусила незнакомца.'
- d. *avu la tsɔ e-fe afetɔ ɖu*
 собака DEF братъ 3SG-POSS хозяин жевать
 'Собака укусила своего хозяина!!!' {'удивление'}

В нашем материале имеется 20 переходных глаголов (значений глаголов), для которых не зафиксированы возможные употребления с 'братъ' как объектным маркером. Примеры таких глаголов – *fia* 'показывать, учить', *kpe* 'видеть' – представлены в (25)-(26). Эти глаголы не образуют естественного класса, что не удивительно, потому что, как мы покажем ниже, для каждого типа употреблений лексические ограничения свои, причем ограничения на сценарные и эмфатические употребления по крайней мере частично нежесткие. В связи с этим мы не можем исключать, что частично незасвидетельствованные примеры смыслового глагола в объектной конструкции с 'братъ' вполне возможны и не были зафиксированы только потому, что не был подобран подходящий контекст.

- (25) a. *ɲutsu la le vukuku fia-m srɔ̃-a*
 мужчина DEF COP вождение показывать-PROG супруг-DEF
 'Мужчина учит жену вождению.'

- b. *ɟutsu la tsɔ vukuku fia srɔ̃-a
 мужчина DEF брат вожделение показывать супруг-DEF
- (26) a. ɖevi la kpɔ dzinu la
 ребенок DEF видеть луна DEF
 ‘Ребенок увидел луну.’
- b. ^{???}ɖevi la tsɔ dzinu la kpɔ
 ребенок DEF брат луна DEF видеть

4. Манипулятивные употребления объектной конструкции с ‘брат’

Лексическая сочетаемость манипулятивных употреблений объектной конструкции с ‘брат’ имеет жесткие ограничения.

Во-первых, манипулятивные употребления возможны только у агентивных предельных переходных смысловых глаголов с личным Агенсом. Это могут быть трехвалентные глаголы с субъектом-Агенсом, объектом-Пациентом и периферийным третьим актантом, как представленный в (27) глагол *ɣla* ‘прятать’, или двухвалентные глаголы с субъектом-Агенсом и объектом-Пациентом, как *bɔ* ‘гнуть’ в (28).

- (27) a. e-ɣla agbalɛ la ɖe kplɔ̃ la te
 3SG-прятать книга DEF к стол DEF под
 ‘Он спрятал книгу под стол.’ {a≈b}
- b. e-tsɔ agbalɛ la ɣla ɖe kplɔ̃ la te
 3SG-брат книга DEF прятать к стол DEF под
- (28) a. ɖevi la bɔ agba la
 ребенок DEF гнуть тарелка DEF
 ‘Ребенок погнул тарелку.’ {a≈b}
- b. ɖevi la tsɔ agba la bɔ
 ребенок DEF брат тарелка DEF гнуть

Во-вторых, среди агентивно-пациентивных глаголов с личным Агенсом манипулятивные употребления конструкции со вспомогательным глаголом ‘брат’ допускают только те из них, семантика которых в буквальном смысле предполагает этап манипуляции руками. Характерно, что один и тот же глагол может, в зависимости от сочетаемости, допускать или не допускать манипулятивное употребление в рассматриваемой конструкции. Так, для глагола *ɖe*

'убирать' грамматичен пример (29b) с глаголом 'брать', где речь идет о предмете, который убирается руками, и неграмматичен пример (29d), где речь идет о крупногабаритном предмете.

- (29) a. *ɲutsu la ɕe zikpui la ɕa le*
 мужчина DEF убирать стул DEF забирать в/на
mɔ la me
 дорога DEF внутри
 'Мужчина убрал стул с дороги.' {a≈b}
- b. ^{OK}*ɲutsu la tsɔ zikpui la ɕe ɕa le*
 мужчина DEF брать стул DEF убирать забирать в/на
mɔ la me
 дорога DEF внутри
- c. *vukula la ɕe vu la ɕa*
 водитель DEF убирать машина DEF забирать
 'Водитель убрал машину.'
- d. **vukula la tsɔ vu la ɕe ɕa*
 водитель DEF брать машина DEF убирать забирать

Кроме того, в нашей выборке есть и ряд не имеющих очевидного объяснения глаголов-исключений, которые являются агентивно-пациентивными глаголами и семантически подразумевают этап манипуляции руками, но, тем не менее, не допускают манипулятивных употреблений объектной конструкции с 'брать', – это глаголы *butu* 'переворачивать', *ɕu* 'есть', *bi* 'гнуть', *fli* 'резать', *me* 'жарить, печь', *no* 'пить', *tso* 'отрывать, резать'. Так, например, (30b) показывает невозможность манипулятивного употребления у глагола *butu* 'переворачивать', хотя он допускает сценарное употребление, как в (30c).

- (30) a. *ɲuɲɲu la butu ze la*
 женщина DEF переворачивать горшок DEF
 'Женщина перевернула горшок.'
- b. **ɲuɲɲu la tsɔ ze la butu*
 женщина DEF брать горшок DEF переворачивать
- c. ^{OK}*ɲuɲɲu la tsɔ ze la butu*
 женщина DEF брать горшок DEF переворачивать
 'Женщина перевернула горшок (и приказала, чтобы никто его не переворачивал обратно).'

Что касается семантики манипулятивных употреблений объектной конструкции с ‘братъ’, то, с одной стороны, как уже было сказано, она подразумевает выделение и акцентирование манипулятивного этапа ситуации. Так, хотя, например, предложения (27a) и (27b) имеют близкое значение, во втором случае был бы уместен и более буквальный перевод ‘Он взял книгу и спрятал ее под стол’.

С другой стороны, помимо выражения собственно манипулятивной семантики, объектная конструкция с ‘братъ’ используется для маркирования коммуникативного статуса темы у объекта и тем самым определенного референциального статуса; это, в свою очередь, неслучайным образом коррелирует с тем, что с точки зрения линейного порядка слов происходит вынос объекта влево. «Исходные» простые переходные конструкции без ‘братъ’ предпочтительны с неопределенным объектом – так, наиболее естественно звучат предложения (31a)-(32a), в которых объект имеет неопределенный референциальный статус (что формально отражается в отсутствии определенного артикля), хотя предложения (31b)-(32b) также признаются грамматичными. В свою очередь, манипулятивные употребления конструкции с ‘братъ’ возможны только с определенным объектом, как (31c)-(32c), а сочетания их с неопределенным объектом, как видно из (31d)-(32d), неграмматичны.

- (31) a. η utsu la $\dot{q}$ o agbalē $\dot{q}$ e nɔvi-a
 мужчина DEF посылать письмо к сиблинг-DEF
 ‘Мужчина послал <некое> письмо брату/сестре.’
- b. ^{OK} η utsu la $\dot{q}$ o agbalē la $\dot{q}$ e nɔvi-a
 мужчина DEF посылать письмо DEF к сиблинг-DEF
 ‘Мужчина послал <известное> письмо брату/сестре.’ {b≈c}
- c. ^{OK} η utsu la tsɔ agbalē la $\dot{q}$ o $\dot{q}$ e nɔvi-a
 мужчина DEF братъ письмо DEF посылать к сиблинг-DEF
- d. * η utsu la tsɔ agbalē $\dot{q}$ o $\dot{q}$ e nɔvi-a
 мужчина DEF братъ письмо посылать к сиблинг-DEF
- (32) a. nuɔnuvi la $\dot{q}$ a bli
 девочка DEF варить кукуруза
 ‘Девочка сварила <некую> кукурузу.’
- b. ^{OK} nuɔnuvi la $\dot{q}$ a bli la
 девочка DEF варить кукуруза DEF
 ‘Девочка сварила <известную> кукурузу.’ {b≈c}

- c. ^{OK}nyɔɔuvi la tsɔ bli la ɖa
 девочка DEF братъ кукуруза DEF варить
- d. *nyɔɔuvi la tsɔ bli ɖa
 девочка DEF братъ кукуруза варить

5. Сценарные употребления объектной конструкции с 'братъ'

Ограничения сценарных употреблений объектной конструкции с 'братъ' отчасти сходны с ограничениями манипулятивных употреблений, но имеют менее жесткий характер. Как и манипулятивные употребления, сценарные употребления имеют сильную тенденцию к сочетаемости с агентивными предельными переходными смысловыми глаголами с личным Агенсом; при этом более частных ограничений, связанных с лексической семантикой глагола, у сценарных употреблений нет. В нашем материале представлено единственное исключение из указанной тенденции – для глагола *kle* 'ударяться' сценарное употребление с неагентивным неопредельным глаголом, согласно интуиции носителя, приемлемо.

- (33) a. e-kle   kpe
 3SG-ударяться   камень
 'Он ударился о камень.'
- b. ^{OK}e-tsɔ kpe kle eye wɔ-xɔ abi
 3SG-братъ камень ударяться и 3SG-получать рана
 gã aɖe
 большая INDF
 'Он ударился о камень и сильно поранился.'

Сценарные употребления имеют несколько семантических разновидностей.

Прежде всего, это собственно вхождение ситуации в типовой сценарий, состоящий из последовательности ситуаций. Такой сценарий может быть прагматически естественным в общечеловеческом смысле, культурно обусловленным или заданным более частными реалиями (например, фактами о конкретном человеке) – и, строго говоря, между этими возможностями нет жесткой границы. Обычно следующее действие (реже состояние) субъекта является целью описываемой ситуации; так, в (34b) действие 'открыть книгу' имеет целью чтение; в (35b) действие 'наклонить

голову’ осуществляется, чтобы войти; в (36) действие ‘глотать лекарство’ происходит ради сна. Но есть и контексты, в которых значения цели нет, а речь идет просто о типичной последовательности действий – так, в (37) уход на работу не является целью действия ‘поцеловать’, но просто одним стандартным образом предшествует другому.

- (34) a. *ɲutsu la ke agbalē la me*
 мужчина DEF открывать книга DEF внутри
 ‘Мужчина открыл книгу.’
- b. *ɲutsu la tsɔ agbalē la me ke eye*
 мужчина DEF брать книга DEF внутри открывать и
wò-xlě-e
 3SG-читать-3SG
 ‘Мужчина открыл книгу и читал ее.’
- (35) a. *ɲutsu la bɔbɔ ta*
 мужчина DEF наклонять голова
 ‘Мужчина наклонил голову.’
- b. *ɲutsu la tsɔ ta bɔbɔ eye wò-ge*
 мужчина DEF брать голова наклонять и 3SG-входить
ɖe xɔ la me
 к комната DEF внутри
 ‘Мужчина наклонил голову и вошел в дом.’
- (36) a. *dɔnɔ la mi atike la*
 больной DEF глотать лекарство DEF
 ‘Больной проглотил лекарство.’
- b. *dɔnɔ la tsɔ atike la mi eye*
 больной DEF брать лекарство DEF глотать и
wò-dɔ alɔ zā blibo la
 3SG-посылать сон ночь целый DEF
 ‘Больной проглотил лекарство и спал всю ночь.’
- (37) a. *ɲutsu la gbugbɔ nu na nyɔnu la*
 мужчина DEF сосать рот для женщина DEF
 ‘Мужчина поцеловал женщину.’
- b. *ɲutsu la tsɔ nu gbugbɔ na nyɔnu la eye*
 мужчина DEF брать рот сосать для женщина DEF и
wò-dzo yi dɔ me
 3SG-уходить идти работа внутри
 ‘Мужчина поцеловал женщину и пошел на работу.’

Другой семантической разновидностью сценарных употреблений объектной конструкции с 'братъ' являются такие, где ситуация, описываемая смысловым глаголом, подразумевает наличие у субъекта определенной цели. Само по себе наличие цели не означает, что ситуация входит в характерный типовой сценарий, но означает, что она, тем не менее, входит в некоторую последовательность действий, в которой каждое следующее связано с предыдущим. Так, в (38b), (39b) и (40b), в отличие от нейтральных контекстов (38a), (39a) и (40a), употребление конструкции с 'братъ' связано с описанием последующей цепочки ранее запланированных действий.

- (38) a. *ɲutsu la tso agble*
 мужчина DEF приходить ферма
 'Мужчина пришел с фермы.'
- b. *ɲutsu la tsɔ agble gbɔ tso kaba, le*
 мужчина DEF братъ ферма около приходить быстро натирать
tsi eye wɔ-dzo yi takpekpe
 вода и 3SG-уходить идти собрание
 'Мужчина быстро пришел с фермы, принял душ и пошел на собрание.'
- (39) a. *agbledela-wo xa nuku-wo*
 фермер-PL собирать урожай-PL
 'Фермеры собрали урожай.'
- b. *agbledela-wo tsɔ nuku-a-wo xa he-dzo*
 фермер-PL братъ урожай-DEF-PL собирать и-уходить
yi afe hafi tsi la dza
 идти дом перед вода DEF капать
 'Фермеры собрали урожай и уехали домой, прежде чем пошел дождь.'
- (40) a. *ɲutsu la tsi akaɖi-a-wo*
 мужчина DEF тушить лампа-DEF-PL
 'Мужчина выключил свет.'
- b. *ɲutsu la tsɔ akaɖi-a-wo tsi eye wɔ-gbugbo*
 мужчина DEF братъ лампа-DEF-PL тушить и 3SG-сосать
nu na nuɲu la
 рот для женщина DEF
 'Мужчина выключил свет и поцеловал женщину.'

Специфический частный случай сценарных употреблений со значением цели представляют собой те, при которых цель субъекта названа не последовательностью действий, а иначе – так, в (41b), в отличие от (41a), присутствует обстоятельство, указывающее на то, зачем осуществляется ситуация.

- (41) a. η utsu la bu ga la
 мужчина DEF считать деньги DEF
 ‘Мужчина сосчитал деньги.’
- b. η utsu la tsɔ ga la bu ake
 мужчина DEF брат деньги DEF считать то_же_самое
 ‘Мужчина заново сосчитал деньги.’

Контраст между контекстом сценарного употребления объектной конструкции с ‘брат’ и нейтральным контекстом, оформленным простой переходной конструкцией, во многом обусловлен прагматически, но всегда сводится к тому, что в случае использования конструкции с ‘брат’ речь идет о более привычной последовательности действий. Так, например, в (42a) без использования рассматриваемой конструкции по умолчанию речь идет о единоразовой последовательности действий (хотя сама последовательность и представляет собой естественный сценарий); в (42b), где употреблена объектная конструкция с ‘брат’, речь идет даже не просто о типичной последовательности действий, но еще и о типичной для данного конкретного человека.

- (42) a. η uɔpu la tɔ akpa-wo eye wɔ-dzra-wo
 женщина DEF жарить рыба-PL и 3SG-продавать-3SG
 ‘Женщина пожарила рыбу и продала ее.’ {контекст: Ей нужны деньги.}
- b. η uɔpu la tsɔ akpa-wo tɔ eye wɔ-dzra-wo
 женщина DEF брат рыба-PL жарить и 3SG-продавать-3SG
 ‘Женщина пожарила рыбу и продала ее.’ {контекст: Это ее профессия.}

Как и в случае манипулятивных употреблений, у сценарных употреблений есть, помимо собственной семантики, функция маркирования коммуникативного статуса темы объекта и его определенного референциального статуса – так, в большинстве при-

веденных выше примеров объектная именная группа имеет определенный артикль. Однако, в отличие от манипулятивных употреблений, сценарные употребления не накладывают жестких ограничений на референциальный статус объектной именной группы – так, например, в (43b) он неопределенный.

- (43) a. *ɲutsu-a-wo si be*
 мужчина-DEF-PL резать солома
 'Мужчины нарезали соломы.'
- b. *ɲutsu-a-wo tsɔ be si he-gba*
 мужчина-DEF-PL братъ солома резать и-накрывать
xɔ la
 комната DEF
 'Мужчины нарезали соломы и покрыли дом.'

6. Эмфатические употребления объектной конструкции с 'братъ'

В отличие от манипулятивных и сценарных употреблений, эмфатические употребления объектной конструкции с 'братъ' не имеют ограничений на сочетаемость смысловых глаголов в терминах предельности, агентивности или контролируемости. Так, в (44b)-(45b) представлен неодушевленный неагентивный субъект – конкретный, как в (44), и абстрактный, как в (45). В (46b) представлен неопределенный смысловой глагол с неагентивным одушевленным субъектом.

- (44) a. *ati sia fo se*
 дерево этот бить цветение
 'Это дерево отцвело.'
- b. *mango-ti tsitsi sia tsɔ se fo*
 манго-дерево старый этот братъ цветение бить
 'Этот старый манго отцвел!!!'
- (45) a. *dzila-wo fe se sesē la ti*
 родитель-PL POSS порядок строгий DEF надоедать
ɖevi-a-wo
 ребенок-DEF-PL
 'Строгие порядки родителей надоели детям.'

- b. dzilawo fe se sesē la tsə
 родитель-PL POSS порядок строгий DEF братъ
 ɖevi-a-wo ti
 ребенок-DEF-PL надоедать
 ‘Строгие порядки родителей надоели детям!!!’
- (46) a. nuɔnu la lɔ ɖevi sia
 женщина DEF любить ребенок этот
 ‘Женщина любила этого ребенка.’
- b. nuɔnu la tsə ɖevi sia lɔ eye
 женщина DEF братъ ребенок этот любить и
 wò-xə-e abe vi-a ene
 3SG-принимать-3SG как ребенок-DEF свой
 ‘Женщина любила этого ребенка и усыновила его!’ {‘удивление’}

С известной долей условности можно выделить несколько семантических разновидностей эмфатических употреблений объектной конструкции с ‘братъ’, хотя во всех случаях можно сказать о том, что ситуация является неожиданной.

Во-первых, это общее эмфатическое значение – ситуация заслуживает экспрессивного выделения. Так, в (47a) с простой переходной конструкцией речь идет о рядовой ситуации, а в (47b) с объектной конструкцией с ‘братъ’ – о ситуации, выходящей из ряда вон.

- (47) a. megbetsitsi ma mia-fe nufiala
 опоздание стать_привычным 1PL-POSS преподаватель
 ‘Наш преподаватель привык опаздывать.’
- b. ahanono tsə mia-fe nufiala ma
 пьянство братъ 1PL-POSS преподаватель стать_привычным
 ‘Наш преподаватель стал пьяницей!!!’

Во-вторых, это значение, состоящее в том, что ситуация, описываемая смысловым глаголом, нарушает естественную последовательность событий¹; эта естественная последовательность

¹ В данном значении объектные конструкции эве с глаголом ‘братъ’ обнаруживают удивительный параллелизм с семантикой конструкции *взять и сделать* в русском языке – см. [Стойнова 2007] – и в меньшей степени со структурно сходными конструкциями других европейских языков.

может быть культурно обусловленной или связанной с ожиданиями от конкретных обстоятельств). Так, в (48a)-(50a) речь идет о ситуациях, которые не нарушают каких-либо ожиданий говорящего или слушающего, а напротив, полностью в них укладываются, тогда как в (48b)-(50b) происходит резкое нарушение ожиданий, а ситуации вызывают удивление.

- (48) a. $\text{ɖe}vi\text{-}a\text{-}wo$ bu wo $dzila\text{-}wo$ $nyuie$
 ребенок-DEF-PL   уважать   1PL   родитель-PL   очень
 'Дети очень уважали своих родителей.'
- b. $\text{ɖe}vi\text{-}a\text{-}wo$ $tsɔ$ $aɖavato$ la bu
 ребенок-DEF-PL   брать   сумасшедший   DEF   уважать
 'Дети взяли и оказали уважение сумасшедшему!'
- (49) a. $\text{ɖe}vi\text{-}a\text{-}wo$ ɖu $fufu$ la
 ребенок-DEF-PL   жевать   фуфу   DEF
 'Дети съели фуфу.' {контекст: Детям дали это фуфу.}
- b. $\text{ɖe}viawo$ $tsɔ$ $fufu$ la ɖu
 ребенок-DEF-PL   брать   фуфу   DEF   жевать
 'Дети взяли и съели фуфу!' {контекст: Детей предупредили, что это фуфу есть нельзя.}
- (50) a. $amegã$ la dzu $\etautsu$ la
 начальник   DEF   оскорблять   мужчина   DEF
 'Начальник оскорбил мужчину.'
- b. $dɔwɔvi$ la $tsɔ$ $amegã$ la dzu
 работник   DEF   брать   начальник   DEF   оскорблять
 'Работник взял и оскорбил начальника!'

Значение нарушения естественной последовательности событий имеет разновидность, состоящую в том, что в такую последовательность событий не вписывается не собственно ситуация, описываемая смысловым глаголом, а следующая за ней. Так, в (51b) сама ситуация «брать» столь же нормальна, как и в нейтральном (51a), но последующая ситуация «убивать» создает необходимый контекст.

- (51) a. $\etautsu$ la $tsɔ$ he la
 мужчина   DEF   брать   нож   DEF
 'Мужчина взял нож.'

- b. ɲutsu la tsɔ hɛ la tsɔ eye wò-wu
 мужчина DEF брат нож DEF брат и 3SG-убивать
 sɾɔ̃-a
 супруг-DEF
 ‘Мужчина вдруг взял нож и убил жену.’

В-третьих, это значение, состоящее в нарушении изначально-го плана конкретных участников. Так, в (52a)-(53a) с нейтральной переходной конструкцией описываются ситуации, которые никак не вступают в противоречие с первоначальным замыслом субъекта; напротив, в (52b)-(53b) с объектной конструкцией с ‘брат’ для осмысления соответствующих ситуаций требуется специальный контекст, состоящий в том, что эти ситуации имеют место вопреки изначально-ным намерениям.

- (52) a. ɲuɲɲi la fli nake la
 женщина DEF рубить дрова DEF
 ‘Женщина нарубила дрова.’
 b. ɲuɲɲi la tsɔ nake la fli
 женщина DEF брат дрова DEF рубить
 ‘Женщина взяла и нарубила дрова!’ {контекст: Она рассчитывала, что это сделает сын, но он задержался, и ей пришлось самой.}
 (53) a. dɔwɔla-wo me agbeli
 работник-PL печь маниока
 ‘Работники запекли маниоку.’
 b. dɔwɔla-wo tsɔ agbeli me
 работник-PL брат маниока печь
 ‘Работники запекли маниоку!’ {контекст: Им не принесли еду, и пришлось жарить маниоку.}

В-четвертых, это значение нетривиального срока осуществления ситуации – меньшего или большего, чем стандартный. Так, в (54b) эффект неожиданности производит то, что необходимое действие заняло короткий срок, а в (55b) – то, что ситуация была аномально долгой.

- (54) a. dzotsila-wo tsi dzo la
 пожарный-PL тушить пожар DEF
 ‘Пожарные потушили пожар.’

- b. dzotsila-wo tsɔ dzo gã la tsi le
 пожарный-PL братъ пожар большой DEF тушить в/на
 ʏeyiʏi sue aɕe megbe
 время маленький INDF сзади
 'Пожарные потушили огромный пожар за короткое время!'
 {'удивление и восхищение'}
- (55) a. ɲutsu la dɔ alɔ
 мужчина DEF посылать сон
 'Мужчина поспал.'
- b. ɲutsu la tsɔ alɔ dɔ gafofo wuieve
 мужчина DEF братъ сон посылать час двенадцать
 'Мужчина спал двенадцать часов!'

Наконец, в-пятых, это значение эмоционального восприятия ситуации – конструкция с 'братъ' используется в тех случаях, когда говорящий стремится выразить определенные эмоции – отрицательные (досада, обида), как в (55b), или положительные (радость), как в (56b); в соответствующих предложениях с нейтральной переходной конструкцией (55a)-(56a) имеет место простая констатация факта.

- (55) a. ɕevi la bliba efe awu ʏi la
 ребенок DEF пачкать 3SG-POSS рубашка белый DEF
 'Ребенок испачкал свою белую рубашку.'
- b. ɕevi la tsɔ efe awu ʏi la bliba
 ребенок DEF братъ 3SG-POSS рубашка белый DEF пачкать
 'Ребенок испачкал свою белую рубашку!' {'обида и досада'}
- (56) a. krovitɔ-wo le fiafitɔ la
 полицейский-PL хватать вор DEF
 'Полицейские схватили вора.'
- b. krovitɔ-wo tsɔ fiafitɔ vɔɕɕi la le
 полицейский-PL братъ вор страшный DEF хватать
 'Полицейские (наконец) схватили страшного вора!' {'радость'}

Как и в случае манипулятивных употреблений, у эмфатических употреблений есть, помимо собственной семантики, функция маркирования коммуникативного статуса темы объекта и его определенного референциального статуса – так, в большинстве приведенных выше примеров объектная именная группа имеет

определенный артикль. Однако, как и в случае сценарных употреблений и в отличие от манипулятивных употреблений, ограничения на референциальный статус объектной именной группы у эмфатических употреблений нежесткие – так, например, в (57b) он неопределенный.

- (57) a. e-di   хэ
           3SG-искать   комната
           ‘Он искал квартиру.’
- b.   e-tso   хэ   di   na   e-fe   ahiävi
       3SG-братъ   комната   искать   для   3SG-POSS   любовница
       ‘Он искал квартиру своей любовнице!!!’

7. Заключение

В настоящей статье была рассмотрена семантика объектной конструкции с глаголом *tsə* ‘братъ’ в языке эве и лексические ограничения на ее сочетаемость со смысловыми глаголами. Материал эве показывает, что невозможно говорить о единых лексических ограничениях независимо от семантики самой конструкции.

В эве представлены три типа употреблений объектной конструкции с ‘братъ’: манипулятивные, сценарные и эмфатические. Каждый из этих типов по-разному взаимодействует с глагольной лексикой. Манипулятивные употребления накладывают жесткие ограничения и на валентностные и акциональные свойства глагола, и на его лексическое значение, сценарные употребления накладывают ограничения только на валентностные и акциональные свойства глагола, причем в виде тенденции, а эмфатические употребления сочетаются со всей глагольной лексикой, но притом эмфатическая интерпретация конструкции менее предпочтительна, чем манипулятивная или сценарная. Помимо семантики каждого из типов употреблений, объектная конструкция с ‘братъ’ в эве имеет функцию маркирования коммуникативного и референциального статуса объекта, который, как правило, с коммуникативной точки зрения является темой, а с референциальной – определенным; при этом для манипулятивных употреблений такие коммуникативно-референциальные свойства глагола являются жестким ограничением, а для сценарных и эмфатических – тенденцией.

Сокращения

1, 2, 3 – 1, 2, 3 лицо, COP – глагольная связка, DEF – показатель определенности, IMP – императив, INDF – показатель неопределенности, PL – мн. число, POSS – показатель посессивности, PROG – прогрессив, PST – прошедшее время, REFL – рефлексив, SG – ед. число.

Литература

- Стойнова, Н.М. 2007. Конструкция *взять и сделать* в русском языке // Структуры и интерпретации: работы молодых исследователей по теоретической и прикладной лингвистике. М.: Издательство Московского Университета. С. 144-171.
- Шлуинский, А.Б. 2008. Акциональные типы глаголов в языке эве // Основы африканского языкознания. Лексические подсистемы. Словообразование. М.: Academia. С. 189-217.
- Шлуинский, А.Б. 2013. Сериальные конструкции с глаголом 'брать' в языках ква: опыт внутригенетической типологии // Исследования по языкам Африки. Вып. 4. М.: Ключ-С, 2013. С. 259-299.
- Шлуинский, А.Б. 2014. Внутригенетическая типология: методологические заметки // Язык. Константы. Переменные. Сб. памяти А.Е. Кибрика. М.: Алетейя. С. 127-139.
- Christaller, Johann G. 1875. A grammar of Asante and Fante language. Basel: Basel evang. missionary society.
- Collins, Christopher. Th. 1993. Topics in Ewe Syntax. Ph.D. diss. New York: MIT.
- da Cruz, Maxime. 1992. Restrictions sémantiques dans les constructions sérielles avec *só* 'prendre' et *hèn* 'tenir' en Fongbè // Journal of West African Languages 23 (1).
- Gbery, Eddy. 1987. Studies in the grammar of Abbey. Rochester: The University of Rochester.
- Hopper, Paul J., & Sandra A. Thompson 1980. Transitivity in Grammar and Discourse // Language 56.
- Lambert-Brétière, Renée. 2005. Les constructions sérielles en Fon: Approche typologique. Thèse... Docteur en Sciences de Language. Lyon: Université Lumière Lyon 2.
- Lefebvre, Claire, and Anne-Marie Brousseau. 2002. A Grammar of Fongbe. Berlin – New York: Mouton de Gruyter.
- Lewis, Marshall. 1992. Verb serialization in Gen and the structure of events. Ph.D. diss. Indiana univ.
- Quaireau, André. 1987. Description de l'agni. Thèse ... doctorat. Grenoble: univ. de Grenoble III.
- Rongier, Jacques. 1995. Dictionnaire français-éwé. Paris: L'Harmattan.
- Shluinsky, Andrey. 2013. 'Take' serial verb constructions in Kwa: an intra-genetic typology. Paper presented at ALT 10.

- Sybesma, Rint. 1997. TAKE and the Theme in Chinese and Kwa // Déchaine, Rose-Marie, & Victor Manfredi (eds.). Object Positions in Benue-Kwa. The Hague: Holland Academic Graphics. Pp. 169-188.
- Westermann, Diedrich. 1907. Grammatik der Ewe-Sprache. Berlin: Dietrich Reimer.
- Westermann, Diedrich. 1952. Wörterbuch der Ewe-Sprache. Berlin: Akademie Verlag.